

САИДМУРОД БОСТОНГУХАР

**ВЕРХОВЬЯ
ЗАРАФШАНА**
во II тысячилетии до н.э.

Институт истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша АН Республики Таджикистан
Пенджикентская археологическая база

САИДМУРОД БОСТОНГУХАР
(БОБОМУЛЛОЕВ)

ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА
во II тысячелетии до н.э.

ответственный редактор
доктор исторических наук

А.И.ИСАКОВ

ДУШАНБЕ - 1998

В Сибирь
DAI от
автора
С.С.Е
З.М.

Монография написана по результатам археологических раскопок IV жилого горизонта Саразм, а также земледельческих и скотоводческих комплексов верховьев Зарафшана, отражающих их взаимодействие и своеобразие во II-тыс. до н.э. В работе рассматриваются как уже известные памятники, так и вновь открытые комплексы Зардча - Халифа и Дашти-Казы.

10N
7977

Рецензенты: доктор архитектуры
профессор Р.С.Мукимов,
кандидат исторических наук
Л.Т.Пьянкова.

Книга издана с помощью Гнесиддина Бобомулова

*Посвящается светлой памяти
первооткрывателя Саразма,
моего наставника и учителя
Абдуллоджона Исакова*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших вех истории первобытных общин верховья Зарафшана является период II тыс. до н.э., без исследования которого в целом нельзя говорить о целостности истории цивилизации древних согдийцев.

До недавнего времени в науке существовала тенденция о распространении и влиянии скотоводческих культур только на равнинных просторах Средней Азии, пригодных к отгонному скотоводству. Горные районы, из-за отсутствия до 70-х годов археологических памятников "степной бронзы", практически оставались не исследованными и не были включены в зону контактов земледельческой культуры с культурами скотоводов.

Открытие ряда погребений и могильников в Пенджикентском районе в последние годы полностью опровергли вышеуказанное мнение. Археологический комплекс в Саразме, где были найдены образцы керамики кельтиминарского типа, более чем убедительно доказали то, что земледельческое население этого поселения, начиная с конца III тыс. до н.э. имело тесные контакты со скотоводческими племенами. В аспекте взаимосвязи названных культур более убедительные артефакты представил археологический комплекс Саразм IV и Зардча-Халифа - погребение земледельческой культуры.

На базе археологического комплекса могильника Дашти-Казы, отдельных находок погребения Чорбог и других материалов, имеем возможность воссоздать культурологиче-

ский и социологические процессы развития первобытных общин исследуемого региона.

Последовательность исследования земледельческих культур выявила отдельные моменты синтеза двух разнородных культур и путь их совместного развития. Все эти факты привели нас к выводу, что при синтезе культурных процессов наблюдается дальнейшее развитие общества. Именно со II тыс. до н.э. зарождается этническое формирование иранской расы, населявшей всю территорию Средней Азии, от земель древнего Хорезма до Бадахшана.

Основная задача работы является установление закономерности общен исторического развития материальной и духовной культуры первобытных племен верховья Зарафшана конца III - начала I тыс. до н.э.

Главная задача исследования заключается в разработке хронологического аспекта периодизации и этапов распространения культуры степной бронзы в Зарафшанской долине и определении ее роли в судьбах земледельческих общин, заселивших данную территорию до появления - скотоводов. В результате решения этой задачи можно будет определить взаимовлияние и развитие двух культур - земледельческой и скотоводческой.

Удалось на базе археологических и антропологических материалов, полученных в ходе раскопок, рассмотреть проблемы урбанизации общественного строя, социальной среды и этнической принадлежности племен верховья Зарафшана на рубеже II-I до н.э. и наконец определить место земледельческо - скотоводческих культур верховья Зарафшана в системе цивилизации всей Средней Азии.

В монографии рассматривается вопрос проникновения скотоводческой культуры в горные регионы Зарафшанской долины. При этом, особое внимание уделяется этапам и путям миграции скотоводов в южные просторы Таджикистана и дальше в Афганистан, Северную Индию и Пакистан. По нашему мнению, ранний этап появления скотоводческой культуры в верховья Зарафшана приходится на начало II тыс. до

н.э. в период Саразма IV. Последний этап можно хронологически датировать концом II тыс. до н.э.

Важным аспектом работы является стремление установить генетическую связь комплексом погребения Зардча - Халифы с земледельческой культурой Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

По многочисленным типам и формам бронзовых украшений, керамики, а также по характеру орнаментов определяется происхождение скотоводов Дашти - Казы.

В работе дается полный химический анализ Дашти - Казыньских бронзовых украшений. На базе этих и других материалов установлена связь скотоводческой культуры исследуемого региона с носителями андроновской археолого - исторической общности.

Монография построена на выделении археологических комплексов по отдельным категориям: устройстве могильных ям, классификации находок по функциям статистических данных и результатов химических анализов бронзовых изделий. В этом плане определенное место занимает классификация типов и форм керамики и орнаментов. Выполнение таких работ позволило нам установить закономерность развития материальной культуры земледельческих (Саразм, Зардча - Халифа) и скотоводческих (Чорбог, Дашти - Казы) общин. Применяв методы синхронного анализа погребальных обрядов и вещественных комплексов, установили семантику отдельных археологических находок.

Для реконструкции хозяйственной, социальной, интеллектуальной и общественной структуры племен Зарафшана, опирались на теоретические предпосылки, разработанные отечественными и зарубежными археологами, этнографами и историками в области первобытных общин.

В ходе полевых работ были использованы методологические разработки ведущих археологов России - Грязнова П.М., С.Е. Чернигова, В.М. Массона, Р.М. Мунчаева, Б. Л. Литвинского, Т.М. Потемкиной; Узбекистана - А.А. Аскарва, Н.А. Аванесовой; Таджикистана - В.А. Ранова, Л.Т. Пьянковой; Франции - А.П. Франкфорта, А. Безенваля и др.

Проведенной исследование и представленный в научный оборот археологический материал могут быть использованы при написании курса по истории материальной и духовной культуры народов Средней Азии. По результатам химических анализов можно установить очаги металлоносных районов верховья Зарафшана, что в свою очередь может быть использовано геологами в поисках новых месторождений олова, мышьяка, меди, свинца, серебра и золотоносных руд.

Для полноты работы по этой теме, кроме находок поселения Саразм, погребения Зардча - Халифа и могильника Дашти - Казы, в качестве дополнительного источника были использованы материалы предшественников, хранившиеся в музеях и научных лабораториях Москвы, Санкт - Петербурга, Самарканда, Душанбе.

В работе также использованы случайные находки, обнаруженные в верховья Зарафшана в разные годы В. Г. Луконым, Б.И.Маршаком, Ю. Я. Якубовым, А. И. Исаковым и др.

Автор монографии выражает глубокую признательность директору Пенджикентской археологической базы Абдуллоджону Исакову за представление археологических материалов, хранившихся в архиве Пенджикентской базы, а также своих дневниковых записей.

Мы благодарны директору Института истории, археологии и этнографии им.Дониша АН Республики Таджикистан, академику Р.М.Масову за представленную возможность для поездок в различные научные центры России и других государств в научные командировки для сбора материалов.

В полевых исследованиях своим участием поддерживали и обогащали исследуемый археологический комплекс У. Э. Эшонкулов, А.Р.Раззаков, Ш.Ф.Курбанов, Д.А.Исаков, М. А. Исакова, за что выражаю им свою благодарность. Также благодарны архитектору С.В.Бочкаровой, художникам - Э. С. Бышевской, Е.Г.Мартаненко, Е.И.Стобеновой за добросовестную работу по иллюстрации этой монографии.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА

Долина Зарафшана находится почти в центре Средней Азии. По утверждению ряда археологов, благоприятные природные условия способствовали тому, что уже с древнейших времен долина стала одним из очагов проживания первобытного человека (Григорьев, 1940; Окладников, 1958; Лев, 1969).

История изучения археологических памятников первобытных общин делим на два этапа. Первый этап - это исследования, которые проводились в 50 - 60 -е годы Я. Г. Гулямовым, Д.А. Левом, А.А.Аскарковым, У.И.Исломовым; второй этап относится к 70 - 90-м годам и связан с именами М. Д. Джуракулова, Н.А.Авенесовой, А.И.Исакова, и др. Мы в своей работе рассматриваем культуру эпохи бронзы в пределах II тыс. до н.э. Но для определения исходного пласта древнеземледельческой и скотоводческой культуры долины Зарафшана, мы кратко остановимся на характеристике более ранних археологических памятников, начиная с эпохи мезолита, неолита и энеолита.

В этом плане огромное значение имеет Сазаганская неолитическая стоянка, расположенная в 27 км к юго - западу от энеолитического поселения Саразм, открытая в 1966 году О. Ибрагимовым. Особенность этого памятника заключается в том, что археологический комплекс, прежде всего каменные орудия труда, отличается от известной в науке кельтиминарской неолитической культуры. По наблюдениям главных исследователей этого памятника М.Д. Джуракулова и У.Н. Холматова установлено, что индустрия Сазагана не пластинчатая, а характеризуется высокой степенью микролитности.

Дальнейшие исследования окрестностей Сазагана I показали, что он не был единственной стоянкой. Одновременно с Сазаганом, в 2 км выше по Сазагансаю, южнее селе-

Здесь было обнаружено всего два помещения шалашного типа. В остальной части поселения было раскопано несколько хозяйственных и мусорных ям, остатки кострищ и очагов, а также 4 двухъярусные керамические печи.

Поселение Заманбаба 2 было открыто в 7 км к западу от оз. Заманбаба. Найденные в поселении и могильника Заманбаба некоторые предметы (конический расписной сосуд, сероглиняный сосуд, бронзовая булавка, терракотовая статуэтка, зернотерки, каменные мотыги, пестки, злаки пшеницы и ячменя), несомненно, наследие земледельческих культур. Они убедительно подтверждают, что племена - носители культуры Заманбаба, кроме скотоводства, занимались и земледелием (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 173).

Вслед за поселением Заманбаба в низовьях Зарафшанской долины было обнаружено еще несколько стоянок и могильников эпохи культуры степной бронзы. В районе сухого русла Гуджайли были открыты и исследованы 2 стоянки, а на Большом Тузкане - 5. Отдельные места со скоплением керамики были обнаружены и по сухому руслу Махандарьи между кольцами Газау и Камишли. Во время постройки Аму - Бухарского канала в 1963 - 1964 гг. были обнаружены 4 стоянки эпохи поздней бронзы на Пайкенте по среднему течению р. Зарафшан. Ни на одной из этих стоянок (Гуджалинские, Тузкантские, Кампарникумские, Найманские) не было обнаружено культурного слоя. Весь материал был собран прямо на песке. Основную массу вещественных находок составляет керамика, преимущественно с примесью древесины, но часто песка, шамота и толченых раковин.

На всех стоянках обнаружены ножевидные пластинки, вкладыши для серпов, проколки, наконечники стрел, также бронзовые бусы, бронзовые браслеты и височные подвески. Весь комплекс вещественных находок аналогичен тозабагыбскому типу андроновской культуры (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 187 - 195).

В середине 60 -х годов был зорыт могильник Муминабад - памятник эпохи поздней бронзы, в одноименном селеении Ургутского района Самаркандской области, на берегу

одного из саев предгорной полосы левобережья Зарафшана. первичное исследование могильника было произведено Д.Н. Левом (1966). Позже могильник был доисследован А.А. Аскаровым (1969, 1970). В результате было открыто 7 погребений. Археологический комплекс, керамика, бронзовые украшения и погребальный обряд также полностью аналогичны памятникам тозабагьябского типа андроновской культуры.

В 1975 г. сотрудники Самаркандского областного музея недалеко от г.Самарканда, на территории колхоза им. Ф.Энгельса, в селении Чакка, обнаружили три погребения эпохи бронзы. Что касается памятников эпохи бронзы верховьев долины Зарафшана, то ее история изучения началась фактически с 1975г., когда Ю.Я.Якубов при разведке низовьев бассейна Магиандарьи, на левом берегу реки в 4 км к северу от кишлака Чорбог, случайно обнаружил остатки погребения эпохи бронзы (Якубов, 1980). По описанию исследователя, погребение расположено к северо - востоку от известного Калтаминара (Смирнова, 1950).

Исследователь обнаружил погребение разрушенным. Тем не менее, здесь были найдены украшения - три бронзовых браслета, две серьги с раструбом и около 20 бронзовых бус. Кроме того, как отмечает Ю.Я.Якубов, "вместе с вышелеречисленными предметами найден небольшой лепной плоскодонный разбитый горшок или котелок" (1980,с.169). К этому времени (1975), это открытие было первым сигналом о наличии культуры степной бронзы в верховьях Зарафшана. Ю.Я. Якубов в своей публикации относительно датировки материалов погребения Чорбог, считает их предметами тозабагьябского культурного комплекса, ссылаясь на материалы муминабадского могильника, он датировал находки Чорбога XIII - XIIвв. до н.э. (1980, с.171).

В 1975 году при раскопках могильника Дашти Урдакон, расположенного в 500 м к юго - востоку от известного в науке города Древнего Пенджикента, сотрудниками Пенджикентского отряда, среди раннесредневековых погребений было обнаружено захоронение эпохи бронзы с единственным горшком андроновского типа. Сосуд этот представлял собой

плоскодонный горшок со слегка выпуклым туловом без каких - либо орнаментов. В 1983 г исследователям верховья Зарафшана повезло. Был обнаружен могильник Дашти Казы. Этот археологический комплекс был определен как памятник культуры степной бронзы XIII- XI вв. до н.э. (Исаков, Потемкина, 1989, с. 145- 149).

Осенью 1986 г. в 800 м от западной окраины г. Пенджикента, на левом берегу р. Зарафшана при строительстве городского очистного сооружения было обнаружено погребение с одиночным захоронением. Оно было исследовано сотрудниками Пенджикентской археологической базы Р.Р. Раззоковым. полноценный археологический комплекс дал возможность исследователям определить и отнести их к земледельческо- скотоводческой культуре середины II тыс. до н. э. Более подробно на этом памятнике остановимся в следующей главе. Последняя из исследованных находок была доставлена жителем кишлака Бадак заведующему Пенджикентской археологической базы А.И. Исакову в 1977г. Она представляла из себя кельт с двумя петлевидными ушками по обе стороны верхней части втулки. Он был найден при устройстве подвала под жилой дом на глубине 1,5-1,6м. Однако осмотр места находки А.И. Исаковым не дал ожидаемого результата.

Изучение археологических памятников эпохи бронзы верховья Зарафшана в дальнейшем будет продолжено. И мы надеемся, что после широкой разведки исследуемого региона нам удастся выявить памятники эпохи бронзы, характерные для земледельческого - скотоводческой культуры II тыс. до н.э.

Упомянутые стоянки и могильники всех этапов каменного века, от палеолита до неолита, энеолитическое поселение Саразм и археологические памятники последующих этапов эпохи бронзы позволяют сделать нам вывод, что долина р.Зарафшана является одним из древнейших очагов земледельческо - скотоводческой культуры, той культуры, которая сыграла не последнюю роль в первобытной истории народов Средней Азии.

Не говоря о древнеземледельческой культуре, которая характерна и для более ранних этапов общечеловеческой культуры, мы не должны игнорировать роль скотоводческой культуры, которая была распространена в последующий период развития цивилизации.

Вышеуказанные артефакты говорят о том, что период развития общественных, социальных, культовых воззрений населения Зарафшанской долины, т.е. весь исторический процесс развития этого региона, начиная со второй половины II тыс. до н.э., связан с прищельцами, с носителями так называемой культуры "степной бронзы".

Исследуемый период истории долины Зарафшан характерен двумя типами культуры: автохотный земледельческой и пришлой, скотоводческой. Исходя из этих расчленений культур и их роли в судьбах первобытных общин Зарафшанской долины в последующих главах работы характеризуются по отдельности.

ГЛАВА II

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

Как было упомянуто, автохтонной культурой исследуемого региона была культура земледельческая. Прямым и неоспоримым доказательством этого вывода является археологический комплекс поселения Саразм. Энеолитические и раннебронзовые жилые горизонты полностью подтверждают сказанное. Земледелье, домашнее скотоводство и ремесленное производство составляли основу экономики поселения.

Что касается кремневых наконечников и им подобных орудий, которые встречаются в значительном количестве в трех ранних слоях Саразма, то на наш взгляд, во - первых, их производство было унаследовано от охотников и собирателей неолитических общин; а, во - вторых, их наличие можно объяснить сложностью и труднотупностью изготовления медных и бронзовых охотничьих и хозяйственных орудий на раннем этапе палеометалла. Поэтому кремневые орудия, чаще всего однотипные наконечники, встречаются на земледельческо - скотоводческих памятниках вплоть до первой четверти II тыс. до н.э., т.е. до появления железа.

Остальные типы археологических комплексов земледельческой культуры: жилища, земледельческие, ремесленные, хозяйственные орудия, керамика и даже культовые воззрения по характеру принципиально отличаются от скотоводческой. Для ясности вопроса остановимся на анализе промежуточного этапа - культуры земледельцев и скотоводов долины Зарафшана.

Для этого необходимо определить исходный пласт земледельческой культуры долины.

До открытия поселения Саразм специалисты не имели никаких данных об исходных пластах земледельческой культуры верховья Зарафшана и Зарафшанской долины в целом. Правда, в начале XX столетия в саяе кишлака Ёри, выходящем из тесных ущелий Туркистанского хребта и соединяющемся с

Зарафшаном, неизвестным был найден бронзовый топор - тесло и передан Самаркандскому музею. Фактически этот топор - тесло был первым артефактом, говорящем о древне-земледельческой культуре верховья Зарафшана. (Тереножкин, 1948, с. 74 - 77).

Вскоре, как уже упоминалось, в низовьях долины были найдены могильник и поселение Замонбаба. О приоритете культуры этого памятника между земледельческой и степной бронзой среди специалистов до сих пор нет единого мнения. Хотя здесь и обнаружены зерновые злаки, глинная статуэтка, ряд бронзовых предметов (в частности, булавка со стреловидным навершием), и единственный фрагмент расписной керамики, поселение Замонбаба нельзя считать земледельческим, так как эти предметы могут быть привозным. В пользу этого аргумента говорит тот факт, что здесь отсутствуют жилища, характерные для земледельцев. Но некоторые исследователи этого памятника утверждают, что общество замонбабинской культуры - это, очевидно, общество скотоводческих и земледельческих племен. .. (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 185). Как бы там ни было, в любом случае Замонбаба не может быть исходным центром земледельческой культуры долины.

Окончательный ответ на этот вопрос дал поселение Саразм. В этом плане особый интерес представляет археологический комплекс Саразм IV, считавшийся последним периодом жизни поселения.

§ 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС IY ЖИЛОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Между археологами по вопросу датировки верхнего IY жилого горизонта поселения Саразм имеются некоторые разногласия. В первых публикациях А.И.Исаков время заупустения поселения Саразм связывал с IY жилым горизонтом. Характеризуя археологический комплекс этого периода исследователь пишет, что "Комплекс вещественных находок, тип гончарных печей позволяют нам предсказать для последнего периода Саразма ориентировочную дату, соответствующую времени Намазга У и началу периода Намазга YI, приблизительно 1800-1500 гг. до н.э. (1986г, с.166). Казалось, эта дата вполне соответствует характеру археологического комплекса поселения, но в последних публикациях он считает, что горизонт Саразм IY соответствует 2300-2000 гг. до н.э". (Исаков, 1991 а, с.22). К более ранней дате Саразма IY склоняются и французские археологи Р.Безенваль и Б.Лионе.

Анализируя находки археологического комплекса Саразм, встретились с ряд артефактов, которые позволили нам еще раз вернуться к хронологии IY периода. Строительные остатки, гончарные печи, алтари - очаги, керамические, металлические и каменные предметы, на наш взгляд, характерны для первой четверти II тыс. до н.э.

Этот период прослеживается в 10 раскопных объектах и 12 разведочных шурфах поселения Саразм (рис.1). Как показывает анализ, объекты Саразма по площади исследованы не одинаково. Отметим, что не на всех объектах были четко зафиксированы строительные остатки последнего периода, а только там, где имелся культурный слой толщиной 20 - 30 см. По утверждению исследователей А.И.Исакова, А.Р.Раззокова, Р. Безенваля жилой горизонт последнего периода был полностью уничтожен при многократных землеустроительных работах под посевами. В связи с этим мы можем оха-

рактизовать строительные остатки шести раскопок - II, III, IV, V, VI, VII.

а) **Раскоп II.** Финальный этап этого периода раскопа исследован на площади 1600 м². Зафиксированная поверхность четвертого жилого горизонта расположена на глубине от 20 до 30 см, в зависимости от рельефа дневной поверхности. На этом горизонте не было обнаружено остатков жилых помещений. Следы круглых очагов - обогревателей, заполненные треснувшими речными камнями и остатками каких - то мостовых с галечной засыпкой, свидетельствуют о том, что в этот период здесь жили люди. Такая сохранность следов жизни объясняется тем, что к этому периоду строительное дело проходит в упадок. Очевидно, глинобитные стены имели временный характер. Но тем не менее, обращают на себя внимание остатки упомянутых ям с камнями, несколько чашевидных лунок от очагов и единственный уцелевший прямоугольник маленький алтарь с двойным невысоким бордюром и лункой по середине. Ямы представляют собой круглые в плане углубления диаметром от 60 до 100 см глубиной 10 - 15 см. Изнутри ямы были заполнены бесформенными речными кайраками. Их расчистка показала, что ямы некогда выполняли роль обогревателя. Дело в том, что кайраки сильно потресканы и вместе с ними обнаружено значительное количество обуглившейся древесины. Сооружение, обнаруженное в западной части, размером 150 - 160 см, напоминает остатки вымостки пола из небольших плоских камней. Здесь следов огня не обнаружено.

К этому периоду относятся и ряд весьма интересных сооружений, требующих особого внимания. При раскопках остальной территории четвертого жилого горизонта были обнаружены две разрушенные и одна полностью сохранившаяся ямки. Из двух первых сохранились лишь центральная ямка, диаметр которой колеблется от 17 до 22 см при глубине 15 - 18 см. Стенки и пол имеют коричнево - красный цвет. Оба очага были заполнены золой.

Интересен неразрушенный прямоугольный маленький алтарь, устроенный на полу помещении в юго - западном

углу раскопа. Алтарь слегка вытянут с запада на восток, размером 65 - 75 см. Толщина стенки 5 - 10 см, диаметр очажной ямы 15 см, глубина 18 см, высота до 10 см. Яма расположена посередине прямоугольного алтаря и заполнена доверху золотой древесины. Стенки и пол ямы, включая места вокруг ямы до 15 - 20 см, сильно обгорели. Кирпично - красный цвет стенки ямы напоминает цвет лепного сосуда. В этом горизонте не сохранилось остатков каких - либо жилых построек. Нам удалось определить, что этот период представляет собой самостоятельный горизонт, не связанный с ниже лежащими, более ранними жилыми горизонтами.

Раскоп III. На этом раскопе исследовано 400 м² площади, относящихся к трем жилым горизонтам, последний относится к позднему этапу Саразма. В юго - западном углу раскопа были обнаружены остатки трех помещений 13, 14 и 15 (Исаков, 1991 а.). Они прямоугольные, значительных размеров, стены толщиной 70 см. сложены из сырца, сохранились высотой до 50 см.

К северу от этих помещений раскопана незастроенная площадка, являющаяся двориком. На этом участке раскопана двухкамерная гончарная печь, на уровне пола помещения 14. По своей конструкции она отличается от печей Сапаллитена. Топка была вырыта в полу помещения и вытянута с запада на восток на 80 x 40 см

Справа от топки устроена обжигательная камера размером 100 x 60 см. На полу обжигательной камеры была уложена плоские кайраки, видимо, с целью сохранить надолго температуру огня.

Застройки последнего периода, как указывалось ранее, имели временный характер.

Раскоп IV. Строяния последнего периода этого раскопа представлены семью помещениями (Исаков, 1991 а.). По определению А.И.Исакова, эти помещения имели культовое назначение. В этом горизонте в юго - восточном углу помещения 3 обнаружена двухкамерная гончарная печь крупного размера. По своему устройству она аналогична печи из раскопа III периода Саразм IV.

Раскоп V. На строительных остатках на площади 500 м² обнаружены отрезки стен крупного культового помещения из двух рядов сырцов кирпичей с дисковидным алтарем по середине (рис. 2). Обнаруженные небольшие отрезки сохранились от каких - то строений и по ним невозможно установить четкую планировку, но можно говорить о том, что в этом горизонте существовали жилой и культовый комплекс (рис.2). Что касается других строений, то если они и существовали, то позже были уничтожены при земляных работах.

Раскоп VI. Строения последнего периода раскопа также разрушены до основания. Обнаружены остатки гончарной печи и отрезки стены из кирпичей размерами 50 x 10 см. Размеры обжигательной камеры 80 x 80 см (рис.3), ширина топки - 48 см, длина - 80 см, дно - 40 см. Эта печь по устройству близка к печам раскопа III и IV. Что касается остальной части площади раскопа, то на поверхности исследуемого горизонта были обнаружены следы кострищ и остатки лунок от какого - то сооружения.

Раскоп VII. На площади 360 м² этого раскопа удалось обнаружить остатки ряда жилых помещений. Все они были сильно разрушены. Высота сохранившихся стен от 10 до 25 см, в некоторых же местах следы стен едва прослеживаются. По сохранившимся стенам установлено, что, отличаясь друг от друга по плану и величине, все помещения были прямоугольными (рис. 4. А.Б.). На полу ряда из них обнаружены остатки гончарных печей и многочисленные фрагменты сосудов, впоследствии они были восстановлены. На полу двух помещений были обнаружены округлые ямы различного размера (рис. 4.Б).

Интерес представляет округлого плана керамическая печь диаметром 2,4 м, и расположенная в северо - восточном углу раскопа. В северной части раскопа обнаружен обогреватель овального типа, диаметром по вытянутой стороне 1, 4 м. На этом же раскопе было обнаружено округлое глиняное ограждение. В свою очередь, это ограждение и вся поверхность круга высощены плоскими речными кайраками. Такими отборными камешками была высощена и внутренность

углу раскопа. Алтарь слегка вытянут с запада на восток, размером 65 - 75 см. Толщина стенки 5 - 10 см, диаметр очажной ямы 15 см, глубина 18 см, высота до 10 см. Яма расположена посередине прямоугольного алтаря и заполнена доверху золотой древесины. Стенки и пол ямы, включая места вокруг ямы до 15 - 20 см, сильно обгорели. Кирпично - красный цвет стенки ямы напоминает цвет лепного сосуда. В этом горизонте не сохранилось остатков каких - либо жилых построек. Нам удалось определить, что этот период представляет собой самостоятельный горизонт, не связанный с ниже лежащими, более ранними жилыми горизонтами.

Раскоп III. На этом раскопе исследовано 400 м² площади, относящихся к трем жилым горизонтам, последний относится к позднему этапу Саразма. В юго - западном углу раскопа были обнаружены остатки трех помещений 13, 14 и 15 (Исаков, 1991 а.). Они прямоугольные, значительных размеров, стены толщиной 70 см. сложены из сырца, сохранились высотой до 50 см.

К северу от этих помещений раскопана незастроенная площадка, являющаяся двориком. На этом участке раскопана двухкамерная гончарная печь, на уровне пола помещения 14. По своей конструкции она отличается от печей Сапаллитепе. Топка была вырыта в полу помещения и вытянута с запада на восток на 80 x 40 см

Справа от топки устроена обжигательная камера размером 100 x 60 см. На полу обжигательной камеры была уложена плоские кайраки, видимо, с целью сохранить надолго температуру огня.

Застройки последнего периода, как указывалось ранее, имели временный характер.

Раскоп IV. Стрoения последнего периода этого раскопа представлены семью помещениями (Исаков, 1991 а.). По определению А.И.Исакова, эти помещения имели культовое назначение. В этом горизонте в юго - восточном углу помещения 3 обнаружена двухкамерная гончарная печь крупного размера. По своему устройству она аналогична печи из раскопа III периода Саразм IV.

Раскоп V. На строительных остатках на площади 500 м² обнаружены отрезки стен крупного культового помещения из двух рядов сырцов кирпичей с дисковидным алтарем по середине (рис. 2). Обнаруженные небольшие отрезки сохранились от каких - то строений и по ним невозможно установить четкую планировку, но можно говорить о том, что в этом горизонте существовали жилой и культовый комплекс (рис.2). Что касается других строений, то если они и существовали, то позже были уничтожены при земляных работах.

Раскоп VI. Строения последнего периода раскопа также разрушены до основания. Обнаружены остатки гончарной печи и отрезки стены из кирпичей размерами 50 x 10 см. Размеры обжигательной камеры 80 x 80 см (рис.3), ширина топки - 48 см, длина - 80 см, дно - 40 см. Эта печь по устройству близка к печам раскопа III и IV. Что касается остальной части площади раскопа, то на поверхности исследуемого горизонта были обнаружены следы кострищ и остатки лунок от какого - то сооружения.

Раскоп VII. На площади 360 м² этого раскопа удалось обнаружить остатки ряда жилых помещений. Все они были сильно разрушены. Высота сохранившихся стен от 10 до 25 см, в некоторых же местах следы стен едва прослеживаются. По сохранившимся стенам установлено, что, отличаясь друг от друга по плану и величине, все помещения были прямоугольными (рис. 4. А.Б.). На полу ряда из них обнаружены остатки гончарных печей и многочисленные фрагменты сосудов, впоследствии они были восстановлены. На полу двух помещений были обнаружены округлые ямы различного размера (рис. 4.Б).

Интерес представляет округлого плана керамическая печь диаметром 2,4 м, и расположенная в северо - восточном углу раскопа. В северной части раскопа обнаружен обогреватель овального типа, диаметром по вытянутой стороне 1,4 м. На этом же раскопе было обнаружено округлое глиняное ограждение. В свою очередь, это ограждение и вся поверхность круга высощены плоскими речными кайраками. Такими отборными камешками была высощена и внутренность

первого и второго сооружения, но последние не имеют глиняного ограждения, а внутренняя поверхность была не обожжена. Учитывая эти различия, мы определили нашу находку как однокамерную керамическую печь без топки. По своей примитивности она аналогична печи из третьего горизонта раскопа II, кроме названных сооружений, на раскопе обнаружены остатки трех помещений (Исаков, 1991 а.).

б) **Керамика.** Керамический комплекс последнего периода (Саразм IV) во многом отличается от типа керамики трех предшествующих периодов (Саразм I. II. III). Хотя в этот период и соблюдались ранее разработанные технологии изготовления керамики: лепка, обжиг, тесто, формы, но все же при тщательном исследовании и синхронизации ее с керамикой древнеземледельческих и древнескотоводческих культур прослеживаются некоторые особенности. Но прежде чем проанализировать особенности керамики исследуемого периода, отметим их незначительности относительно типологии, вида, теста и формы.

Этому периоду характерны, как и прежде, три вида керамики - светлая, серая и расписная. Наряду с такой керамикой этому периоду характерен и новый тип керамики, признанный в науке как скотоводческая керамика. Постольку скотоводческая культура в составе земледельческой культуры требует более глубокого анализа, то мы здесь охарактеризуем керамику лишь земледельческой культуры поселения Саразм.

Керамика этой культуры в основном выполнен из светлой глины с желтыми, оранжевыми, красными тонами ангоба и поверхности. Серая и расписная керамика в количественном отношении намного уступает керамике из светлой глины. Сероглиняная керамика встречалась в виде котлов, чайников, молочниц, а расписная в основном представлены фрагментами чаш различной формы.

Статистический подсчет керамики периода Саразм IV до 1992 года (109391 экз.) показал, что светлофонная керамика составляет 98%, сероглиняная, включая котлы-1,6%, а расписная - 0,4%. По технологии изготовления керамика Саразма делится на две группы: на керамику ручной лепки и гон-

чарную. Здесь соотношение курамики колеблется от 85 до 90% в пользу первой. Ниже представляем характеристику керамики IV горизонта поселения Саразм.

Расписная керамика. Характерная черта этого горизонта Саразма полное отсутствие полихромной росписи. В свою очередь, монохромная роспись на поверхности сосудов качественно ухудшается, и она не очень разнообразна. Роспись наносилась в основном двумя цветами красок - оранжевой и коричневой. Наряду с этим наблюдается резкое сокращение типологии узоров. Наиболее украшенными были в основном бокалы (рис. 5-11, 13-16), миски (рис. 5, 17-19), корчаги (рис. 5, 1, 2). Какие орнаменты были нанесены на других сосудах, мы не могли установить из-за их фрагментальности.

Тем не менее, выделенные нами узорами представляют 10 типов: из полукружков, наверху - вертикальные линии, растительный стиль, прямоугольный картуш с четырьмя треугольниками, горизонтальные полоски по тулову сосуда, вертикальные полоски, расположенные между горизонтальными полосками, треугольники, окрашенные острием, с одной линией или двумя линиями зубцов, с двумя волнистыми линиями под двумя горизонтальными линиями под венчиком, от волнистых линий к концу диагональных линий, наконец, полукрестик. Среди мотивов встречаются узоры, которые состоят из отдельной горизонтальной полоски или с короткими чешулками по тулову сосуда.

При анализе характера перечисленных мотивов росписи отмечаются из примитивность и небрежное исполнение. Этот факт позволяет говорить о том, что все узоры керамики IV горизонта относятся к поздним этапам культуры расписной керамики.

Что касается техники исполнения, то отметим, что в эту пору массовая расписная керамика изготовлялась вручную. Лишь в отдельных случаях единичные экземпляры, прежде всего бокалы, изготовлялись на медленно вращающемся, очевидно, ручном гончарном круге (Рис. 5.13-15, 19-20).

Светлофоновая керамика. К этой категории керамики мы отнесем керамику, тесто которой светло - желтое, розовое и красное. Все сосуды, изготовленные из светлой глины, на поверхности имеют ангоб из упомянутых цветов. В отдельных случаях встречается и двухцветный ангоб, имитирующий роспись, но без каких - либо узоров. В основном двухцветным ангобом покрывались горловина, корчаг (рис. 5.1.2); верхняя часть чаши в виде фриза (рис. 5.3,4).

Что касается типов сосудов, то несмотря на упадок жизни поселения в IV горизонте, их число увеличивается. Появляются сложно профилированные венчики у корчаг и чаше-подобных сосудов. Впервые их поселении Саразм появляются сосуды с кольцевидным дном.

Характерная черта светлофоновой керамики этого периода - появление двух новых форм сосудов: 1) сосуды различного размера с коротким сливом, которые мы считаем чайниками или кипяtilьниками, и единственный сероглиняный сосудик, определенный как детская молоница; 2) остродонный лепной котел со сферическим туловом. Относительно вышеупомянутых новых форм сосудов отметим, что они встречены в единичном (изредка в двойном) экземпляре. Этот факт свидетельствует о том, что методы изготовления керамики были заимствованы у мастеров - керамистов ранних периодов. Что же касается появления новых форм и сложно профилированных венчиков, то это, по нашему мнению, говорит о начале применения здесь гончарного круга.

Относительно типов сосудов в конце III - начале II тыс. до н.э. на Саразме можно сказать, что их число несколько увеличивается. К этому периоду в быту саразмийцев использовались по меньшей мере 10 типов сосудов: хумы, корчаги, чайники, тагор, горшки, чаши, блюда, миски, котлы, молочницы. В свою очередь каждый из этих типов имеет от 2-х до 5 подтипов (рис. 6.1-10).

Керамика культуры степной зоны. Периоду Саразм I-III характерна материальная культура земледельческих общин, особенно архитектура, керамические, металлические и в основном каменные предметы, отождествляемые с земледель-

ческой культурой. Что касается финальной стадии поселения в период Саразм IV, то во всех направлениях материальной культуры поселения Саразм наблюдаем проникновение новой скотоводческой культуры. Однако эта культура не смогла полностью вытеснить земледельческую культуру. По мнению А.И.Исакова, степная культура, которая по характеру была ниже земледельческой, не смогла вмешаться в традиции культурного развития земледельцу. В этом аспекте на данном этапе своего появления скотоводческая культура носила только вспомогательный характер и повлияла на разнообразие культурных взаимоотношений. Это подтверждается малочисленностью предметов материальной культуры скотоводческих племен. Например, среди многотысячных фрагментов керамики земледельческой культуры мы пока имеем всего 8 фрагментов и 2 целых сосуда, характерных для скотоводческой культуры, так называемой культуры степной бронзы (рис.9). Из них мы можем предложить только 6 сосудов, отличающихся друг от друга и по форме, и по типам орнамента. Среди них мы видим 3 остродонных сосуда (рис. 9.3,8,9): 1) узкогорлый горшок (рис.9.5:1) корчагу с катушкообразным горлом, сосуд с тремя ножками. Другие сосуды из-за фрагментарности не определяются (рис. 9.1.2,4,6). Как бы там ни было, наличие этих сосудов, особенно остродонного сосуда с цилиндрической стенкой, определяемого А.И.Исаковым и В.Лионе как "кельтиминарский" (Isakova, Lyonnet, 1988, с. 31-48), и фрагмента керамики с кочально-образным нарезным орнаментом, в некоторой степени говорит о характере керамики скотоводческой культуры поселения Саразма.

в) Металлические изделия. В трех последних жилых горизонтах поселения Саразм было найдено более 15- различных металлических изделий. Статистические данные свидетельствуют о том, что хотя период горизонта IV Саразма является финальной стадией жизни поселения, обработка и производство металлических предметов здесь не сократилась, а наоборот, к этому этапу саразмийцам были разработаны технологии добычи и обработки свинца. Увеличилось число типов и видов орудий и оружия.

Светлофоновая керамика. К этой категории керамики мы отнесем керамику, тесто которой светло - желтое, розовое и красное. Все сосуды, изготовленные из светлой глины, на поверхности имеют ангоб из упомянутых цветов. В отдельных случаях встречается и двухцветный ангоб, имитирующий роспись, но без каких - либо узоров. В основном двухцветным ангобом покрывались горловина, корчаг (рис. 5.1,2); верхняя часть чаши в виде фриза (рис. 5.3,4).

Что касается типов сосудов, то несмотря на упадок жизни поселения в IV горизонте, их число увеличивается. Появляются сложно профилированные венчики у корчаг и чаше-подобных сосудов. Впервые их поселении Саразм появляются сосуды с кольцевидным дном.

Характерная черта светлофоновой керамики этого периода - появление двух новых форм сосудов: 1) сосуды различного размера с коротким сливом, которые мы считаем чайниками или кипяtilьниками, и единственный сероглиняный сосудик, определенный как детская молошница; 2) остродонный лепной котел со сферическим туловом. Относительно вышеупомянутых новых форм сосудов отметим, что они встречены в единичном (изредка в двойном) экземпляре. Этот факт свидетельствует о том, что методы изготовления керамики были заимствованы у мастеров - керамистов ранних периодов. Что же касается появления новых форм и сложно профилированных венчиков, то это, по нашему мнению, говорит о начале применения здесь гончарного круга.

Относительно типов сосудов в конце III - начале II тыс. до н.э. на Саразме можно сказать, что их число несколько увеличивается. К этому периоду в быту саразмийцев использовались по меньшей мере 10 типов сосудов: хумы, корчаги, чайники, тагор, горшки, чаши, блюдца, миски, котлы, молочницы. В свою очередь каждый из этих типов имеет от 2-х до 5 подтипов (рис. 6.1-10).

Керамика культуры степной зоны. Периоду Саразм I-III характерна материальная культура земледельческих общин, особенно архитектура, керамические, металлические и в основном каменные предметы, отождествляемые с земледель-

ческой культурой. Что касается финальной стадии поселения в период Саразм IV, то во всех направлениях материальной культуры поселения Саразм наблюдаем проникновение новой скотоводческой культуры. Однако эта культура не смогла полностью вытеснить земледельческую культуру. По мнению А.И.Исакова, степная культура, которая по характеру была ниже земледельческой, не смогла вмешаться в традиции культурного развития земледельцу. В этом аспекте на данном этапе своего появления скотоводческая культура носила только вспомогательный характер и повлияла на разнообразие культурных взаимоотношений. Это подтверждается малочисленностью предметов материальной культуры скотоводческих племен. Например, среди многотысячных фрагментов керамики земледельческой культуры мы пока имеем всего 8 фрагментов и 2 целых сосуда, характерных для скотоводческой культуры, так называемой культуры степной бронзы (рис.9). Из них мы можем предложить только 6 сосудов, отличающихся друг от друга и по форме, и по типам орнамента. Среди них мы видим 3 остродонных сосуда (рис. 9.3,8,9): 1) узкогорлый горшок (рис.9.5:1) корчагу с катушкообразным горлом, сосуд с тремя ножками. Другие сосуды из-за фрагментарности не определяются (рис. 9.1,2,4,6). Как бы там ни было, наличие этих сосудов, особенно остродонного сосуда с цилиндрической стенкой, определяемого А.И.Исаковым и В.Лионе как "кельтиминосский" (Isakova, Lyonnet, 1988, с. 31-48), и фрагмента керамики с кочально-образным нарезным орнаментом, в некоторой степени говорит о характере керамики скотоводческой культуры поселения Саразма.

в) Металлические изделия. В трех последних жилых горизонтах поселения Саразм было найдено более 15- различных металлических изделий. Статистические данные свидетельствуют о том, что хотя период горизонта IV Саразма является финальной стадией жизни поселения, обработка и производство металлических предметов здесь не сократилась, а наоборот, к этому этапу саразмийцам были разработаны технологии добычи и обработки свинца. Увеличилось число типов и видов орудий и оружия.

У
С

Из бронзовых предметов мы имеем 9 видов изделий которые являлись необходимым в жизни, быту жителей поселения Саразм. К ним относятся ножи, кинжалы, наконечники ножей, топоры, тесла, булавки или вязальные крючки, иглы, рыболовные крючки, браслеты. Вместе с ними в нашей коллекции имеется свинцовая печать. Все эти предметы классифицируются нами как предметы земледельческой культуры хотя среди металлических изделий мы выделяем и предмет которые характерны скотоводческим общинам, о которых мы будем говорить ниже.

Отметим, что некоторые из этих находок опубликованы А.И.Исаковым, но в своих трудах он их не классифицировал по характеру культурной принадлежности. Мы не стараемся дать такую классификацию, основываясь на тех металлических предметах, которые относятся к IY горизонту Саразма и найдены непосредственно в пахотном слое или на поверхности земли.

Ножи. Их два, оба двухлезвийные, деформированные в результате многократных расточек (рис.11.1,2.). Отличают друг от друга по величине и устройству черенка. У первого ножа короткий и неустойчивый; черенок второго ножа в два раза длиннее и массивнее.

Кинжалы. В отличие от ножей, они снабжены прочным в сечении толстым лезвием, а также прочным и длинным черенком. Устройство черенка, который имеет загнутый конец в виде петли, является свидетельством наличия ранее деревянной или костяной ручки для прихвата (рис.10.3-7). Такая прочность лезвия и черенка усиливает ударную силу кинжала, который, на наш взгляд, использовался как оружие. Вместе с тем, не исключено что кинжалы в некоторых случаях использовались в быту, как и нож, о чем свидетельствует тонкое лезвие у ряда кинжалов. (рис. 10.3,4,6 и 7).

Наконечники копий. Они небольшие, с коротким, но острым наконечником и черешком (рис. 10-9,10). В этой категории находок из-за конечной части форму определить невозможно, но короткий черенок и лезвие позволяют нам считать подобные находки наконечниками копий (рис.10.8). Сле-

дует отметить, что эти боевые и охотничьи предметы характерны только финальному этапу поселения Саразма. В трех ранних горизонтах исследуемого поселения они отсутствовали, но не исключено, что до появления металлических наконечников их функции выполняли кремневые наконечники.

Рыболовные крючки. Это наиболее редкие находки эпохи бронзы. К тому же они встречаются не на всех памятниках. На Саразме мы пока нашли два крючка. Они изготовлены из помбовидных в сечении бронзовых стержней. Загнутые концы в конечной части заострены и, несомненно, приспособлены к рыболовству (рис. 11.4,5). В этой группе мы имеем еще один бронзовый предмет в виде полукольца с округлым сечением. Фрагментарность его не позволяет нам определить точно выполняемую им функцию (рис. 11.6). А.И.Исаков считает его половиной браслета (Исаков, 1991 а), нам же кажется, что он мог быть и частью рыболовного крючка.

Булавки (вязальные крючки) и игла. Наряду с крупными предметами при раскопках Саразма были найдены и мелкие ремесленные предметы. Первыми были найдены две булавки со сложными навершиями. Они однотипны; верхняя часть, так называемая головка, сильно приплюснута двойными (рис. 11.8,12) или одинарными площадочками (рис. 11.11). Причем плоская площадочка второй булавки по краям зазубрена, конечная часть булавок слегка закруглена, где острием передавалось затупление. Назначение этих предметов пока спорно. Практически все исследователи считают, что булавки аналогичны тем, которые применялись для волос (Массон, 1960, Таб. ХУ, 9-10, 1976, рис. 51, Кузьмина, 1966, Таб. ХУІ, 16 - 25). А.И.Исаков, классифицируя эти булавки Саразма, считает их вязальными крючками (Исаков, 1986, с. 152). На наш взгляд, определение последнего исследователя ближе к истине.

Среди ремесленных предметов интерес представляет бронзовая иголка длиной около 6 см. До этой находки в более ранних горизонтах поселения Саразм были найдены бронзовые и костяные шила и единственная костяная иголка.

У
С
В финальной стадии ремесленники поселения Саразм в быту использовали и бронзовые иглы, что говорит о развитии здесь швейного ремесла.

Топоры-тесла. Этот тип находок, так называемые топоры - тесла, на наш взгляд, является орудием исключительно земледельческой культуры, так как предметы таких форм встречены в древнеземледельческих регионах Центральной Азии. На поселении Саразм мы имеем 2 топора - тесла, найденных в IY горизонте. Они отличаются друг от друга по размерам и устройству втулок. Первый из них более масштабен: общая длина - 22,5 см, втулка для черенка диаметром в 3 см на 2 см выступает над внутренней наружностью (рис. 11.9, 10). Вторая меньше по размерам (11,5 см) со слабо выступающей втулкой. Тем не менее, при таких маловыразительных различиях, они дополняют арсенал, очевидно, боевых топоров - тесел, найденных на памятниках Средней Азии, Пакистанского Белуджистана и Индии (Литвинский, 1954, с. 23; 1961, с. 59; Виноградова, Кузьмина, 1970, с. 128, рис. 5).

В заключении характеристики металлических изделий финальной стадии поселения Саразм остановимся еще на одной важной находке. Это свинцовая печать диаметром 3 см с двумя отверстиями по середине и многочисленным орнаментом. Причем, орнамент состоит из четырех секций треугольников, вершины которых направлены в центр печати. В каждой секции по три треугольника (рис. 14.2), наряду с металлическими предметами земледельческой культуры в нашей коллекции имеются три ножа и кинжала, характерные культуре скотоводов - кочевников (Исаков, 1991 а, рис. 10.104 рис. 75,6). Находка этих предметов еще более убеждает нас о том, что земледельцы поселения Саразм имели связи со своими северными соседями - скотоводами.

г) Каменные изделия. Несмотря на то, что изготовление бронзовых изделий в IY периоде Саразма развивалось значительно быстрее и во многих сферах деятельности человека эти предметы стали главными в производстве и быту, они все же не смогли вытеснить каменные орудия. Среди них мы видим противовесы или грузила с одним и двумя желоб-

чатыми прихватами (рис. 12.1), ступку (рис.12.2), точило (рис.12.3), ручку ножа или кинжала (рис.12.4), выпрямитель (рис.12.5), крупные тяжеловесные ступки (рис. 12.6,7) и молота куранта (рис. 12.8). В функциональном отношении каждый из этих предметов был предназначен для выполнения различных работ (Раззоков, 1994).

Среди каменных изделий Саразма встречаются десятки бытовых предметов. Они классифицируются в основном по двум категориям: это флакончики для благоуханных жидкостей (рис.13.А. 1-3) и сосуды - чаши (рис.13.В.1-9), обе эти группы предметов характерны развитому периоду бронзового века. В значительном количестве подобные предметы встречаются в древнеземледельческих памятниках Средней Азии, Афганистана и Ирана конца III - начала II тыс. до н.э. Хотя флакончики Саразма по форме отличаются от аналогичных находок, встречаемых на других памятниках, но один из них, имеющий четырехугольную форму, украшен разными треуголиниками, видимо, предназначенными для инкрустации цветными камнями (рис. 13. А.3). Что касается находок второй категории, то они так же, как и другие археологические находки, встречаются на поселении Саразм с эпохи энеолита. Значительное количество каменных сосудов различной величины было найдено в горизонте IY. Однако, за исключением миниатюрных сосудов, чаши по форме не отличаются друг от друга. Все они конусовидные, с широко раскрытым венчиком (рис. 13.В.1-9).

Судя по шлифованной поверхности, каменные сосуды были изготовлены из различных пород мраморных жилчатых камней (рис. 13.В.2,3,7) или серых (рис. 13.В.4,8,9) мраморов. Во всех изломах сосудов и на их поверхности четко прослеживаются волнистые или прямые горизонтальные прожилки. Сопоставление мраморных сосудов Саразма с аналогичными находками на древнеземледельческих памятниках Средней Азии и Ближнего Востока, в частности, Алтын - тепе (Массон, 1981, с.35 - 48), Шахри Сохта (Tosi, 1986, с.58) и других, выявляет их однотипность как по форме, так и по технологии изготовления.

Вместе с серийными каменными изделиями на Саразме использовали и редкие единичные предметы, назначение которых пока неизвестно. К ним относятся каменная гладилка - утюжок (рис. 13.В.1) и длинный прямоугольный брусок с аккуратно отшлифованной площадкой в конце (рис. 13.Б.2). Первый из предметов А.И.Исаков интерпретирует как инструмент для штукатурки, а что касается второго предмета, то исследователь считает его лощиной для сглаживания швов обуви.

Как бы там ни было, оба эти инструмента, бесспорно, являются предметами ремесленников и свидетельствуют о развитии изготовления различных ремесленных орудий.

д) Печати, жезлы и скульптура. Эти редкие и в свою очередь уникальные предметы, конечно, являются предметами, определяющими статус их владельца. Они встречены только в последнем IV горизонте поселения Саразм. Их появление заставляет нас говорить о начале социальной дифференциации саразмийских общин в финальной стадии развития поселения. Правда, предметы, определяющие положение личности в обществе, появились еще в эпоху неолита. Они были золотыми и серебряными (Исаков, 1986 Б, с. 79 - 80). Однако представляемые нами предметы более чем убедительно характеризуют социальную культуру саразмийских общин.

Первый из них - это глиняная печать подпрямоугольной формы с отверстием посередине и четырьмя треугольниками, острие которых направлено в сторону отверстия (рис.14.1.). Вторая печать, которая на лицевой стороне (оверест) также имеет треугольные орнаменты, как было упомянуто выше, из свинца (рис.14.2). Третья печать изготовлена из цилиндрической формы речного жильчатого камня. Она высотой 4,3 см, диаметром 1,5 см. По кольцевому кругу цилиндра аккуратно вырезан рельеф головы коровы или быка. Две первые печати по орнаменту, являются традиционными для памятников древнеземледельческой культуры Средней Азии, прежде всего Южного Туркменистана и Северо - Западного

Ирана. Цилиндрические же печати характерны культуре Месопотамии, Ирана и Индии.

Все они были неоднократно опубликованы. Исследователи А.И.Исаков и Р. Безенваль дали им свои научные интерпретации (Исаков, 1986, А. 1986, Б, 1991 А, 1991 В; Besenval, Isakov, 1989). Постолько свинцовая плоская и каменная цилиндрическая печати были найдены в горизонте IY поселения Саразм, соответственно на раскопах YII и IY, то для нашей темы они имеют огромное значение. Естественно, немаловажное значение они имеют и для определенной социальной структуры и статуса личности древнеземледельческих общин финальной стадии Саразма.

К престижным мы относим находки двух жезлов. Они так же, как и глиняные печати, найдены случайно в распаханной части поселения Саразм. Первый жезл сломан возле отверстия, изготовлен из речного камня с белыми точечками (рис. 14.4). Второй изготовлен из гранитного однотонного черного нефритоподобного камня. Он относительно массивен, высотой 15 см, диаметром 5,2 см (рис. 14.5). Оба предмета тщательно отшлифованы и у горла, под головкой с вытянутым клювом, имеется сквозное отверстие диаметром не более 1 см (рис. 14.4). Причем конусовидная форма отверстия была предназначена для придания более изящного вида стержню - черенку, определение этих предметов как жезла вождя племени, предложенное А.И. Исаковым, соответствует, как нам кажется, истине.

Среди уникальных каменных находок финального периода поселения Саразм единственный каменный предмет, который мы считаем стилизованной человеческой скульптурой, был найден на поверхности площади раскопа II. Предмет этот представляет собой отшлифованный мелкозернистый красный песчаник конической формы высотой 21 см. Нижняя часть "стопы" округлая, диаметром 14 см, срезана очень аккуратно. Ее плоскость позволяет предмету находиться в вертикальном положении (рис. 14.6).

§2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Характер археологических комплексов всех периодов Саразма (Саразм I-IV) в свете раскопов 1977 - 1983 гг. был отражен в монографиях и различных публикациях А.И. Исакова, Р.Безенваля, Б.Лионе, А.Р.Раззокова (Исаков, 1989а; 1986, б; 1991а; Исаков, Лионе, 1988; Исаков, Безенваль, 1989; Раззоков, 1994). В этих трудах исследователями были охвачены комплексы всех периодов поселения - от энеолита до эпохи бронзы. Кроме того, в ходе исследования поселения Саразм в конце 80 - х начале 90 - х годов были заложены новые раскопы на отдельных участках поселения. Так, более обширно исследовались раскопы - V-VI и VII. Были начаты исследования раскопа VIII и IX. В результате были обнаружены новые артефакты, позволяющие пересмотреть некоторые выводы вышеупомянутых исследователей. В этом плане особое место занимает шурф XI, заложенный во дворе жителя кишлака Авазали. Важность шурфа, который позже был превращен в раскоп, заключается в том, что здесь на площади более чем 100 м² были обнаружены остатки двух помещений и небольшого дворика. В середине одного из помещений был обнаружен квадратный очаг - алтарь с лункой по середине. Кроме того, особенность этого шурфа - раскопа заключается в том, что в двух верхних жилых горизонтах было обнаружено более 1000 фрагментов керамики, отличающейся от ранее встреченной на Саразме. Керамика этого раскопа, несмотря на фрагментарность, представлена новыми сосудами, изготовленными на медленно вращающемся гончарном круге. По форме эти сосуды напоминают невысокие миски с широко раскрытыми венчиками (рис.7,6-9). Последний завершается ярко выраженным валиком (рис.7,16,18,20).

Таким образом, исследования последних лет, благодаря своим новым материалам, в некотором смысле дополнили нашу коллекцию и позволили более широко интерпретировать археологический комплекс финального периода по-

селения Саразм как исходный пласт земледельческой культуры Зарафшанской долины.

Наши новые интерпретации археологических комплексов поселения Саразм в основном относятся к вещественным находкам: керамике, металлическим и каменным изделиям, которые дополнили археологические находки фактически новыми материалами, в полном смысле этого слова. Но при этом от-метим, что относительно строительной культуре новых данных не получено.

Тем не менее, по остаткам стен жилых помещений (рис. 2, 3,4), дисковидным и квадратным очагам - алтарям (рис.2), обогревшим лункам от каких - то мастерских или очагов и единственного зала (рис.2) можно констатировать, что на поселении Саразм и в финальной стадии жизнь продолжалась.

Если в основу анализа экономической и культурной жизни населения Саразма положим анализ орудий труда, оружия, посуды и предметов быта и культуры, которыми располагаем в достаточном количестве, то вполне можно утверждать, что жизнь на поселение прекратилась не внезапно.

Исходя из этого соображения, причины прекращения жизни поселения требуют своего объяснения. Пока же мы имеем лишь гипотетичные версии, предложенные А.И. Исаковым (1991 б).

Несмотря на это, по остаткам жилых помещений, чудом уцелевшим на раскопах IY и YII можно констатировать, что саразмийцы и на финальном этапе жили в 2-х, 3-х комнатных жилых комплексах, рядом с которыми, очевидно, были устроены складские и хозяйственные постройки. Площадь жилых помещений небольшая, она колеблется от 6 до 20 м². При таком жилом комплексе семья скорее всего не превышала 5 человек, и чаще состояла из 2 - 4 человек. Отсутствие кухонных очагов в помещении свидетельствует о том, что кухонное устройство находилось во двориках или в специально устроенных помещениях, которых мы пока не обнаружили. Видимо, во двориках находились и устройства для выпечки лепешек - тануров, которые нами тоже пока не обна-

ружены. Но зато на поселении открыто несколько гончарных печей для обжига керамики. Из раскопанных печей - 3 были устроены внутри помещения. Они были устроены на раскопах II, III, IV, XII. Например, помещения где были устроены гончарные печи (раскопа II и IV) имеют площадь более 20 м² каждая. Печь была расположена в углу. Видимо, остальная часть помещения служила рабочим местом гончара.

Несмотря на скудность достоверных фактов, констатируем, что в устройствах жилых комплексов саразмийских общин вряд ли могли происходить какие - либо серьезные инновации. На финальном этапе саразмийцы могли жить в общественных домах, состоящих из несколько жилых комплексов, обитатели которых находились в родственных отношениях. Они могли вести общее хозяйство и подчинялись главе больших семейств или рода. К такому выводу мы пришли, ознакомившись с типом застроек, обнаруженных и интерпретированных исследователями поселений Геоксюр (Сарианади, 1965, с.9), Кератдепе (Массон, 1960, рис. 12), Алтын - депе (Массон, 1981, с.36), Мундигак (Casal 1961, табл. 14 - 15), Пирак (Жариш, Сантони, 1978, табл. 110, 886), Шахри - Сохта (Tosi, 1983, с.105) и др. В свою очередь, жилой массив, где были расположены многоквартирные дома (как в раскопах II, IV, VII), состоял из кварталов, которые имели дворики, улицы, переулки и общие огороды.

Как видим, в строительной культуре Саразма эпохи бронзы отразилась социальная и общественная структура патриархальных общин этого поселения.

Как было отмечено комплекс вещественных находок материальной культуры финального этапа поселения Саразм состоит из керамических, металлических и каменных изделий. Эти три категории находок являются определяющими факторами уровня развития ремесла, экономики и в конечном счете материальной культуры первобытных общин.

Анализ типологии керамики последнего периода поселения Саразм показывает, что хотя в производстве керамики и не произошла столько - нибудь серьезных инноваций, тем не

ар-
- 3
на
ст-
ю-
ю,
н-
а-
1х
ис
в
1-
2-
ь
1-
-
1

менее здесь появились новые единичные типы сосудов, с более сложными венчиками, изготовленными на гончарном круге (рис. 7.6-9, 14-20; рис. 8.2). О появлении гончарного круга в конце III и начале II тыс. до н.э. на Саразме говорят находки каменных маховиков для осей круга.

И все же процент керамики ручной лепки к этому периоду перобладает над станковым. Увеличилось число хумов, котлов и горшков с катушкообразными горловинами. Найдены сосуды новых конических форм, а также сосуды с кольцевидным донцем из серой и даже светлой глины (рис. 6.3.). На древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана они обнаружены в слое Кара - 3, на поселении Карадепе (Массон, 1960, табл.У.29) и в шурфе 1 поселения Геоксюр (Сарианиди, 1961, табл. УП.П). Правда, эти сосуды исследователями датированы позднеэнеолитическим периодом. Отметим, что сосуды этого типа были характерны не только для упомянутых памятников, они были обнаружены и восстановлены на памятниках Ирана - Тали Барзу (Mangsdorff, 1932, табл. 19. 1 - 6) и Тали Иблис (Sazzaf, 1980. с.210, табл. 10, 522 а-526).

Сосуды с выступающим носиком (рис. 1.1,2) в эпоху развитой бронзы, начиная с первой четверти II тыс. до н.э., становятся одним из ведущих типов керамики этого периода. найденные различные варианты таких сосудов на поселениях Сапалитепе (Аскарлов, 1973, табл. 17.3,15,16,18; 1977, табл. XX. 1-16), Дашли 3 (Сарианиди, 1977, рис. 25У1, XII, 1-5) и в могильниках Джаркутана (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. XXX. 8-12 и 15), Пархай (Хлопин, 1983, табл. 56.1,3,5) являются подтверждением сказанного.

Следует отметить, что среди нерасписных сосудов Саразма встречаются корчаги с различными видами венчиков (рис. 5.5,6,8; рис. 7.1,2,12-14).

Одновременно с ними растет число хумов, которые по существу являются главными тарными сосудами (рис.6.9,10). К категории редких сосудов можно отнести кубок (?) с весьма примечательной нижней частью. Не идентичный, но близкий

по виду сосуд с тремя ножками найденное на поселении Пархайдепе (Хлопин, 1975, с.120, рис.4.7,8).

Среди керамики Саразма необычным по форме является котел из серой глины с заостренным дном (рис.9,10). В Саразме мы пока имеем 4 таких котла. Все они были найдены в культурных слоях IV-го горизонта. Мы предполагаем, что этот тип котлов относится к группе сосудов скотоводческой культуры, и, возможно, их форма была заимствована земледельцами Саразма. Это подтверждается тем, что эти котлы некогда стояли на специальных переносных очажках, которыми пользовались скотоводы, постоянно передвигавшиеся и менявшие места обитания.

Заслуживают внимания тип и формы керамики скотоводческой культуры (рис.9). Включая упомянутый остродонный котел, их обнаружено 11. Появление керамики этой культуры, т.е. культуры степной бронзы, свидетельствует о том, что связи оседлоземледельческого населения Зарафшанской долины со скотоводами северных регионов сложились еще в пору ранней бронзы, начиная с III тыс. до н.э.

Хотя в период существования Саразм IV и появляются новые типы узоров росписи, но они, как было отмечено выше, отличаются своей простотой и небрежностью исполнения. Кроме того, прослеживается уменьшение разнообразия и количества самой расписной керамики. Если в пору Саразма III, в начале и середине III тыс. до н.э., мы имели 47 расписных сосудов (правда, большинство во фрагментах), то в период Саразма IV - около 30. Исходя из темы нашего исследования мы выбрали 22 фрагмента и 3 целых сосуда с росписями (рис.5.1-21; рис.8.1-3). Среди них имеется единственный фрагмент геоксюрского типа (рис.5.21), один сосуд с росписью изнутри характерен для керамики Мундигака. Кроме них, имеются 4 сосуда с мотивами археологических памятников Пакистанского Белуджистана (рис.5.1,3-5, 19-20; рис. 8.1-3). Что касается остальных, то они характерны для самого Саразма.

Тем не менее, узоры расписных сосудов исследуемого периода поселения Саразм имеют достаточно многочислен-

ные аналогии среди керамики поднеолитических поселений Южного Туркменистана, в особенности Алтындепе, Мулла-лытепе и Геоксюрского комплекса (Сарианиди, 1965, табл. , 42, 54, 67) и памятников Пакистанского Белуджистана, характерных для культуры Кветта: Дашти - Саодаг II, Сур-Джангал III, (Fairservis, 1959, рис. 62,91; рис. 62.107).

Интересен факт увеличения типов узоров с толстыми волнистыми горизонтальными полосами (рис. 5.5.9). аналогичный орнамент характерен для орнаментов IV горизонта Сур - Джангала (Fairservis, 1959, с.408, № 254-259). Другой тип орнамента - горизонтальные волнистые линии (рис. 5.12) - характерен для керамики иранской группы памятников, прежде всего Тали - Иблис (Sazzaf, 1980, с. 293-300). Кроме этих, на Саразме встречаются и другие орнаменты керамики, вертикальные и диагональные, которым также имеются аналогии в росписях упомянутого памятника Тали - Иблис (Sazzaf, 1980, с. 178, 314, 317) и в Сиалке (Ghizshman, 1938, табл.43, А.4.5,10). Что касается пиловидных (рис. 5.16,17) и треугольных (рис.5.13,15,18) мотивов, то отметим, что эти позднеолитические орнаменты встречаются на всех памятниках культуры Саразма.

Интерес представляет орнамент двух целых сосудов, найденных в IV горизонте рископа VII Р.Безенвалем и Л. Т. Пьянковой (рис.8.1-3). Первый из них (рис. 8.1) для поселения Саразма, да и для всех древнеземледельческих памятников Средней Азии является уникальным. Прямую аналогию мы встретили среди орнаментов керамики Индостана и Пакистанского Белуджистана, регионы которых, видимо, являются носителями растительного орнамента, и во многом их орнаменты накольные и далеко от Саразмского. Правда, некоторые орнаменты керамики поселений Котдиджи (Fairseviz, 1959, с.314, рис.22), Фаиз Мухаммед (Fairservis, 1959, с.414, №449 а) включают в себя мотивы, сходие с орнаментами саразмийского корчага. С таким же успехом можно привести примеры и среди орнаментов поселения Сиалк (Chirshman, 1938, табл. XIY, Б-3) и Анау IB (Массон, 1982, табл. XI 6.13).

Второй сосуд (табл.8.3.) по форме и по характеру орнамента, нарисованного на плечике кружного кувшина, близок к керамике периода У - А поселения иранского Тепа - Яхья ниже сеточной клетки имеет веточное, а возможно, растительное изображение.

По рассмотренным артефактам можно констатировать, что расписная керамика являлась характерной чертой поселения Саразм во все его периоды, начиная от позднего энеолита и кончая развитой бронзой. Это позволяет в некоторой степени решить спорные вопросы, поставленные в археологической литературе в 60 -х начале 80-х годов относительно существования или возникновения позднего центра культуры расписной керамики на территории Средней Азии.

Дело в том, что на рубеже II - I тыс. до н.э. в Мариангане, Фергане и Бактрии появились новые центры культуры поздней расписной керамики. Исследователи высказывают различные точки зрения об исходном центре культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа. Ю.А.Заднепровский считает чувстскую культуру исходной при формировании культуры раннего железного века северных областей Бактрии (Заднепровский, 1962, с.206 - 207). Почти такой же вывод сделал Дж. Касаль, который в комплексе керамики Мундигана У не встретил расписной посуды. Он считает создателями расписной посуды жителей восточный районов Ферганы, что у границы Китая (Casal, 1961, с.104-109). В.И. Сарияниди предлагает версию о северо - афганском происхождении культуры поздней расписной керамики, опираясь на материалы Тилодепе. Позже эта культура распространяется через Южный Узбекистан (Кучукдепе и Миршаде) до Марианганы (Яздепе I) (Сарияниди, 1972, с.29 - 36). А. А. Аскарлов также исходным центром распространения культуры расписной керамики считает ареал чувстской культуры. Находя близкое сходство материальной культуры Чуста с Кучунтепа, он считает, что "племена культуры поздней расписной керамики, из какой бы среды они не выделялись, генетически родственны, и истоки их происхождения надо искать только в пределах Средней Азии" (Аскарлов, 1979, с.37).

Почти аналогичной версии придерживается и Е.Е. Кузьмина, но она выделяет два центра происхождения культуры поздней расписной керамики. Первым центром она считает области юга Афганистана (Мундигаг У). Далее она пишет, что "культуры с расписной керамикой сложились в северных областях Средней Азии (в частности, в Фергане, а еще дальше в Восточном Туркменистане), а памятники второй половины II тыс. до н.э. здесь пока не обнаружены" (Кузьмина, 1962, с. 136). Поэтому, уситывая долгие традиции существования расписной керамики в Саразме, можно предположить, что Саразмская культура расписной керамики играла важную роль в распространении культур позднерасписной керамики в Средней Азии. Саразмская культура, возможно, является тем центром, откуда расписная керамика попадает в Фергану, Маргиану и Северную Бактрию. Саразмская культура, видимо, передавала культурные влияния, идущие из ближневосточного региона, племенам северных областей Средней Азии.

Что касается комплекса металлических предметов, то к финальному периоду он резко сокращается не только количественно, заметно уменьшается в их разнотипность. В этой связи прав А.И.Исаков, который считает, что кульминационным периодом металлообрабатывающих работ являются этапы Саразм II и III (Исаков, 1991,а). Из разновидностей металлических предметов к этому периоду мы имеем изделия из бронзы и свинца, по неизвестной нам причине отсутствуют предметы из благородных металлов - золота и серебра. Отсутствие этих металлов, количественное уменьшение и качественное ухудшение бронзовых изделий вместе с другими фактами свидетельствуют о начале прекращения жизни поселения.

Тем не менее, мы имеем десятки предметов орудий труда и оружия, которые в трех ранних горизонтах встречаны не были. При этом основная часть металлических изделий была найдена в ходе земляных раскопок жителями кишлаков Авзали, Гурача и Раджабали, которые расположены на северной и западной окраине поселения. Принадлежность их к

финальному периоду Саразма была установлена совершенно определенно, во - первых, при осмотре местности, где были сделаны случайные находки. и во - вторых, при сопоставлении их с находками такого же рода из IV горизонта раскопов поселения.

В виду того, что основные металлические находки были опубликованы А.И.Исаковым, причем неоднократно, в этой работе мы приводим наиболее характерные изделия, по которым можно судить об их хронологии. Для этой цели мы выбрали 23 изделия, иллюстрирующих 10 типов. Описание их было сделано выше, и по этому в этом разделе работы мы остановимся на их научной интерпретации и хронологии.

Первую категорию металлических изделий составляют кинжалы, (рис. 10.2,3,5). Они имеют длинные прочные черешки с загнутым крючкообразным навершием. Видимо, рукоятки кинжалов были костяными или деревянными, о чем свидетельствуют удлинненные до 10 см черешки. Кинжалы массивные, ширина их 3 - 4 см, длина до 28 см вместе с черешком. Длина лезвия колеблется от 15 до 20 см. До открытия Саразма в средней Азии и сопредельных регионах этот тип кинжала практически не встречался. Известные кинжалы из Маргианы (Массон, 1967, табл. XIV; 3,4) и Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, XXX,8), которые относятся к эпохе ранней бронзы и железа, хотя по форме и близки к одному из кинжалов Саразма, но отличаются устройством черешка. Возможно, правы исследователь Маргианы (Тахирбой 3) В.М.Массон и исследователь Сапаллитепа А. А. Аскарлов, классифицирующие их как наконечники дротика и копий. Другие аналогии не известны. Кинжалы Тахирбой 3 и Сапаллитепа полностью, а кинжалы Саразма частично утратили боевое назначение. Впрочем, и на кинжалах Саразма четко прослеживаются следы последующих заточек, отчего лезвия из стали дугообразными.

Если считать вслед за исследователями памятников Тахирбой 3 и Сапаллитепа, найденные там кинжалы наконечниками копий, то получается, что саразмийские кинжалы второго типа не имеют аналогий среди кинжалов эпохи бронзы

Средней Азии. Аналогии саразмским кинжалом второго типа обнаружены в Закавказье (Мунчаев, 1975, рис. 82, 3,5). Кинжалы или как их называет Р.М.Мунчаев "ножи - кинжалы" с выделенным черешком и предольным ребром, зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии - в Сохчаре (Мунчаев, 1975, с.394). Но они, в отличие от среднеазиатских кинжалов, снабжены обособленными черешками.

Несмотря на общность черешков кинжалы Саразма отличаются друг от друга устройством плечиков, клинка и лезвий. Это позволяет нам разделить их по устройству плечика на два вида: плечики кинжалов первого вида обособлены под треугольник к кинжалом; плечики второго вида имеют плавный переход. Что касается устройства клинков, то они и широкие, и узкие.

Ко второй категории мы отнесли ножи. Их однотипность (Исаков, 1991а, рис. 10.6, 13; рис. 75. 2-5,8) мы представляем единственным экземпляром ножа, найденного на поверхности поселения, к югу от раскопа IY. Особенность ножа заключается в том, что он двухлезвийный, как кинжалы, но с очень неприспособленным к ручке коротким черешком. Кроме того, по плоскости ножа не прослеживается традиционное для кинжалов ребро. Ножи различных типов встречены на многих древнеземледельческих памятниках. Однако типологический анализ ножей показал, что они не всегда были правильно классифицированы. Так, встречаются факты, когда многие ножи, имеющие двухсторонние заточенные лезвия были признаны кинжалами (Иессен, 1939, табл. XI; Крупов, 1951, с.49; 14.6; Массон, 1967, с.168, рис. 2,1; Сарияниди, 1977, с.76), есть случаи, когда подобные ножи из - за небольших размеров были включены в группы наконечников копий (Бернштам, 1950, таб. XXXIY, 4-6 XXXYII, 2,3).

Малочисленность двухлезвийных ножей эпохи развитой бронзы в Средней Азии (Массон, 1961а, табл.5; Кузьмина, 1966, табл. YII, 15; Заднепровский, 1962, таб. XXXI; Аскаров, 1977, таб. ЧЧ, 1.6.7), Афганистане (Сарияниди, 1977, с.77, рис.36, 3), Пакистане и Индии (Маскау, 1938, том II, таб. XXXI, 3.5) не дает достаточно оснований считать их ору-

финальному периоду Саразма была установлена совершенно определенно, во - первых, при осмотре местности, где были сделаны случайные находки. и во - вторых, при сопоставлении их с находками такого же рода из IY горизонта раскопов поселения.

В виду того, что основные металлические находки были опубликованы А.И.Исаковым, причем неоднократно, в этой работе мы приводим наиболее характерные изделия, по которым можно судить об их хронологии. Для этой цели мы выбрали 23 изделия, иллюстрирующих 10 типов. Описание их было сделано выше, и по этому в этом разделе работы мы остановимся на их научной интерпретации и хронологии.

Первую категорию металлических изделий составляют кинжалы. (рис. 10.2,3,5). Они имеют длинные прочные черешки с изогнутым крючкообразным навершием. Видимо, рукоятки кинжалов были костяными или деревянными, о чем свидетельствуют удлиненные до 10 см черешки. Кинжалы массивные, ширина их 3 - 4 см, длина до 28 см вместе с черешком. Длина лезвия колеблется от 15 до 20 см. До открытия Саразма в средней Азии и сопредельных регионах этот тип кинжала практически не встречался. Известные кинжалы из Маргианы (Массон, 1967, табл. XIV; 3,4) и Сапаллитепа (Аскаров, 1977, XXX,8), которые относятся к эпохе ранней бронзы и железа, хотя по форме и близки к одному из кинжалов Саразма, но отличаются устройством черешка. Возможно, правы исследователь Маргианы (Тахирбой 3) В.М.Массон и исследователь Сапаллитепа А. А. Аскаров, классифицирующие их как наконечники дротика и копий. Другие аналогии не известны. Кинжалы Тахирбой 3 и Сапаллитепа полностью, а кинжалы Саразма частично утратили боевое назначение. Впрочем, и на кинжалах Саразма четко прослеживаются следы последующих заточек, отчего лезвия из стали дугообразными.

Если считать вслед за исследователями памятников Тахирбой 3 и Сапаллитепа, найденные там кинжалы наконечниками копий, то получается, что саразмийские кинжалы второго типа не имеют аналогий среди кинжалов эпохи бронзы

Средней Азии. Аналогии саразмским кинжалом второго типа обнаружены в Закавказье (Мунчаев, 1975, рис. 82, 3.5). Кинжалы или как их называет Р.М.Мунчаев "пожи - кинжалы" с выделенным черешком и предольным ребром, зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии - в Сохчаре (Мунчаев, 1975, с.394). Но они, в отличие от среднеазиатских кинжалов, снабжены обособленными черешками.

Несмотря на общность черешков кинжалы Сарцзма отличаются друг от друга устройством плечиков, клинка и лезвий. Это позволяет нам разделить их по устройству плечика на два вида: плечики кинжалов первого вида обособлены под треугольник к кинжалом; плечики второго вида имеют плавный переход. Что касается устройства клинков, то они и широкие, и узкие.

Ко второй категории мы отнесли ножи. Их однотипность (Исаков, 1991а, рис. 10.6, 13; рис. 75, 2-5.8) мы представляем единственным экземпляром ножа, найденного на поверхности поселения, к югу от раскопа IY. Особенность ножа заключается в том, что он двухлезвийный, как кинжалы, но с очень неприспособленным к ручке коротким черешком. Кроме того, по плоскости ножа не прослеживается традиционное для кинжалов ребро. Ножи различных типов встречены на многих древнеземледельческих памятниках. Однако типологический анализ ножей показал, что они не всегда были правильно классифицированы. Так, встречаются факты, когда многие ножи, имеющие двухсторонние заточенные лезвия были признаны кинжалами (Иессен, 1939, табл. XI; Крупов, 1951, с.49; 14.6; Массон, 1967, с.168, рис. 2,1; Сариниди, 1977, с.76), есть случаи, когда подобные ножи из - за небольших размеров были включены в группы наконечников копий (Бернштам, 1950, таб. XXXIY, 4-6 XXXYII, 2,3).

Малочисленность двухлезвийных ножей эпохи развитой бронзы в Средней Азии (Массон, 1961а, табл.5; Кузьмина, 1966, табл. YII, 15; Заднепровский, 1962, таб. XXXI; Аскарров, 1977, таб. ЧЧ, 1.6.7), Афганистане (Сариниди, 1977, с.77, рис.36, 3), Пакистане и Индии (Маскау, 1938, том II, таб. XXXI, 3.5) не дает достаточно оснований считать их ору-

жем. В связи с этим к двухлезвийным ножам Саразма относятся все изделия, имеющие короткие черенки, поскольку в Саразме обнаружены настоящие кинжалы. Кинжалы массивнее ножей, имеют среднее ребро и длинный обособленный черенок.

Двухлезвийные ножи Саразма варьируются по величине и устройству плечиков. Все ножи кованые. Ширина колеблется от 2,9 до 4 см. Короткий черенок не может обеспечить ударную силу, какую должно иметь наступательное оружие. Длина лезвий от 13 до 17 см. Именно по этим собраним изделия с лезвиями длиной 13 - 17 см считаются ножами, хотя в критический момент их могли использовать в целях самозащиты. Известно, что ножи с короткими черенками и длинными листовидными лезвиями встречаются уже с раннего энеолита. Наиболее древние их экземпляры обнаружены в слое Намазга I на поселении Илгинлыдепе и в слое Намазга II на северном холме Анау (Кузьмина, табл. VII, 1966, 14). Ножи, найденные на другом поселении Южного Туркменистана - Алтындепе, исследователи интерпретируют как кинжалы (Массон, 1967, рис.2.1). Плоский клинок без среднего особого ребра с коротким черенком говорит о том, что этот предмет выполнял роль боевого оружия и хозяйственного ножа. аналогичные предметы встречаются в обширном ареале - от Средней Азии (Кузьмина, 1966, табл. VII) до длины реки Индии (Маскау, 1938, табл. XXIX). похожие ножи встречены и на Кавказе (Мунчаев, 1975, с. 293, рис.1), но на Кавказе скорее всего эти ножи появились в результате контактов с переднеазиатским регионом. Не ясно происхождение Крымских ножей с короткими черенками и удлинённым лезвием. Бронзовой двухлезвийный нож из погребения I близ Бахчисарая похож на нож Саразма.

Нам представляется, что производство ножей носило региональный локальный характер, обусловленный производительными способностями и обилием медно - бронзовых минералов.

Как видим, аналогичность ножей еще не определяет пути их трансформации а отдельным областям или памятникам, хотя не исключается некоторое влияние на их форму.

Третью категории металлических изделий составили наконечники ножей и дротиков. В отличие от кинжалов и ножей, на Саразме они встречаются реже. Тем не менее, их наличие в последнем периоде жизни поселения свидетельствует о поэтапности появления наступательных и оборонительных оружий в саразмийских общинах. При этом, отметим, что на Саразме пока не найдено ни одного бронзового наконечника стрелы. Подобного рода находок не было встречено и на поселениях Замон - баба, Гуджайли, Сапалли-тепа и Дашли 3 и на других памятниках начала II тыс. до н.э. В то время если лук и стрелы и существовали, то их наконечники были каменными, зачастую кремневыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XVІІІ, XIX, XXXIY; Аскарлов, 1973, табл. 28; Сарияниди, 1977, рис. 52, 1,8-19; Исаков, 1991а, рис. 42, I-II).

Из этих данных вытекает, что основными орудиями эпохи развитой бронзы были кинжалы, боевые топоры, копья и дротики. Лук и стрелы с кремневым наконечником прежде всего служили орудиями охотников для охоты на мелких животных и птиц. Что касается бронзовых наконечников, то они появились в самом конце бронзового века. Первые бронзовые наконечники на территории Средней Азии были найдены на поселении Яздтепе (Массон, 1959, табл. XXXIY, 9-14), в Хорезме на поселении Якке - Персон 2 (Толстов, 1962, 5 - 6).

Таким образом, отсутствие бронзовых наконечников на Саразме - это закономерность, обусловленная историческим процессом развития общественного производства. В этом плане наконечники копий и дротиков Саразма приобретают особое значение, как определяющий фактор процесса развития Саразмийских общин.

Как бы там ни было, к финальному этапу Саразма мы имеем 5 наконечников (рис. 10.6-10), из которых по нашей классификации, 3 являются наконечниками копий (рис. 10,8), а два наконечниками дротиков I (рис. 10.9.10). Наконечники

копий представлены двумя видами: первый вид с длинным клинком, но с коротким черенком (табл. 10.8), а второй с относительно длинными клинками, а также с длинными загнутыми в конце черенками (рис. 10, 6 - 7). Наконечники дротиков менее массивны, и они также представлены двумя видами: первый наконечник миниатюрный, длина его вместе с черенком 7,8 см лавровористой формы (рис. 10.9); другой более массивный, с треугольной и сильно заостренной формой клинка также с коротким черенком (рис. 10.10).

Наконечник, найденный в горизонте II раскопа III трудно классифицировать. Он имеет длинный черенок, его лезвие напоминает лезвие кухонного ножа (рис. 10.8). Этот предмет мог выполнять функции хозяйственного ножа. В. И. Сарияниди пишет, что "черенковые наконечники копий практически невозможно отличить от черенковых ножей и кинжалов, что нередко приводит к терминологической путанице" (Сарияниди, 1977, с.76).

Более обширные аналоги имеют наконечники длиной 9 см, с крючком в конце черенка предназначен для основательного крепления в пике (рис. 10.7). Хотя этот предмет не имеет себе прямой аналогии среди наконечников Средней Азии, но что касается клинка, то он близок к наконечнику из Сапалитепе (Аскаров, 1973, табл. XXVIII, 7). Саразмийская наконечник находит себе аналогию среди бронзовых изделий Тепе-Гиссара из слоя К-Гиссар II (Шмидт, 1933, табл. С Ш, № 1040), который исследователь считает ножом. Более близка к наконечнику Саразма находка из погребения со станции им. Тельмана Астаринского района Азербайджана (Махмудов, Мунчаев, Наримонов, 1966, с.21. рис. 5,7,8; Кареневский, 1975, с. 68 - 72).

Что касается наконечника дротика, то для памятников эпохи бронзы это редкое явление. Аналогичный наконечник был найден в Сапалитепе. Он так же, как саразмийский тонкий, плоский и листовидный. Его размер вместе с черенком равен 7,7 см. По мнению А. А. Аскарова, этот наконечник относится к четвертому варианту двухлезвийных ножей. од-

нако он не отрицает того, что это может быть наконечник дротика (Аскарлов, с.72).

Среди наконечников дротиков из Средней Азии он не имеет аналога. Лишь из Сапалитепе имеет некоторую близость по форме клинка (Аскарлов, 1977, табл. ХХХ.8), но короткий и толстый черенок сапалинского наконечника отличает его от саразмского. Тем не менее, наши наконечники находят более близкие аналогии среди наконечников этого типа в Маханджо - Даро (Маскау, 1976, табл. СХУП, 5,7; СХІХ, 4) и Чанху - Даро, 1976, табл. ІХХІІ, 3).

Наряду с крупными металлическими предметами из Саразма, которые в основном представляют орудия труда и оружие (в частности ІУ дилого горизонта). мы имеем ряд изделий обиходного характера. Они классифицированы как предметы быта, туалета и ремесла. Среди них рыболовные крючки (рис.14.8,12) и булавки для волос (рис.П.П). Все эти предметы были найдены в последнем жилом горизонте раскопок поселения Саразм в различные годы.

Переходя к характеристике упомянутых предметов, отметим что их малочисленность объясняется просто: небольшие по размеру, тонкие, они чаще всего ломаются и теряются. Иголочки нам известны по находкам из могильника Пархай П (Хлопин, 1981, рис. 21,3), слоя Гиссар І (Shihit, 1937, табл. ХУІ, 3469). Известный из поселения Маханджо - Даро длинный стержень с отверстием (Маскау, 1976, СХХХУ, 10), хотя и похож на иголочку, но по размерам это скорее шило. Имеется еще один подобный предмет из Чанху - Даро (Маскау, 1974, табл.8,ХХІІ 16), но он без отверстия.

Фрагмент браслета из крупного бронзового стержня (табл.14.7) указывает на разновидность украшения. Этот тип находок часто встречается среди металлических изделий прото - харапской культуры Индостана (Wooley, 1963, табл.85, 929 - 932) и поселения Сапалитепе (Аскарлов, 1977, табл. ХХХУІІІ).

Учитывая важное значение так называемых булавок, мы охарактеризуем их подробнее. К финальному периоду Саразма мы имеем три экземпляра этих находок, представ-

различных памятниках Средней Азии. (Массон, 1962, табл. XI, 9; Литвинский, 1954, рис.9; Аскарлов, 1973, с.91, рис. 46), Кавказа (Магамедов, 1972, с. 121, рис. 17.6) и Сибири (Окладников, Бродянский, 1984, с. 107, рис. 3.6). Все исследователи дают этому предмету однозначную характеристику, называя их молот - куранты для работы в шахтах и дробителями.

Последними предметами, представляющими для нас интерес, являются изделия, определяющие, как говорится, статус личности, на наш взгляд, к ним относятся вышеупомянутые керамическая и свинцовая печати, которые исследовали и опубликовали А.И.Исаков, Р.М.Безенваль (1989). Третий предмет из этой категории также печать, но каменная. Это пока единственная цилиндрическая печать, найденная в горизонте IV (этап В) раскопа IV (рис. 14.3).

Для определения места культуры поселения Саразма и всего Среднеазиатского региона - эта печать уникальна. Имеющиеся аналоги говорят о том, что пласт культуры с цилиндрической формой находится на территории Средней Азии, в Месопотамии и южных областях Ирана. На печати из Тепе - Гиссара в слое Гиссар III изображены птицы и козы (Shmit, 1937, табл. 118, 37, 10; 1933 В, II 6- III 92); на печати с поселения Ура (Woolley, 1933, табл. XIV, I) и на венчике серебряной чаши из Северного Афганистана (Amiet, 1986, рис. 195-196) изображен бык. Кроме того, на огромном числе плоских печатей с Мохенджо - Даро и Чанху - Даро также были изображены быки или коровы (Mackay, 1978 табл. IXXXIII, IXXXVI, 1034, табл. II; Gupta, 1982, с. 215, рис. 8, 19). Цилиндрические печати Шахри - Сохта имеют геометрические изображения в виде ромбов, треугольников (Amiet, 1983, табл. XXXV, 12, XXXI, 15, 16, 19). По определению Пьера Амие, печати шахри - Сохта были изготовлены из сланца, известняка, стеатита и даже лазурита. Анализируя период появления и распространения цилиндрических печатей отметим, что они характерны больше всего для эпохи развитой бронзы второй половине III - первой половине II тыс. до н.э. Родиной культуры цилиндрических каменных печатей, возможно, были древнеземледельческие памятники Месопота-

нии и Северо - Западного Ирана. С развитием торгово - экономических обменов эти печати распространились на юго - восток Ирана - Шахри - Сохте и северо - восток Средней Азии (Саразм). Печать Саразма указывает на тот факт, что, возможно, она была привезена из Месопотамии.

К этой категории находок, пожалуй, можно отнести и два костяных предмета, названных нами предположительно жезлами. Их всего два экземпляра, как было указано выше, первый из них, целый экземпляр, был найден сотрудниками экспедиции Тайлановым на распаханном поле. Второй фрагмент жезла был найден в горизонте IV раскопа II поселения Саразм.

Аналогичные находки на памятниках эпохи бронзы в Средней Азии не обнаружены. Предметы же, найденные Р. М. Мунчаевым в курганах у селения Чегам I и II, немного уступают по размерам саразмийским (Мунчаев, 1975, с. 290, рис. 64, 16 - 18). Он считает их клювовидными топорами (Мунчаев, 1975, с. 324). Похожий на жезлы предмет был найден Н.Я.Мерпертом в курганах Уральского междуречья (Мерперт, 1974, с. 75, рис. 10, 6), но он не определяет его функции. По нашему мнению, они являлись жезлами властителя или вождя.

Последним каменным предметом является стилизованная каменная стела или баба (рис. 14, 5). Верхняя узкая часть представляет собой имитацию головки, между головкой и корпусом расположен глубокий желобок, имитирующий шею скульптуры. Эта скульптура имеет себе аналогию только среди статуэток святилища А-10 поселения Чатал - Хуюка (Антонова, 1977, с.22, табл.ХУП,1). В отличие от Саразмской скульптуры, где отсутствуют глаза, нос, рот и другие элементы человеческого облака, на статуэтке чатал - Хуюка (Турция) все эти элементы нашли свое схематическое изображение. Отсутствуют схематические изображения человека и на глиняной скульптуре Сапалитепа (Аскарлов, 1977, с.84; табл. ХХIV, II). Статуэтки из Чатал - Хуюка и Сапалитепа представляют собой небольшие терракоты, размеры которых не превышают 6 см. Наш объект массивней и представ-

ляет наиболее ранний вариант стеллы или скульптуры. Думается, что скульптура из Саразма имела культовое значение, как и глиняные статуэтки древнеземледельческих общин. К этому заключению мы пришли потому, что она не может оказаться надмогильной стеллой, так как при раскопе никаких следов могильной ямы не было обнаружено.

Последний предмет комплекса — это единственный фаллический формы пест. Аналогичные предметы с древнейших времен, конкретно с неолита, являются необходимым производственным орудием. Они были найдены в различных вариантах практически во всех древнеземледельческих памятниках. Пест из Зардхахаляфы имеет прямую аналогю с фаллическими пестами Чуйской долины, найденными А. Н. Бернштамом в 1941 г.³¹ География распространения фаллических пестов настолько обширна, что простирается на восточные склоны Урала³² и даже на Африканский континент.³³

Анализ археологических артефактов погребения позволил установить их синхронность со многими известными памятниками Средней Азии и Ближнего Востока. В географическом отношении привлекаемые нами памятники расположены на значительном расстоянии друг от друга. Так, например, расстояние от Верхнего Заравшана, где находится исследуемый нами могильник, до Тепе-Гиссара — 2000 км. Чуть ближе к нам, на расстоянии 1500—1000 км, расположены памятники подгорной полосы Южного Туркменистана, памятники долины Мургаба и долины Сумбара. Наиболее близкими памятниками являются могильники Джаркутана и поселений Сапаллинитепе и Дашли-1. Ближе всего к Шортугаю у притока реки Кокча. Однако эта отдаленность не препятствует близости археологического комплекса верхнезаравшанского погребения комплексам памятников упомянутых регионов.

Таким образом, синхронизируя археологический комплекс Зардхахаляфы, мы видим, что он соответствует хронологически таким памятникам, как Тюроиц-тепе ШС. 1—2, Шах-Тепе ПС, Тепе-Гиссар ШС, которые расположены недалеко друг от друга на территории Северо-Восточного Ирана. Все эти памятники датированы исследователями второй четвертью II тысячелетия до н. э. (1800—1600 гг. до н. э.). Из памятников Южной Туркмении наиболее синхронными с нашими комплексами являются Лучиндепе, памятники Мургабского оазиса и могильники долины Сумбар. Хронологический диапазон памятников этого региона, так же как и памятников Ирана, укладывается в ранний Намазга VI, датирующийся 1800—1500 гг. до н. э.³⁴

Комплекс Зардхахаляфы, на наш взгляд, близок к комплексу Сапаллинитепе (джаркутанский этап) и Джаркутанского могильника. Керамика, бронзовый сосудик со сливом, булавка с зооморфным навершием, буферобразное кольцо Зардхахаляфы настолько близки к Южноузбекским комплексам, что могли быть комплексом одной культуры. Исследователи этих памятников А. А. Аскаров и Б. Е. Абдуллатиф датируют джаркутанский этап (1700—1500 до н. э. Там радиокربона — 1650 ± 60 гг. до н. э.)³⁵

В Афганистане наш комплекс находит параллели в комплексе Дашли-1 и 3. Они особенно заметны в керамике и ряде металлических изделий — в сосуде со сливом, булавках с зооморфным навершием и кинжалах ромбической формы. Исследователь памятников дашлинского комплекса датирует их по радиокарбонным данным в пределах второй четверти тысячелетия до н. э.³⁶

Что касается отношений земледельческой культуры Верхнего Заравшана эпохи бронзы к более южным центрам — Мундигаку и частично харакской культуре, то в последних мы видим лишь минимальное сходство по отдельным находкам (например, по бронзовому кинжалу — с Мундигаком, по несохнутым колесам, модели колес и навершиям булав — с харакской культурой). Поэтому нам кажется наиболее реальным видеть близость к культурному комплексу Верхнего Заравшана лишь в памятниках Южного Туркменистана и Южного Узбекистана.

Таким образом, анализ археологического комплекса Зардхахаляфы

§3. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ IY ГОРИЗОНТА.

К настоящему моменту поселение Саразм исследовано на первый взгляд достаточно основательно, о чем свидетельствуют многочисленные труды ученых - археологов, историков (Н.Исаков, Р.Безенваль, Б.Лионе, Л.Карловский, Ф.Колл, Маддин, А.Раззоков, С.Бобомуллоев и др). Кроме того, некоторые материалы этого археологического комплекса использованы в качестве аналогии и для выводов относительно древнеземледельческо - скотоводческой культуры Центральной Азии. Однако по вопросу абсолютной и относительной хронологии этого памятника до сих пор имеются разногласия. Это прежде всего касается и проблемы зарождения культуры Саразма (Саразм I). Разногласия наблюдаются и в вопросе, касающемся исследования последнего - IY горизонта, после которого на поселении жизнь окончательно прекратилась.

Поскольку наша тема касается этого последнего периода, то остановимся на этом вопросе более подробно. Разрабатывая хронологию поселения Саразм, А.И.Исаков пишет, "что археологический комплекс этого периода времени (поселение Саразм.С.Б) имеет параллели с материалами позднего Намазга IY или раннего Намазга У, Алтындепе I - 4, Хапуздепе I-II, Гиссара III- В, Тепа Яхъя IY - А, Сузи У, Шахри - Сохте IY, Мундигака IY и Мергара YII - YIII, а также с памятниками Харапской культуры Маханджа - Доро, Кулли и т.д." (Исаков, 1991 а, с. 115). При всем этом среди металлических, каменных и керамических предметов Саразма встречаются кинжалы с короткими клинками типа кинжалов из Яз - депе и лавролистные наконечники дротика, схожие с подобными находками из Сапалитепе, топоры - тесла типа ёринских и харапских и , наконец, керамика степной бронзы. Эти находки позволяют нам пересмотреть дату финального периода; на наш взгляд, последний период жизни поселения

длился в течение 400 лет, с третьей четверти III тыс. до н.э. до первой четверти II тыс. до н.э. (2700 - 1800 гг. до н.э.).

Другой вопрос - прекращение жизни на Саразме. По нашему мнению, предложенная дата - 1800 гг. до н.э. скорее всего не окончательная, так как из 10 га территории поселения исследователи раскопали всего около 1 га. Мы пока не знаем, к какому периоду относится та часть поселения, на которой расположены застройки кишлаков. Можно предположить, что после ухода основной части населения, возможно, в некоторых местах поселения жизнь еще продолжалась. К такому заключению нас привели два факта, выявленные в конце 80 - х годов. Первый - это обнаружение археологических комплексов на шурфе XI, расположенном во дворе одного из жителей кишлака Авзали. Как было отмечено, здесь на площади более 100 м² были найдены многочисленные фрагменты керамики гончарного изготовления типа керамики культуры Харанпы, а возможно, и постхаранпской, встреченных А.П.Фракфортом на поселении Шортугай (Франкфорт, 1989, табл. 46, 1 - 14). Второй факт - в 10 км к востоку от поселения Саразм расположено погребение Зардча - Халифа. археологический комплекс его датирован 1600-1400 гг. до н.э., он вполне может быть продолжением саразмийской культуры, хотя между спустошением Саразма и комплексом Зардча - Халифа имеется перерыв на 200-250 лет. Эти два факта заставляют нас пересмотреть дату финального периода поселения Саразм и окончательного прекращения жизни на нем.

Думается, что если не в самом Саразме, то в крайнем случае поблизости от него жизнь развивалась спонтанно с начала IV до середины II тыс. до н.э. Со временем, мы надеемся обнаружить новые археологические факты, с помощью которых и можно доказать свою гипотезу. После этого мы сможем решить и еще один вопрос - вопрос об исходном пласте Бактрийско - Маркианского культурного комплекса, выделенного В. И. Сарианиди (1977). В этом плане, еще раз касаясь вопроса миграции населения Саразма, следует подчеркнуть, что она, вероятно, началась с конца периода Са-

разм III, т.е. с первой половины III тыс. до н.э. Саразмийцы, судя по тому, что прототип их культуры не обнаружен в северных регионах Средней Азии, мигрировали на запад - в сторону Маргианы и на юг - в Бактрию. Причем временные их стоянки могли быть расположены и в стороне Маргианы - поселение Замонбаба, и в стороне Бактрии - Сапалитспа, Джаркутан, Мулалы и Дашли. По этой версии, саразмийцы являются носителями не только поднежного типа культуры расписной керамики, но и носителями градостроительной культуры, которая продолжала развиваться на новом месте с новыми, более развитыми общественными укладами.

Происхождение в Маргиане однотипного археологического комплекса на поселениях Гонур 1, Тагалок 21 пока не определено. Как в Бактрии, так и в Маргиане упомянутые комплексы, по утверждению Т.Ш.Ширинова, появились внезапно. "Генетическое происхождение обоих комплексов не связано с местными традициями"-утверждает исследователь (Ширинов, 1993, с.18). Таким образом, исходя из исследованных материалов, можно говорить о том, что сложившийся в начале II тыс. до н.э. новый культурный комплекс подтверждает тот факт, что культура не была ограничена бактрийско-маргианскими регионами в нее, вероятно, входили и регионы древнего Согда, особенно верховья Зарафшана (Исаков, 1991 а, с.116; 1991 б, с. 35). В свою очередь не исключено, что исходным пластом этой культуры, возможно, и является поселение Саразм.

Что касается причины прекращения жизни на территории самого поселения, то по археологическим комплексам ее установить трудно, так как за исключением строительных дел, производство материальных культур развивалось спонтанно. Кроме качества росписей на керамике, другие предметы материальной культуры качественно улучшились, к тому же появились новые формы сосудов со сложными горловинами и венчиками. В керамическом деле начали применять и гончарный круг. Из металлов - свинца и бронзы изготовляли заготовки для обмена, а возможно, и для торговли с обитателями дальних регионов. По этой причине относительно пре-

кращения жизни поселения Саразм вырисовываются два аспекта: первый, как отмечает А.И.Исаков, "можно связать с появлением на этой территории скотоводческих племен севера", второй, "внутриобщинные противоречия вели к тому, что в обществе происходило разложение". (Исаков, 1991а, с.116).

К аргументам А.И.Исакова мы добавим следующее. На наш взгляд, начиная со второй половины III тыс. до н.э., в связи с развитием производственного потенциала, происходили некоторые изменения в структуре саразмийских общин. Некогда единое общество, члены которого происходили, возможно, даже из одного племени, после социальной дифференциации раскололись на несколько общин. Это и привело к изменению взаимоотношений друг с другом, ставшие причиной ухода части из них. Также в результате этого началась поэтапная миграция саразмийцев на отдельные долины и оазисы. Неисключено, что при этом часть населения продолжала жить на какой-то части поселения, в худшем случае они, возможно, переселились в окрестности Саразма, примером чего является погребение Зардча - Халифа.

Отметим, что упадок жизни к этому периоду характерен не только для поселения Саразм. аналогичные явления происходили на поселениях Намазга - тепе, Алтын - Депе, Шахри - Сохте и других памятников древнеземледельческих культур Пакистанского Белуджистана (Мергар, Сибри, Кулли) и Афганистана (Мундигак).

Как было сказано, археологический комплекс Зардча - Халифа и по времени не связан с саразмийскими, но по характеру культуру это комплекс земледельческой культуры, и перерыв в 200-250 лет между этими двумя археологическими комплексами, Саразмом и Зардча - Халифой, еще не означает, что они принадлежат разным древнеземледельческим культурам. По нашему мнению, Зардча - Халифский археологический комплекс появился в результате развития производственной деятельности гончаров, металлургов, ювелиров и других специалистов. В конечном итоге это привело к инновации производства хозяйственных и бытовых орудий, согласно

требованиям более развитых древнеземледельческих общин в первой половине II тыс. до н.э. В последующем, в связи с приходом скотоводов - кочевников, начиная со второй половины II тыс. до н.э., в древнеземледельческих регионах Средней Азии (Зарафшанском, Мургабском, Сурхандарьинском) произошли значительные изменения в культуре - на смену культуре земледельческой пришла культура скотоводческая.

§ 4. РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИИ ЗАРДЧА - ХАЛИФА.

Погребение было обнаружено в 1986г. при строительстве городского очистного сооружения. Оно расположено в 800 км к западу от Пенджикента, у левого берега р.Зарафшан или в 13 км к востоку от поселения Саразм. Могильная яма до уровня скелета была полностью уничтожена при рытье траншеи очистного сооружения. Костяк и некоторые предметы были слегка потревожены.

По ходу расчистки были произведены раскопки и вокруг могильной ямы, удалось определить характер материка поблизости от могилы. С помощью шурфов, заложенных в северо - западном углу раскопок и к югу от уцелевшей могильной ямы, установлено, что покойник и сопровождавшие его вещи были уложены на галечном конгломерате.

Дополнительные сведения были получены во время зачистки стенки траншей, срезанных бульдозером. Разрез (рис. 15.1) показал, что данная местность дважды становилась руслом какого - то протока. Зачиска стенки показала, что под дерновым слоем толщиной 100 - 120см, ниже расположена прослойка гравия толщиной 60 - 70 см. Третий слой из лёсса толщиной 50 - 60 см отличается от верхнего лессового слоя тем, что здесь встречаются линзы натека. Четвертый слой опять гравийный. О толщиной 50 - 70 см, прикрывает лессовую прослойку. Последняя прослойка из галечника на глубине 3,5 м. Ниверлировкой установлено, что дно захоронения находится на глубине 3,5 м над гравийным наслоением.

Наблюдения показывают, что, очевидно, могила была грунтово. Несколько необычны небольшая каменная дуга и кучи прочих камней, обнаруженных к юго - востоку от края могилы (рис. 16). Возможно, они появились здесь в результате попыток создания неизвестного нам погребального сооружения. Общая площадь могилы 6 м². Конечно, для одиночного захоронения эта площадь выглядит слишком обширной. Это очевидно, связано с тем, что вместе с покойником были захо-

ронены баран и положено значительное количество вещей. Любопытным является тот факт, что в трех случаях предметы лежат группами, согласно их фактуре и назначению.

Могильная яма овального плана вытянута с запада на восток, размером 3,1 м. Скелет скореченный, его голова ориентирована на северо - запад, положение черепа и костяка на правом боку. Кости правой руки находятся у подбородка, а левой в виде прямоугольника лежат на животе. Ноги с небольшим расхождением друг от друга сильно прижаты к тазовой кости. При зачистке скелета в области позвоночника были обнаружены высохшая кожа желто - красного цвета и остатки волос темного цвета. На расстоянии 20 см к западу обнаружен скелет рогатого барана (рис.16). Рога короткие, но весьма толстые, дугообразные, длиной 48 см. Установлено, что это животное было захоронено целиком, без каких - либо расчленений. Весьма любопытен факт расположения сопровождающих усопшего предметов. При скелете были найдены золотое височное кольцо и бисер, который лежал вблизи уха. Другие предметы группами лежали на значительном расстоянии от скелетов. В пределах могильной ямы было найдено ³² предмета: 18 металлических, из которых 16 бронзовых и 2 золотых, 8 костяных, 3 ка^менных и 3 керамических изделия.

Набор бронзовых изделий представлен 3-мя видами сосудиков, 4-мя застёжками, 4-мя заклепками, 2-мя удилами, одним ножом, одним кинжалом и навершием булавы с зооморфной головкой. Особый интерес представляют два золотых изделия - упомянутое височное кольцо и штука золотого бисера. Интересен также набор костяных предметов, из которых 6 являются псалями, а один представляет фрагмент неизвестного трубчатого котьяного предмета. В комплексе имеются также 3 каменных изделия: 1) бисер из бирюзы, 2) фиаллического вида пест, 3) заготовка под пряслице. Археологической комплекс дополняют 3 целых керамических сосуда.

К этим находкам следует добавить миниатюрный чашеподобный предмет из золота. Он был найден на расстоянии более 10 м к востоку от погребения, в отвале, сделанном бульдозером. Эта случайная находка свидетельствует о том,

что на этом месте не могло быть только одно погребение. Однако вся территория новостроек на площади около 2-х га разрыта несколькими траншеями под очистные сооружения.

а) Характеристика материальной культуры.

КЕРАМИКА. Как было отмечено, в погребении обнаружено три сосуда (рис. 17). первый представляет собой шаровидный кувшин с узкой (10 см) невысокой горловиной и отогнутыми по краям венчиками. Придонная часть слегка скошена. Донце менее устойчиво, его ширина равна примерно 13 см. Второй сосуд полностью шаровидный. В отличие от первого, у него относительно высокая горловина. Кроме того, этот сосуд по размеру уступает первому и его придонная часть не имеет подкошенности. Третий сосуд по форме похож на два первых сосуда, хотя этот кувшин по размерам уступает первому, но подкошенная придонная часть приближает его к нему. Еще одна его отличительная черта - это устройство венчика, который снабжен треугольным сечением.

Кроме того, на плечике сосуда начерчен знак мастера. Знак состоит из двух вертикальных и одной горизонтальной линии, предающих знаку вид буквы Н.

б) Металлические предметы быта, культуры и туалета.

БРОНЗОВЫЕ СОСУДИКИ. Их всего 3 экземпляров разных форм. Из них лишь 1 целый - полусферический сосуд со слабо выраженным желобком под венчиком и горизонтально вытянутым от венчика сливом. Второй сосудик с кольцевидным корпусом и венчиком имеет гофрированный цилиндрический корпус. Излом по придонной части не позволяет нам представить его в целом виде. Третий - это лишь фрагмент стенки сферической формы от небольшого сосудика.

ЗАСТЕЖКИ И ЗАКЛЕПКИ. Из 8 экз. Все они изготовлены из тонкого листа бронзы, в результате чего до нас дошли во фрагментах. Думается, что назначение этих предметов не нуждается в комментариях.

УДИЛА. Традиционно эти конские принадлежности должны были присоединяться к друг другу кольцами. Наш набор оказался расчлененным. Оба они изготовлены, видимо, способом литья из бронзы. Имеют с двух сторон великолеп-

ные муфты и кольцо, для соединения удил использовали крепкие жилы животного или кожаный ремень.

БУЛАВКА. Она с зоморфной головкой и с утолщенным концом. По виду навершие напоминает лошадку с гривой и длинным хвостом. Предполагается, что это украшение изготовлено литым способом (рис. 18). Длина вместе с навершием 18 см.

В комплексе бронзовых изделий имеется по одному ножу и кинжалу. Первый из них однолезвийный с длинной массивной ручкой. В отличие от традиционных ножей по форме он близок к бритве (рис. 18). Второй предмет представляет стандартный для этого периода кинжал. Он снабжен вытянутым плоским черешком. Плечки при переходе от черешка к лезвию имеют прямоугольный перегиб. Лезвие с утолщением по середине, поломанное. Длина сохранившейся его части равна 19 см (рис. 19).

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЗОЛОТА. Их в этом комплексе 3 экз., из них височное кольцо. Оно изготовлено из золотого круглого в сечении (2мм) стержня и имеет вид несомкнутого кольца, с плоским буферобразным завершием (рис. 19.15). Второй предмет - это широкообразный формы бисер со сквозным отверстием (рис. 18.4). Третий - миниатюрная чашечка сферической формы с согнутыми во внутрь краями. Она изготовлена путемковки из тонкого листа золота (рис. 18.16).

КОСТЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ. При зачистке погребения было найдено 8 предметов псалев, изготовленных из кости животных. Из этой группы находок выделим 6 фрагментов моделей. По восстановленным формам отметим, что они представляют собой диски диаметром более 8 см с четко выступающей из плоскости колес муфтой и 4-мя выступающими с обратной стороны в виде ножек столика. Наличие упомянутой муфты и сквозных отверстий позволяет считать эти предметы моделями псалев (рис. 19). Другие фрагменты также относятся к сильно пострадавшим моделям. Неизвестно назначение сильно пострадавшей костяной трубочки. Послед-

ний предмет этой группы - это заготовка под пуговицы или застежки с зубчатыми краями.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КАМНЯ. Их всего 3. Первый - это бисер из бирюза, со сквозным отверстием. Второй - массивный фаллической формы пест (рис. 18.17). Он длиной 26, 5 см, сечением 4, 5 см, изготовлен из цельного камня. Тщательно отшлифованная поверхность песта свидетельствует о долговременном использовании его в быту. Третья каменная заготовка под пряслице.

Общий обзор характера погребения и сопровождающих погребенных предметов говорит о том, что погребенный имел большой имущественный статус.

в) Интерпретации археологического комплекса.

Караясь вопроса об интерпретации комплекса погребения, следует отметить, что погребальный обряд близок к погребениям таких ранее земледельческих памятников Северной и Южной Бактрии, как Сапалитепе (Аскарлов), Дашли Джаркутан (Сарианиди). Водном из погребений поселения Дашли I (Аскарлов) вместе многочисленными керамическими сосудами был захоронен целый баран. Захоронение двух баранов было обнаружено в погребении 60 поселения Сапалитепе и Джаркутане. Здесь также обнаружено значительное количество керамики. Однако в отдельных погребениях Сапалитепе, Джаркутана, Дашли 1-3, Сумбара и Памира рядом со скелетом встречались лишь расчлененные части животного, лопатки, ребра или задние ноги, причем преимущественно барана или козы.

Для характеристики погребения Зардча - Халифа интерес представляет его аналогия с погребениями 7,44 и 90 в поселении Сапалитепе. В погребении 7 и 44 было обнаружено по ягненку, а в погребении 90 - два животных. Причем в могиле 90 скелет первого животного лежал на левом боку, а второго - на правом. Исследователь этих артефактов А.А.Аскарлов объясняет это тем, что "если в первом случае (погр.44) животное заменило мужчину, то во втором (погр. 90) животные заменяли людей обоих полов". (Аскарлов, 1977, с. 138). Думается, это объяснение приемливо и для погребения

ния Зардча - Халифа, где скелет мужчины лежит на правом боку, а баран на левом боку.

Керамики Зардча - Халифы по типу идентична с кувшинами джаркутанского этапа поселения Саналитепе (Аскарлов, 1977, с. 188) и могильника Джаркутана. Некоторые сходства с керамикой из Зардча - Халифы встречаются среди типов керамики Дашли 3 (Сарианиди, 1977). Но керамика двух последних регионов весьма редко имеет подкошенность. Третий сосуд с раздутым туловом и высоко вытянутой шейкой без подкоса на придонной части аналогичен керамике II типа могильника Джаркутана. Отметим, что все три сосуда изготовлены из тщательно отмученной глины розового цвета на гончарном круге. После обжига поверхность сосуда приобрела желто - розовый цвет.

Среди комплекса металлических предметов интерес представляет бронзовый полусферический сосуд с вытянутым сливом. В комплексе джаркутанского этапа поселения Сапалитепе почти аналогичный сосуд близок к нашим, однако по расположению сливов они несколько различны. Во - первых, слив сосуда из Зардча - Халифы расположен у самого венчика; как бы явились его продолжением; во - вторых, этот же слив по отношению к венчику горизонтален. Что касается Сапалитепинского сосуда, то здесь слив расположен несколько ниже венчика, к тому же он спускается вниз, к корпусу сосуда. Тем не менее, несмотря на эти различия в деталях, мы считаем, что сосуды упомянутых памятников относятся к данному хронологическому периоду и культурному комплексу.

Металлический вариант сосудов со сливами, заимствованный из керамических форм, нашел свое развитие со II тыс. до н.э. в ряде раннеземледельческих памятников Среднего и Ближнего Востока. Так, идентичные формы аналогичных сосудов из бронзы, кроме Сапалитепе, были найдены в слое поселения Тепе-Гиссар. На этом же памятнике были найдены сосуды из других металлов - серебра, свинца, сосуды из алебастра.

О двух других сосудах, которые представлены по фрагментах, трудно что - либо сказать. Первый из них, гофрированный, цилиндрической формы, возможно, был предназначен для хранения благоуханий, второй фрагмент принадлежал сосуду со специальным сливом с неизвестным нам назначением.

Другая группа бронзовых предметов - это фрагменты заклепанных застежек. Возможно, ими были закреплены детали конной узды. Из этой группы интерес представляют два расчлененных, состоящих из двух колец, удила. Судя по длине (вместе с конечными кольцами они равны, соответственно, на 12 и 11, 5 см) эти удила не использовались в отдельности. Как было отмечено, они соединялись друг с другом чем - то прочным. Двухколенные удила в Средней Азии найдены на поселении III в Кайракуме. Но этот предмет по форме принципиально отличается от удил Зардча - Халифы, которые с двух сторон - одинакового размера и не имеют великообразных муфт, чего мы не видим на удилах Кайракума. (Литвенский, 1962, табл. 38.1).

Определенное художественное и социальное значение имеют изделия из золота. Первое из них - несомкнутое височное кольцо с двумя буферобразными валиками. Три экземпляра аналогичных колец были найдены в погребении 57 и 29 на поселении Сапалитепе (Аскарлов, 1977, табл. XXIX, 17 -19). По утверждению А.А.Аскарлова, два из них - серебряные. В целом ареал височных колец из тонкой проволоки очень широк. Кольца различных разновидностей были найдены, помимо указанных памятников, в Южном Туркменистане (Ганиялин, 1956, с. 377), в Маргиане (Массон, 1959, с. 8-10), в долине Сумбара (Хлопин, 1972), в Иране (Shaffer, 1948). Некоторые из экземпляров были встречены в Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с.86), в могильниках эпохи бронзы Южного Таджикистана (Мендельштам, 1968, табл. XVI, с.69). Эти параллели указывают на то, что кольца с буферобразным несомкнутым концом из бронзы, серебра (для Сапалитепе) и золота (для верховного Зарафшана) характерны для первой половины II тыс. до н.э.

Кроме отмеченного кольца, не меньший интерес представляет названная выше сферическая миниатюрная чашечка, не входящая в погребельный комплекс. Диаметр ее 4 см, высота 2 см. Этот предмет мог сулжить украшением уздечки, но отсутствие какого-либо крепления, характерного для таких предметов, затрудняет его определение. В любом случае, мы пока не имеем прямой аналог для этого предмета.

В комплексе бронзовых изделий имеется единственный экземпляр булавок с зооморфным навершием. Тип булавок с зооморфными навершиями был широко распространен на территории Средней Азии, на поселениях Алтындепе (Массон, 1970, с. 16), в комплексе Хакского клада (Кузьмина, 1966, табл. XVI), в разграбленных погребениях Бактрии (Сарианиди, с. 178, рис. 43, 8, 12), на поверхности поселения Дашли 3 (Сарианиди, 1977, рис. 44-2). По одному и два экземпляра встречено на поселении Сапалитепе и в погребении 45 и 24 Джаркутанского могильника. Навершия указанных булавок имеют изображения козы (Алтындепе), барана, козы и коровы (Южная Бактрия), барана (Сапалитепе и Джаркутан). Булавка Хакского клада имеет целую композицию, изображавшую процесс доения коровы, на булавке Зардча - Халифы мы видим изображение лошади.

Поэтому подчеркнем, что хотя булавка из Зардча - Халифы по назначению и выполняла те же функции, что булавки указанных памятников, по изображению она является уникальной. За пределами Средней Азии булавки с зооморфными навершиями встречались в Месопотамии, Юго - Западном Иране, Макенах и Малой Азии. Вопросами типологии и картографированием их из зарубежных ученых еще в 40-е годы занимался С. Пигот (Piggot, 1947, 1948). По представленным аналогиям можно констатировать, что булавки с зооморфным навершием датируются двумя этапами. Начало появления этих булавок относится к ранней бронзе, т.е. к началу III тыс. до н.э. Но по ходу развития производства металлических изделий и эстетических воззрений первобытных об-

щин они усовершенствуются и широко распространяются во
II тыс. до н.э.

ГЛАВА III.

СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

До 80 - х годов в археологической науке Таджикистана вопросы степной бронзы верховья Зарафшана не ставились, так как исследователи этого региона Зарафшанского бассейна не имели достаточно научных сведений, характеризующих культуру скотоводов. Одинокое погребение андроновской культуры в тозабагьябском субстрате, обнаруженное в середине 70-х годов у кишлака Чорбог, пригород древнего Пенджикента и келт из кишлака Бедак были лишь первыми сигналами о наличии культуры степной бронзы в верховье Зарафшана. Благодаря открытиям поселения Саразм верховья Зарафшана были включены в зону раннеземледельческой культуры. Хотя это и так, но обнаруженные при раскопках этого поселения керамика, ножи, кинжалы, каменные гребенчатые штампики раннебронзовой эпохи свидетельствовали о том, что скотоводческая культура степной бронзы проникла в прегорные и горные районы верховья Зарафшана значительно раньше, где - то в середине III тыс. до н.э. Этот факт указывает на древние связи земледельцев Саразма со скотоводческими общинами северных областей Средней Азии. Но, как утверждают многие исследователи, массовая миграция скотоводческих племен в гулбь Средней Азии началась со второй половины II тыс. до н.э. (Гулямов и др., 1966; Литвинский и др., 1962; Аскарлов, 1962; Кузьмина, 1986, 1994).

Открытия последних лет в горных отрогах Туркистанского хребта, на северном его склоне могильник Ак-Танга (Литвинский Ранов, 1964, с.3), на южном - Дашти-Казы (он же Тепаи Камар) (Исаков, 1992, 1993, 1994; Исаков, Потемкина, 1989) внесли конкретные коррективы в исследования о проживании скотоводов в степных просторах Средней Азии (Массон, 1966а).

§ 1. ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ 'МОГИЛЬНИКА ДАШТИ - КАЗЫ

Могильник был обнаружен в результате землянных работ школьным учителем истории кишлака Дашти - Казы Пенджикентского района Аслиддином Садриддиновым. Могильник расположен на правом берегу реки Зарафшан, в 45 км к востоку от г. Пенджикента или в 60 км от поселения Саразм, на предгорном, относительно плоском плато, на высоте более 50 м от автодороги Пенджикент - Айни. К северу от упомянутого кишлака.

При осмотре могильника внешних признаков погребений обнаружено не было. Единственно отличие места могильника от других предгорных холмов в том, что здесь земля лессовая, с травяным покровом, в то время как другие предгорные холмы состоят из горных галечных пород и без покрова.

В 120 м к северу от могильника расположен грот Камар, поэтому в начале могильник был назван Тепан - Камар (Исаков, 1992).

Могильник занимает площадь длиной с севера на юг 40 м, шириной с запада на восток 30 м (Рис. 20). До начала раскопок могильника была проведена зачистка погребения, разрушенного ковшем бульдозера, к тому же из этого погребения жители кишлака Дашти - Казы брали землю для строительства. В незатронутой части могильник был перекрыт первоотложенным слоем комковатого лесса толщиной до 1 м. Уклон площадки могильника в сторону долины р. Зарафшан, с перепадом высот, 5-6 м.

Раскопки производились по 30 - 45 дней в течение шести сезонов. Работы первых двух лет (1983 - 1984 гг.) под руководством А.И. Исакова и автора носили разведовательный характер. В 1985 - 1986 гг. на стационарную работу была приглашена ведущий научный сотрудник Института археологии АН СССР Т.М. Потемкина. Вместе с ней в раскопах могильника в 1985 - 1986 гг. участвовали зав. кафедрой археоло-

гии Самаркандского Государственного Университета Н.А. Аванесова (1985г.), научный сотрудник отдела археологии Института истории им. Чокана Валихонова АН Казахстана О. Н. Достамбаева (1984г.), научный сотрудник Пенджикентской археологической базы Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Таджикистана А.Р. Раззиков (1986г.) .В 1991г. автор доисследовал памятник, выявив новые данные.

В этой работе автор использовал дневниковые записи А.И.Исакова и Т.М.Потемкиной.

При исследовании могильника из - за полного отсутствия внешних признаков погребения, кроме названных выше, в первые годы исследования (1983-1984гг.) были произведены траншейные раскопки. С их помощью предполагалось определить границы могильника и наличие погребений на площадке.

В начале работы были выкопаны три траншеи различного размера. Две из них шириной в 1м, длиной 3 м были расположены параллельно друг к другу с юга на север на расстоянии 9м друг от друга. Третья (шириной 1,5м, длиной 5м) была выкопана перепандикулярно к ним с востока на запад, т.е. от вершины холма к спуску.

Траншеи дали интересные данные по определению площади погребения. Во - первых, в отдельных местах в лессе был обнаружен черный слой с сажой и древесными углями; во - вторых, по краям или непосредственно под погребением, как правило, лежали 3-4 небольших камня.

В результате раскопочных работ (1983-1984гг.) нам удалось обнаружить и раскопать II погребения и заложить разведовательный шурф на юго - западном склоне холма. Лишь после получения фактов, свидетельствующих о наличии погребений, в 1985г. были начаты стационарные раскопки, в результате которых к концу сезона 1986г, было раскопано 208м² площади и 27 погребений.

Прежде чем представить археологический комплекс погребений, коротко охарактеризуем стратиграфию могильника по результатам археологических разрезов. Всего произ-

ведено 12 зачинок стенок раскопа, из которых 6 по направлению с запада на восток в квадратах: А 17-Н 17, Е 13-Е 13: Е 11-з 11, В 9 - К 9 : Е 7 - Е 7: 15 - 35 (рис.22). Еще 5 разрезов были сделаны по направлению с севера на юг в квадратах: К 15 - К 6, К 17- К 13, Ж11-Ж7, Д17-Д7,Е5-Е3 (рис.22). Последний разрез был сделан по западному образцу разведовательной траншеи. Полученные данные дают полное представление о характере наслоений, перекрывающих погребения в глубине могильных ям. Под дерновым покровом могильник перекрыт перестложунным слоем комковатого лесса, толщиной от 50см до 1м. Что касается самих погребений и других сооружений, то они находятся на глубине 1, 4 - 1,25 м от современной дневной поверхности.

Обязательными признаками погребений являются кострища и наличие 2-3 крупных камней или группы камней. Во всех случаях камни и кострища находятся поблизости от погребенных на 0,3-0,6м выше уровня захоронения. Эти факты были получены дополнительно в результате изучения обрывов, образовавшихся в связи с работой экскаватора и нашего разведовательного раскопа, были сделаны стратиграфические разрезы на западном склоне холма.

Отметим процесс исследования 27 погребений этого памятника (рис. 21).

Погребение 1. Было разрушено ковшом экскаватора. Сохранившаяся часть могильной ямы - овального плана, длиной 1, 3м. скелет, ориентированный с севера - востока на юго - запад, лежит на левом боку. Погребенного сопровождали 7 больших, 2 мелких бронзовых бусины и 3 браслета, ребристых в середине (рис.23).

Погребение 2. Обнаружено на глубине 80 см, у склона холма, под искусственно проведенной землевозами дорогой. Могильная яма прямоугольного плана с закругленными углами, равна 1, 3 x 0,85 м. Скелет ориентирован на северо - запад и уложен на левый бок с сильно прижатыми к тазу ногами. Археологический комплекс довольно богатый. Здесь, кроме орнаментированного сосуда у головы, собрано значительное количество украшений, они состоят из 3-х таблет-

кообразны, 5-ти муфтообразных и большого количества круглых постовых бус. Найдены бронзовые изделия двух видов: крупные и мелкие пронизи (соответственно 33 и 71 штука) и единственный браслет с сомкнутой вершиной с заостренным ребром по середине. Сосуд, расположенный у головы, имеет бокообразную форму, над верхней частью тулова треугольный прочерченный орнамент в виде двух фриз, разделенных прямым желобком посередине (рис. 24).

Погребение 3. Представляет собой яму, вытянутую в плане с юго - запада на северо - восток, размером 140 x 100 см. Это самое богатое предметами погребение. Оно устроено в грунтовой яме, выкопано до галечной поверхности материка на глубину 1, 4 м. Скелет лежит на левом боку в скорченном положении по направлению с юго - запада на северо - восток. Череп целый, на расстоянии 5 см от него находился довольно большой неорнаментированный горшок: диаметр венчика 17 см, высота 35 см. В области правого и левого уха найдена пара золотых серег с широким раструбом. Несколько ниже, в районе носа, две сильно пострадавшие бронзовые височные серьги. Обе руки покойника некогда украшались восьмью бронзовыми браслетами на каждой руке по четыре. Несколько ниже подбородка лежит миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой и отверстием. Недалеко от зеркала найден очень плохо сохранившийся бронзовый крючок, а рядом - бронзовое кольцо.

Обильное количество бронзового бисера (более 195 штук) было собрано в районе лопаток и между ребрами. Представляется, что ими были украшены волосы и, очевидно, одежда. Большие по размерам бронзовые бусы собраны у ступней и пальцев ног.

Погребение 4. Овального плана, вытянуто с юго - запада на северо - восток. Здесь обнаружены остатки двух детских скелетов. Судя по расположению черепов и костей, скелеты были потревожены, можно предположить, что погребенные были уложены одновременно в середине погребения. Любопытен тот факт, что по обеим сторонам черепа, расположенного в северо - западном углу могильной ямы, находи-

лись два сосуда: первый, без орнаментов, лежал на боку у лицевой части одного черепа (10, 5 x 17 x 8). Второй горшок с небрежными подтреугольными насечками лежал недалеко от другого черепа (12 x 11 x 5), горшок без орнамента (рис.25).

Погребения 5. Овальная в плане яма, вытянутая с запада на восток, размером 140 x 100 см, обнаружена на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Скелет в скорченной позе лежит на левом боку по направлению с северо - запада на юго - восток. Отличительная черта этого погребения - сильно прижатые к тазу ноги и близко подведенные к лицу руки. В числе сопровождающих вещей орнаментированный сосуд (15 см), 4 больших бронзовых бусины, 1 предмет в виде рулончика из листа бронзы. В раскопе погребения хаотично лежали чечевицеобразные бронзовые пронизи. Один из них вместе с большими бусами и трубочной находились у ступней ног, другие - в районе шейных позвонков и между ребрами.

Бронзовый предмет, напоминающий кончик лезвия ножа, был найден под развалившейся челюстью (рис.25).

Погребение 6. Овальная яма, вытянутая с запада на восток, размером 150 x 90 см. Скелет обнаружен на глубине 1,6 м от дневной поверхности, лежит головой на запад, на левом боку. Богато орнаментированный горшок с четырьмя отверстиями находился к северу от черепа. На руках погребенного было по два массивных браслета. Мелкие бронзовые пронизи находились в области шеи. У костей ног, ближе к ступням, также находилось множество пронизей из бронзы. Среди украшений лежали бусы среднего размера и шесть штук овальнокрупных. Среди костей ног лежало небольшое кольцо (рис.26).

Погребение 7. Вытянуто с юго - запада на северо - восток. Скелет лежит на правом боку на уровне 1,4 м от дневной поверхности. Еще до костяка на глубине 90 - 100 см были обнаружены четыре больших камня. Череп раздавленный, а традиционный сосуд, сопровождающий покойника, отсутствует. Но в погребении найдены три вида предметов: поблизости от шейных позвонков лежали фрагменты серег с раструбом и 72 мелких чечевицеобразных бронзовых пронизи.

Большие бронзовые бусы в куче (23 штуки) лежали в районе пояса. Две бусины были найдены на расстоянии 35 см к востоку от скелета в норке грызунов (рис. 27). *

Погребение 8 . Вытянутоовальное в плане, диаметром 1,4 - 1,6 м. По костным останкам установлено, что погребение было использовано дважды. Остатки первого скелета при повторном захоронении были сдвинуты в юго - восточный угол могильной ямы, в результате чего анатомический горядок покойника был нарушен. Второй захороненный лежит на левом боку, головой на северо - запад. К западу от черепа лежали два небольших сосуда без орнамента. Все бронзовые предметы принадлежат второму захоронению. Кроме сосудов, здесь было найдено миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой. В области шеи найдены одна целая и два фрагмента бронзовых трубочек, 2 большие и 33 бусины меньшего размера (рис. 28).

Погребение 9. Размером 0,9 x 1,42 м вытянуто с юго - запада на северо - восток, с западным закруглением стенок. Костяки находились на глубине 2,4 м от дневной поверхности. Захоронение парное. Западный скелет лежит на правом боку, а восточный - на левом. первый скелет - западный, видимо, был захоронен несколько раньше, о чем свидетельствует потревоженное состояние костяка. Предполагается, что при погребении второго скелета, костяк первого погребения был слегка отодвинут к западной стенке могилы. В результате череп лицом был передвинут на восток и придвинут ко второму черепу. Второй скелет в идеальном состоянии, четко прослеживается его анатомическое расположение. Левая рука подведена к лицу, а правая - к груди. Между скелетами лежало два сосуда, первый сосуд был обнаружен между черепами, второй поблизости от тазовых костей. кроме того, первый скелет сопровождали две разные кольцеобразные серьги .

Более богатым оказался второй погребенный. На левой руке был обнаружен массивный браслет. В области пояса, ниже тазовых костей, найдены лежащие тремя группами крупные бронзовые бусы.

Вместе с бусами было собрано несколько бисерин и каких - то кольцообразных предметов. Причем, последние во фрагментах (рис.29).

Погребение 10. Овального плана, вытянуто с запада на восток. Площадь погребения равна 1,1 x 1,45 м и расположена на глубине 1,8м от репера. В погребении обнаружены костяки двух покойников, один из которых, очевидно, ранее погребений, сильно расчленен. Череп ненарушенного скелета, лежащего на левом боку, ориентирован на север. Ноги прижаты к животу, обе руки подведены к челюсти. Второй скелет в расчлененном виде найден к востоку от первого. Между костями второго скелета обнаружен фрагмент крупного сосуда. На уровне 1,7м и на 10 см выше к востоку от могильной ямы был обнаружен след кострища. Два камня лежали на глубине 0,9 и 1,4 м от репера (рис.30).

Погребение 11. Также овального плана, размером 0,8 x 1,20м, вытянуто с юго - запада на северо - восток. На 10 см выше пола погребения с запада на восток обнаружены следы двух кострищ. Кости усопшего расчленены. Череп лежит, среди кистей рук и между ребрами. Рядом с черепом обнаружен орнаментированный сосуд. По положению берцовых костей можно определить, что погребенный лежал на левом боку (рис.31).

Погребение 12. Дно могильной ямы прямоугольного плана, размером 1,45 x 1,55м с овальными углами стенок. Кости трех погребенных обнаружены на глубине 1,9м. Погребение ориентировано с запада на восток. Это первое коллективное захоронение. Кости двух погребенных отдельными кучами лежали в южной половине ямы, третий скелет, расположенный головой на восток, занимает ее восточную часть и лежит на левом боку. Анатомический порядок скелета нарушен. В первом случае берцовых костей не оказалось на том месте, где они должны находиться. Из сопровождающих вещей отметим ребра мелкого рогатого скота (барана или козла), лежащие перед лицевой частью третьего черепа, и сосуд у западной стенки могильной ямы. По расположению сосуда можно сказать, что он принадлежал одному из расчлененных

скелетов. Кроме сосуда, к ранее погребенным относятся и три каменных терочника.

Характер расположения скелета указывает на то, что погребения это сначала было рассчитано на двух покойников, при захоронении которых был соблюден погребальный обряд. При погребении третьего покойника ранее погребенные были по отдельности отодвинуты в южную часть могильной ямы. С чем связано нарушение положения ног третьего скелета, нам неизвестно. Предполагаем, что погребение было ограблено (рис.32).

Погребение 13. Слабовыраженные контуры могильной ямы были обнаружены на глубине 1,3 м над галечной прослойкой. Обнаружены фрагменты челюсти, лобная часть черепа, по одной плечевой и локтевой кости. Сопровождающих предметов не обнаружено. Судя по зубам фрагментам нижней челюсти, - это скелет ребенка возраста не более года. По утверждению исследователя Т.М.Потемкиной у ребенка прорезались 2 нижних передних зуба, а 3 и 4 нет.

Погребение 14. Овального плана, размером 0,75 x 1,25 м, вытянуто с юго - запада на северо - восток. Обнаружено на глубине 1,4 м. В северо - западном углу обнаружен большой плоский камень. Анатомическое положение скелета нарушено. Череп раздавлен, представляет значительное количество костей барана или козы. Они найдены рядом со скелетом и вне территории могильной ямы, на расстоянии 140 см к северо - западу от границы могилы. Другая группа костей от скелета лежала на северо - востоке от могильной ямы. По черепу и зубам можно утверждать, что в погребении лежал 3-4 летний ребенок. В погребении найден керамический сосуд (рис.33).

Погребение 15. Овального плана, вытянуто с востока на запад, размером 95 x 175 см. Дно могильной ямы расположено на глубине 2,2 м от дневной поверхности. На этом же уровне у северной стенки могильной ямы выявлено углистое пятно, вытянутое вдоль могильной ямы и частично заходящее в нее. Пятно овальной формы, толщиной 25 см, размером 90 x 30 x 40 см. Заполнение ямы серо - коричневого цвета с вклю-

чением углистых пятен. Плотность могильного пятна по сравнению со всем грунтом отличается значительной рыхлостью. На глубине 2.4 м расчищен скелет в полном анатомическом порядке.

Погребенный лежит на левом боку, в сильно скорченной позе, головой ориентирован на запад. Кости рук расположены перед лицом. На расстоянии 20 см от лобной части черепа - глиняный горшок с плавным профилем, слегка раздутыми боками и со штампованным орнаментом по верхней части. При расчистке сосуда от лессового заполнения на дне его обнаружено 15 крупных бронзовых бусин. На запястьях рук - по три массивных желобчатых контура ребристых снаружи браслета с заходящими концами. Вокруг головы на расстоянии 5 см от черепа, в виде слабовыраженного зигзага, лежит цепочка бронзовых бус. По краям и в центре цепочки, как бы образуя изгиб, расположены три крупных бусины, и между ними располагались две группы по 8 штук мелких бронзовых бус.

Можно предположить, что эти бусы были нашиты на головной убор. За затыльной частью черепа в 5 см отлопатки лежала очень плохо сохранившаяся бронзовая серьга с раструбом. У шейных позвонков обнаружена желобчатая гривна с закругленными концами с отверстиями. Ниже и выше тазовых костей, поперек скелета с севера на юг, лежали два ряда по 14 и 16 мелких бронзовых бус. Значительное количество мелких бус было расположено в области бедра и ног, и по дальше от ног. Их расположение указывает на то, что бусы были нашиты на пояс, кофту и подол платья.

Несколько десятков бус обнаружено в районе голеностопных суставов, где зачищен коричневый плотный тлен с красноватым оттенком. В некоторых местах оттенок красный. Нам кажется, что это окраска обуви или шароваров. Упомянутый тлен занимал 30 x 35 см и был усеян мелкими бусами, но среди них находилось 10 крупных бусин и три постовых трубчатых пронизи.

По количеству и разнообразию сопровождающих предметов - это второе богатое погребение. Здесь обнару-

жены: 1 сосуд, 1 гривна, 6 браслетов, 2 серьги с раструбом, 32 крупные бусины, более 300 мелких пронизей и 1 пастовая бусина (рис.34).

Погребение 16. Могильная яма неправильной формы, овального типа, размером 150 x 160 см, была обнаружена на глубине 190см. Она ориентирована с запада на восток и была заполнена гумусированным желто - коричневым лессом. В центре южной части могилы обнаружено пятно цвета охры. Скелеты трех погребенных выявлены на глубине 216 см от репера.

В западной половине могилы находились кости двух скелетов в беспорядочном, вернее, переложенном состоянии. Кости скелетов сохранились почти полностью и группировались как бы двумя скоплениями.

Первое погребение переложено в северо - западный угол. Череп лежал лицевой частью вниз. Южнее его лежали плечевые кости, ребра, плечевые и тазовые позвонки. Лучевая, локтевая кость и кости голепостопа встречаются и сочленном виде. У голепостопа проложен коричневый тлен с остатками бронзовых бус, очевидно, с обуви.

Второе погребение обнаружено у южного края первого погребения. Кости этого скелета, как и первые, лежали в сочленном виде. На костях - медистый налет. Предполагается, что погребение ограблено, в результате чего анатомическая целостность скелета нарушена. В северо - западном углу, рядом с черепом, обнаружен сосуд с отбитым еще в древности венчиком. У северного края первого скопления костей обнаружены обкатанные круглые камни размером 8 x 10-11см. Возможно, они служили терочниками.

В заполнении могилы с костями скелета встречаются отдельные бочковидные бронзовые бусины плохой сохранности.

После расчистки и снятия костей на дне могилы под черепом 1 был зафиксирован коричневый тлен (остатки сгнившей кожи) на площади 25см с бронзовыми бусами. Они лежали в виде зигзага из двух незамкнутых треугольников, расположенных на некотором расстоянии друг от друга.

Подобное встречается не в первый раз и говорит о том, что обувь была расшита бусами.

Третий погребенный обнаруженный здесь же, лежит на левом боку в скорченной позе, голова ориентирована, с небольшим отклонением, на север. Кости рук - перед лицом. От этого скелета сохранилась только верхняя часть. Кости таза и ног отсутствуют. Можно предположить, что они были смешаны с костями второго погребенного. Перед грудной клеткой обнаружен плоский обкатанный камень треугольной формы, размером 25 - 30 см, толщиной 10-15 см. Сопровождающие обычно усопшего предметы отсутствуют. В юго-восточном углу могилы, под камнем и далее в южном направлении прослежены следы норы, шириной от 30 до 40 см. В ее заполнении встречены позвонки и фаланги человеческих костей. Вместе с ними обнаружены тазовые и две трубчатые кости мелкого животного или крупного грызуна.

Расчистка костных останков трех погребенных позволяет предположить, что третий погребенный был опущен в могильную яму позже двух первых. Возможно, при последнем погребении кости первых двух погребенных были сдвинуты.

Погребение 17. Могильная яма не выявлена. Внешним признаком могилы является надмогильной камень размером 33 x 55 см, толщиной 12-14 см, лежащий на глубине 65 см от поверхности. На глубине 95 - 100 см был обнаружен скелет, лежащий на левом боку, в скорченной позе, головой на северо-запад. Скорченность средняя, первое колено под углом 90° относительно позвоночника, левое - под углом 60° . Кости рук подведены к лицу. Череп хрупкий, при соприкосновении расслаивается. Сопровождающих предметов нет (рис. 36).

Погребение 18. Очертание могильной ямы не фиксировалось. Традиционные камни (5 штук) лежали на глубине 95-110 см от поверхности, к востоку от усопшего. На этом же уровне были обнаружены кости усопшего. анатомическое положение нарушено, возможно, грызунами. Проходившая, видимо, по середине могильной ямы насквозь между костями и камнями нора шириной от 12 до 22 см стала причиной нарушения положения костяка, так как в засыпе норы встречена

костная труха, несколько зубов, фаланги пальцев рук, ребра, части берцовой кости и коленной чашечки. Тем не менее, по сохранившейся основной части костей усопшего можно определить позу погребенного. Скелет лежит на левом боку, в скорченном положении, головой на северо - запад. Скорченность средняя. Сосуд лежит перед лицом к северо - западу от черепа. какие - либо другие вещи от черепа. Какие - либо другие вещи отсутствуют (рис.36).

Погребение 19. Могильная яма не фиксировалась, скелет был обнаружен на глубине 110-115см от поверхности. Череп и большинство верхних костей, кроме ребер и фаланг, представляли собой труху. В лучшем состоянии сказались кости рук, берцовые кости и некоторые ребра. Погребенный был уложен в скорченной позе на левый бок, головой на запад. Скорченность сильная, ноги прижаты к тазу. Кисть левой руки вытянута под прямым углом к плечевой кости и резко загнута во внутрь. Кисть правой руки находится перед лицом.

Погребение сопровождалось небольшим количеством предметов, на правой руке у кисти - бронзовый браслет, на шиколотках ног - по две крупные бусины. Можно предположить, что эти бусы выполняли роль застежек обуви. Под черепом лежали две пастовых, ребристых произи. У затылочной части черепа находился крупный сосуд, без венчика и орнамента. На костяке сверху и снизу следы охры. Большое скопление охры, толщиной до 1 см и более, под тазовыми костями. Это позволяет говорить о том, что дно могильной ямы было посыпано охрой. К северу от погребения, в 10 - 40 см, впереди скелета, на глубине 60 см находились три камня, причем два из них рядом, и третий - на расстоянии 40 см от первых двух (рис.37).

Погребение 20. Остатки этого погребения были обнаружены на глубине 130см. Хорошо сохранилась только верхняя часть. Судя по положению костяка, погребенный лежал на левом боку, головой на север. Кисти рук находятся перед лицом. Нижняя часть туловища и ног отсутствует. Там, где должны были находиться тазовая кость и ноги, лежит плоский

камень размером 30-55 см. Орнаментированный сосуд лежит к северо - востоку от черепа. По середине с севера на юг, сквозь могильную яму, проходит широкая (около 40 см) нора грызуна. Возможно, с этим и связано нарушение анатомического положения костяка. На глубине 120- 125 см к северо - западу от могильной ямы обнаружены остатки кострища, а к юго - западу от кострища, на глубине 80 - 100 см - 6 камня (рис.38).

Погребение 21. Очертания могильной ямы не прослеживались. Остатки скелета обнаружены на глубине 130 см от поверхности. Первоначально погребенный лежал в скорченном положении, очевидно, головой на запад, на левом боку. Позже костяк по какой - то причине был сдвинут.

Берцовые кости лежат под углом 30° к бедру, в сильно подтянутом виде. Это положение дает повод говорить о том, что ноги были завязаны и подтянуты к туловищу. Череп отсутствует, а на его месте находится фаланга левой руки и разбросанные зубы. Под костяком обнаружен темно - коричневый тлен без охры. Традиционный сосуд лежит на боку в области живота. Несколько выше (10-15 см) над сосудом, в стороне, обнаружен камень. Из предметов украшения отметим наличие 8-ми крупных и 6-ти поломанных мелких бусин. На запястьях обеих рук - два несомкнутых концами массивных браслета.

Полученные факты позволяют говорить о том, что погребение принадлежит молодой женщине, родившей одного ребенка. Основные, возможно, драгоценные вещи были разграблены, что и стало причиной нарушения целостности скелета (рис. 39).

Погребение 22. Дно могильной ямы обнаружено на глубине 195 см. Сильно скорченный скелет лежит головой на северо - запад, на левом боку. Кости левой руки находятся перед лицом, правая согнута в локте на уровне пояса. Кости насильно согнуты, приблизительно под углом 30° . С юго - восточной стороны под скелетом проходит нора. Ее северо - восточный конец уходит под камни, расположенные на глубине 150-155 см от поверхности или 35 - 40 см выше скелета.

Поскольку камни находятся в стороне от костяка, можно предположить, что где-то поблизости с ними проходит граница могильной ямы. Орнаментированный сосуд в перевернутом виде лежит к юго - западу от черепа. В отдельных местах, вблизи камня, в области берцовых и бедренных костей замечены следы охры (рис.40).

Погребение 23. Очертания могильной ямы едва улавливаются по слабой окраске серо - кирпичного цвета в мягком грунте на глубине 140 см от поверхности. Она представляет собой неправильную овальную форму размером 35 x 140 см, вытянутую по направлению с юго - запада на северо - восток. У северо - западного края могильной ямы, на глубине 90 см, на расстоянии от костяка обнаружена сланцевая плита размером 30 x 60 см, толщиной 3-6 см.

Погребенный лежит в скорченной позе, на левом боку, головой на юго - запад. Кисти рук - перед лицом. Череп повернут вверх, что указывает на то, что погребенный был передвинут на живот. правая рука скорчена больше, чем левая. Традиционный сосуд лежал вплотную к изголовью, устьем к погребенному. Упомянутый камень был положен после разведения кострища, видимо, на уровне дневной поверхности. Углистый слой прослеживается на уровне могильной ямы и чуть выше у камня над могилой. Толщина углистого слоя 6-10 см, распространена на площади 110-140 см. Насыпь над погребением изолирована от кострища тонким 5-6 см слоем обмазки (рис.41).

Погребение 24. Погребение обнаружено на глубине 53 см. От погребенного сохранилось только верхняя половина бедренных костей, половина малых и больших берцовых. Кости нижней части погребенного были уничтожены при проведении дороги к карьеру.

По сохранившимся костям определяется поза погребенного скелета. Скелет лежит на левом боку, скорчен головой на запад, кисти рук перед лицом. скорченность сильная, колени подняты перед лобной частью. Из предметов украшения отметим, что под таблетковидной круглой пастовой бусиной, у левого локтя за спиной, найдена пастовая квадрат-

ная бусина или подвеска со сквозным отверстием продольной оси. Аналогичная бусина, но несколько меньшая, 4 пастовые ребристые пронизи и 2 бронзовые бусины обнаружены под и между бедренными и берцовыми костями, перед скелетом. Первый камень был обнаружен на глубине 18 см, второй на уровне скелета, на глубине 52 см (рис. 42).

Погребение 25. Это самое интересное погребение комплекса могильника Дашти - Казы. Поэтому представляем его детальное описание.

На поверхности могилы под дерном, на глубине 10-15 см, обнаружена аккуратно уложенная каменная кладка. Кладка имеет правильную округлую форму, размером 1,9 x 2,9 м, в направлении северо - востока 3,1 м. Они положены по окружности торцами, с наклоном внутрь ямы (рис.43). Они схожи с правильной оградой. Во внутренней части круга камни лежат без определенного порядка, т.е. просто набросаны. Из заполнения могильной ямы видно, что верхние камни крупные, а нижние поменьше.

Могильная яма обнаружена сразу же под каменной кладкой. Она, как по верху, так и по дну, имеет неправильную округлую форму, диаметром 3,3 x 3,4 м. В юго - восточном секторе ямы, или в восточной половине, сразу же под кладкой, начинается углистое пятно, насыщенное углями. Угли встречаются по всему заполнению ямы. Ниже насыщенность уменьшается. Среди углей встречались иногда комочки красной глины (охры).

В северо - восточном углу ямы, на глубине 30 см от каменной кладки, обнаружена еще одна каменная вымостка квадратной формы 80 x 90 см из 21 камня. Эти камни и обнаруженные под ними погребения рассмотрим несколько позже, при описании погребения 25 - 1.

Вернемся к могильной яме 25. Хотя это погребение по верху представляло неправильное очертание круга, но с появлением галичного слоя, на глубине 25 см от каменной кладки в северо - западной половине, дно ямы подкопным способом было расширено на юго - восток из - за чего дно ямы приобрело полукруглый вид.

Интерес представляет тот факт, что в северо - западной части могильной ямы было обнаружено 7 погребенных, лежащих в скорченном положении один за другим (рис. 44).

Скелет 1 лежит на левом боку, головой на северо - восток, в слабо скорченной позе. Бедренные кости лежат под углом 45° к бедру. Правая рука согнута и вытянута вперед, а левая слегка согнута по направлению к туловищу.

Скелет 2 лежит на левом боку. Кисть правой руки находится перед лицом, а левой прихватывает головку. Скорченность слабая. Бедренные кости лежат под углом 120° по отношению к тазу, а берцовые - под 45° к бедренным. Колена этого скелета входят в изгиб скелета 3.

Скелет 3 также лежит на левом боку, скорченность слабая. Бедренные кости лежат под углом 90° по отношению к тазу, а берцовые также под углом 90° к бедренным. Положение рук неестественное - правая рука согнута перед грудью, левая вытянута вперед, плечевая кисть находится перед лицом, а лучевые повернуты к шивоту. Голова необычно закинута назад. За шеей лежит камень со следами обработки.

Скелет 4 лежит на левом боку, скорченность слабая. Берцовая кость - под углом 120° по отношению к тазу и под 60° к бедренным. Положение рук также неестественное - правая вытянута вперед, левая с заломленной кистью руки вытянута к лицу, локтем вперед.

Скелет 5 лежит на левом боку, скорченность слабая. Бедренные кости находятся под углом 90° по отношению к тазовым, берцовые - под 60° к бедренным. Плечевая часть правой руки вытянута вдоль скелета, а лучевая под 90° направлена вперед, плечевая кость левой руки вытнута вперед, а лучевая заломлена к лицу. Берцовые и бедренные кости сильно приближены друг к другу.

Скелет 6 лежит в слабо скорченном виде, на левом боку. Бедренные кости расположены под углом 80° относительно таза, а берцовые - под углом 60° к бедренным. Голова скелета откинута назад. Левая рука согнута перед лицом локтем вперед. Кости правой руки сохранились плохо.

Скелет 7 занимает юго - восточную часть могильной ямы, лежит на левом боку. Скорченность средняя, бедренные кости расположены под углом 60° относительно таза, берцовые - под углом 45° к бедренным. Левая рука согнута и положена на колено, правая также согнута и положена на левую лучевую рукой.

В итоге напомним, что по наблюдению исследователей этого памятника, все покойники были захоронены одновременно, положение скелетов не нарушено, и как видно, они изначально уложены, рядом друг с другом. Ориентировка голов определяется положением скелета относительно к кругу могильной ямы. Поэтому 1-5 головы ориентированы на север и северо - восток, а голова 7-го скелета ориентирована на восток.

Относительно массовости погребения можно предположить, что оно было связано с распространением какой - то эпидемии, так как на скелетах следов каких - либо телесных повреждений не замечено. При зачистке скелетов участвовали антрополог, зав. Антропологическим отделом Института археологии им. Я.Г.Гулямова АН Республики Узбекистан Т.К. Ходжаев и сотрудник отдела того же института С.Мустафакулов.

Ниже мы представляем антропологические заключения этого погребения. Из 8 погребенных 3 черепа андроновского типа. В могиле были захоронены 3 женщины и 4 мужчины (Джуракулов, Ходжайев, 1987, с. 15-16). Все погребенные находились в зрелом возрасте от 16-18 лет и старше. Работы по исследованию черепа еще не завершились.

Погребение 25. Обнаружено на уровне нижней кладки камней вышеуказанного погребения 25. Здесь в северо - восточной части коллективного погребения, под каменной вымосткой на глубине 60 см от дневной поверхности, были обнаружены кости скелета. Среди костей и вокруг них встречались довольно хрупкие глиняные комочки.

Кости в очень плохом состоянии и рассыпались от прикосновения кисточек. Верхняя половина костяка нарушена. Положение черепа, тазовых костей и кистей ног свите-

дельствует о том, что погребенный лежал в скорченном виде, на левом боку, головой на запад. Скорченность сильная, бедренные кости расположены под углом 30° относительно таза. Лучевые кости находились под костями ног. В районе запястья ясно видна окись меди, возможно, от браслета. Фаланги пальцев разбросаны перед лицевой частью черепа. Перед черепом, плечом и животом скопление бронзового бисера. Местами он лежит рядами по несколько десятков бус. Видимо, бисером была расшита одежда.

Нижняя часть челюсти скелета найдена под тазовыми и бедренными костями. Лопатки, локтевая и лучевая кости также найдены под тазовыми костями и костями ног, на поверхности имеются следы медной окиси. Под тазовыми костями скопление мелкого бисера, лежащего небольшими рядами.

Положение костяка указывает на то, что он был потревожен после его разложения. Об этом дополнительно свидетельствует нарушение кладки на погребении 25.

Под костяком прослеживался коричневый тлен и небольшие пятна охры с комочками тлели. У верхнего эпизафа костей. близко друг к другу, на расстоянии 5-6 см, лежали два бронзовых зеркальца с петельками. Поверх первого зеркальца, перекрывая его на $2/3$ лежало скопление бронзового бисера с серой окраской разложившейся трухи (возможно, в состав этого бисера входило много серебра). Ниже второго зеркальца, ближе к черепу, также было скопление бисера, превратившегося в труху. Среди бронзовых бус и бисера (1,2,3,5,7,8) встречены пастовые и крупные бусы, а также небольшое кольцо (рис.45).

Погребение 26. Очертание могильной ямы зачищено на глубине 120 см от уровня дневной поверхности. Яма овальной формы размером 165 x 85-90 см, ориентирована с юго - запада на северо - восток. У юго - западного края могильной ямы на глубине 90 см, углистая яма круглой формы, размером 150 x 160 см, глубиной 25-30 см. Она частично перекрывает могильную яму. К юго - востоку от углистой ямы на глубине 100 см на площади 100 x 60 см прослеживается красно - бурый

цвет похожий на охру, но этот цвет мог быть и следом интенсивного разгоревшегося костра.

В северо - западной части могильной ямы на глубине 90 см был обнаружен плоский, вытянутый камень, большая часть которого лежит над ямой. Некоторые особенности устройства могильной ямы, в частности, неглубокий подбой, указывают на ее неординарность. Возможно, после того, как был сделан подбой тераски, вход был закрыт камнями.

Скелет в умеренно скорченном положении лежит на левом боку, головой на юго - запад. Бедренные кости расположены под углом 90° по отношению к тазу, берцовые - под 30° с сильно подтянутыми коленями к бедрам. Руки согнуты в локтях, кисти - под черепом. Рядом с погребенным обнаружен сосуд, нижняя часть сосуда устьем к черепу лежит на боку, на левой руке, сильно разгруженный массивный браслет и рядом - 2 крупные бронзовые бусины. В районе ушной раковины - бронзовая серьга с раструбом. Рядом с ней, чуть восточнее, на расстоянии 4-6 см найдены пастовые ребристые пронизи. Они расположены, как бы рядом, вдоль шеи и у плеча. Очевидно, они были украшением волос. Вместе с тем, в нижней части скелета найдено значительное количество бисера и крупных бус. Эти украшения были нашиты на обуви. Значительное количество крупных бус, найденных под тазовыми костями и между левой берцовой и правой бедренной костью у голеностопного сустава, говорит о том, что этими бусами были расшиты затяжки, а некоторые из них могли быть украшением пояса (рис.46).

Ритуальные ямы. Кроме представленных могильных ям и погребений, на исследованной площади могильника Дашти - Казы особо выделим две ямы.

Яма 4 овальной формы, размером 3 x 2, 5 м, ориентирована в направлении северо - запад - юго - восток и расположена в квадрате И,К 6, 7 на юго - западном углу раскопа. Дно ямы находится на глубине 160 см от дневной поверхности; зачисткой установлено, что в основном ее стены наклонные, лишь северо - западная - отверстие. Яма заполнена весьма разнородными наслоениями. Так, юго - восточная

половина состоит из трех углистых прослоек толщиной 2-3см. Их перекрывает 5-15 см слой лесса. Плотновяжущие (жженные) массы встречаются с натсками в следующей прослойке лесса, залегающей под ними. Похоже, что как будто бы кострища поливались каким-то жидким веществом или на них сжигалось что-то, содержащее жир. В свою очередь в прослойках лесса в разрезе встречаются включения пятен диаметром 100-150см. Они представляют собой неровные видимые полосы. Сажевидные остатки указывают на то, что здесь сжигался хворост, который временами заливался маслом или чем-то подобным. В прослойках лесса и углистом слое встречаются комочки охры, иногда небольшими скоплениями. Поэтому мы имеем основание полагать, что охра бросалась в костер при его возгорании или вместе с лессом, наличие трех углистых прослоек свидетельствуют о трехразовом использовании ямы, т.е. три раза в одном месте разжигали костер и три раза засыпали.

В северо-западной части ямы углистые прослойки отсутствуют. Здесь подсыпка охры прослеживается на дне, несколько выше лессовой прослойки. У западного края и в центре на разной глубине встречены три группы скопления камней. По этим камням, трем слоям углей и охры можно предположить, что эта яма являлась ритуальной в церемонии погребения. Однако, не исключено, что яма была коллективным кенотафом.

Яма 5 расположена к северо-востоку от ямы 4, в квадратах З,Н, К 7-9 на глубине 2-2,5 от дневной поверхности (рис.47). Яму прикрывала выкладка из 35 различных по величине камней. На глубине 2, 1-2,3 см было обнаружено еще 7 камней, лежащих группами. Очертание ямы прослеживается на глубине 200см. Она круглой формы, размером 3,5 x 3, 3 м. Верхняя западная и северо-восточная часть ее были разрушены погребениями 4 и 5. Поэтому четкую границу ямы удалось зафиксировать только у самого дна. Характерная для таких ям группировка камней была обнаружена на самом дне. По дну ямы в центре, особенно в восточной половине, отмечен насыщенный слой. Вдоль южной стенки идет полоса

шириной от 20 до 50 см красно - бурой охры или красной краски. Она иногда перемешивается с лессом и отдельными угльками. В северо - восточном секторе между камнями и стенкой ямы на площадке 1,5 x 1 м вместе с углями и охрой встречаются включения мелких камешков мела, в отдельных местах очень интересное.

По следам кострищ можно заключить, что в яме два раза разжигались большие костры. Первый раз - до сооружения каменной выкладки, второй - после. Это говорит о том, что возможно, камни были положены неодновременно, поскольку они лежат не сплошь, а скоплениями, с разницей в глубине 10-15 см. первая группа - на глубине 110-230 см, вторая на 190-210 см. Эта яма, как и предшествующая, является ритуальной или кенофатом.

В 1993 г. в результате раскопок было раскопано около 10 м² на северо - западном участке в квадратах 3аБ, 2аБ, 1аА, 1аВ. При расчистке задернованной поверхности земли в отдельных местах был встречен лесс красно - розового оттенка с измельченными угльками, поверхность слабого пропола. Толщина этого смешанного слоя не превышает 10 см.

В квадрате 3аБ и 2аБ обнаружен зольник, толщиной более 25 см и с 2-3 см с прослойкой чистого светлого лесса. По площади зольник весьма внушителен: по линии север - юг - 2,25 метров, а по линии восток - запад - 1,5 м. Предполагается, что зола была перенесена в остывшем виде, так как на поверхности, на которой лежала зола, не обнаружено горелых следов. Судя по тому, что зола скоплена в глубокой (не более 30 см) яме (№9), возможно предположить, что она была выкопана специально.

В квадрате 1В, на уровне древней дневной поверхности (на глубине 60 см) наблюдалось скопление камней, а под ними 3 прокаленных пятна овальной формы соответственно размерам 75 x 50 см, 80 x 60 см, 1, 40 x 70 см. Под третьим зольником расчищена яма глубиной 60 см. Костяк или погребальный инвентарь не найден.

В квадрате Е на расстоянии 2 м к западу от коллективного захоронения (погребение 25), под дерновым слоем,

был обнаружен зольник прямоугольной формы, размером 2 x 1, 61 м. Он также, как и вышеуказанные зольники в квадрате УаБ и 2аБ, представлял собой специально подготовленную яму. На поверхности южного борта ямы прослеживался розовый оттенок, свидетельствующий о том, что в яму выбрасывали порою недогоревшую древесину. Наличие 15 см прослойки комковатой земли между золой говорит о том, что горячая зола иногда прикрывалась этой землей. Небольшой зольник и несколько камней обнаружены в квадрате 4В и 5, 6Б.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Погребение и погребальные обряды. В могильнике Дашти - Казы раскопано 27 погребений с 39 захоронениями. В них было обнаружено 21 одиночное (погр.3, 5-7, 11, 13-15, 18-25, 2-26) и 4 парных (погр.4,8,9,10), в двух случаях коллективные: в одной были погребены 3 человека (погр.12), а в другой, 7 человек (погр.25).

Устройство могильных ям однотипное - все они грунтовые, в двух случаях с неглубокими подбоями (погр.25-26). Кроме того, в могилах отмечены наличие камней на высоте от 10 до более 1 метра. Имеют традиционные признаки. Кострища были обнаружены поблизости от могильной ямы или в какой - то ее части, над погребениями, и были изолированы от костяка земляной засыпкой. Судя по тому, что в большинстве могильных ям обнаружены следы и даже комочки красной охры, можно предположить, что это связано с погребальными ритуальными обрядами, традиция которых была заложена еще в эпохе энеолита (Рогачев, Аников, 1984, с.223). Возжигание костров и засыпка захоронений охрой отражают идеологические воззрения людей, обитавших здесь. На этих явлениях более подробно мы остановимся ниже.

Нам удалось определить план 16-ти погребений. Они имеют почти одинаковое устройство: вытянутую овальную форму, ориентированную по оси с юго - запада на северо - восток (погр.1,2,7,8,9,11,14,15,20 и 26), с юго - востока на северо - запад (погр.3 и 4) и с запада на восток (погр.5,10,23). Очертания могил, кроме коллективного погребения (погр.25), не установлено. Стенки могильных ям были разрушены при ограблении или в результате повторных захоронений (погр.6,12,13,17-19:21-22,24-25). Повторные захоронения были произведены в могильных ямах 8,9,13,14,16. Ограбленными оказались могилы 18 и 21. Большинство погребенных уложены на левый бок (из ненаршенных 17 костяков погребенных, 16 лежит на левом боку). Лишь в одной могиле (погр.7) ске-

лет лежал на правом боку. Погребенные ориентированы в основном головой на север. Из 39 погребенных в 3-х случаях головы ориентированы на север (погр.1,20,25), в двух на северо - восток (25-1) и в 5-ти случаях на северо - запад ((погр.8,10,15,16,22). На юго - запад ориентировано 6 погребений (погр:1,3,7,9,19,25) и 4 ориентированы на запад (погр. 5,6,23 и 24). Три скелета погребения 12 ориентированы на восток, на востоке же ориентированы один скелет из коллективного погребения(погр.25). Кроме погребения 25, где захоронение 7 покойников было совершено одновременно, в 6-ти погребениях было сделано повторное захоронение, причем прежние могильные ямы не были расширены. Чтобы захоронить последнего - второго или третьего покойника - скелеты ранее захороненных либо сдвинуты с почти ненарушенным анатомическим положением в край могильной ямы(погр.9), либо отдельными кучами были переложены в какую - то часть ямы(погр.10-12).

Были обнаружены заранее приготовленные могильные ямы значительного размера, очевидно, рассчитанные на нескольких погребенных. Так, в погребении 12(прямоугольной формы, размер 150 x 150 см) при захоронении третьего трупа скелеты двух ранее погребенных были переложены в западную половину могилы двумя отдельными кучами.

Из 27 погребений всего в 4-х(погр 4,13,14,17) найдено 2 детских скелета, лишь в 2-х погребениях зафиксированы скелеты мужчин (погр.7,23). Из 7-ми скелетов коллективного погребения 4 были мужскими (погр.25). По определению Т.К.Ходжайева. в погребении 23, также захоронен мужчина. Исследователями установлено, что из 16 антропологически определенных костяков 8 были женщины (2 молодого и 6 зрелого возраста), 6 мужчин (2 молодого, 4 зрелого возраста) и 2 детских (пол не ясен). С учетом погребального инвентаря и полевых определений костяных останков (детских) с достаточной долей достоверности можно предположить половой состав захоронений могильника: мужчин - 10, женщин -16, детей и подростков - 9. В парных захоронениях предположительно были погребены: женщина с ребенком (№8), мужчина

и женщина (№9), дети и подростки (№4, 10). В тройном погребении (№12) - мужчина зрелого возраста и 2 женщины (зрелого и юношеского возраста).

Прежде чем мы перейдем к научной интерпретации археологических комплексов, обратимся к фактам, свидетельствующим о том, что основные принципы погребальных обрядов Дашти - Казынского могильника совпадает с обрядами земледельцев эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы. При этом напомним, что в двух упомянутых Зарафшанских культурах мы наблюдаем идентичные моменты: скорченность позы, положение погребенных в могильной яме на левом или на правом боку), сопровождающий инвентарь с наличием занубной трапезы. Возникает вопрос: чем объясняется тот факт, что в обществах земледельцев и скотоводов, относящихся к различным культурным комплексам, имеются такие сходства?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к закономерностям развития человеческого общества. Согласно системе познания мира, прежде всего окружающей среды, как жизнеобеспечивающего фактора, непонятных явлений (солнце, луна, тепло, холод, свет и темнота, жизнь и смерть) была одинаковой. Но эти факторы в дальнейшем трактовались далеко не одинаково. У каждого общества, опять - таки в зависимости от природных условий, доступности материальных благ (дикие злаки, фрукты, охотничьи угодья у жителей предгорных и горных районов, рыба, дикие животные, съедобные растения у обитателей берегов рек, озер, морей и лесов) складывались свои материальные условия. Их культовые воззрения, как атрибуты мышления, бытия складывались в зависимости от окружающей Среды и общественных укладов. Но вполне можно представить, что всем первобытным обществом были известны и жизнь и смерть. Им также было известно, как зарождается ребенок и его положение в утробе матери. Вместе с тем, они верили в существование другого мира после смерти и поэтому снабжали покойника пищей и бытовыми предметами, заботились о сохранности могил от зверей и злых духов (Токарев, 1964, с.170). Идентичность по-

гребальных обрядов земледельцев и скотоводов прежде всего связана с тем, что покойному придавался поза, в которой он находился до появления на белый свет. В такой же позе он должен был, по из разумению, перейти в новый (загробный) мир.

В работах ряда исследователей мы встречаемся с высказываниями о том, что скорченность погребенному придавалась в результате связывания трупа (Мандельштам, 1968, с.110) или она же объяснялась тем, что таким образом воспроизводилась естественная поза спящего человека (Бабаев, 1988, с.10-84; 1989, с.15).

Что касается вопроса об одиночных и парных захоронениях, то эти факты неоднократно анализировались в научной литературе, и на наш взгляд, разработанные многими специалистами концепции вполне отвечают реальным фактам (Артамонов, 1934; Окладников, 1950, с.377-384; Скотрин, 1962, с.89-1220). Парное захоронение исследователи интерпретируют как укрепление семьи, связанной жизнью (Алексин, 1977, с.16-20; Итина, 1977, с.217; Мандельштам, 1968, с.121; Массон, 1976, с.150). Обряд парного погребения мужчин и женщин в какой-то степени ясен, но неясным остается факт захоронения матери с ребенком. В погребениях 16 обнаружено скелеты матери с ребенком. Факты такого захоронения считаются исследователями свидетельством, "родства по материнской линии и матриархата, или переходного этапа от материнской к патрилинейной, системе родства" (Аскаров, Абдуллоев, 1983, с.49). Эти версии встречаются в трудах Итиной (1954; 1951% 1977), Киселева (1951), Сольникова (1957), Окладникова (1955), Грязнова (1957), Мандельштама (1967), Пьянковой (1989).

В системе погребального обряда исключительно важное значение имеет и тип коллективного (3/х и более погребенных) захоронения. В Дашти - Казынском комплексе мы имеем два подобных случая. В первом (погр.12) обнаружено 3 скелета, во втором (погр.25)-2. Первое погребение было использовано дважды. Здесь сначала были захоронены два покойника, возможно, муж и жена. Позже сюда был закопан

еще один покойник, из - за плохой сохранности костей полное отношение определить невозможно. Третий скелет, судя по положению (на левом боку), принадлежит женщине. Схожее захоронение нами было встречено в энеолитическом некрополе Саразма, где отношения погребенных друг к другу были выявлены, однако такой полной ясности мы не имеем и сейчас. Поэтому мы можем, в виде рабочей гипотезы, предположить, что в Дашти - Казынском обществе существовал обычай двоежонства. Это подтверждается лишь при случае возрастных соответствий и наличии мужчин в этой группе. В этом случае погребена семейная пара, а позже с мужем была захоронена и вторая супруга, или верная ему слуга. Аналогии последнего мы имеем в погребении 5 поселения Саразма (Исаков, 1994, с.91). По - видимому, такой же обычай существовал и среди населения погребенных в могильнике Тигровая балка (Пьянкова, 1989, с.110).

Причину появления коллективного погребения из 7-ми скелетов мы указывали выше. Интерес представляет количественное расхождение усопших: 4 мужчины, 3 женщины. Здесь традиция семенности нарушена. Т.К. Ходжайев и Т.М.Потемкина предполагают, что в этом случае гибель усопших - результат эпидемии. Тем не менее, нам кажется, немаловажное значение имеет погребение 25-1, которые было устроено несколько позже в этой же коллективной могиле, причем под каменной кладкой. Мы предполагаем, что погребенные в погребении 25, возможно, находились в супружеском отношении с каким - то мужчиной, умершим в результате эпидемии и захороненных вместе с другими парами. Его пара, которого миновала эпидемия, была захоронена вместе с другими парами в коллективной могиле чуть позже.

Обязательным элементом погребального обряда для Дашти - Казынцев является обряд разжигания костра, сопровождающийся засыпкой охры. Как правило, костры разжигались до погребения, внутри могильной ямы, по чаще всего в стороне от ямы. Большинство костров разжигалось не на уровне скелета, а на 10 см выше и более от усопшего. На наш взгляд, этот обряд был связан с очищением тела и могильной

ямы от начистот и злого духа, при этом охра являлась символом кровавого жертвоприношения. Эти племена не произвели кремации трупов, что характерно для раннеземледельческих племен. Хотя у ранних земледельцев обряд кремации также не столь распространен, но факты этого явления хотя и редко, встречаются в Геокюре и Джаркутане (Сарианиди, 1962, с.49; Аскарлов, Абдуллоев, 1983, с.49).

Для полноты характеристики погребального обряда исследуемого могильника определенное значение приобретают ямы 4 и 5, которые мы считаем кенотафами. Обе эти ямы, в отличие от других ям - кострищ, более обширны, по глубине же они находятся на одном уровне с могильными ямами 200-202 см. На дне их найдены следы интенсивного возжигания костров с отдельными каменными скоплениями. Наличие крупинок и комочков охры говорит о том, что возжигание костра здесь ничем не отличается от возжигания костров в могильных ямах. Эти факты убеждают нас в том, что процессы возжигания огня на дне больших ям, возможно, были связаны с памятью об умерших по неизвестной причине, вдали от общества, на охоте или в каком-либо другом случае. Однако, дашиказынцы не хранили какие-либо предметы или животных вместо человеческих костяков, как это наблюдается в поселениях Сапалитепа (Аскарлов, Абдуллоев, 1977, с.141), Дашли - 1 и 3 (Сарианиди, 1977, с.55) и в могильнике Джаркутан (Аскарлов, Абдуллоев, 1983, с.49).

Уровень развития общества всегда определяется по характеру предметов материальной культуры, а личный статус погребенных в обществе характеризуется по сопровождающим его предметам. В этом аспекте погребения Даши - Казы разделены нами на три группы: на безинвентарные - бедные (погр.4,10,11,12,18,20,26), с одним сосудом и небольшим количеством вещей - средние (погр. 1,2,5, 6,7,8,9,19,21,22,23,24) и на богатые погребения (погр.3,15,25-1). Непонятным является отсутствие каких-либо предметов в 4-х погребениях (погр.13,16,17,25). тот факт, что малолетние дети в возрасте 3-4 года хоронились без инвентаря (погр.16.13) понятен, ибо они еще были не производителями

и не имели собственных вещей. С чем же связано отсутствие предметов в погребении 16, где захоронены женщина с ребенком, пока неизвестно.

В этом отношении загадочно и погребение 25, где лежат скелеты 7-ми взрослых мужчин и женщин. Является ли причиной их смерти упомянутая выше гипотеза. Т.К. Ходжаевой и Т. М. Потемкиной об эпидемии, вследствие которой они были лишены общеприятных погребальных обрядов? Мы предполагаем, что погребенные были людьми из другого общества, попавшими в плен и наказанными позже дашиказынцами. При такой интерпретации богатое погребение (погр.25-1) и коллективному погребению не имеет никакого отношения.

Что касается других погребений то они по сопровождающим их предметам выглядят не одинаково. В этих погребениях (погр. 4,10, 12, 18, 20, 22, 24) было встречено только по одному сосуду. Они не соответствуют количеству 11 погребений. В 12 погребениях (погр.1,2,5,9,14,19,21,26) кроме сосудов, имелись украшения из бронзы и из пасты, что встречается весьма редко. Лишь 3 погребения мы можем выделить как богатые (погр.3,15,21-1). На долю этих трех погребений фактически приходится 50% украшений из бронзы. Здесь обнаружены 2 уникальные золотые серьги с раструбом. Кроме того, из 26 браслетов 14 были найдены в двух погребениях этой группы(погр.3,15). Они распределяются следующим образом: на руках захороненного из погребения 3 было 8 браслетов, а в погребении 15-6 браслетов. То же касается и зеркал с петельками. Из 4-х зеркал 3 были найдены в этих погребениях (погр.3-1, 25,2).

По труположению погребенных можно разделить на четыре категории : 1) зависимые, бесправные, насильно угнанные из других общин (погр.16,17, 25);2) бедные, малосостоятельные, без личного хозяйства (погр.4,10,12,18,19,20,22-24); 3) Среднесостоятельные, с личным хозяйством (погр.1-2, 5-10,14,19,21,26) и 4) богатые, с высоким общественным положением (погр. 3,15,25-1).

Некоторые вопросы социального положения были разработаны А.А.Аскаровым относительно Сапалитепе. По его характеристике, могилы с малочисленными глиняными сосудами (принадлежат рядовым членам общины или чужеродным, не занимающим особого общественного положения" (Аскаров, 1977, с.136).

Таким образом, в заключение отметим, что даштиказынские общество находилось в стадии социального разделения, характерного для всех общин поры поздней бронзы Средней Азии и сопредельных регионов.

§3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ И АБСОЛЮТНЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ - КАЗЫ

Археологический комплекс могильника Дашти - Казы, как новое открытие скотоводческой культуры в горном районе Зарафшонской долины, заслуживает особого внимания. Хотя мы не располагаем большим количеством разнотипных находок, но имеющийся археологический комплекс все же даст возможность в полной мере достоверно интерпретировать отдельные моменты культуры верховья Зарафшана в эпоху поздней бронзы.

Классификация вещественных находок указывает на то, что в ту пору даштиказанское общество занималось скотоводческо - земледельческим (?) хозяйством, производством керамики. Большое количество бронзовых изделий является бесспорным свидетельством развития металлообрабатывающего производства. Версии о земледельческом хозяйстве даштиказанцев основываются всего на нескольких зернотерках и терочниках, которые, однако, могли использоваться и для дробления руды и охры.

Таким образом, археологический комплекс исследуемого могильника является великолепным образцом культуры степной бронзы, без каких - либо инокультурных включений. Комплекс состоит из двух категорий: керамики и металлических украшений.

Керамика. В 27 погребенных было найдено 24 сосуда, из которых 15 оказались целыми. По ним мы охарактеризуем формы и типы орнаментов керамики скотоводческой культуры поздней бронзы верховья Зарафшана. Как этого и следовало ожидать, вся керамика сероглиняная, с примесью песка и известняка. Неровный обжиг поверхности свидетельствует о том, что процесс обжига происходил в открытой печи, не обеспечивающий равномерности тепла. На поверхности ряда из них прослеживаются следы грубой обмазки скоропесчаного цвета с последующим лощением поверхности сосу-

дов. Плоское, тяжелое, толстое дно по отношению к стенкам сосуда является общим принципом формы сосудов. Единобразие наблюдается и в типах венчиков. Все венчики воронкообразно раскрыты, а края отогнуты в стороны. Из-за излома и фрагментальности трех сосудов мы не знаем из формы венчиков. Другая характерная черта прослеживается в устройстве горловины сосудов. Горлышко при переходе от плечика к венчику изгибается внутрь и тем самым в районе изгиба образуется плавный желобок, отделяющий корпус сосуда от венчика. Ярко выраженные замечаются горловины в 13 сосудах. Однако при всем однообразии по форме они имеют низкие, а сосуды 5,6, 9-15 вытянутые, высокие горловины. В этой группе керамики выделяется единственный сосуд, горловина которого значительно выше и украшена желобками. В комплексе имеется один сосуд, у которого относительно прямой венчик с едва заметными отогнутыми наружу краями. По назначению все представленные сосуды являются кухонными горшками.

Таким образом, несмотря на отличие в указанных деталях, керамика Дашти - Казы представлена лишь двумя формами: первая - это банкообразные сосуды со слегка раздутыми туловищами, вторая - горшки с сильно раздутыми туловами. Нам кажется, что это деление неособенно существенно. Что касается типологии орнамента, то здесь мы имеем возможность четко разделить их на четыре типа (рис. 48). Во всех орнаментах присутствует треугольник, но различного исполнения, расположенный на поверхности сосуда. Как видим, и здесь наблюдается принцип однообразия, тем не менее, учитывая наличие некоторых мотивов и их исполнения, рассмотрим их типологию

1 тип. Треугольники в виде зигзага, состоящие из ломанных линий, прочерченные тупым инструментом и расположенные горизонтально на плечиках сосуда. В свою очередь эти треугольники отличаются друг от друга по форме. Если три из них широкоугольные - приблизительно $70-75^\circ$, то последний имеет заостренную вершину в $10-15^\circ$. В первом случае насечки проведены с наклоном по одной верхней стороне

треугольника, на втором сосуде такими же односторонними насечками заполнены внутренние секции треугольников. При этом линии насечек отходят от горизонтального желобка, расположенного треугольником. Третий вариант этого типа состоит из трех рядов треугольников, входящих один за другой. Как верхние, так и нижние линии треугольников ломаные и соединены друг с другом. В последнем варианте зубцы треугольника заполнены также односторонними насечками. Дополнительно к ним под треугольником, горизонтально расположены У-образные линии".

Из этих типов орнаментов один имеет себе аналогию среди орнаментов керамики селения Маханкуль (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI, 1) и близкой по территории керамики Кайрак-Кума (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 107, 1). Конечно, хотелось бы видеть параллели двух первых орнаментов керамики Дашти - Казы с орнаментами стоянки Гуджайли, но фрагментарность последних не дает к этому оснований (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI, 7).

II тип Этот тип орнамента встречается на одном сосуде. Орнамент представляет собой трехступенчатый треугольник, состоящий из цепочек углублений, расположенных друг к другу. Исследователи первобытной культуры низовья Зарафшана и Кайрак - Кума в бассейне реки Сырдарья считают, что такие орнаменты оттискивались гребенчатыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 198) и мелко и реднеячеистыми штампами (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 219). Нам же кажется, что эти точечные углубления были нанесены от руки, так как они весьма не однотипны. Это прежде всего прослеживается в форме треугольников и в интервалах между ямочками. Исследователь памятников тазабагыбской культуры М.А.Итина отмечает, что с появлением новых типов койчинской керамики гребенчатый штамп почти исчезает (Итина, 1959, с. 49).

III тип. Этот орнамент состоит из разнообразных треугольников, нанесенных гребенчатым штампом на шейку, плечики и верхнюю часть тулова сосуда. Этот же орнамент на

сосуде с четырьмя отверстиями расположен под венчиком, шейкой и плечиками. Прослеживается и различие штампов. Из всех орнаментов узоры этого типа находят больше всего аналогий. Они встречаются среди керамики навеса Ак-Танги (Литвинский, Ранов, 1961, рис.8,1), на стоянке Кантарь (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1963, табл.ХХУІ, 13) и даже среди керамики погребения андроновской культуры Верхней Оби (Грязнов, 1956, рис.3,2).

ІУтип. Фактически этот тип является неизменным вариантом орнамента ІІІ типа. Но он отличается от него тем, что зигзаги или остроконечные треугольники по всему тулову и венчику сосуда расположены парами на расстоянии друг от друга. Кроме того, этот орнамент не находит аналога среди орнаментов керамики памятников степной бронзы среднеазиатского региона. Отличается и техника нанесения орнамента - линии разделены насечками. Нам кажется, что эти длинные, к тому же и неровные линии треугольников, наносились гребенчатым штампом, путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампика найден С.С. Черниковым (Черников, 1962, рис.12, 1а,б,в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен и техника нанесения орнамента - линии разделены насечками. Нам кажется, что эти длинные; к тому же и неровные линии треугольников; наносились гребенчатым штампом; путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампика найден С.С.Черниковым (Черников: 1962: рис.12: 1а:б:в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен. Сохранившиеся мотивы указывают на то: что эти орнаменты входят в круг узоров ІУ типа.

Орнаментированными выглядят еще два сосуда. В отличие от традиционных узоров, они украшены желобками, различающимися по ширине и глубине. Желобки первого сосуда несколькими рядами перехватывают вытянутую горловину сосуда. На втором сосуде относительно широкие и глубокие желобки, также несколькими горизонтальными рядами рас-

положены на плечиках и под венчиком сосуда, которые считаются уникальными.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что они могли появиться у скотоводов Дашти - Казы под влиянием керамики земледельческих культур. У скотоводов Кайрак - Кума и низовья Зарафшана они практически не встречаются. Таким образом, подводя итоги интерпретации керамики могильника Дашти - Казы отметим, что эта керамика, несомненно, представляет среднеазиатский тип керамики андроновской культуры.

Форма сосудов с орнаментом и без орнамента находит себе широкие аналоги среди керамики памятников позднеалакульского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана и Южного Зауралья. аналогичные формы керамики и типы орнаментов можно встретить и в зоне обитания носителей Тазабагыябской культуры северо - западных районов Средней Азии (Итина, 1981, рис.4.6; 10,6). Керамика Дашти - Казы находит себе аналогии среди керамики Кайрак- Кумской культуры (Литвинский, Окладников, Ранов,) и в могильнике Муми набад (Аскарлов, 1969, рис.2.1).

Предметы украшения. Эта категория находок по количеству немного превосходит керамику. Кротно охарактеризуем их разновидность. Прежде чем охарактеризовать предметы украшения, напомним, что ни в одном из 15 погребений, где были найдены бронзовые и пастовые предметы, не найдено орудий труда и быта. Все находки, кроме керамики, являются предметами украшения (рис.49). Этот случай выделяет исследование могильника, как локальный вариант культуры. В этой связи возникает вопрос: в чем причина полного отсутствия орудий и предметов быта в погребениях? Возможно, отсутствие производительных и бытовых предметов связано с отсутствием ремесленного производства и существованием дефицита на эти товары. Однако эта версия не имеет веского основания. Поэтому конкретные выводы можно будет сделать только по результатам раскопок поселения жителей этого могильника, а его мы еще не обнаружили.

Сейчас мы имеем значительное количество украшений 13-ти разновидностей. По материалам они делятся на бронзовые, пастовые и золотые; украшения из бронзы встречаются средние и крупные: бусы, бисер, кольца и серьги с раструбом, височные серьги, браслеты и зеркала, гривны.

Пастовые бусы представлены четырьмя типами: дисковидные трубочки с валиками и бисер. Золотые украшения представлены серьгами с раструбом.

Украшения из бронзы. Бисер. Этот тип находок самый распространенный и многочисленный. В 10-ти погребениях (погр.1-3, 5-3, 15, 21-1,25) найдено более 1000 экз. бисера, представленного пятью видами. Наиболее распространенными являются бусины шаровидной и ребристой формы. Наибольшее количество бисерин было найдено в погребениях 3 (22с штук), 5 (140), 6,7,8 (71, 71 и 31), 15 (209), 25-1 (300) и 26 (26). В основном эти бусины найдены в области шеи, под лопатками и грудной клеткой, а в некоторых случаях в районе берцовых костей. По месту их нахождения можно предположить, что ими были украшены волосы, головной убор, часть одежды и обувь. Это свидетельствует том, что усопших хранили в одежде.

Крупные бусы. Они встречены в 12 погребениях (погр.1-9, 15, 21, 25-1), но в количественном отношении они уступают бисеру. Тем не менее, мы располагаем 285 бусинами этого типа. Основное количество этих бус было найдено в погребениях 2 (33 штуки), 3 (49), 7 (23), 9 (91) и 15 (46). Судя по тому, что подавляющее их большинство лежало в районе берцовых костей усопших, где также был обнаружен теленг от следов кожи, то по всей видимости эти крупные бусы являлись застежками обуви. В погребении эти бусы в виде колец окружают берцовые кости скелета, ближе к ступням. Это указывает на то, что в ряде случаев ими расшивали шароваров.

Бисер и крупные бусы встречаются в памятниках андроновской культуры Зарафшанской долины Гуджайли (Тулямов, Исламов, Аскарлов. 1966, табл XIII, 2,7), Муминабаде (Аскарлов, 1969, рис.2, 11 и 12), бассейне Сырдарьи, пос. Ходжа - Ягона и пос.12,16,54 на Кайрак-Кумах (Литвинский,

Окладников, Ранов, 1982, с.224, табл IX). аналогичный интерес представляют бусы из Ваудильного могильника. Они изготовлены из толстой проволоки треугольного сечения. В результате чего по центру наружной стороны образовалось перехватывающее бусину ребро (Гамбург, Горбунов, 1956, с.90, рис.40,1). Этот тип бисерин мы квалифицируем как очевидный. Некоторые виды среднеазиатских бус имеют аналогию с бронзовыми бусинами из могильника Балкыдык 1, в районе Тальды - нури карагандинской области (Шаргулен, Акишев, Кадрбаев, Оразбаев, 1966, табл.1). Но ни в одном из вышеуказанных памятников ни бисер, ни крупные бусы не были найдены в столь большом количестве и разнообразии.

Кольцо. К настоящему моменту мы нашли 10 отличающихся по форме колец. Они происходят из погребений 3,6,8 по одной штуке, из погребений 21,25-1 по две штуки, из погребения 9 - 3 штуки. Среди Кайрак - Кумского комплекса одно бронзовое кольцо было найдено в могильнике Ходжи - Ягона (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55,1, с.227). Кольцо из Ваудильского могильника имеет несомкнутые заостренные концы (Гамбург, Горбунова, 1956, с.90, рис. 49,2).

Серьги с раструбом. В 5-ти погребениях Дашти - Казы было найдено 6 серег. В погребении 3 (в могиле богатой женщины) было обнаружено 2 серьги, представляющие одну пару, изготовленные из тонкого пластичного листа золота. Они довольно крупного размера, с так называемым замочком. Тонкие проволочные концы крючкообразные, они вставлялись в отверстия, расположенные в углу спиралевидного конуса. По определению Н.А.Аванесовой, золотые серьги из могильника Дашти - Казы с петлевидной дожкой относятся к типу А 2 (Аванесова. 1991, с.52). аналогичные серьги встречаются на Теш- Тюбе II, Тош - Башот (Кожемяко, 1960, с.89, р.9-2), Тегермен - сай (Абетеков, 1963, с.94, р.36-1), Дахана (Литвинский и др., 1962,с.162), в Муминабаде (Лев Д.Н., 1966,с.103, р.38), Тандыр - куле (Виноградова, Пьянкова, 1978, с.554-556; Пьянкова. 1981, вып.4, с.33-34), Кокче 3 (Итина, 1961, МХЭ, вып. 5, с.78, рис.25,с.87, рис.28).

Остальные 4 экземпляра серег бронзовые. В большинстве случаев они встречались в сильно поврежденном или поломанном виде. Сохранившиеся серьги с раструбом относятся по классификации Н.А.Аванесовой к типу А¹. Они имеют дисковидные спирали в конце, без замка (Аванесова, 1991, с.51). Любопытен тот факт, что эти два типа серег из памятников Среднеазиатского междуречья встречаются только в могильниках Муминабада (Аскарлов, 1979, рис.2) и в Дашти - Казы. Отсутствие их в других памятниках низовья Зарафшана и бассейна Сырдарьи, жителей которых мы считаем соплеменниками даштиказынцев, требует глубокого научного анализа.

Височные серьги. Их всего 3 экземпляра. Найдены в двух погребениях: в 3-м погребении -2, в погребении 15-1. В отличие от серег с раструбом, эти бронзовые серьги простые. Найдено 3 типа. Первый - кольцеобразный, с раздавленным кольцом и закрученным в полтора оборота. Они были изготовлены из тонкой плоской и треугольной в сечении полоски бронзы. Отметим, что плохая сохранность и хрупкость изделий затрудняет точное их определение. Височные серьги по форме близки к серьгам типа В₂ восьмеркообразных подвесок андровской культуры (Аванесова, 1991). Аналогичный вариант характерен для скотоводческих памятников Зарафшанской долины, Гуджайли (Гулямов и др., 1966, с. 187-208, р.47-2), Кызыл - Кыра (Аскарлов, 1962, р.2,4), Сиабского погребения (Аванесова, 1982, р.47-1).

Вторая височная серьга по форме крючкообразная и относится к уникальному типу находок из этой категории.

Восьмеркообразные височные серьги были найдены в могильниках Гардуш (Кузьмина, 1966, табл.ХУ: 13-15), Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл.ХУ, 17-20), Кызыл - Кыр (Гулямов, 1966, Аскарлов, 1962), что говорит об их распространенности в Средней Азии - от низовья Арала до Зарафшанской долины.

Зеркала найдены в 4-х экз., в погребениях 3,8,25-1. В последнем погребении при одном погребенном оказалось 2 зеркала. Диаметр они от 4 до 5 см., представляют собой

диск с ровными и слегка выпуклым плоскостями и петелькой на обратной стороне.

Два зеркала круглой формы, по размеру больше даштиказанских (8см), были найдены в могильнике Замонбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.159). Кроме размера, последние отличаются от наших и отсутствием петель. Даштиказынские зеркала имеют прямую аналогию с зеркалом Муминабадского могильника (Аскарлов, 1969, рис.2,7).

Малочисленность в Среднеазиатском регионе и разнообразие и многочисленность в Западной Сибири памятников Андроновской эпохи (Косарев, 1987, рис.107,7,6,15,17) указывает на исходный пласт этой категории находок.

Браслеты. Найдено 26 экз., которые можно разделить на три типа.

1 тип. Широкие браслеты с заходящим и кольцами и ребром по середине, а также треугольного сечения (22 экз.). Эти браслеты найдены в погребениях 1 (3 экз.), 3 (8), 5 (4), 8 (1), 15 (6). Количественное соотношение указывает на их традиционность в погребениях Муминабада (Аскарлов, 1969, рис.2.11-12). Браслеты, схожие с нашими, были найдены и в других памятниках региона, больше всего в могильнике Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл. ХУІ,31,41-44,46,49-52,54-56). Но на кокчинских браслетах отсутствуют наружные ребра.

За пределами Среднеазиатского региона этот тип браслета встречался в памятниках Борисоглебское 2, Поздняковской культуры лесной полосы Западной Сибири (Бедер, Попова, 1987, с.134, рис.66, 11-12). Первый тип браслета Дашти - Казы классифицируется как тип Аз по Н.В.Аванесовой. Они появились в алакульское время и до эпохи поздней бронзы (Аванесова, 1979, с.18).

II тип. Широкие браслеты с ребром наружу и желобком изнутри, несомкнутыми концами (93 экз.), были найдены в погребениях 19 (1) и 21 (2 штуки). Такие же браслеты найдены на могильнике Хаджа - Ягона Кайрак - Кумской культуры (92 экз.) (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55,6,6). Отсутствие этого типа в классификации Н.А.Аванесовой, которая была составлена по 21 экз. браслетов, свиде-

тов, свидетельствует о редкости этого типа. Браслеты второго типа Н.О.Бадер и Т.Б.Попова характеризуют как типично поздняяковские (Бадер, Попова, 1967, с.134).

III тип. Круглый в сечении браслет из бронзовой проволоки, толщиной в 3-4 мм, с несомкнутыми концами. Он был обнаружен в поломанном виде, и поэтому судить о его окончательной форме трудно. Тем не менее, этот браслет находит некоторые аналогии среди браслетов земледельческой культуры Южного Туркменистана, Карадепе, Ашхабада, Учиндепе (Кузьмина, 1966, табл. XIV, 61, 63, 66, 69). Этот тип браслетов в виду его редкости пока не классифицирован.

Гривна в единственном экземпляре найдена в богатом погребении 15. Это уникальное украшение находит аналогии среди находок степной культуры среднеазиатского региона. Она изготовлена литым способом. Несомкнутые закругленные концы имеют сквозные отверстия. Наличие гривны говорит об особым социальном статусе погребенного.

Наличие этой находки убедительно свидетельствует о том, что племена, поселившиеся в верховьях Зарафшана, ближе к металлургическим рудникам, наряду со скотоводством, занимались и обработкой металлов.

Украшения из пасты малочислены, встречены всего в пяти погребениях (погр. 2, 15, 19, 24, 25-1). Они 5-ти форм: 1) бисерины округлой формы, размером не больше чечевицы. В количестве 50 штук были найдены в погребении 2; 2) трубчатые бусы с валиком, 13 таких бус с тремя и четырьмя валиками были найдены в погребениях 2 (95 шт.), 19 (2), 24 (4), 25-1 (2); 3) таблетковидные бусины со сквозным отверстием по центру и по плоскости диска встречены лишь в двух погребениях. В погребении 2 их было 3, в погребении 24-2 штуки; 4) квадратная трехрядная бусина с тремя отверстиями по каждому ряду. Эта бусина в единственном экземпляре была найдена в могильнике в погребении 15; 5) две квадратные подвески, украшавшие волосы. Они сделаны из массы белого цвета со сквозным отверстием. Эти украшения встречены только в одном погребении (погр. 24).

Представленные украшения из пасты, из - за отсутствия прямых аналогий, относятся к категории уникальных находок в Среднеазиатском регионе. Правда, из этих украшений лишь таблетковидные бусы встречались в могильнике поселения Замонбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл.УШ, 5, ХХ,11). По утверждению специалистов, дисковидные цилиндрические бусы изготовлялись только из каолина или искусственного бусы не имеют спиралевидных кружочков, как бусы из Дашти - Казы. Нам кажется, наши бусы изготовлены из тонкой костяной пластинки.

Анализируя археологический комплекс могильника по погребальным обрядам, керамике, предметам украшения, мы получили необходимые факты дающие основание для датировки памятника. Близость, а в некоторых случаях однотипность форм керамики и предметов украшения в целом, их орнаменты, сходные с орнаментами исследованных памятников скотоводческой культуры Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак - Танга, Кайрак - Кум) указывают на то, что археологический комплекс могильники Дашти - Казы находит прямые аналоги с археологическими комплексами памятников скотоводческой культуры южных областей Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак - Танга, Кайрак - Кум), низовья Арала (Кокча 3) и даже степей Казахстана. Все памятники упомянутых регионов исследованы полностью во всех аспектах. По археологическим фактам установлены их хронология и происхождение. Исследователи этих памятников Б.А.Литвинский, В.А.Ранов, Д.Н.Лев, Я.Г.Гулямов, А.А.Аскарлов, У.И.Исламов, С.П.Толстов, М.А.Итина по вопросам датированы в пределах II тыс. до н.э. Этот период мы разделяем на три этапа: ранний, средний и поздний. Некоторые исследователи выделяют здесь два этапа. Так, памятники скотоводов С.П. Толстов и М.А.Итина относят соответственно к андроновскому или тазабагыбскому периоду культуры, что вполне соответствует трем указанным нами периодам. По характеристике исследователей Приаралья, формирование тазабагыбской культуры происходило в середине II тыс. до н.э. (второй период), продвижение носителей этой культуры в

культуры в южные районы Средней Азии началось во второй половине II тыс. до н.э. .

Исследователи Кайрак - Кума и грота Ак- Танга Б.А.Литвинский и В.А.Ранов датируют эти памятники серединой II - началом I тыс. до н.э. (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.282), что соответствует тазабагьябскому периоду.

Исходя из вышепересичленных аналогий по погребельным обрядам, керамике, предметам украшения, мы относим могильник Дашти - Казы к кругу памятников степной бронзы и датируем его периодом позднего этапа XIY - XII до н.э. (Исаков, Потемкина, 1988, с.514, 1989, с.164).

§ 4. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ УКЛАД И КУЛЬТОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Археологический комплекс могильника Дашти - Казы является определяющим фактором степени развития хозяйства, общественного уклада и культовых воззрений людей, населяющих эту территорию. Однако, отсутствие поселения на этом памятнике затрудняет исследование вышеуказанных аспектов.

Поиски поселения в годы исследований могильника (1983-1991гг.) были безрезультатными. Если оно было расположено как у скотоводов - степняков низовья Зарафшана (Гуджайли, Мозандарьи, Малый и Большой Тузкан) поблизости рек и озер, то даштиказанцы могли поселиться на правом берегу р. Зарафшан, на равнинной части массива Дашти - Казы. В свою очередь, эта равнина тысячелетиями представляет собой посевные поля обитателей этой местности. Здесь использовались современная землеройная техника, бугры и холмики были сnivelированы, в течение последних 50 лет. Здесь сеяли зерно, выращивали другие культуры. Поэтому о наличии поселения на берегу Зарафшана говорить не приходится. Вместе с тем отметим, что по рассказам местных жителей, на высоте более 300 м от могильника, на одной из террас Туркестанского хребта, находится около 3 га площади со следами каменного - то застроек. К сожалению, они пока нами не исследованы.

Таким образом, для определения хозяйственной и производственной культуры людей, здесь обитавших, мы располагаем довольно незначительными фактами.

Тем не менее, анализируя вопросы хозяйственной деятельности скотоводов низовья Зарафшана эпохи поздней бронзы мы видим, что здесь существовало полукочное являющееся хозяйство, по утверждению исследователей, пришедшее на смену " пастушескому " (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. с.228).

В Кайрак - Кумских памятниках явно определяется многоотраслевое направление. Племена занимались скотоводством, земледелием, металлургией. Из существующих промыслов исследователи отмечают наличие прядения и ткачества (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.262-276). Кроме этого, в Кайрак - Куме высокого уровня достигли обработка камней и металлургия, о чем свидетельствуют находки каменных литейных форм и предметов украшения.

Однако по количеству бронзовых украшений Кайрак-кумцы явно отстают от племен верховья Зарафшана. Правда, в могильнике Дашти - Казы не найдено ни одного предмета труда и оружия, которые могли бы охарактеризовать производственный аспект исследуемых племен. В нашем распоряжении имеются керамика и предметы украшения. Последние по количеству, разнообразию и даже по качеству превосходят аналогичные находки, сделанные в Кайрак - Кумах и на памятниках низовья Зарафшана.

Наряду с ними следует отметить также две случайные находки в верховье Зарафшана. первая находка - это бронзовый сосуд с тремя ножками, вытянутым длинным носиком и пелевидной ручкой. Этот сосуд был найден в кишлаке Айнинском районе в 1966г. (рис.50). Он был исследован В.Г. Луконым и датирован IX в до н.э. (Луконин, 1977, с.40). Вторая находка - это кельт. Он был найден в кишлаке Бедак, в 15 км к юго - востоку от городища Древнего Пенджикента (рис.51). Кельт втульчатый, прямоугольной формы, с двумя петлевидными ушками для крепления и острым тешеобразным лезвием. Длина кельта 9 см. Среди найденных на территории Средней Азии кельтов- аналогичных нет. Лишь один из двух кельтов, найденных в Ташкентском оазисе, по предположению Е.Е.Кузьминой, имеет некоторое сходство с нашим (Кузьмина, 1966, табл.IV.10). Таким образом, имеющиеся факты указывают на то, что в основе хозяйства племен верховья Зарафшана лежало яйлочное хозяйство. Племена занимались скотоводством, добычей руды и обработкой металла. Наличие золотой серьги свидетельствует о том, что даштиказынцы добывали золото из песчаных карьеров р. Зарафшан.

Эти два вида хозяйственной деятельности вполне могли обеспечить не только потребности верхнезарафшанских общин, но и благодаря им общины имели средства обмена. Наличие значительного количества бронзовых изделий в погребениях Дашти - Казы являются свидетельством того, что племена со скотоводческим укладом не были кочевниками, а вели оседлый образ жизни. Веским основанием для сказанного являются металлические изделия, требующие для своего изготовления сложной организации труда по добыче, транспортировке и обработке металосных руд и металла.

О развитии земледелия в хозяйстве даштиказынцев мы имеем минимальные факты. Зернотерки и 3 терочника, встреченные в погребении 12, являются лишь намеком на этот вид хозяйства. В комплексе полностью отсутствуют предметы земледельческой культуры. Поэтому, в настоящий момент, нам остается пока признать, что даштиказынцы занимались скотоводством и металлургией, присущей степной культуре. Говоря об этом, мы сохраняем за собой право корректировки этого заключения, так как мы еще не располагаем данными о поселении, где жили носители этой культуры. Без наличия керамических и металлоплавильных мастерских и состава костей животных, невозможно охарактеризовать производственные моменты исследуемых племен. Поэтому надеемся, что аспекты производства будут уточнены по выявлению поселения. Поскольку неизвестно, найдем ли мы поселения даштиказынцев, предварительно, в порядке гипотезы укажем на то, что продукты земледелия они могли получать от своих близких соседей, не входя за пределы верховья Зарафшана. Поэтому в экономике скотоводов Дашти - Казы обмен и торговля продуктами скотоводства (мясом, шерстью, кожей) и металлическими украшениями, могли играть не последнюю роль.

Общественный уклад и социальный уровень даштиказынцев определяется по фактам погребений. Как известно, в могильнике найдены три богатых погребения (погр. 3, 15, 26-1). В погребении 3, наряду с 7 видами находок, найдена пара золотых серег. В погребении 15 встречены также 7 видов

украшений, среди которых единственная в могильнике гривна, а в погребении 25-1 с пятью видами бронзовых украшений найдено 2 зеркала с петельками. Эти и другие многочисленные предметы украшений являются фактами, определяющими общественное положение усопших в богатых погребениях, тогда как во многих других погребениях члены общества были захоронены с одним сосудом или с незначительным количеством вещей.

Относительно процессов социального расслоения общества скотоводов отметим, что в пору эпохи бронзы, когда земледельческая культура находилась на примитивном мотыжном уровне, скотоводство считалось наиболее рентабельным типом хозяйства. По мнению Е.Е. Кузьминой "скотоводство создавало условия для распада первобытно-общинных отношений, развития обменовой торговли и привело к накоплению у отдельных семей скота и сокровищ" (Кузьмина, 1966, с.98).

Анализируя скотоводческие общины эпохи поздней бронзы, по материалам памятников низовья Зарафшана, А.А. Аскарлов заключает, что "они находились в конце переходного этапа от матриархата к патриархату" (Аскарлов, 1962, с.13). По И.Н.Хлопину этот процесс у племен земледельческой культуры Южного Туркменистана происходил во второй половине II тыс. до н.э. Исследователь отмечает, что "коллективные погребения южной земледельческой зоны Средней Азии надо рассматривать как свидетельство перехода общества к патриархальным отношениям" (Хлопин, 1984, с.16).

Представленные характеристики и полученные материалы даштиказынского могильника дают нам основание говорить о том, что в финальном этапе эпохи бронзы общины верховья Зарафшана находились в стадии переходного периода - от матриархата к патриархату. Положение женщин в обществе еще было высоким. О чем и свидетельствуют их богатые погребения с огромным количеством инвентаря.

Следующий вопрос - это характер культовых воззрений. В этом плане интерес представляют встреченные факти-

чески во всех погребениях и ритуальных ямах или кенотафях, кострища, думается, что костры, как элементы культа огня, выполняли роль очищения тела погибших от злых духов. Поэтому, после совершения погребельного процесса, частичной засыпки землей тела усопшего, над ним зажигался костер, который в свою очередь засыпался красной охрой. Причем охра встречалась не только в кострищах, но и на полу могильных ям под погребенными. Это явление скорее всего следует рассматривать как символ кровавого жертвоприношения. Подобное встречается в погребениях и культовых застройках ранних земледельцев. Традиция возжигания огня в небольших ямах у даштиказынцев имеет аналогию в погребальных сооружениях Восточного Приаралья (Толстой и др. 1963, с.39-510, (Вишневская, Итина, 1971, с.198), Рапопорт, 1971, с.54) и в могилах Вахшской культуры в Тигровой балке (Пьянкова, 1989, с.119 - 120) и в раннем Тулхаре (Мендельштам, 1968, с.125).

Историк Б.Г.Гафуров, изучая идеологию Заратушты, отметим, что "огонь рассматривается как выражение или символ божественной справедливости, арты (правды). Культовые храмы огня позже стали одной из основных характерных особенностей зароастризма" (Гафуров, 1972, с.62).

Более интересным фактом является то, что даштиказынцы верили в существование загробной жизни. Погребение в одежде со всеми принадлежащими покойному вещами и даже с трапезой определяли статус усопшего в новом загробном мире.

Большой интерес представляют ориентировки могильных ям и голов погребенных. Как было отмечено, те и другие в основном имеют северную ориентировку с уклоном на северо - запад или северо - восток. Аналогичные явления были зафиксированы в могильнике Заманбаба, где в обеих секторах могильные ямы ориентированы по линии север - юг, с северо - востока на юго - запад (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с.123). Три камеры джаханинского могильника также имеют северную ориентировку могильных ям и скеле-

тов, что, на наш взгляд, является указателем направления природы предков.

§ 5. ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

Вопросы происхождения и взаимосвязи скотоводческой культуры Средней Азии были разработаны еще в 50-60 годы нашего столетия. Открытие очагов так называемой степной культуры в эти годы в Маргиане, низовье Зарафшана и Фергане исследователями этих оазисов было воспринято с большим интересом.

Изучение археологических памятников указанных оазисов показало, что равнинные просторы Средней Азии во II тыс. до н.э. были заселены скотоводческими, пастушескими племенами; прародители которых ранее обитали далеко от Средней Азии - в низовьях Урала и в степях Казахстана. Для Средней Азии наиболее близкими регионами культуры степной бронзы были: на северо - западе - Аральское побережье; а на северо - востоке - Казахстане просторы.

Более ранние этапы культуры степной бронзы были обнаружены в низовьях Зарафшана, на поселении Заманбаба. По утверждению исследователей, "этот регион до сложения заманбабинской культуры был заселен неолитическими племенами кельтинарского типа" (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.167). Здесь в 50-е годы были открыты неолитические стоянки, где были обнаружены археологические комплексы кельтиминарской культуры (Исламов, 1963, с.31). По этим фактам исследователи, касаясь вопроса сложения культуры, сделали вывод, что обитатели являются пришельцами иноплеменной группы древнеземледельческого юга или северной ямнокатамкобной афанос вской культуры (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 167).

В заключении: характеризуя заманбабинскую культуру, они пишут, что "открыты группы памятников, материалы которых не только указывают на генетическую связь между племенами культур кельтиминарскую неолита и заманбабинской бронзы, но и выступают как новый археологический

ческий этап в развитии культуры древних племен в степной зоне Средней Азии" (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.167-168).

В плане сложения кельминарского типа культуры на территории Средней Азии и, в частности, в Зарафшанской долине, определенное значение имеет поселение Саразм и найденная здесь керамика кельтиминарского типа, датированная второй половиной III тыс. до н.э. (Исаков, Лэоне, 1988, с.31). Обнаруженные на третьем горизонте этого поселения отсродонный цилиндрический сосуд со штампованным орнаментом, полусферический котел также с отсрым дном и фрагмент венчика другого котла имеют прямые аналоги с керамикой из Кават 7 неолитического кельтиминара (Виноградов, 1968, табл. 72-74, с.14-141). По этим новым фактам мы можем заключить, что взаимосвязи племен степной бронзы севера с земледельцами южных областей Средней Азии были установлены до появления заманбабинской культуры. Поэтому уместно признать, что исходным центром исследуемой культуры, несомненно, являются зоны, расположенные на северных широтах Средней Азии. Появление носителей в Зарафшанской долине является результатом культурной и торгово-экономической связи. Это можно видеть на примере формирования позднеэнеолитической культуры Саразма, для которой исходным центром является культура расписной керамики Геоксюрского оазиса Южного Туркменистана.

Так что, рассматривая становление культуры Заманбабы, не видим веских обоснований и заключений исследователей отметивших, что заманбабинцы определенных групп племен степного типа являются потомками местных неолитических племен (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.169).

Наиболее со II тыс. до н.э., племена культуры степной бронзы на территории Средней Азии встречаются почти повсеместно. Они полностью занимают степные и части равнинных районов, экологически пригодные для пастушеского скотоводства. В первую очередь к этим районам относятся Маргана, Ферганская долина. Характерной чертой этих племен

был тазабагьябский вариант андроновской культуры, формировавшийся в низовьях ареала.

Как было указано, в середине 50-х годов в пустынях кайрак - Кума были открыты остатки поселений культуры степной бронзы. Археологический комплекс этих поселений и погребений входит в ареал андроновской культуры.

Что касается вопроса происхождения культуры степной бронзы Кайрак - Кума, то исследователь этого памятника Б.А.Литвинский считает, что "наряду с тазабагьябской в Средней Азии существовала другая культура бронзового века" (Литвинский, 1959, с.196). Он же предлагает назвать ее Кайрак - Кумской. Определяя зону распространения Кайрак - Кумской культуры, исследователи отмечают, что "достаточно уверенно можно говорить о наличии, наряду с тазабагьябской (территории Хорезма) и прилегающие районы особой Кайрак - Кумской культуры (Ташкстские, Ленинабадские области и районы Узбекской и Киргизской части Ферганской долины и, возможно, в Южном Таджикистане и Узбекистане) (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.288). Таким образом, по их же мнению, "племена кайрак - Кумской культуры занимали всю восточную половину Средней Азии" (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.288).

Вопросы происхождения культуры скотоводов из территории Средней Азии были рассмотрены и В.М.Массоном. В частности, он сопоставляет мнение Б.А.Литвинского о том, что Кайрак - Кумская культура является самостоятельной культурой, сформировавшейся на местной неолитической и раннебронзовой основе. В.М.Массон пишет: "Несомненно, что в дальнейшем на территории Средней Азии удастся выделить ряд локальных вариантов культур степных племен. Сейчас более явно вырисовывается лишь группа племен, живших в Хорезме, где оставленная ими культура была названа С.П.Толстовым Тазабагьябской. Менее ясны конкретные особенности Ферганской группы, и выделение ее в особую Кайрак - Кумскую культуру, возможно, является преждевременным" (Массон. 1959, с.118).

Как бы там ни было, появление в науке могильника Дашти - Казы с превосходным металлическим и керамическим археологическим комплексом имеет принципиальное значение для общей характеристики степной культуры юга. Отдельные типы украшений (гривна) не имеют аналогии среди находок памятников Средней Азии.

Не меньший интерес представляет местность памятника. Это пока на территории Средней Азии единственный памятник скотоводческой культуры, обнаруженный в горных районах. Поэтому применение к даштиказынскому могильнику термина "степная культура" является относительным.

Теперь в свете открытий ряда памятников в горных и долинных районах Средней Азии, особенно на юге Таджикистана, в Гиссарской долине, в Зар Камаре. Тандыр - юле, Кара - капчаке, в Хатлонской области в Тегузаке (Пьянкова, 1981, с.89-93), в Кангурт - туте (Виноградова. 1987 б, с.126-137, 1988, с.513) и в карим - Берды мы можем говорить о более широком ареале типа культуры степной бронзы.

В этом аспекте считаем необходимым остановиться на вопросах происхождения среднеазиатских вариантов андроновской культуры. Для решения этого немаловажного исторического фактора обратимся к этапам распространения Андроновско - тазабагыябской культуры в южные регионы Средней Азии. Наши исследования показали, что процессы формирования скотоводческой культуры на территории Средней Азии делятся на три этапа. первый связан с миграциями неолитических кельтиминарцев в первой половине III тыс. до н.э. Второй этап начался с продвижением групп андроновского типа из Хоразма и южных степей Казахстана в Ферганскую долину, начиная со второй четверти II тыс. до н.э. При этом хоразмские группы обосновываются в низовьях Зарафшана, а южно - казахстанские - в Кайрак - Куме и прилежащих к нему районах. Видимо, именно этими обстоятельствами объясняется однотипность Кайрак - Кумской культуры., объединяющей в себе культуру степной бронзы от Ташкентского оазиса до восточных границ Ферганской долины.

На фоне этих фактов интерес представляет появление на обширной территории Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. тазабагыябского типа культуры степной бронзы. По мнению С.Н.Толстого, носителями этой культуры являются тазабагыябцы Приаралья, проникшие на территорию Средней Азии. Этот процесс он же связывает с первой значительной волной проникновения индоарийских племен в Хоразм с северо - запада в середине II тыс. до н.э. (Толстов, 1957, с.42).

Ссылаясь на однородность типа андроновской культуры, отмеченную во всех памятниках Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э., Гулямов, Исламов, Аскараров пишут, что "перед нами еще один вариант (среднеазиатский - С.Б.) памятников андроновской культуры" и предлагают называть тазабагыябскими племенами срубной культуры степного Поволжья" (Гулямов, Исламов, Аскараров, 1966, с.219).

Факты дальнейшего развития тазабагыябской культуры на территории Средней Азии неоспоримы, так как эта культура в пору поздней бронзы, особенно в XIII - X вв. до н.э., небольшими группами встречается во всех областях этого региона. Могильники этой культуры были обнаружены преимущественно в пустынях и равнинных оазисах, экологическая среда которых соответствовала пастушескому образцу скотоводства, охоте и рыболовству. Однако, как видно из открытий последних лет, эти племена проникли и в глубь горных районов. Некоторые племена этой культуры добрались до верховья Зарафшана и даже до Памира и Бадахшана. Поэтому могильник верховья Зарафшана, ряд погребений Гиссарской, Вахшской долин и высокогорного Памира заставляют нас пересмотреть некоторые выводы касательно распространения культуры степной бронзы в южных областях Средней Азии.

Исходя из вышеуказанного, мы считаем, что все это связано с внутриобщинным расколом, происходившим социально - экономическим расслоением общества. Причиной раскола, видимо, являются демографические и экологические факторы, связанные с увлечением численности людей и ско-

та. Эти факторы вынудили "непримеримые", большесемейные общины отколоться от племен и поселиться на новых местах. Этот факт мы считаем началом третьего этапа миграции скотоводов в горные районы южных областей Средней Азии.

Правда, каким именно племенам принадлежит даштиказынский могильник, мы сказать затрудняемся. Археологический комплекс могильника Дашти - Казы, как было сказано, находит аналогии как среди находок тазабагыябской культуры низовья Зарафшана, так и в комплексах Кайрак - Кума и Ак - Танга. Приоритет последних состоит в том, что на Кайрак - Куме металлообрабатывающее производство было поставлено на ремесленную основу, которой не было у племен низовья Зарафшана. Единичные металлические находки из могильника Лавлякана и могильника Гуджайли не дают оснований говорить о наличии здесь высокого уровня развития металлообрабатывающего производства. Поэтому мы считаем, что Даштиказынцы являются частью общины, отделившейся от Кайрак - кумских племен. Пути продвижения Кайрак - Кумских племен на юг подтверждают находки грота Ак - Танги, расположенного в 50 км к северо-востоку от могильника Дашти - Казы.

Считаем необходимым обратиться еще к некоторым фактам. Как было упомянуто, кроме могильника Дашти - Казы, в верховьях Зарафшана найдены единичные погребения у селения Чорбог и в окрестностях Пенджикента. Внушительным памятником этого региона является Муминабадский могильник. Исследователи определили археологические находки этих памятников как среднеазиатский вариант андроновской культуры. К упомянутому следует добавить и находки кельта из кишлака Бедак, расположенного между Пенджикентом и Чорбогом. Находки указывают на то, что верховья Зарафшана в XIII - XI вв до н.э. были заселены племенами, входящие в круг культуры степной бронзы.

В связи с этим, интерес приобретает следующий вопрос: Каково взаимоотношение племен верховья Зарафшана с племенами более южных областей Средней Азии. Исследова-

тели степной культуры южных областей Таджикистана (Пьянкова, 1974, с.78; Литвинский, Соловьев, 1970, с.41-47) отмечают, что земледельцы Южного Таджикистана появились в результате переселения племен из южных областей Узбекистана (Виноградова, 1987, с.76). Отметим, что если исключить единичные находки (литвейная форма Кунгурт-туте, серьги с растробом из погребения Тандыр - юла, кельт на поселении Карим - Берды и керамика Зар Камара), то эти поселения и могильники можно отнести к земледельческой культуре. В этом плане основная масса керамики: вазы, чайники, конусовидные сосуды и наряду с ними другие виды материальной культуры больше характерны для земледельческой культуры, нежели для степной. Поэтому обменность культур последней фазы бронзы является неоспоримым фактом, позволяющим говорить о том, что между скотоводами и земледельцами Средней Азии никаких непроходимых стен не существовало.

Таким образом, вопросы о взаимоотношении племен, носителей культуры степной бронзы, между собой, с одной стороны, и земледельцами, с другой, в конце бронзового века (XIV - X вв. до н.э.) имеют принципиальное значение. Эти контакты во многом способствовали дальнейшему развитию общечеловеческой цивилизации при переходе от первобытной классовой экономической и общественной формации.

ГЛАВА IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО - СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В историческом субстрате племен и народов Центральной Азии взаимодействие земледельческо - скотоводческих культур было и остается одним из спорных вопросов древней истории этого региона. Спорность этого глобального вопроса заключается в том, что носители этих культур, начиная с раннего этапа развития человеческой общины жили в двух, четко разделенных регионах: земледельцы к югу от Сырдарьи до берегов Индийского океана, а скотоводцы - к северу от Сырдарьи до Урала. Последним также принадлежали лесостепные и лесные массивы западно - сибирских просторов.

В процессе формирования двух обособленных культур - земледелия на юге и скотоводства - на севере, которое происходило в эпоху неолита и энеолита, трудно говорить что - либо о существовании культурно - экономической взаимосвязи между ними. По нашему мнению, этим периодам характерны собственные пути развития культур земледельческих и скотоводческих общин.

Как бы там ни было, на последующих этапах истории как земледельцы, так и скотоводы, в силу развития материальной культуры, прежде всего в связи с увеличением экономических потребностей, начали активно сотрудничать между собой в области культуры и экономики.

Чтобы разобраться в том, как это происходило, мы должны определить, какие из этих племенных общин больше были заинтересованы в общении друг с другом. Земледельцы, начиная с эпохи неолита, довольно ориентировались на местности и обосновывались там, где можно было развивать не только земледельческую культуру, но и домашнее

скотоводство, учиться строительству делу, различным ремесел и даже добыче и обработке металла. В результате, в эпоху энеолита, древнейшие земледельцы Средней Азии в северных предгорьях Копетдага, долины Сумбара, Тенджена Мургаба, Зарафшана достигли высоких для своего времени вершин цивилизации и имели достаточно развитый производственный экономический потенциал.

Эти факты позволяют говорить о том, что вряд ли земледельцы юга искали каких - либо связей со скотоводами в упомянутом периоде. Правда, археологические комплексы поселений Южного Туркменистана (Намазга, Каратепе, Альтынтепе, Ингинлы, Геоксюр и др.) и единственного пока в Зарафшанской долине поселения Саразм, свидетельствуют о том, что в пору энеолита и ранней бронзы имели культурные связи с древнеземледельческими памятниками Месопотамии, Ирана, Афганистана, Пакистанского Булуджистана, Индии (Массон, 1989, с.177; Исаков, 1991 а, табл.ХI - ХУ; Исаков, 1991 б, с.31).

Рассмотрим взаимодействие этих общин с другой стороны, а именно - со стороны скотоводческих племен. Эти племена так же, как и земледельческие, располагались в благоприятных для жизни местностях: на берегу рек, озер, в лесостепных зонах с богатыми флорой и фауной. На ранних этапах своего развития (неолит и энеолит) они занимались скотоводством, рыболовством, охотой. В последующем, с ростом населения и соответственно количества скота, перед скотоводами одновременно возникают две проблемы: Первая - экономическая, т.е. обеспечение собственного населения продуктами питания, прежде всего зерновыми. Вторая проблема - постоянное увеличение количества скота у многочисленных племен степников, вынуждавших их искать новые пастбища, а это означало или захват земель, принадлежащих другим общинам, или поиск земель, еще никем не занятых. На наш взгляд, такие необжитые места имелись в Среднеазиатском Междуречья. Появление в пустынных и полупустынных оазисах Средней Азии скотоводческих племен с различным этнокультурным происхождением составили миграционную осно-

ву, но с экспансионистским уклоном. В связи с этим возникает такой вопрос: можно ли появление скотоводческих племен севера на просторах Средней Азии на рубеже III- II тыс. до н.э. объяснить тем, что между двумя разнокультурными населениями - земледельцами и скотоводами - возникли равноправные экономические и культурные связи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, представим в хронологическом порядке основные этапы продвижения скотоводов к среднеазиатским просторам.

Археологические исследования памятников Средней Азии говорит о том, что автохтонная культура этого региона в эпохи энеолита и ранней бронзы была земледельческо-скотоводческой и отчасти, в зависимости от географической среды, здесь занимались рыболовством и охотой. Отметим, что племенные общины всегда предпочитают оседлую жизнь, при которой в последствии зародилась и строительная культура. В свою очередь, земледельческо-скотоводческая культура появилась не везде. Древние земледельцы жили в отдельных оазисах. Не исключено, что земледельческие общины жили в дельтах Амударьи и Сырдарьи в Каракалпакии и Хоразме. Эти факты указывают на то, что огромные пустынные горные и предгорные районы Средней Азии в эпохи энеолита и бронзы были еще необжитыми. Именно на этих просторах поселились позже скотоводы, с присущей им степной культурой, отличающейся от земледельческой.

Четкое разделение этих двух культур на территории Средней Азии прослеживается до II тыс. до н.э. Однако археологические открытия последних лет говорят о том, что степные племена проникли в земледельческие районы гораздо раньше - в середине III тыс. до н.э. Отдельные элементы культуры степных племен, в частности, керамика петровского типа с шагающей гребенкой были найдены на Саразме в III слое. Характер же взаимоотношений пришельцев и саразмийцев скорее всего был мирным, так как факты, свидетельствующие об обратном, полностью отсутствуют.

Как было указано выше, на поселении Саразм найдено всего 9 фрагментов сосудов, характерных для керамики степ-

ной культуры. Что касается бронзовых предметов, то их также немного. Из этих групп находок мы имеем 3 - ножа - кинжала. Как видим, набор находок, характерных для степной культуры на поселении Саразм пока не велик. Но эти находки подтверждают факты о том, что население степной культуры впервые дошло до центральных долин Средней Азии, т.е. Зарафшана. Этот аргумент подкрепляет многочисленные и разнообразные находки поселения и могильника Замонбаба, расположенного в пограничной полупустынной и пустынной зонах Средней Азии (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966). Недавно в равнинной части Зарафшанской долины, в 18 км от Самарканда в сторону Саразма, было обнаружено поселение Тугайное, где выявлен новый археологический комплекс двух культур - раннеземледельческой (Саразмский - С.Б.) и раннеандроновской (Аванесова, 1995, с.85).

Таким образом, следует констатировать, что проникновение степных племен на территорию Средней Азии, в частности, в Зарафшанскую долину, произошло в начале II тыс. до н.э. и носило мирный характер (первый этап).

На рубеже III - II тыс. до н.э. от просторов низовья Волги до Алтая происходила концентрация степных племен, пришедших с низовьев Урала, из степней и лесостепей Западной Сибири. Жившие в степных просторах Южного Казахстана племена, в частности, скотоводческие племена Приаралья, дельты Акча - дарьи, Хорезма весьма интенсивно ассимилировались с пришельцами, что стало началом взаимопроникновения культур. Носители тазабагыябской культуры были вынуждены покинуть свои обжитые места, прежде всего пастбища. Но до этого в этих областях происходило взаимодействие культурных комплексов, в составе которых были носители срубной федоровской, алакульской и андроновской культур. Влияние андроновской и федоровской культур в значительной мере прослеживается на Тянь - Шане и юго - Восточных просторах Казахстана и Киргизии (Арпа, Иссык - куль, Тегермен - сай, Джази - Кечу).

Исследователи Н.Я. Мепперт, В.В.Острошенко и Е.Кузьмина относительно миграции степных во второй чет-

верти II тыс. до н.э. отмечали, что она носила корпоративный характер, в результате ассимиляции и интеграции происходило формирование срубной культурной общности (Кузьмина, 1988, с.26). Аналогичные явления происходили в XIII - XVI вв. до н.э. с носителями андроновского культурного ареала, где в результате миграции с запада и в результате ассимиляции с автохтонным населением сформировались памятники петровского типа (Кузьмина, 1988, с.26).

В итоге при слиянии нескольких родственных друг другу культур степных пелмен (срубной, алаккульской, федоровской, петровской) в середине II тыс. до н.э., т.е. в XV - XIII вв. до н.э. на огромных просторах северных окраин Средней Азии сформировалась единая археологическая культура, известная в науке как культура "андроновской общности".

Тем не менее проблемы андроновской культуры и ее ареолы более полувека (начиная с 1939г. - С.Б.) являются дискуссионными среди археологов Сибири: Казахстана и Средней Азии. Дискуссия возникает каждый раз с открытием нового археологического памятника культуры "степной бронзы", например, с выявлением стоянок по берегам протоков Акча Даринской дельты (Толстов, 1960), получившие впоследствии название Тазабагыябской культуры, (Толстов, 1939, с.76 - 78), было отмечено, что "тазабагыябская культура имеет черты сходства с андроновской культурой степней Казахстана, Южной Сибири и с так называемой культурой Нижнего Поволжья" (Толстов, 1962, с.47). Далее памятники этой культуры были открыты на стоянках Ангка 5 (1953), Кават 3 (1956). Много фактологического материала, полностью характеризующего сущность тазабагыябской культуры, было обнаружено в погребениях могильника Кокча 3.

Годы, начиная с 1956 г. по настоящее время, в южных оазисах Среднеазиатского междуречья были обнаружены памятники, которые характером культуры практически идентичны тазабагыябской культуре. Первыми из них были археологические комплексы Замонбабы (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966) и Кайрак - Кума (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). В связи с открытием последнего Б.А.Литвинский еще

раз обратился к анализу характера андроновской культуры и ее отношения с тазабагыябской культурой. Анализируя эти две родственные друг другу культуры, исследователь пишет, что "постепенное накопление материалов все больше подводит к тому, что следует скорее говорить" об андроновской культурной провинции". Исследователь степной культуры Казахстана С.С. Черников включает памятники степной культуры Средней Азии в "южную группу" андроновской культуры (Черников. 1962. с. III). Следует отметить, что эти споры касались тех материалов, которые были обнаружены в регионах, расположенных от Поволжья до Тянь - Шаня (Степная зона Казахстана - С.Б.) и северных областей средней Азии (Хорезм, Кайрак - Кум).

В настоящее время, как было отмечено, на территории центральной части (Зарафшанской долины) и в южных областях Средней Азии (Гиссарской, Гахшской, Тулхарской долинах) были обнаружены десятки памятников, в основном могильники. Каждый из них представляет собой богатейший комплекс материальной культуры, иллюстрирующий в большинстве случаев слияние двух культур - земледельческой и степной. В Зарафшанской долине памятниками схожей культуры являются погребение Зардча - Халифа, поселения Саразм, Тугай, Замонбаба. Абсолютно однородную культуру имеют могильники Чакка, Муминабад, Дашти - Казы и погребение Чорбог. В хронологическом отношении три первых памятника (Саразм III, Тугай, Замонбаба и Зардча - Халифа) относятся к середине III - первой половине II тыс. до н.э. Памятники второй группы (Чакка, Муминабад, Дашти - Казы, Чорбог) появились в середине II тыс. до н.э., т.е. 300 - 250 лет спустя после первых групп памятников. Эти данные сами по себе, конечно, требуют разъяснения. Мы можем объяснить появление этих памятников лишь связав их с затапами миграции племен в регионах Средней Азии.

Прежде всего отметим факт консолидации носителей культуры степной бронзы по отдельным крупным регионам. Его, в приграничных зонах с автохонными степняками, выявлено пока два. Первый (его населяли племена носителей

кельтиминарской, тазабагьябской илакакульской культуры) располагался в дельте Сырдарьи и Амударьи (в основном Акча - даринское русло - С.Б.) и второй и в Западной Фергане (Кайрак - Кумы). Эти оазисы имели почти одинаковую экологическую обстановку и схожий характер местности (просторны не на пастбища, наличие воды и растительности). Они были свободными, т.е. еще никем не обжитыми. При этом, как нам кажется, тазабагьябцы и Кайрак - кумцы должны были иметь исходный пласт культуры, на базе от которой сформировалась их собственная культура. Один из известных исследователей культуры степной бронзы Северного Таджикистана (Кайрак - кума, Ак - Танга) Б.А.Литвинский писал, что " в качестве рабочей гипотезы можно высказать мнение о сложении Кайрак - Кумской культуры на местной основе, но в обстановке непрерывного потока андроноских элементов с северо - востока и севера и тесных связей с южными культурами расписной керамики" (Окладников, Литвинский, Ранов, 1962, с. 290).

Эти выводы были сделаны почти 30 лет назад. После этого на территории Зарафшанской долины были сделаны ряд открытий, которые коренным образом опровергли и опровергают многие гипотезы относительно исходного пласта культуры бронзового века исследуемого региона. Из них отметим два. Это открытие неолитического комплекса стоянки Сазагана (Джуракулов, 1992) и поселения энеолитической культуры Саразм (Исаков, 1991а).

Научный потенциал этих двух памятников сегодня настолько богат, что заставляет многих специалистов заново пересмотреть процессы формирования древнеземледельческих культур Зарафшанской долины. Сейчас вряд ли можно говорить о том, что создателями древнейших энеолитических культур населения Зарафшана были пришельцы с юга и юго - запада Средней Азии, носители древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана или рыболовы - охотники кельтиминарской культуры.

Таким образом, исходя из всего изложенного, можно сделать вывод, что исходным пластом земледельческо - ско-

товодческой культуры зарафшанской долины была культура неолитического Сазанга и энеолитического и раннебронзового века Саразма. Что касается разделения культур на земледельческую и степную, то это, на наш взгляд, результат беспрерывного и значительного потока скотоводов с обобщенной, т. е. так называемой "степной культурой", в первую очередь в степные просторы Средней Азии, на северные побережья Сырдарьи (Кайрак - Кумская степь) и низовья Зарафшана (Западнобухарские и Каршинские просторы).

Позже и пришельцам - степнякам присоединились и остальные сородичи по культуре, другие скотоводческие племена. В результате образовалась единая скотоводческая культура "андроновской общности" с локальными особенностями, которые известны под названиями тазабагыбская культура, срубная, афанасьевская, петровская, алакульская, федоровская культуры. Слияние этих локальных культур происходило в середине II тыс. до н.э. Поэтому вся обнаруженная керамика степной культуры долин Ферганы и Зарафшана имеет почти одинаковый облик. Различие лишь в количестве находок, отчасти в наборе металлических и бронзовых предметов, что зависело в свою очередь от характера хозяйственной культуры. Так, скотоводы Кайрак - Кумов имели более развитое металлическое производство. Они изготавливали не только украшения, но и орудия труда как из металла, так и из камней (Литвинский, Окладчиков, Ранов, 1966). Только украшения (из золота, бронзы, пасты) изготавливали даштиказынцы (Исаков, Потемкина, 1989), муминабадцы (Аскарлов). Изделия создателей локальной, почти самостоятельной "тазабагыбской культуры" (поселение Акча - Даринской дельты), по сравнению с вышеупомянутыми памятниками, выглядели беднее. правда, у тазабагыбцев Хоразма было развито производство орнаментированной керамики (Итина, 1961, с.3 - 96).

Таким образом, подводя итоги в вопросе о появлении единой культуры степной бронзы, распространенной по всей территории Средней Азии от Ферганы до берегов Окса, отметим следующее:

- Во втором тысячелетии до н.э. довольно большой поток скотоводческих племен - носителей срубно - алакульской культуры из Поволжья и Приморья, андроновской культуры из Сибири и Казахстана, распространился на огромных просторах от Волги до Тянь - Шаня, по всей вероятности единой культурной общности - культуры степной бронзы, известной в науке как "срубная андроновская культурная общность" (Кузьмина, 1977, с.73).

- По мнению В.А.Алекшина, передвижные пастушеских племен степной бронзы (катакомбы срубники и андроновцы)... в состав земледельческого населения и вызвало трансформацию его культуры (Алекшин, 1977, с.56). Этот исследователь с складывании культуры Намазга - УІ с катакомбным образом погребения на поселениях Сапалы и Сумбар определял роль пастушеских племен. Возможно, это так и было, и элементы срубно - андроновской культуры иногда встречаются на более южных просторах Средней Азии, в частности, в Гиссарской, Вахшской, Бешкенткой и других областях Бактрии (Шартугай, Дашли) (Асгаров, 1977, с.57).

- Что касается центральной части среднеазиатского региона Зарафшанской долины, то после сложения тазабагьябской культуры и территории Южного Приаралья в Акча - Даринской долине, значительное количество тазабагьябцев двинулись на юг к низовьям Зарафшана и смешались с небольшими племенами земледельческих общин Заманбабинцев. Тот факт, что на последнем этапе (Саразм ІУ) мы обнаружили ряд бронзовых и каменных орудий и остродонные котлы в жилых комнатах Саразма, свидетельствует о том, что в первой четверти II тыс. до н.э. на поселении и земледельческие и степные племена жили вместе, одновременно. Если были у них какие - либо общественно - хозяйственные разногласия, нам пока неизвестно. Что же касается культурно - интеллектуальных воззрений, то, возможно, эти разногласия были. Но и здесь у нас отсутствуют достоверные факты. По материалам из погребения Зардча - Халифы и по имеющимся находкам из других памятников Средне. Азии (Заманбаба, Дажругтан, Сапалитена, могильников Бешкентской и Вахшс-

кой долины) вполне определенно можно сказать, что в этот период происходило не только сближение двух культур, но и их ассимиляция. Поэтому права Л.Т.Пьянкова, которая характеризует взаимоотношения пришельцев с местными племенами скорее всего как мирные. Во всяком случае факты, свидетельствующие об обратном отсутствуют (Пьянкова, 1989, с.137).

В последующим все исследователи археологии Средней Азии и Казахстана, Низовья Арала и Волги писали о том, что массовые миграции степных племен происходили со II тыс. д. н.э. в эпоху развитой бронзы. В это время практически был завершен первый этап урбанизации населения земледельческих культур по отдельным долинам и оазисам - Дашлиинский, Сурхандаринский, Бешкентский, Вахшский, Геоксюрский, Мургабский, Зарафшанский. Вместе с тем, основная часть пустынных и полупустынных районов с водными (озерами и мелкими реками и пастибищными ресурсами) еще не были обоснованы земледельческим населением. Как свидетельствуют археологические находки, к середине II тыс. до н.э. большинство скотоводов, степняков двинулось на юг - к степням Кайрак - Кума и низовью Зарафшана (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966; Аскарлов, 1962, с.35; Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). Теперь после того, как были найдены многочисленные погребения и могильники пришельцев - степняков в зоне земледельцев, включая горные районы (Ак - Танга, Дашти - Казы, Западный Памир) следует вывод, что упомянутые просторы Средней Азии первоначально были зонами концентрации племен скотоводческой культуры.

Любопытен тот факт, что эти пришельцы имели свою локально развитую материально - духовную культуру. Найденные керамические и металлические изделия, во - первых, по количеству преобладают над ремесленными изделиями земледельцев; во - вторых, по типологии и характеру изготовления эти изделия полностью отличаются от местных. Из близких друг к другу материалов можем отметить каменные орудия - напершия, булавки, зернотерки, терочники, ступники. Что касается украшений (пронизи, браслеты, серьги.

зеркала и др.) , то технология их изготовления была такой же, как и на родине. В этом аспекте интересен тот факт, что основная масса металлических предметов изготовлена из оловянистой бронзы, тогда как в Саразме, задолго до прихода степняков, хороши знали мышьяковую бронзу (Исаков, 1991а, с.132, табл.П).

Проведенный химический анализ (табл.10 9 видов украшений бусы (47), браслеты 919), гривна 91), серьги 94), пронизи (4), бляха (1), зеркала (30), кольца (3), бисерины (24), крюк (1) - всего 103 предмета) говорит о том, что они были словянистыми. Этот факт еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что степные скотоводы и в местах миграции применяли свою технологию по производству бронзы. Что касается самой продукции, то она имеет общие черты с андроновскими срубными предметами.

В целом более 80% бронзовых изделий из Зарафшанской долины, произведенных, начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до I тыс до н.э. были оловянистыми. Они характерны тазабагьябской культуре, исходный пласт которой принадлежит срубно - андроновским племенам Южного Приуралья (Рузанов, 1982, с.17). Сопоставление этих двух фактов свидетельствует о том, что начиная со второй половины II тыс. до н.э., культура степных племен по трем хозяйственным направлениям окончательно вытесняет культуры оседлых земледельцев. Все исследованные памятники Зарафшанской долины практически дали материалы скотоводческой культуры (Гуджайли, Чакка, Муминабад, Чорбог, Дашти - Казы и т.д.). В этом плане пока даштиказынский могильник выступает как основной памятник тазабагьябского типа андроновской культуры. Все 26 археологических целых сосуда были изготовлены вручную, т.е. без использования гончарного круга.

Что касается других бронзовых предметов, то они полностью представляют тип украшений скотоводческих племен. В этой коллекции абсолютно отсутствуют бусы из полудрагоценных камней. Из этого следует вывод, что каменные украшения могли изготовить ремесленники земледельческой

культуры. Кроме того, в захоронениях (исследовано 32 погребения - С.Б) Дашти - Казы мы не обнаружили ни одного орудия труда или хозяйственного предмета. Аналогичные факты были выявлены в погребениях Чорбога и муминабада, где также отсутствуют орудия производства. В связи с этим возникает мысль о том, что в хозяйстве пришельцев - степняков доминирующую роль играло скотоводство двух типов: в степных зонах - отгонное, а в предгорных и горных - яйлачное. Скотоводческие племена верховья Зарафшана занимались яйлачным хозяйством. Какова же доля земледельческой культуры в хозяйствах скотоводов верховья Зарафшана пока остается неясным.

Тем не менее, не исключено, что в XIV - XI вв. до н.э. в верховьях Зарафшана земледельцы и скотоводы жили по соседству и вели самостоятельное культурное хозяйство. Они обменивались между собой в основном товарами.

Как свидетельствуют факты, племена степной культуры, тазабагыбские на андроновской основе, полностью экскотированы в начале двух оазисов: Западную Фергану (Кайрак - Кума) и низовье Зарафшана. В течение 150 - 200 лет в XV - XIII вв. до н.э. они приспособливали свое хозяйство к новым местам, где пускали корни. В результате начался процесс их этнического сближения с земледельцами. После этого степные племена начали расселяться на остальной части Средней Азии, в результате чего происходило вытеснение коренного населения с обжитых мест. Об этом говорят факты, полученные прежде всего при исследовании могильника Дашти - Казы, где земледельческие элементы практически отсутствуют. В памятниках южных регионов Средней Азии, где сложилась выхская и тулхарская культура, северная культура едва прослеживается. Тем не менее исследователь южно-таджикских памятников Л. Т. Пьянкова отмечает, что " по материалам южно таджикских памятников последней четверти I тыс. до н.э. отчетливо фиксируются следы проникновения с севера значительных групп степного населения" (Пьянкова, 1989, с.138).

И все же, не считая памятников Зарафшанской долины, за исключением Замонбаба, степное население жило самостоятельно, без каких - либо сношений с земледельцами. В то время же в Гиссарской, Вахшской долинах, а также в Тулхарском массиве прослеживается совмещенное обитание племен двух разнокультурных населений "земледельческого типа" (Пьянкова, 1989, с.139). И прослеживается это не только на этих памятниках. На археологических памятниках Тандырюла (Виноградова, Пьянкова, 1977), Сертепе - вблизи Дехнау (Ритвиладзе, 1981, с. 285 - 286) и даже Дашли 3 в Афганистане (Сарианиди, 1977, рис.36) была встречена не только керамика степного типа, но и были найдены отдельные бронзовые предметы - серьги с раструбом на Тандырюле, кинжал восточно - казахстанского типа на Сертепе и Дашли.

Как видим, степное население в южных просторах Средней Азии (в Бактрии - С.Б.) не было изолировано от коренных земледельцев, наоборот, оно вело с ними хозяйство и, очевидно, позже происходило не только культурное сношение, но и этническое взаимопроникновение. По всей вероятности, степное население, хотя и сыграло какую - то роль в трансформации культуры, но как утверждает Л.Т.Пьянкова - эта роль была незначительной (Пьянкова, 1989, с.140).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты исследования археологических памятников степной культуры Среднеазиатского междуречья указывают на то, что контакты двух групп населения - автохонных земледельцев и пришлых скотоводов происходили в степях Кайрак - Кума в центральной части региона в Зарафшанской долине - в пространстве Замонбаба и Дашти - Казы. В этих областях влияние степных племен на облик материальной культуры весьма заметно. Начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до первой четверти I тыс. до н.э., степная культура полностью вытесняет культуру земледельческую.

Что касается последней, то ее возрождение началось с первой четверти I тыс. до н.э. сначала в отдельных оазисах (Яз - депинская на Маргиане, Бергулюк в Чаче, Чусткая культура в Фергане).

Тем не менее, по определению В.А. Алекшина "контакты земледельцев и степняков не только способствовали быстрой трансформации археологических культур Средней Азии, но и ускорили экономическое и социально - политическое развитие обоих миров" (Алекшин, 1977, с.57).

Таким образом, взаимоотношение двух миров - мира земледельцев и мира скотоводов севера имеет глубокие исторические корни. Сближение их происходило по инициативе скотоводов. Как было отмечено, миграция северных населения (Южного Приаралья, Казахстанских степей, Алтая, лесостепных зон Сибири) в Приаралье и бассейне Сырдарьи началась в середине II тыс. до н.э. Это был первый этап миграции.

На втором этапе миграции пришельцы двинулись в пустыне Кайрак - Кума и низовья Зарафшана. Характер культуры этих двух центров говорит о том, что они базировались здесь со второй половины II тыс. до н.э. до XI в. до н.э. Причем, хотя они и вошли в контакт с коренным населением - земледельцами, но тем не менее они полностью сохранили

свою традиционную культуру которых была признана в науке как тазабагыбская культура.

Третий этап миграции не был столь организованным. Очевидно, в этот период миграция носила племенной - частный характер. На этом этапе XI - IX в. до н.э. небольшие племена из Кайрак - Кумской и долины Зарафшана шли дальше на юг в Гиссарскую долину, до Бактрии, где в последующем на этих территориях произошла ассимиляция двух групп населения, и земледельческая культура взяла верх над скотоводческой. Этот факт засвидетельствован археологическими комплексами памятников Южного Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

Абетсков А. Погребения эпохи бронзового могильника Тегермен - Сай // КСИА. вып.93, 1963

Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям) // Автореф. дис. канд. наук. Ленинград 1979

Аванесова Н.А. К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии. // Вопросы археологии древней истории и этнографии. Самарканд, 1981

Алексин В.А. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культуры Средней Азии и Ближнего Востока // Автореф. дис. канд. наук - М., 1977, с.20.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991

Алексин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпох первобытного строя // Преемственность и инновации в развитии древних культур, Л., 1981, с.18 - 22

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии - М., Наука, 1977, с.150

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах с окрашенными и скорченными костяками // ПИДО. 1934, с.108 - 125.

Аскарлов А. Низовья Зарафшана в эпохе бронзы // автореф. дис.канд. ист. наук.- Л., 1962а.

Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 56 - 62

Аскарлов А. Сапаллитена - Ташкент: Фан, 1973, 172 с.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977

Аскарлов А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и хронология средней Азии. М., 1979, с. 34 - 37

Аскарлов А. Абдуллаев Б.Н. Джаркутан: К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент. 1983, 120 с.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздковская культура // Археология СССР, М., 1987

Бабаев А.Д. Могильники Западного Памира поздней бронзы и их связи с религиозными верованиями местных племен // ИБМА - ИКЦА. Вып. 15, 1983, с. 70 - 84

Бабаев А.Д. Историко - археологический очерк Западного Памира // Автореф. дис. д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1989, с.45

Бернштам А.Н. Археологическая разведка в подгорной части Чуйской долины // МИА, № 14, М-Л, 1950

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., наука, 1968, 180 с.

Виноградов А.В. Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА 1970, № 2, с.125 - 135

Виноградова Н.М. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангуртут на юге Таджикистана // АРТ 1987, вып. 20, с. 126 - 127

Виноградова Н. Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. // СА. 1989

Вишневская С.А. Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА, № 177, 1977

Гамбург Б.З. Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК, 1956, вып. 63 с. 85-93

Гафуров Б.Г. Таджики; Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972, 664 с.

Григорьев Г.В. Находка мустеерского острокочевника в г. Самарканде // КСИИМК, вып. 8, 1940, с. 89 - 90

Грязнов М.Д. История древних племен верхней Оби // по раскопам близ с. Большая Речка, - М.Л., АН СССР, 1956, с. 162 (МИА № 48).

Грязнов Я.Г. Исламов У, Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 268

Джуракулов М.Д. Ходжасв Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. Самарканд, 1987, с.44

Джуракулов М.Д. Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент 1991, с. 113

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА, № 21, М., 1951, с.28 - 93

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Фергана // Изв. АН СССР, 1962, с. 328. (МИА 118)

Зейдаль Е.В. Медный топор из кишлака Аракчин // Сообщение республиканского историко - краеведческого музея Тадж. ССР, 1958, вып. с. 19 - 32

Иессен А.А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М - Л, 1937, с. 91 - 103

Исаков А.И., Саразм: Горизонты древней цивилизации // наука и жизнь 1986б., с. 78 - 81

Исаков А.И. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА № 1, 1986а, с. 152 - 167

Исаков А.И. Взаимодействие культуры ранних земледельцев Зарафшана с кочевниками - скотоводами // Взаимодействия кочевных культур и древних цивилизаций. Алма - Ата, 1987, с. 65 - 66

Исаков А.И. Потемкина Т.М. Раскопки могильника Дашти - Казы // АО. 1986, (1988), с. 154

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА № 1, 1989, с. 145 - 149

Исаков А.И. Саразм : К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины, раскопки 1977 - 1983 гг. Душанбе, 1991а.

Исаков А.И. Верховья Зарафшана в эпохе энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху).// автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1991б

Исаков А.И. Исследования Сразмского отряда в 1984г.// АРТ, вып. 24, Душанбе, 1993, с. 117 - 130

Исаков А.И. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1986 г.// АРТ, вып. 25, Душанбе. 1994

Исламов У. Кельтиминая культура на Мажан - царье // Научные работы и сообщения. отд - ния общ. наук АНУЗ СССР, 1961, Кн.4, с. 258 - 271

Исламов У. Многослойная стоянка Кельтиминой культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУЗ, 1963, вып.4, с.31 - 45

Исламов У. Новые данные о кельтиминой культуре на Махандарье // ИМКУЗ: 1965, вып.6, с. 45-52

Итина М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СА, №3, 1954, с. 63-68

Итина М.А. Первобытная керамика Хорезма // ТХАЭЭ, т.4, 1959, с. 5 - 62

Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры в 1957-г.// МХЭ, вып.4, 1960, с. 82-103

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья : (II - начало I тыс. до н.э.)/ТХАЭЭ, т. 10, М., 1977

Кисельв С.В. Древняя история Южной Сибири, И., Изд-во АН СССР, 1951 Корневский С.Н. комплекс бронзовых орудий майконского погребения у станции Псебайского // КСИА, 1975, вып. 142, с. 68-72

Косарев М.Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР, М., 1987, с. 248-317, (Археология СССР).

Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Кирг. ССР, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, 1951, №23, с.17-74

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // СА, вып. 134, 9, табл.ХУІ, М., 1966, с.150

Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ, 1972, №1, с. 131 - 147

Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей // КСИА, вып. 161, 1980

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь Шаня, - Фрунзе, Илим, 1986, с. 188

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994

Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ, вып.6, 1969, с. 22- 29

Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии // Изд - во АН Тадж. ССР, 1954, с.44

Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ан - Танги в 1958г.//ТИИАН - тадж. ССР, 1961, т.31, с. 30 -49

Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // ИООН, АН Тадж. ССР, 1961, вып.1, с. 59-66

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак - Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) Душанбе, 1962, с. 406

Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Акт - Танги в 1961г.// ТИИАН - Тадж. ССР, 1964, т. 42, с.3-24

Литвинский Б.А. Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА, 1970, вып.1, с. 41-47

Лукоин В.Г. Искусство древнего Ирана. - М., наука, 1984, с. 280
Мандельштам А.М. памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА №15, М-Л., 1968, с. 121

Маргулан А.Х., Анишев К.А., Кадырбаев, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального казахстана, Алма - Ата. 1966, с. 435

Массон В.М. Древнеземледельческая культура, Мар-
гианы // Изд - во АН СССР, 1959, с. 216. (МИА, №73).

Массон В.М. Кара - дөпе у Артыка // ТЮТАКЭ, т. 10,
с. 819/463, 1961

Массон В.М. Проблемы культуры степной бронзы на
Севере страны // средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966

Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Сред-
ней Азии // СА, 1967. №8, с.165 - 190

Массон В.М. Южно - Туркменская археологическая
комплексная экспедиция 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашха-
бад, 1970

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних
обществ // В свете данных археологии, 1976 Ю с ю 192

Массон В.М. Основные направления культурно - ис-
торического процесса // Становление производства в эпоху
энеолита и брнзы, М., 1986, с. 38 - 42

Массон В.М. Ингинлы - дене - новый центр энеолити-
ческой культуры Южного Туркменистана // Известия АН
ССР, ист. общ. наук, 1989, №6

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит,
СССР, 1982? с.9-57 (Археология СССР, т. 4)

Махмудов Ф.Р. Мунгаев Р.М. Нариманов И. Г. О
древнейшей металлургии Кавказа // СА, 1968, № 4, с. 16 - 26

Мерперг Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско -
Уральского междуречья, М., Наука, 1974 . с. 152

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века -неолит,
энеолит, раняя бронза, М., 1975, с. 416

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибейна-
мя, ч. III Глазковое время.// МИА №43, 1955

Окладников А.П. Исследование памятников каменно-
го века Таджикистана // ММА № 66. 1958. с. 11-71

Потемкина Т.М. К вопросу о миграции на юг степных
племен эпохи бронзы // Взаимодействие культур и древних
цивилизаций: Тезисы докладов совететко - французского

симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма - Ата, 1987, с. 76 - 78.

Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ, 1974, (1979), вып. 14, с. 78 - 92.

Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ, 1986, вып. 19, с. 89 - 93

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводцы Южного Таджикистана (по материалам эпохи бронзы "Тигровая Балка", Душанбе, 1969

Пьянкова Л.Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане. В кн: Проблемы истории культуры Таджикского народа. Душанбе, 1991, с. 53

Раззаков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально - трасалогическим данным) // Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Санкт - Петербург, 1994

Раппорт Ю.А. Из истории религии древнего Хоразма (осуари) // ТХАЭЭ, т.УІ, 1971

Рогачев А.Н., Аниковин В.М. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР, М., с. 162 - 171 (Археология СССР, т.1)

Сайко Э.В. Принцип развития в познании культурно - исторического процесса в археологии: К исследованию проблемы производства первобытного общества // Познание исторического процесса в археологии. М., 1988, с. 31-56

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, №21, 1951

Сарианиди В.И. Культовые здания поселения анауской культуры // СА, 1962 №1, с.44 - 56

Сарианиди В.И. Памятник позднего энеолита Юго - Восточной Туркмении - М., наука, 1965, 56с.

Сарианиди В.И. Раскопки Тилля - Тепе в северном Афганистане // Материалы к археологической карте Сев. Афганистана. Вып. I. М., Наука, 1972, с. 96

Черников С.С. Восточный казахстан в эпоху бронзы // Изд-во АН СССР, 1960, с. 272. (М., №7, №88).

Шишкин В.А. Узбекистанская археологическая экспедиция АН Уз. ССР. (полевые работы 1956- 1959 гг // ИМКУ, вып.2, 1961, с. 18 - 50.

Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зарафшана (с древнейших времен до начала XX в.) // Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. наук. Самарканд, 1989

Якубов: Работы Верхнезарафшанского отряда // АО 1975 (1976), с. 572.

Якубов Ю. Работы Зарафшанского отряда в 1975г. // АРТ, 1975, Вып. 15, 1980, с. 167.

Amiet P. The archaical Glyptic at Shahri - Soichte (Peried I). By M. Tosi. Prehistorik Sistem I. Is Meo - Rome. 1983.

Amiet P. Loage cles echuges interiranians 3500-1700. Paris. 1986.

Besenal M.R. Decouvertes reseintes a Sarazm (A.s.s. du Tadjikistan): Attestian des relation au IIIe Milienaire enter centrale Iran du Hord - Est et le Baluchistan, Akademik des inscriptions belles - Lecttres. Comptes rendus des seances de l'annee. 1987. Avril - Juin. Paris.

Besenal R., Isakov A, Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans danesla region de Samarkand // Arts asiatigues. Paris, 1989.

Wooley C.L. // Excavation at UR. The museum journal, Vol. III Number 3. Philadelfia. 1983.

Ghirshman R. Foulles de Sisk. Paris. 1938.

Gupta S.P. The late Harappan: A study in Cultural Dynamic. Edited by G. Possehl Oxford ibn Publishinc co - New Delhi Bombay Calcuta. 1982.

Isakov A., Lyonnet B. Geramigues de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problemes dechanges et de reuplement a la fin du chalcolithique et au debut i'age du Bronze. Paleorient, vol. 14 /1. 1988, Paris.

Jarrige J.F., Santoni M., Foulles ele Pirak. vol. ². Paris. 1979.

Casal J.M. Foulles de Mundigak. vol. II. Paris. 1961.

Casal J.M. Foulles de Amri. vol. 2. Paris. 1984.

Nangsdorff A., McCown D.E. Tall-I - Bakun A. Season of 1932. The University of Chicago Oriental Institute Publications vol. LIX. Chicago. Illinois. 1932.

Mackay E. Further Excavations at Mohendjo - daro, New Delhi. 1983.

Mackay E. Chanhy - Daro Excavations American Oriental series vol. 20. Editor w. Norman Brown. New - York. 1943.

Rigott S. Prehistopik India to 1000 B.C. 1952.

Pigott S. Notes on certain Pins and Macehead from Harappa. Ancient India, 1947 - 1948, N 4, p. 33 - 38.

Sarraf M.R. Die keramik Von Tell - I - Ibis. p.216, fig. 67, 71, Berlin. 1980.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta, a Chalcolithik Settiement in the Iranian Sistan - East and West, 1968, v. 18, N. 1-2.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta - East and West, Rome. 1969.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta 1969 - 1970 Prehistoric Sistan; I. ISMEO - Rome. 1983.

Tosi M. The notion of craft specialization and its representation in the archaeological record of early states in the Turanian Basin. Marxist perspectives in Arohaeciogy. Edited by M. sprigs. Cambridge. 1984.

Fairservis W. T. Jr. 1956. Excavations in the American Museum of National History; 45,3, New - York. 1956.

Fairservis W.A.Jr. Archaeologional Surveys in the Inob of the American and Loralai distriots. West Pakistan. Antropologiosl Papers of the American Museum of National History, 47, 2. New - York 1959.

and Loralai distriots West Pakistan. Antropological Papers --

Francfort A.P. The late periods of Shortugal and the problem of the Bishkent Culture (Middle and late Bronze Age in Bactria) in South Asian Archaeology. 1979. Berlin.

37. Khan F.A. The Indus Valley and Early Iran. Karachi. 1964, p.

Herzfeld E. Iran in Ancient East. London. New - York. 1941.

~~American~~ Quetta valley West
Pakistan Anthropological Papers of the...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
АРТ - Археологические работы в Таджикистане
ВДИ - Вестник древней истории
ДСА - Достижение среднеазиатских археологов
ИАН - Известия Академии наук
ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана
КД - Кайраккумские древности
КСИА - Краткое сообщение
КСИИМК - Короткое сообщение Института истории материальной культуры
МИА СССР - Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ - Материалы Хорезской экспедиции
СА - Советская археология
САГУ - Среднеазиатский государственный университет
САИ - Свод археологических исследований
СЭ - Советская этнография
ТИИА - Труды Института истории и археологии
ТИИАЭ - Труды Института истории, археологии и этнографии
УСА - Успехи среднеазиатской археологии
ЮТАКЭ - Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция

. ПРИЛОЖЕНИЕ

Лаборатория естественно-научных методов
Института археологии АН СССР

Шифр: 40350					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 3	Рв	Пункт, Дашти-Кози , 062 Zn, 0024 Bi, 04	Комплекс, п-15 Ag, 016 Sb, 3	Музей, As, 37 Fe, 086 Ni, 0033	Хим: ГР, Co, 0015 Au, 0006
Шифр: 40351					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 6.9	Рв	Пункт, Дашти-Кози , 11 Zn, 0017 Bi, 027	Комплекс, п-15 Ag, 0004 Sb, 017	Музей, As, 014 Fe, 086 Ni, 0001	Хим: ГР, Co, 0017 Au, н.о
Шифр: 40352					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 6.2	Рв	Пункт, Дашти-Кози , 13 Zn, 47 Bi, 085	Комплекс, п-15 Ag, 089 Sb, 32	Музей, As, 37 Fe, 27 Ni, 0027	Хим: ГР, Co, 0043 Au, н.о
Шифр: 40353					
Предмет, бусина Сп, 20 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.1 Zn, 064 Bi 1.3	Комплекс, п-15 Ag, 2 Sb, 2.3	Музей, As, 3.3 Fe, 35 Ni, 008	Хим: ГР, Co, 011 Au, 0002
Шифр: 40354					
Предмет, бусина Сп, >20 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.3 Zn, 09 Bi 1	Комплекс, п-15 Ag, 2 Sb, 1.7	Музей, As, 2.7 Fe, 45 Ni, 0073	Хим: ГР, Co, 013 Au, н.о
Шифр: 40355					
Предмет, бусина Сп, >50 Sn, 41	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.1 Zn, 064 Bi 61	Комплекс, п-15 Ag, 32 Sb, 1.8	Музей, As, 2 Fe, 1 Ni, 008	Хим: ГР, Co, 0095 Au, 0003
Шифр: 40356					
Предмет, бусина Сп, >50 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози , 26 Zn, 12 Bi, 7	Комплекс, п-15 Ag, 27 Sb, 47	Музей, As, 1.5 Fe, 31 Ni, 0051	Хим: ГР, Co, 0086 Au, 0003

147

20

Трилошки с.

Лаборатория естественно-научных
методов Института археологии АН СССР

Результаты спектрального анализа (в %)

ИИОР: 40350	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ: ?	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 3	Pb: 0.062	Zn: 0.0024	Bi: 0.04	Ag: 0.016	Sb: 0.3	As: 0.37	Fe: 0.086	Ni: 0.0033	Co: 0.0015*	Au: 0.0006*
ИИОР: 40351	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 6.9	Pb: 0.11	Zn: 0.0017*	Bi: 0.027	Ag: 0.0004*	Sb: 0.017	As: 0.014	Fe: 0.063	Ni: 0.0001	Co: 0.0017*	Au: н.о.
ИИОР: 40352	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 6.2	Pb: 0.13	Zn: 0.47	Bi: 0.085	Ag: 0.089	Sb: 0.32	As: 0.37	Fe: 0.27	Ni: 0.0027	Co: 0.0043*	Au: н.о.
ИИОР: 40353	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1	Zn: 0.064	Bi: 1.3	Ag: 0.2	Sb: 2.3	As: 3.3	Fe: 0.35	Ni: 0.008	Co: 0.011	Au: 0.0002*	
ИИОР: 40354	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3	Zn: 0.09	Bi: 1	Ag: 0.2	Sb: 1.7	As: 2.7	Fe: 0.45	Ni: 0.0073	Co: 0.013	Au: н.о.	
ИИОР: 40355	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >50 Sn: 41 * Pb: 1.1	Zn: 0.064	Bi: 0.61	Ag: 0.32	Sb: 1.8	As: 2	Fe: 0.1	Ni: 0.008	Co: 0.0095*	Au: 0.0003*	
ИИОР: 40356	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 0.26	Zn: 0.12	Bi: 0.7	Ag: 0.27	Sb: 0.47	As: 1.5	Fe: 0.31	Ni: 0.0051	Co: 0.0086*	Au: 0.0003*	
ИИОР: 40357	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 35 * Pb: 1.1	Zn: 0.064	Bi: 0.44	Ag: 0.23	Sb: 0.41	As: 1.3	Fe: 0.086	Ni: 0.0039	Co: 0.0058*	Au: 0.0003*	
ИИОР: 40358	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 0.3	Zn: 0.1	Bi: 1.2	Ag: 0.43	Sb: 1.1	As: 1.3	Fe: 0.13	Ni: 0.013	Co: 0.012	Au: 0.0002*	
ИИОР: 40359	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 6.9	Pb: 0.13	Zn: 0.0014*	Bi: 0.046	Ag: 0.0001*	Sb: 0.015	As: 0.014	Fe: 0.074	Ni: 0.0012	Co: 0.0036*	Au: н.о.
ИИОР: 40360	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 0.37	Zn: 0.0017*	Bi: 1	Ag: 0.27	Sb: 2	As: 3.3	Fe: 0.1	Ni: 0.0096	Co: 0.0086*	Au: 0.0002*	
ИИОР: 40361	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: ОСН Sn: 23	Pb: 1.2	Zn: 0.035	Bi: 1.3	Ag: 0.78	Sb: 0.77	As: 1.6	Fe: 0.054	Ni: 0.003	Co: 0.0048*	Au: н.о.
ИИОР: 40362	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:					
Св: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1	Zn: 0.002*	Bi: 1	Ag: 0.3	Sb: 2	As: 2.9	Fe: 0.15	Ni: 0.0051	Co: 0.0095*	Au: 0.0005*	

ИИОР: 40363	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 3 Zn: 0.0014 * Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 3.9 As: 2.9 Fe: 0.054 Ni: 0.013 Co: 0.0078 * Au: н.о.					
ИИОР: 40364	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 2.7 Zn: 0.0017 * Bi: 1.2 Ag: 0.43 Sb: 3.9 As: 2.9 Fe: 0.063 Ni: 0.029 Co: 0.0058 * Au: н.о.					
ИИОР: 40365	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.0024 Bi: 1 Ag: 0.27 Sb: 2.1 As: 3.9 Fe: 0.086 Ni: 0.02 Co: 0.0053 * Au: 0.0002 *					
ИИОР: 40366	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 35 * Pb: 1.4 Zn: 0.001 * Bi: 1.4 Ag: 0.32 Sb: 2.3 As: 2.9 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0048 * Au: н.о.					
ИИОР: 40367	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 35 * Pb: 2 Zn: 0.001 * Bi: 1.2 Ag: 0.43 Sb: 2.7 As: 2.7 Fe: 0.024 Ni: 0.013 Co: 0.0048 * Au: н.о.					
ИИОР: 40368	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 30 * Pb: 1.8 Zn: 0.0017 * Bi: 1.2 Ag: 0.32 Sb: 2.1 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.015 Co: 0.0043 * Au: н.о.					
ИИОР: 40369	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 16 Pb: 1.1 Zn: 0.0024 Bi: 0.7 Ag: 0.27 Sb: 2 As: 1.4 Fe: 0.4 Ni: 0.0073 Co: 0.0039 * Au: н.о.					
ИИОР: 40370	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 23 Pb: 1.3 Zn: 0.0024 Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 2.3 As: 1.8 Fe: 0.02 Ni: 0.008 Co: 0.0036 * Au: н.о.					
ИИОР: 40371	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 20 Pb: 1.2 Zn: 0.0029 Bi: 1.2 Ag: 0.32 Sb: 2.5 As: 1.7 Fe: 0.35 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.					
ИИОР: 40372	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 30 * Pb: 1.4 Zn: 0.0024 Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 2.3 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.024 Co: 0.0039 * Au: н.о.					
ИИОР: 40373	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 5.7 Pb: 0.096 Zn: 0.0046 Bi: 0.085 Ag: 0.027 Sb: 0.47 As: 0.37 Fe: 0.0044 Ni: 0.0047 Co: 0.0024 * Au: н.о.					
ИИОР: 40374	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 7.6 Pb: 0.11 Zn: 0.0076 Bi: 0.077 Ag: 0.016 Sb: 0.55 As: 0.42 Fe: 0.028 Ni: 0.0067 Co: 0.0036 * Au: 0.0002 *					
ИИОР: 40375	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 6.9 Pb: 0.11 Zn: 0.0029 Bi: 0.085 Ag: 0.0048 Sb: 0.43 As: 0.37 Fe: 0.02 Ni: 0.0051 Co: 0.0021 * Au: н.о.					
ИИОР: 40376	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 0.054 Zn: 0.0017 Bi: 0.048 Ag: 0.0055 Sb: 0.43 As: 1.5 Fe: 0.017 Ni: 0.0039 Co: 0.0021 * Au: н.о.					

ИИОР: 40377	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 11	Pb: 0.096 Zn: 0.09	Bi: 0.1	Ag: 0.058 Sb: 0.64	As: 0.37 Fe: 0.017 Ni: 0.0073	Co: 0.0053* Au: 0.0005*
ИИОР: 40376	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.031 Zn: 0.01	Bi: 0.052	Ag: 0.0049 Sb: 0.4	As: 0.33 Fe: 0.086 Ni: 0.0039	Co: 0.0032* Au: 0.0003*
ИИОР: 40379	ПРЕДМЕТ: грена	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.6	Pb: 0.13 Zn: 0.01	Bi: 0.04	Ag: 0.058 Sb: 0.37	As: 0.33 Fe: 0.063 Ni: 0.013	Co: 0.0032* Au: 0.0004*
ИИОР: 40380	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 5.7	Pb: 0.096 Zn: 0.002	Bi: 0.094	Ag: 0.076 Sb: 0.51	As: 0.47 Fe: 0.054 Ni: 0.0043	Co: 0.0021* Au: 0.0026*
ИИОР: 40381	ПРЕДМЕТ: серьга с растр.	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 5.7	Pb: 10 Zn: 0.0029	Bi: 0.038	Ag: 0.14 Sb: 0.23	As: 0.3 Fe: 0.086 Ni: 0.078	Co: 0.012 Au: 0.001*
ИИОР: 40382	ПРЕДМЕТ: серьга-подвеска	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 1.2	Pb: 0.054 Zn: 0.0029	Bi: 0.03	Ag: 5.5 Sb: 0.073	As: 0.031 Fe: 2.1 Ni: 0.0051	Co: 0.0017* Au: 0.0005*
ИИОР: 40383	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.9	Pb: 0.26 Zn: 0.3	Bi: 0.056	Ag: 0.047 Sb: 0.15	As: 0.3 Fe: 0.2 Ni: 0.0021	Co: 0.0021* Au: н.о.
ИИОР: 40384	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.072 Zn: 0.064	Bi: 0.042	Ag: 0.023 Sb: 0.37	As: 0.21 Fe: 0.039 Ni: 0.0067	Co: 0.0024* Au: н.о.
ИИОР: 40385	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 30	Pb: 1.2 Zn: 0.0024	Bi: 0.23	Ag: 0.94 Sb: 3.3	As: 1 Fe: 0.063 Ni: 0.008	Co: 0.0036* Au: н.о.
ИИОР: 40386	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: <50 Sn: 49	Pb: 1.3 Zn: 0.0014*	Bi: 0.27	Ag: 0.94 Sb: 2.3	As: 1 Fe: 0.063 Ni: 0.012	Co: 0.0048* Au: н.о.
ИИОР: 40387	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: 150 Sn: 41	Pb: 1.1 Zn: 0.0017*	Bi: 0.23	Ag: 0.94 Sb: 3	As: 1 Fe: 0.13 Ni: 0.013	Co: 0.0043* Au: н.о.
ИИОР: 40388	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: 150 Sn: 43	Pb: 0.054 Zn: 0.0014*	Bi: 0.025	Ag: 0.0001* Sb: 0.073	As: 0.035 Fe: 0.23 Ni: 0.0016	Co: 0.0017* Au: н.о.
ИИОР: 40389	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 4.3	Pb: 0.062 Zn: 0.0024	Bi: 0.045	Ag: 0.076 Sb: 0.47	As: 0.47 Fe: 0.024 Ni: 0.0073	Co: 0.0014* Au: н.о.
ИИОР: 40390	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.6	Pb: 0.37 Zn: 0.0014*	Bi: 0.042	Ag: 0.65 Sb: 0.6	As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.013	Co: 0.0014* Au: 0.0053*

ИИОР: 40391	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 5.7	Pb: 0.062	Zn: 0.0008	Bi: 0.04	Ag: 0.023 Sb: 0.4	As: 0.33 Fe: 0.0007 Ni: 0.013 Co: 0.0058 Au: 0.0005
ИИОР: 40395	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 6.9	Pb: 1.7	Zn: 0.0059	Bi: 0.048	Ag: 0.14 Sb: 0.6	As: 0.19 Fe: 0.35 Ni: 0.0073 Co: 0.015 Au: 0.007
ИИОР: 40392	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74	Pb: 0.18	Zn: 0.001	Bi: 0.38	Ag: 0.57 Sb: 2	As: 1 Fe: 0.13 Ni: 0.018 Co: 0.0058 Au: н.о.
ИИОР: 40393	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >50 Sn: 41	Pb: 0.083	Zn: 0.0012	Bi: 0.23	Ag: 0.57 Sb: 2	As: 0.79 Fe: 0.054 Ni: 0.0096 Co: 0.0036 Au: н.о.
ИИОР: 40394	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74	Pb: 0.13	Zn: 0.0012	Bi: 0.38	Ag: 0.57 Sb: 1.7	As: 0.79 Fe: 0.086 Ni: 0.012 Co: 0.0053 Au: н.о.
ИИОР: 40396	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 1.2	Pb: 0.096	Zn: 0.18	Bi: 0.042	Ag: 0.14 Sb: 0.099	As: 0.12 Fe: 0.35 Ni: 0.0019 Co: 0.0032 Au: н.о.
ИИОР: 40397	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.096	Zn: 0.22	Bi: 0.056	Ag: 0.0013 Sb: 0.27	As: 0.37 Fe: 0.18 Ni: 0.0021 Co: 0.0036 Au: н.о.
ИИОР: 40398	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 3.2	Pb: 0.21	Zn: 0.59	Bi: 0.077	Ag: 0.047 Sb: 0.21	As: 0.3 Fe: 0.18 Ni: 0.0013 Co: 0.0039 Au: н.о.
ИИОР: 40399	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 23	Pb: 0.15	Zn: 0.064	Bi: 0.23	Ag: 0.43 Sb: 0.96	As: 1 Fe: 0.2 Ni: 0.0067 Co: 0.0078 Au: н.о.
ИИОР: 40400	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74	Pb: 0.26	Zn: 0.0046	Bi: 0.52	Ag: 0.43 Sb: 2	As: 1 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0086 Au: н.о.
ИИОР: 40401	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 35	Pb: 1.1	Zn: 0.035	Bi: 0.7	Ag: 0.43 Sb: 2.3	As: 1.2 Fe: 0.086 Ni: 0.012 Co: 0.0058 Au: н.о.
ИИОР: 40402	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 4.3	Pb: 0.26	Zn: 0.0014	Bi: 0.032	Ag: 0.089 Sb: 0.3	As: 0.15 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0032 Au: 0.0064
ИИОР: 40403	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 7.6	Pb: 0.26	Zn: 0.0059	Bi: 0.038	Ag: 0.14 Sb: 0.6	As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.22 Co: 0.025 Au: 0.0001
ИИОР: 40404	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 23	Pb: 0.3	Zn: 0.05	Bi: 0.17	Ag: 0.14 Sb: 1.8	As: 1.2 Fe: 0.73 Ni: 0.0047 Co: 0.0098 Au: н.о.

№ИОР: 40405	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 0.3 Zn: 0.002 * Bi: 0.52 Ag: 0.43 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.086 Ni: 0.0047 Co: 0.011 Au: н.о.					
№ИОР: 40406	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 0.26 Zn: 0.09 Bi: 0.52 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.3 Fe: 0.73 Ni: 0.0073 Co: 0.013 Au: н.о.					
№ИОР: 40407	ПРЕДМЕТ: промизь	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0076 Bi: 0.025 Ag: 0.023 Sb: 0.15 As: 0.11 Fe: 0.063 Ni: 0.0043 Co: 0.0048* Au: н.о.					
№ИОР: 40408	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 5.7 Pb: 0.036 Zn: 0.0059 Bi: 0.038 Ag: 0.14 Sb: 1.8 As: 0.69 Fe: 0.01 Ni: 0.003 Co: 0.0032* Au: н.о.					
№ИОР: 40409	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.064 Bi: 1 Ag: 0.5 Sb: 0.75 As: 2.5 Fe: 0.45 Ni: 0.008 Co: 0.011 Au: 0.0004*					
№ИОР: 40410	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 1.3 Zn: 0.0046 Bi: 0.8 Ag: 0.57 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.23 Ni: 0.013 Co: 0.0078* Au: 0.0005*					
№ИОР: 40411	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >15 Sn: 74 * Pb: 1.8 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 0.57 Sb: 3.5 As: 2.3 Fe: 0.18 Ni: 0.017 Co: 0.0086* Au: н.о.					
№ИОР: 40412	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 0.031 Zn: 0.064 Bi: 0.038 Ag: 0.063 Sb: 0.15 As: 0.12 Fe: 0.0053 Ni: 0.0017 Co: 0.0029* Au: н.о.					
№ИОР: 40413	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 7.6 Pb: 0.047 Zn: 0.064 Bi: 0.032 Ag: 0.066 Sb: 0.32 As: 0.3 Fe: 0.039 Ni: 0.0096 Co: 0.0036* Au: н.о.					
№ИОР: 40414	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 1.5 Zn: 0.0014* Bi: 0.065 Ag: 0.023 Sb: 0.47 As: 0.69 Fe: 0.1 Ni: 0.0073 Co: 0.0032* Au: 0.0005*					
№ИОР: 40415	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <50 Sn: 49 * Pb: 3 Zn: 0.0014* Bi: 0.17 Ag: 0.14 Sb: 1.7 As: 2.7 Fe: 0.93 Ni: 0.011 Co: 0.0029* Au: н.о.					
№ИОР: 40416	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.0017* Bi: 0.61 Ag: 0.65 Sb: 3 As: 2.1 Fe: 0.23 Ni: 0.015 Co: 0.0043* Au: н.о.					
№ИОР: 40417	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.0059* Bi: 0.8 Ag: 0.43 Sb: 0.64 As: 2 Fe: 0.27 Ni: 0.0043 Co: 0.0058* Au: 0.0005*					
№ИОР: 40418	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 23 Pb: 5.9 Zn: 0.0014* Bi: 0.27 Ag: 0.94 Sb: 1.9 As: 3.3 Fe: 0.31 Ni: 0.014 Co: 0.0032* Au: н.о.					

ИИОР: 40419	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.092 * Bi: 0.38 Ag: 1.2 * Sb: 2.5 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40420	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.092 * Bi: 1.3 Ag: 0.65 Sb: 3.9 As: 4.2 Fe: 0.4 Ni: 0.02 Co: 0.0039 * Au: 0.0006 *				
ИИОР: 40421	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0012 * Bi: 0.32 Ag: 0.57 Sb: 3.3 As: 4.2 Fe: 0.27 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.0004 *				
ИИОР: 40422	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0014 * Bi: 0.38 Ag: 0.5 Sb: 3.9 As: 4.8 Fe: 0.12 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.				
ИИОР: 40423	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <58 Sn: 49 * Pb: 5.4 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.7 Fe: 0.18 Ni: 0.0073 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40424	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <58 Sn: 49 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.83 Sb: 2.3 As: 3.3 Fe: 0.35 Ni: 0.012 Co: 0.0032 * Au: 0.0003 *				
ИИОР: 40425	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.23 Sb: 0.35 As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.011 Co: 0.0032 * Au: 0.0015 *				
ИИОР: 40426	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 10 Pb: 7.1 * Zn: 0.053 Bi: 0.38 Ag: 0.058 Sb: 0.64 As: 0.61 Fe: 0.033 Ni: 0.003 Co: 0.0043 * Au: 0.0022 *				
ИИОР: 40427	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 10 Pb: 7.7 * Zn: 0.09 Bi: 0.38 Ag: 0.23 Sb: 0.6 As: 0.47 Fe: 0.039 Ni: 0.0025 Co: 0.0058 * Au: 0.001 *				
ИИОР: 40428	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: <58 Sn: 2.7 Pb: 0.3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.094 Ag: 0.089 Sb: 0.32 As: 0.47 Fe: 0.02 Ni: 0.014 Co: 0.0036 * Au: 0.0017 *				
ИИОР: 40429	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: <58 Sn: 0.047 Pb: 0.11 Zn: 0.0024 * Bi: 0.045 Ag: 0.14 Sb: 0.029 As: 1.8 Fe: 0.046 Ni: 0.043 Co: 0.0039 * Au: 0.0013 *				
ИИОР: 40430	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 2.7 Pb: 0.093 Zn: 0.0076 Bi: 0.032 Ag: 0.058 Sb: 0.3 As: 0.61 Fe: 0.024 Ni: 0.011 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40431	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: <58 Sn: 2.5 Pb: 0.072 Zn: 0.0014 * Bi: 0.038 Ag: 0.016 Sb: 0.6 As: 0.79 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40432	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: серьга с растр.				
Сu: <58 Sn: 6.2 Pb: 9.5 * Zn: 0.002 * Bi: 0.085 Ag: 0.14 Sb: 0.55 As: 0.7 Fe: 0.154 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.007 *				

ИИОР: 40405	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: <40 Sn: 59 * Pb: 0.3 Zn: 0.002 * Bi: 0.52 Ag: 0.43 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.006 Ni: 0.0047 Co: 0.011 Au: н.о.				
ИИОР: 40406	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 0.26 Zn: 0.09 Bi: 0.52 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.3 Fe: 0.73 Ni: 0.0073 Co: 0.013 Au: н.о.				
ИИОР: 40407	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: промизь				
Сu: ОСН Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0076 Bi: 0.025 Ag: 0.023 Sb: 0.15 As: 0.11 Fe: 0.063 Ni: 0.0043 Co: 0.0048 Au: н.о.				
ИИОР: 40408	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: ОСН Sn: 5.7 Pb: 0.036 Zn: 0.0059 Bi: 0.038 Ag: 0.14 Sb: 1.8 As: 0.69 Fe: 0.01 Ni: 0.003 Co: 0.0032 Au: н.о.				
ИИОР: 40409	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.064 Bi: 1 Ag: 0.5 Sb: 0.75 As: 2.5 Fe: 0.45 Ni: 0.008 Co: 0.011 Au: 0.0004				
ИИОР: 40410	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: <40 Sn: 59 * Pb: 1.3 Zn: 0.0046 Bi: 0.8 Ag: 0.57 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.23 Ni: 0.013 Co: 0.0078 Au: 0.0005				
ИИОР: 40411	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 1.8 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 0.57 Sb: 3.5 As: 2.3 Fe: 0.18 Ni: 0.017 Co: 0.0086 Au: н.о.				
ИИОР: 40412	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 0.031 Zn: 0.064 Bi: 0.038 Ag: 0.0063 Sb: 0.15 As: 0.12 Fe: 0.0053 Ni: 0.0017 Co: 0.0029 Au: н.о.				
ИИОР: 40413	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 7.6 Pb: 0.047 Zn: 0.064 Bi: 0.032 Ag: 0.066 Sb: 0.32 As: 0.3 Fe: 0.039 Ni: 0.0096 Co: 0.0036 Au: н.о.				
ИИОР: 40414	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 1.5 Zn: 0.0014 * Bi: 0.065 Ag: 0.023 Sb: 0.47 As: 0.69 Fe: 0.1 Ni: 0.0073 Co: 0.0032 Au: 0.0005				
ИИОР: 40415	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: <50 Sn: 49 * Pb: 3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.17 Ag: 0.14 Sb: 1.7 As: 2.7 Fe: 0.93 Ni: 0.011 Co: 0.0029 Au: н.о.				
ИИОР: 40416	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.0017 * Bi: 0.61 Ag: 0.65 Sb: 3 As: 2.1 Fe: 0.23 Ni: 0.015 Co: 0.0043 Au: н.о.				
ИИОР: 40417	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.0059 Bi: 0.8 Ag: 0.43 Sb: 0.64 As: 2 Fe: 0.27 Ni: 0.0043 Co: 0.0058 Au: 0.0005				
ИИОР: 40418	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер				
Сu: ОСН Sn: 23 Pb: 5.9 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.94 Sb: 1.9 As: 3.3 Fe: 0.31 Ni: 0.014 Co: 0.0032 Au: н.о.				

ИИОР: 40419	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 1.2 * Sb: 2.5 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40420	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 1.3 Ag: 0.65 Sb: 3.9 As: 4.2 Fe: 0.4 Ni: 0.02 Co: 0.0039 * Au: 0.0006 *				
ИИОР: 40421	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0012 * Bi: 0.32 Ag: 0.57 Sb: 3.3 As: 4.2 Fe: 0.27 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.0004 *				
ИИОР: 40422	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0014 * Bi: 0.38 Ag: 0.5 Sb: 3.9 As: 4.8 Fe: 0.12 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.				
ИИОР: 40423	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <50 Sn: 49 * Pb: 5.4 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.7 Fe: 0.18 Ni: 0.0073 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40424	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <50 Sn: 49 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.83 Sb: 2.3 As: 3.3 Fe: 0.35 Ni: 0.012 Co: 0.0032 * Au: 0.0003 *				
ИИОР: 40425	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.23 Sb: 0.35 As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.011 Co: 0.0032 * Au: 0.0015 *				
ИИОР: 40426	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 10 Pb: 7.1 * Zn: 0.053 Bi: 0.38 Ag: 0.058 Sb: 0.64 As: 0.61 Fe: 0.033 Ni: 0.003 Co: 0.0043 * Au: 0.0022 *				
ИИОР: 40427	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 10 Pb: 7.7 * Zn: 0.09 Bi: 0.38 Ag: 0.23 Sb: 0.6 As: 0.47 Fe: 0.039 Ni: 0.0025 Co: 0.0058 * Au: 0.001 *				
ИИОР: 40428	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: ОСН Sn: 2.7 Pb: 0.3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.094 Ag: 0.089 Sb: 0.32 As: 0.47 Fe: 0.02 Ni: 0.014 Co: 0.0036 * Au: 0.0017 *				
ИИОР: 40429	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: ОСН Sn: 0.047 Pb: 0.11 Zn: 0.0024 * Bi: 0.045 Ag: 0.14 Sb: 0.029 As: 1.8 Fe: 0.046 Ni: 0.043 Co: 0.0039 * Au: 0.0013 *				
ИИОР: 40430	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: ОСН Sn: 2.7 Pb: 0.083 Zn: 0.0076 Bi: 0.032 Ag: 0.058 Sb: 0.3 As: 0.61 Fe: 0.024 Ni: 0.011 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40431	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: ОСН Sn: 2.5 Pb: 0.072 Zn: 0.0014 * Bi: 0.038 Ag: 0.016 Sb: 0.6 As: 0.79 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40432	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: серьга с растр.				
Сu: ОСН Sn: 8.2 Pb: 9.5 * Zn: 0.002 * Bi: 0.085 Ag: 0.14 Sb: 0.55 As: 0.7 Fe: 0.054 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.007 *				

ИИОР: 40433	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 8.4 Pb: 5.9 Zn: 0.035 Bi: 0.048 Ag: 0.43 Sb: 0.6 As: 1 Fe: 2 Ni: 0.015 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40434	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 3.6 Pb: 3.5 Zn: 0.01 Bi: 0.051 Ag: 0.058 Sb: 0.51 As: 0.33 Fe: 2.1 Ni: 0.011 Co: 0.0032 Au: н.о.					
ИИОР: 40435	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 4.3 Pb: 0.13 Zn: 0.0059 Bi: 0.048 Ag: 0.0035 Sb: 0.64 As: 1 Fe: 0.028 Ni: 0.0061 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40436	ПРЕДМЕТ: серьга с растр.	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0014 Bi: 0.037 Ag: 0.019 Sb: 0.32 As: 0.24 Fe: 0.15 Ni: 0.0073 Co: 0.0032 Au: 0.0016					3
ИИОР: 40437	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 1.7 Pb: 0.13 Zn: 0.035 Bi: 0.076 Ag: 0.0002 Sb: 0.32 As: 0.3 Fe: 0.024 Ni: 0.0033 Co: 0.0029 Au: н.о.					
ИИОР: 40438	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 16 Pb: 0.15 Zn: 0.0024 Bi: 0.23 Ag: 0.32 Sb: 2.7 As: 1.7 Fe: 0.086 Ni: 0.011 Co: 0.0053 Au: н.о.					
ИИОР: 40439	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >15 Sn: 74 Pb: 1.7 Zn: 0.01 Bi: 0.23 Ag: 0.23 Sb: 2.3 As: 2.1 Fe: 0.13 Ni: 0.018 Co: 0.0048 Au: н.о.					
ИИОР: 40440	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 Pb: 1.8 Zn: 0.022 Bi: 0.27 Ag: 0.32 Sb: 0.88 As: 2.1 Fe: 0.13 Ni: 0.0096 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40441	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >15 Sn: 74 Pb: 1.7 Zn: 0.0076 Bi: 0.52 Ag: 0.32 Sb: 3.9 As: 3.6 Fe: 0.23 Ni: 0.026 Co: 0.0058 Au: н.о.					
ИИОР: 40442	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 Pb: 1.4 Zn: 0.01 Bi: 1.3 Ag: 0.32 Sb: 2 As: 2 Fe: 0.45 Ni: 0.018 Co: 0.0078 Au: н.о.					1
ИИОР: 40443	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 0.67 Pb: 0.0041 Zn: 0.001 Bi: 0.0029 Ag: 0.023 Sb: 0.073 As: 0.17 Fe: 0.82 Ni: 0.0043 Co: 0.0036 Au: н.о.					2.
ИИОР: 40444	ПРЕДМЕТ: бляха с ушком	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 3 Pb: 1.1 Zn: 0.0012 Bi: 0.056 Ag: 0.023 Sb: 0.15 As: 0.17 Fe: 0.35 Ni: 0.0047 Co: 0.0029 Au: 0.0017					
ИИОР: 40445	ПРЕДМЕТ: бляха с ушком	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0.08 Sn: 0.58 Pb: 0.45 Zn: 0.0012 Bi: 0.076 Ag: 0.011 Sb: 0.027 As: 0.035 Fe: 0.017 Ni: 0.0056 Co: 0.0036 Au: 0.0011					
ИИОР: 40446	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Давти-Кози	КОМПЛЕКС: п.-8	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: <50 Sn: 41 Pb: 1.3 Zn: 0.001 Bi: 0.7 Ag: 0.32 Sb: 0.96 As: 8.8 Fe: 0.45 Ni: 0.0073 Co: 0.0065 Au: 0.0002					

ИИОР: 40447
 ПРЕДМЕТ: висер ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-8 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: >10 Sn: 74 * Pb: 1.7 Zn: 0.0012 * Bi: 0.7 Ag: 0.43 Sb: 0.92 As: 7.6 Fe: 0.82 Ni: 0.0096 Co: 0.0078 * Au: 0.0002 *

ИИОР: 40448
 ПРЕДМЕТ: висер ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-8 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: >10 Sn: 74 * Pb: 1.4 Zn: 0.001 * Bi: 0.7 Ag: 0.32 Sb: 1.1 As: 7.6 Fe: 0.82 Ni: 0.011 Co: 0.0058 * Au: 0.0005 *

ИИОР: 40449
 ПРЕДМЕТ: бляха с ушком ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 0.036 Zn: 0.0012 * Bi: 0.06 Ag: 0.14 Sb: 0.23 As: 0.33 Fe: 0.054 Ni: 0.0073 Co: 0.0014 * Au: н.о.

ИИОР: 40450
 ПРЕДМЕТ: кривк ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.0012 * Bi: 0.03 Ag: 0.0011 * Sb: 0.085 As: 0.039 Fe: 0.4 Ni: 0.0051 Co: 0.0048 * Au: н.о.

ИИОР: 40451
 ПРЕДМЕТ: браслет ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 1 Pb: 0.13 Zn: 0.0008 * Bi: 0.03 Ag: 0.019 Sb: 0.099 As: 0.12 Fe: 0.046 Ni: 0.0025 Co: 0.0011 * Au: н.о.

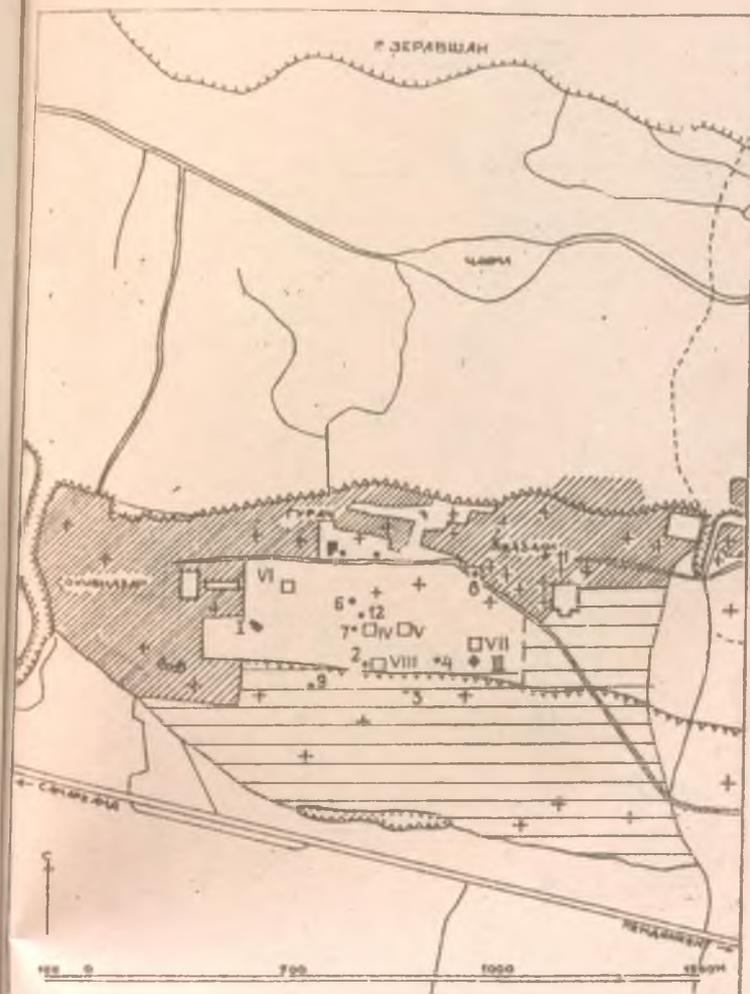
ИИОР: 40452
 ПРЕДМЕТ: кольцо ПУНКТ: Азати-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 1.6 Pb: 0.031 Zn: 0.0017 * Bi: 0.076 Ag: 0.016 Sb: 0.099 As: 0.1 Fe: 0.13 Ni: 0.0007 Co: 0.0017 * Au: 0.0012 *

Знаком * помечены присвоенные значения концентрации элементов

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА.....	7
ГЛАВА II. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II-ТЫС. ДО Н.Э.....	14
§1. Археологический комплекс IV жилого горизонта поселения Саразм.....	16
§2. Интерпретация археологических комплексов финальной стадии поселения Саразм.....	30
§3. Вопросы хронологии IV горизонта.....	51
§4. Раскопки и исследовании погребения Зардча - Халифа.....	56
ГЛАВА III. СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II- ТЫС, ДО Н,Э.....	65
§1. Открытие и исследование могильника Дашти - Казы.....	66
§ 2. Классификация и интерпретация археологических комплексов.....	88
§3. Относительный и абсолютные вопросы хронологии могильника Дашти - Казы.....	96
§4. Хозяйство, общественный уклад и культовые воззрени.....	108
§ 5. Вопросы происхождения скотоводческой культуры верховья Зарафшана.....	114

ГЛАВА IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО- СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ.....	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	134
ЛИТЕРАТУРА.....	136
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	147
ТАБЛИЦА ХИМИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ.....	148
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	

Условные обозначения:

• ШУРФЫ	□ СОХРАНИВШАЯСЯ ЧАСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ
□ РАСКОПЫ	▨ ТАБАЧНАЯ ПЛАНТАЦИЯ
+ СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ	▨ ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ

Рис. I Саразм : план поселения

РАСКОП У ГИРИИ У
" " " " " "

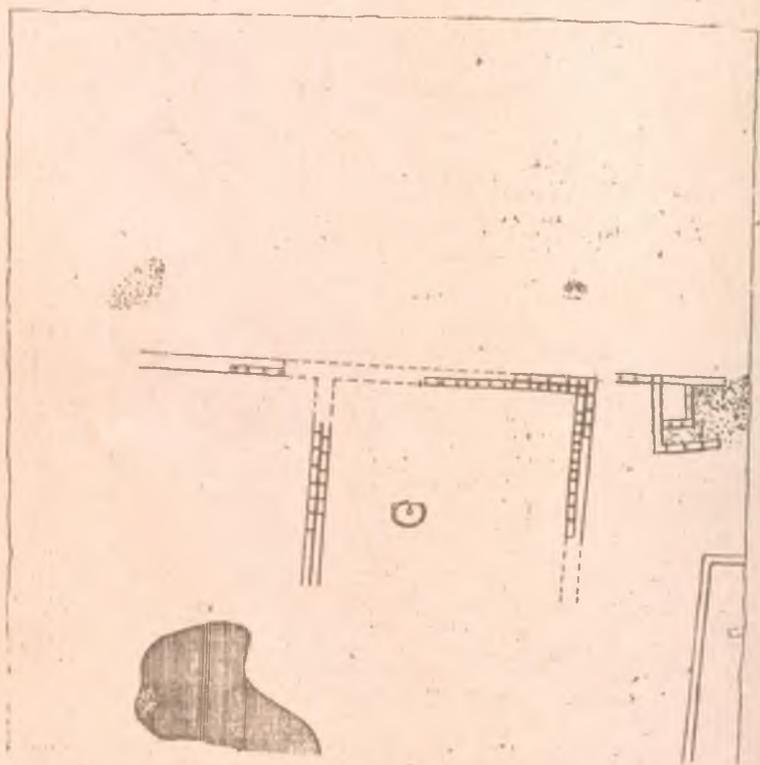
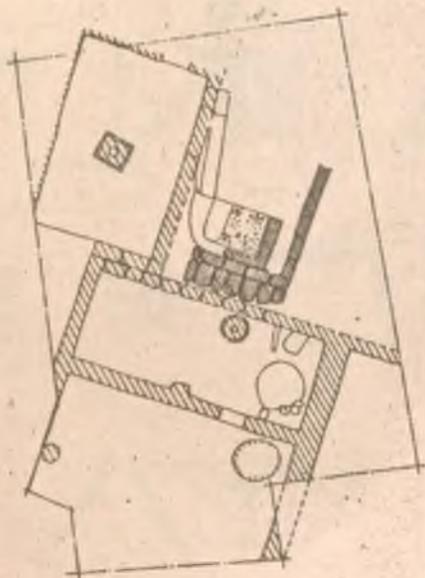

Рис.2 Саразм : план IУ раскопа. Горизонт У.

СВРВЗМ 1985
РАСКОП VI

п л а н

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Рис. 3 план УІ раскопа.

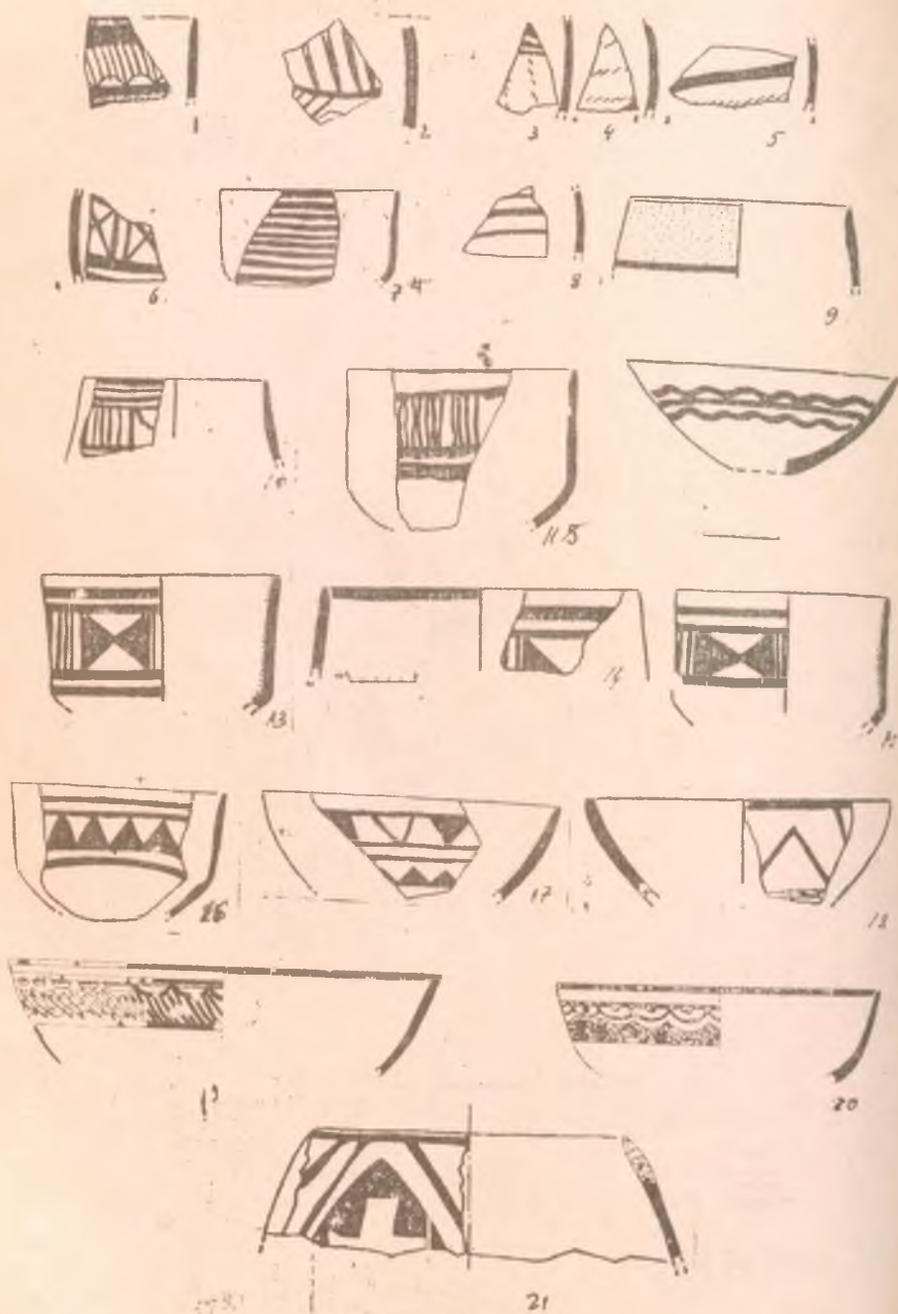

Рис. 5 Сарай. Расписная эраица.

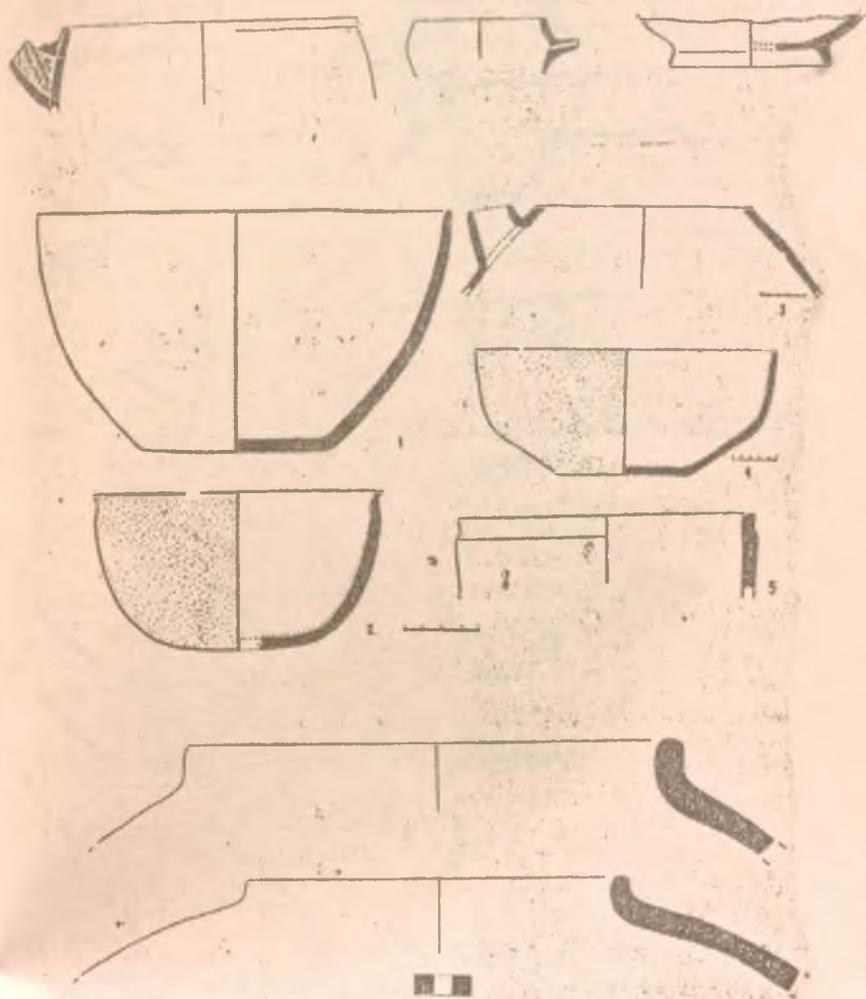

Рис.6 Саразм: Керамика IV горизонта

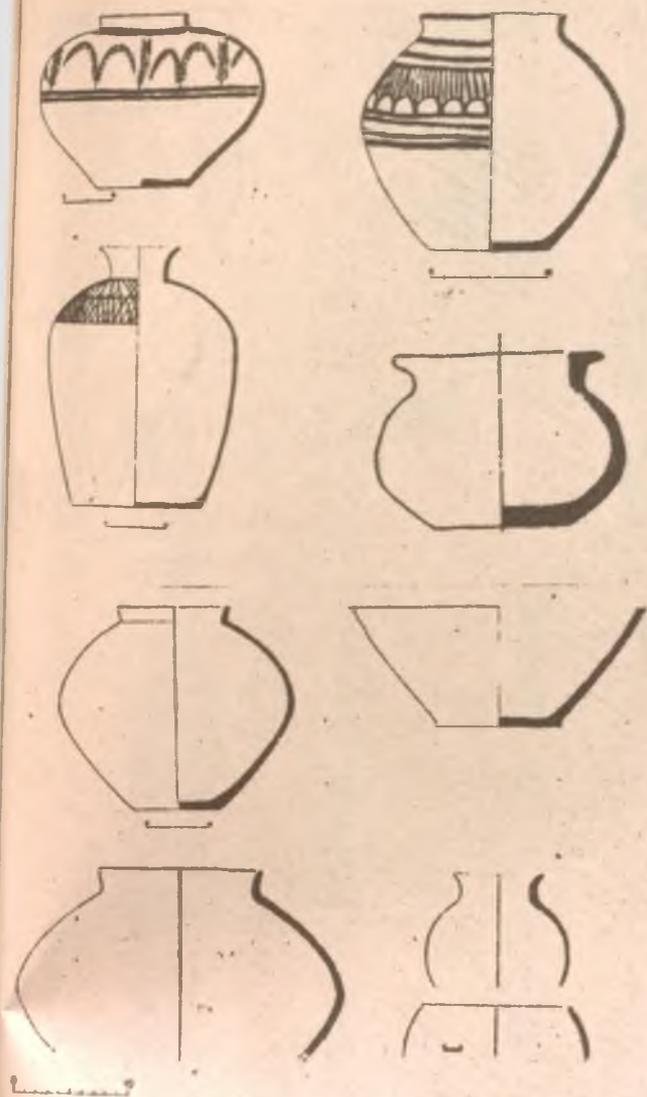

Рис. 8 Сарази: Керамика IV горизонта

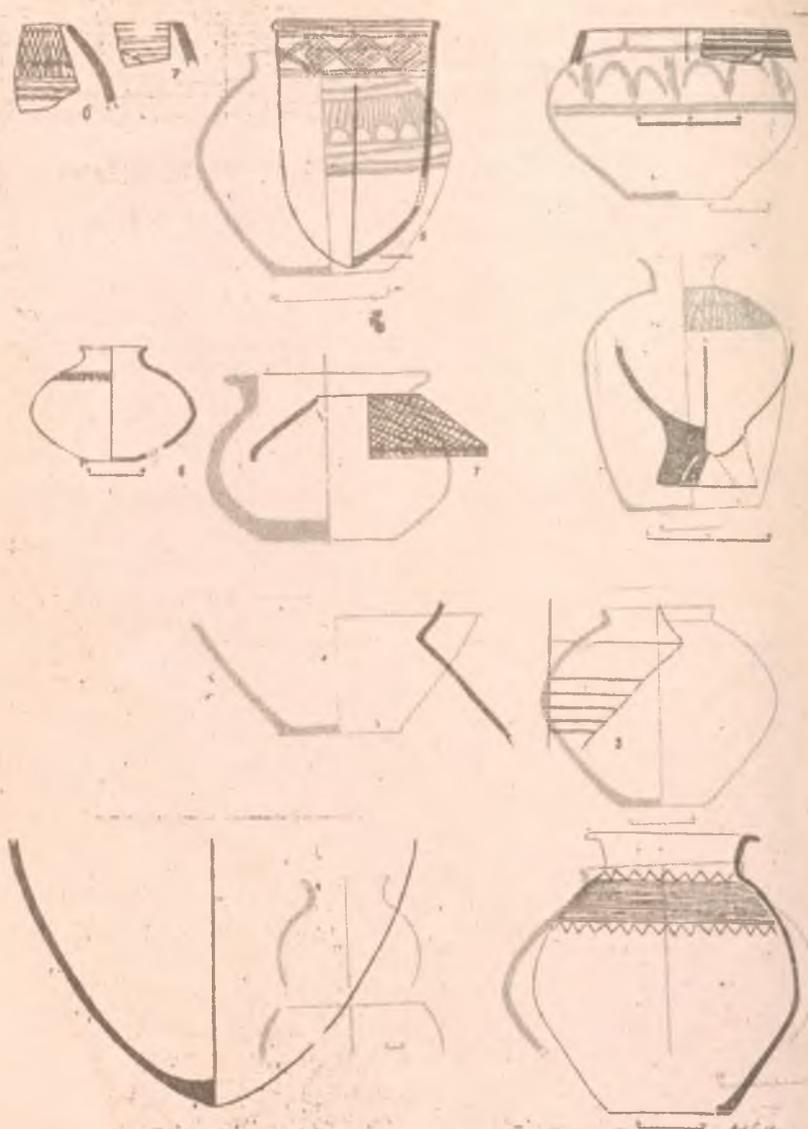

Рис. 8. Саразм: Керамика II горизонта

Рис. 9 Саразм: Керамика III горизонта

Рис. 10 Саразм : Металлические изделия

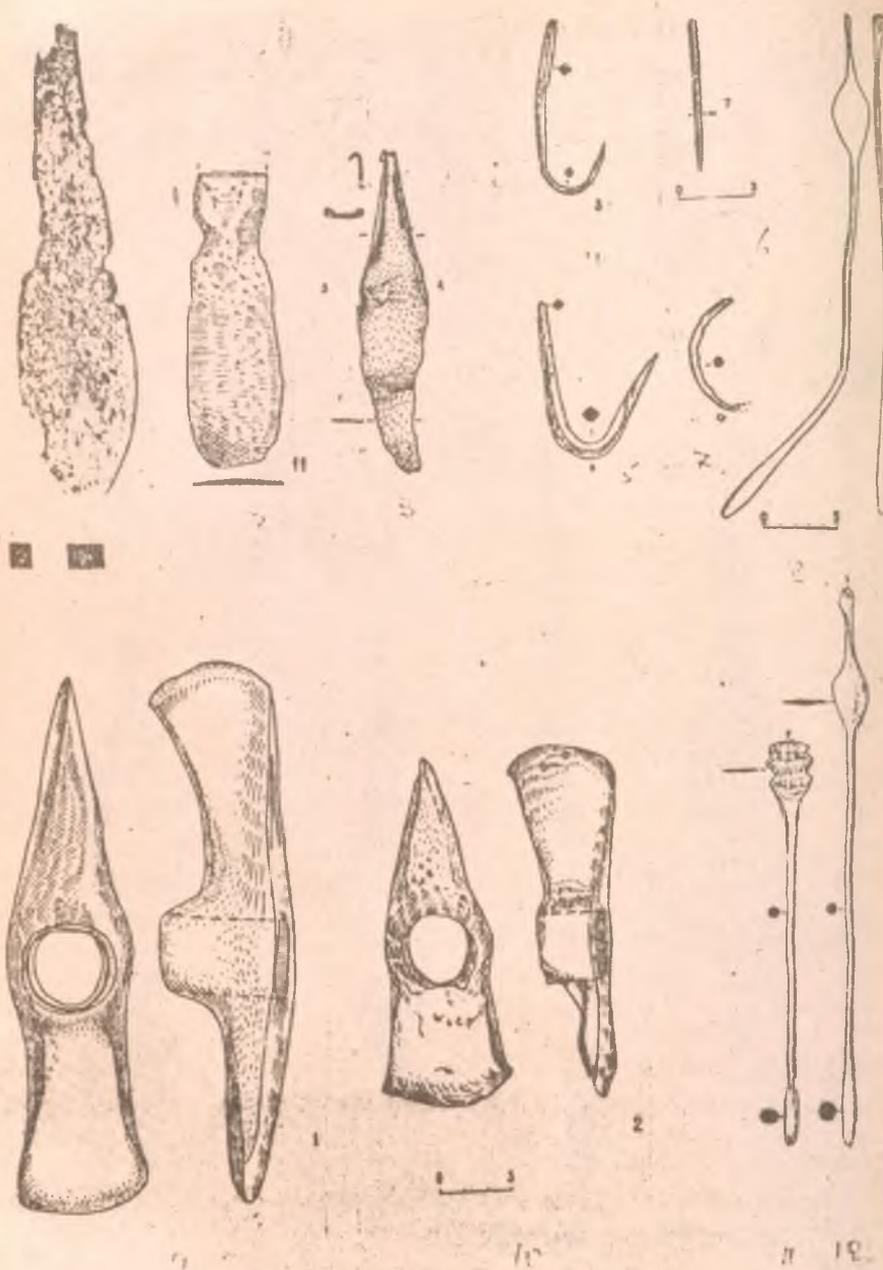

Рис. II. Саразм: Металлические изделия

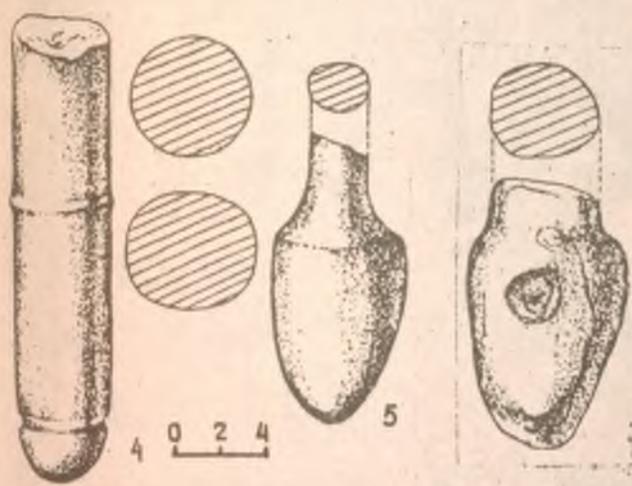

Рис. 12 Саразм Каменные изделия

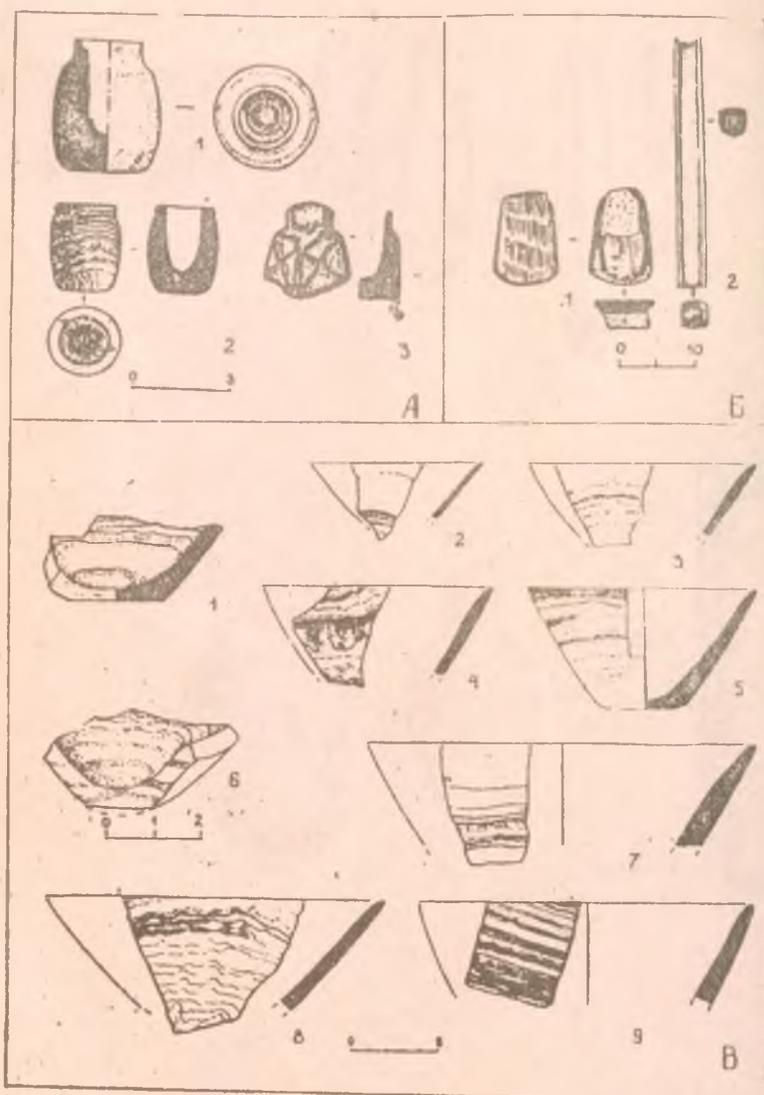

Рис. 13 Саразм: Каменные изделия

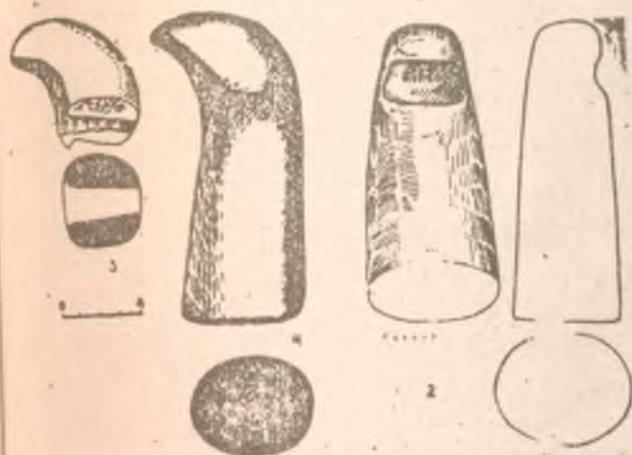

Рис. I4 Саразм : Печати и жезлы.

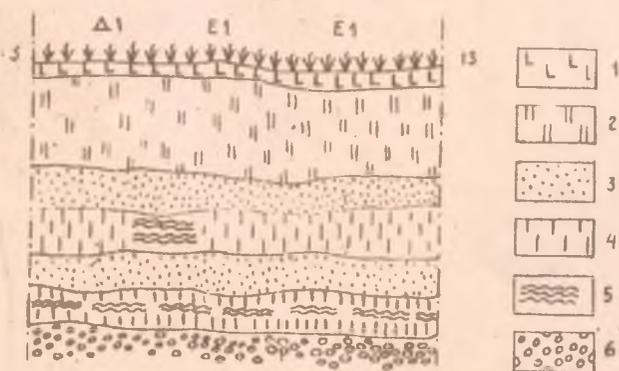
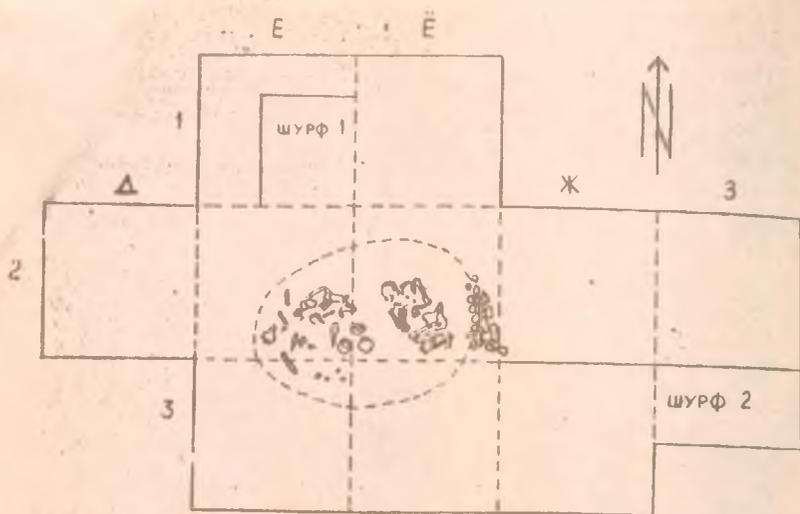

Рис. 15 Бардчи-Халифа : план и разрез погребения

Рис. 16 Зардиа-Халифа: план погребения

Рис. 18 Зрадча-Халифа: Металлические изделия, каменные изделия: 1-14 бронза, 15-16 золото, 17-каменный фалис

Рис. 21 Дашти-Кози : Общий план местности

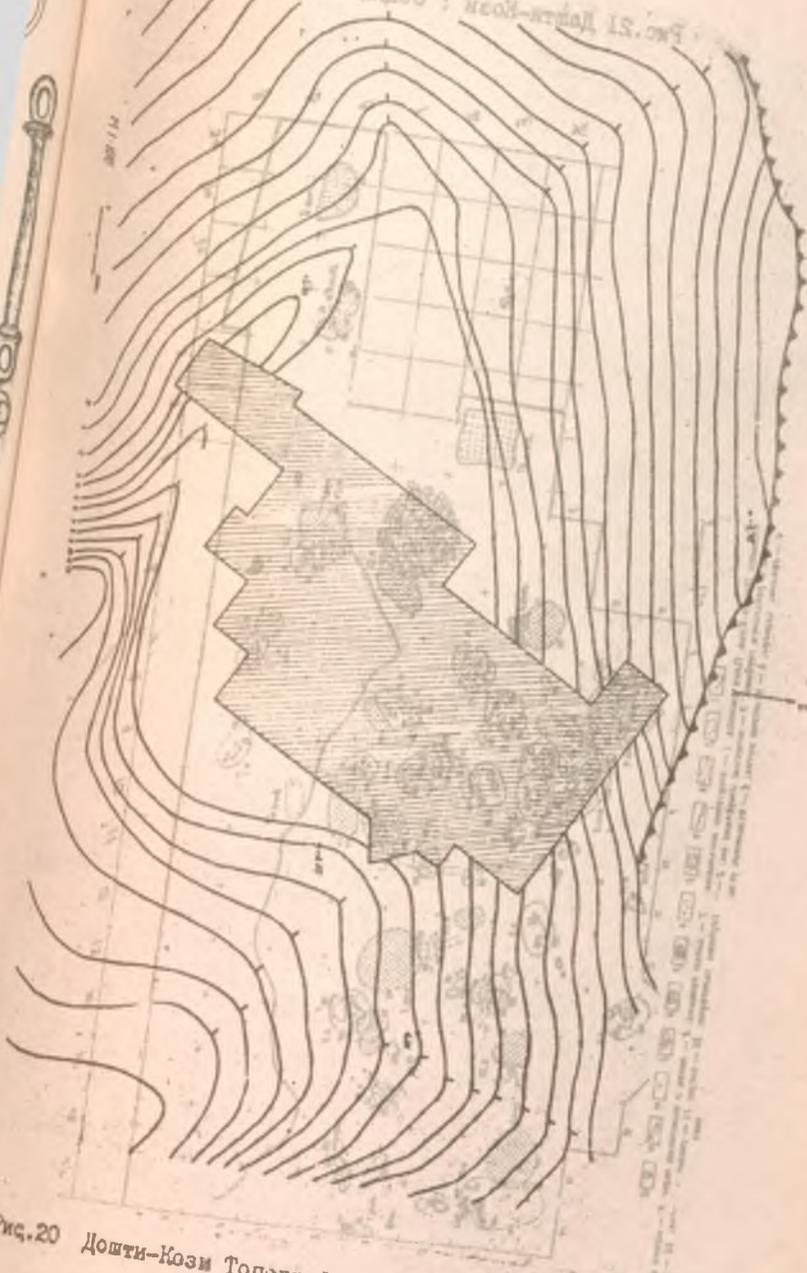
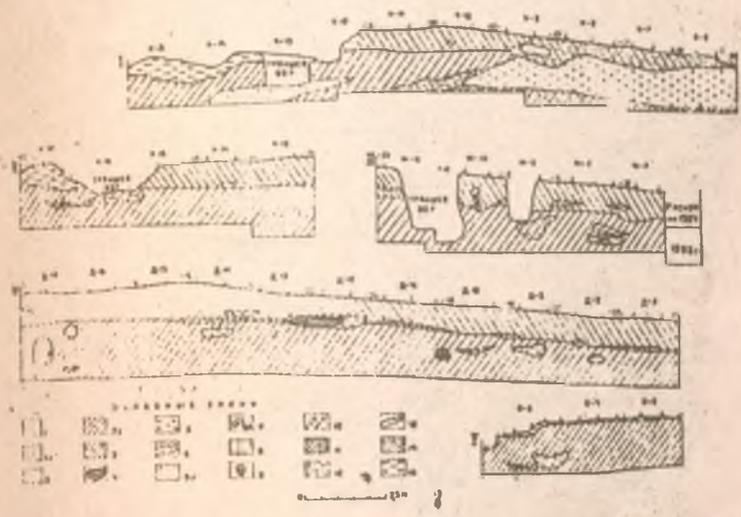

Рис. 20 Дашти-Кози Топографический план

в,
кмс

негильник ДАШТИ-КОЗИ 1983-86 гг

Разрезы южной стеной раскопа

негильник Дашти-Кози
План и разрез траншеи

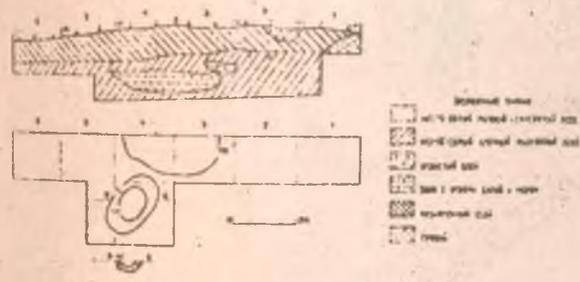

Рис.22 Дашти-Кози : План и разрез

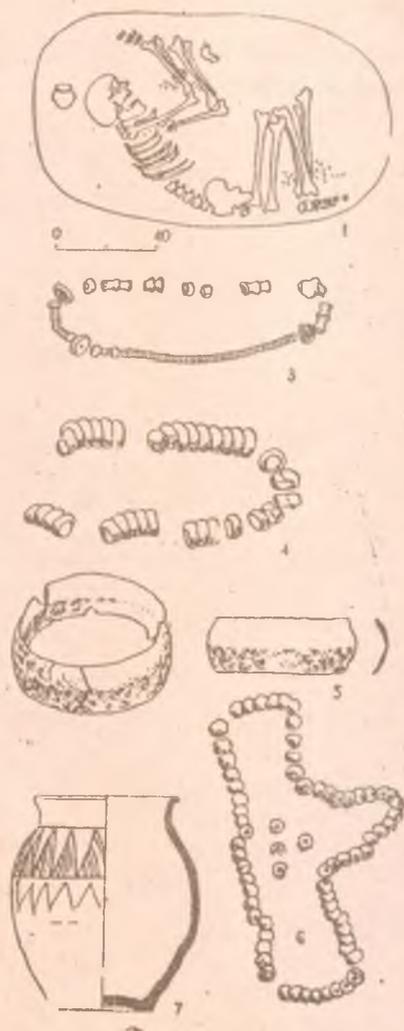

Рис. 23 Дашти-Кози: план погребения I, археологический комплекс.

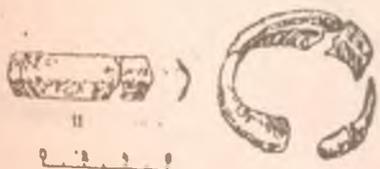
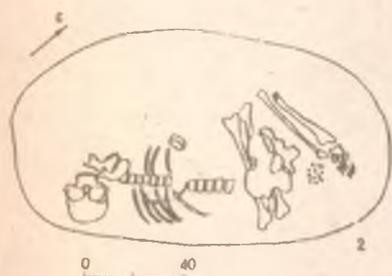

Рис. 24 Дашти-Кози : Археологический комплекс погребения II

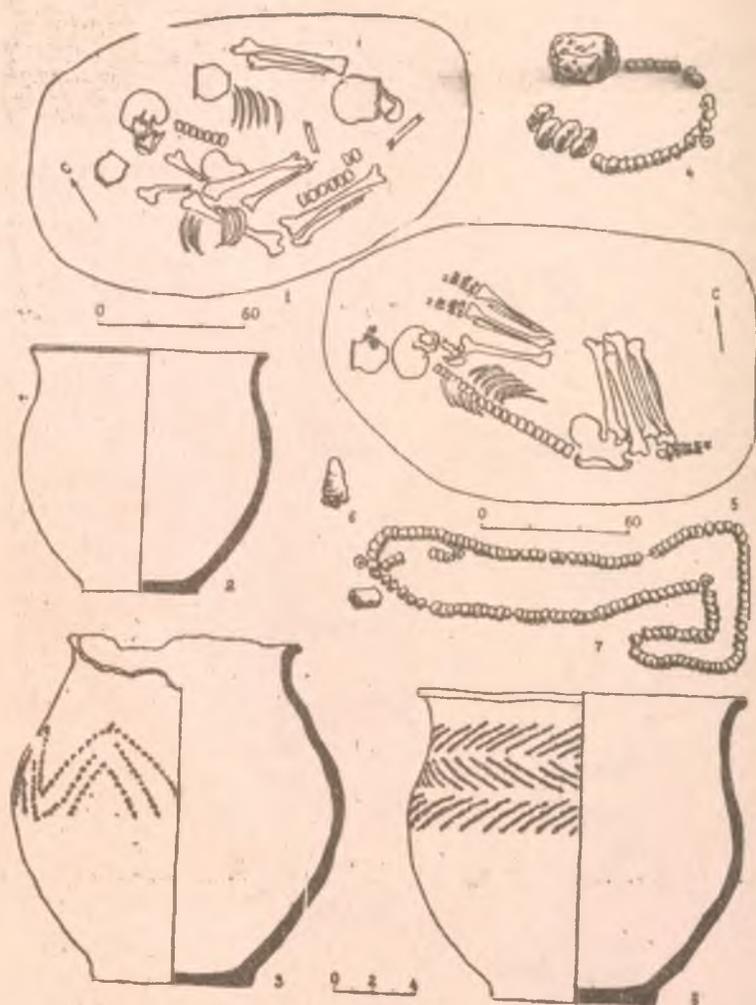

Рис. 25 Дашти-Кози : Археологический комплекс
 Погребение 4,5

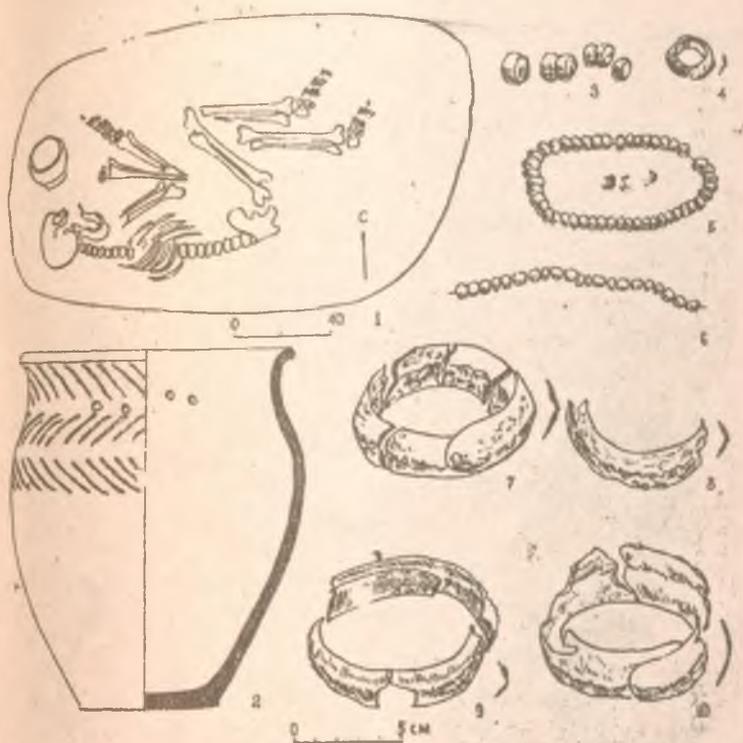
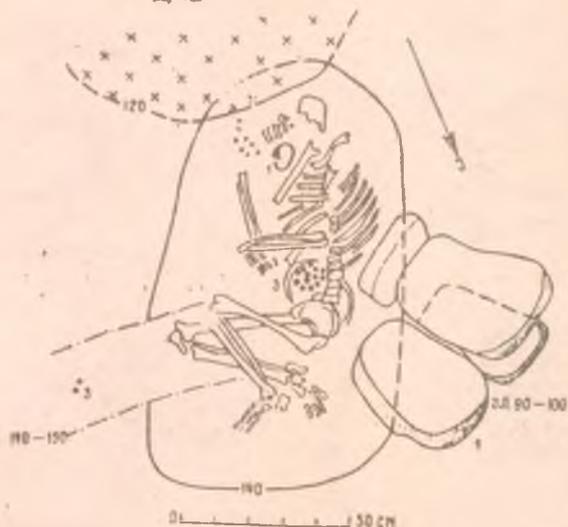

Рис. 26 Дашти-Кюзи: Археологический комплекс погребения 76

ПОГРЕБЕНИЕ 7

Кв Д-10

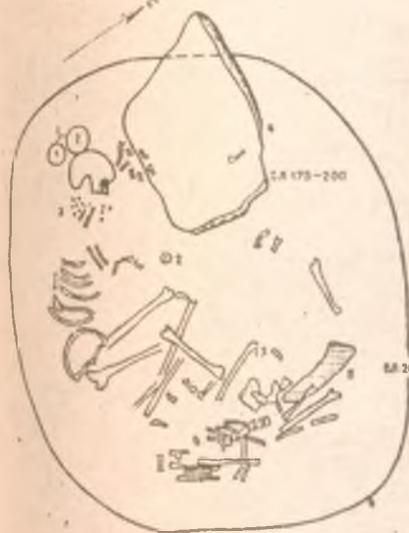
Условные знаки

- СЕРЬГА С РАСТРУВОМ
- БИСЕР
- ИРРИНЫЕ ВУСЫ
- КАМНИ
- УГРИСТЫЕ ПЯТНА

Рис 27. Дашти-Кози: Археологический комплекс
Погребение 7

Погребение 8
 № Д-13.14

Условные знаки

- сосуды с черепом
- бронзовые зеркала
- бронзовый орнамент
- меденная плита
- коричневый таз
- кости первого скелета
- кости второго скелета

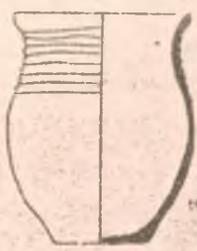
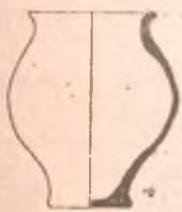

Рис. 28 Дашти-Кози : Археологический комплекс
 Погребение 8

Погребение 9

Кв. Г.Д-9

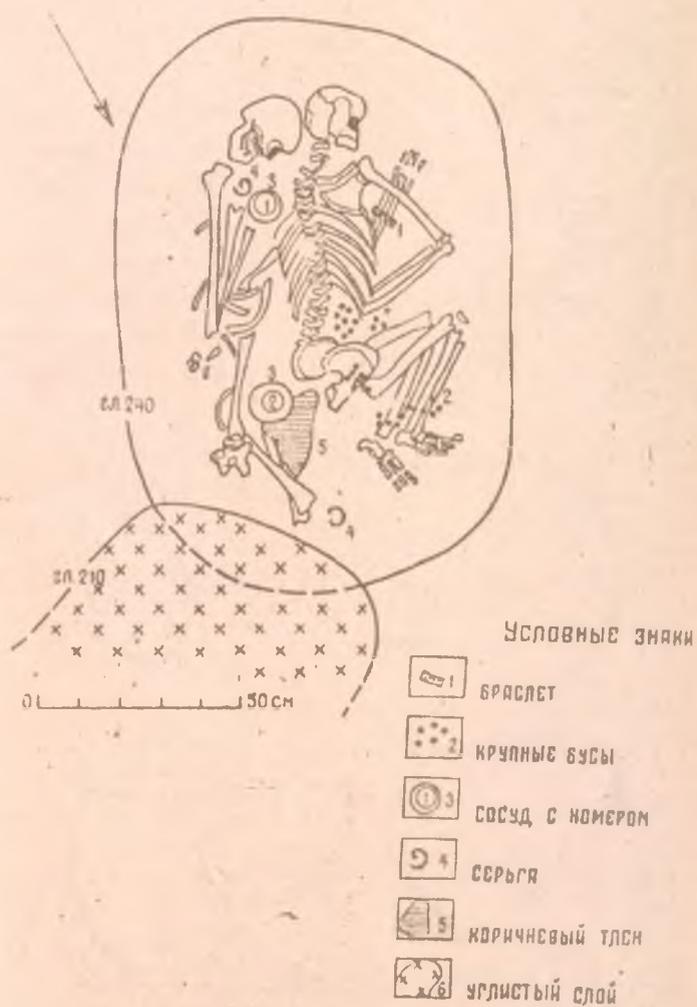
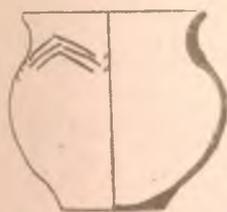
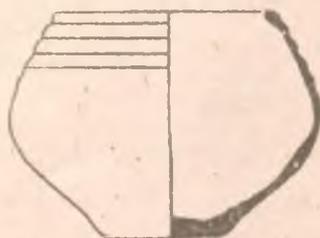

Рис. 29 Дашти-Кози: план погребения 9

0 20 40

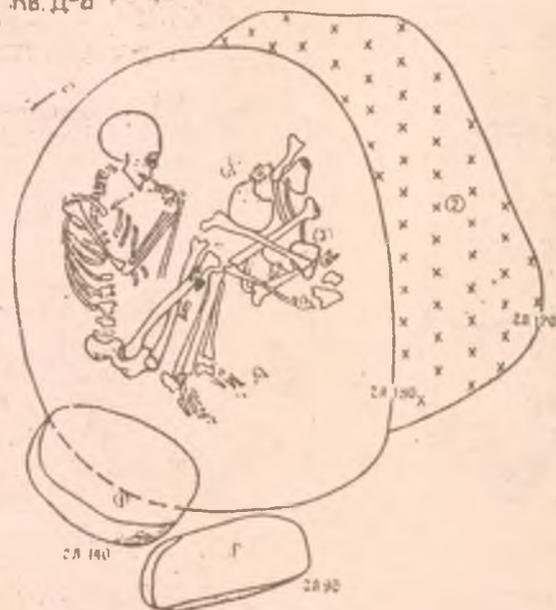
0 2 4

11

рис. 30 Дашти-Кози: Археологический комплекс погребения 9

Погребение 10
Кв. Д-8

Нервовые знаки

0 1 1.50м

кирпич

чугунный валик

каменный фрагмент сосуда

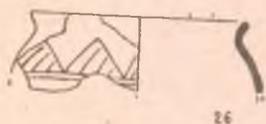

Рис. 31. Дашти-Кози: план и археологический комплекс погребения 10

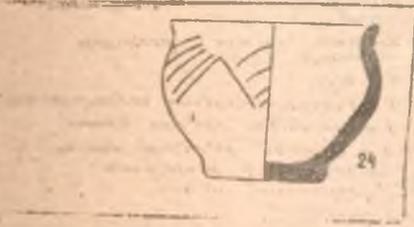
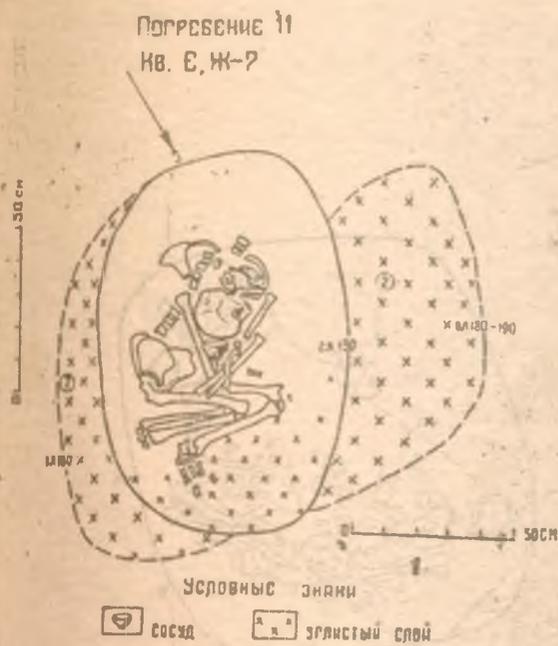

Рис. 32 Дашти-Кози: план погребения II

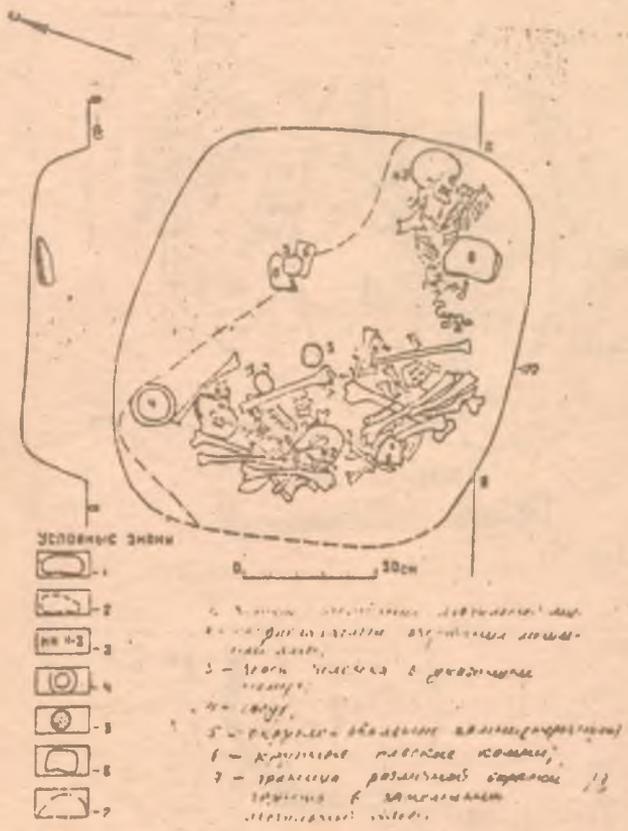
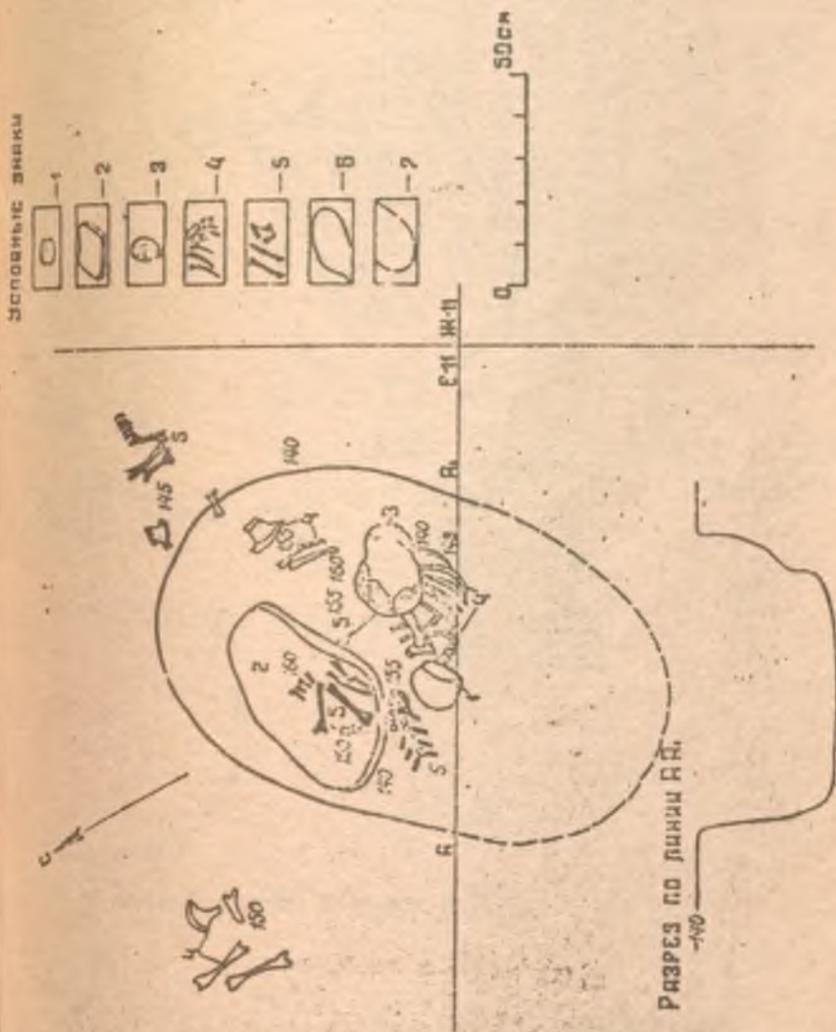

Рис. 33' Дзшти-Кози: план погребения 12

Рис. 34. Дашти-Кози: план погребения 14

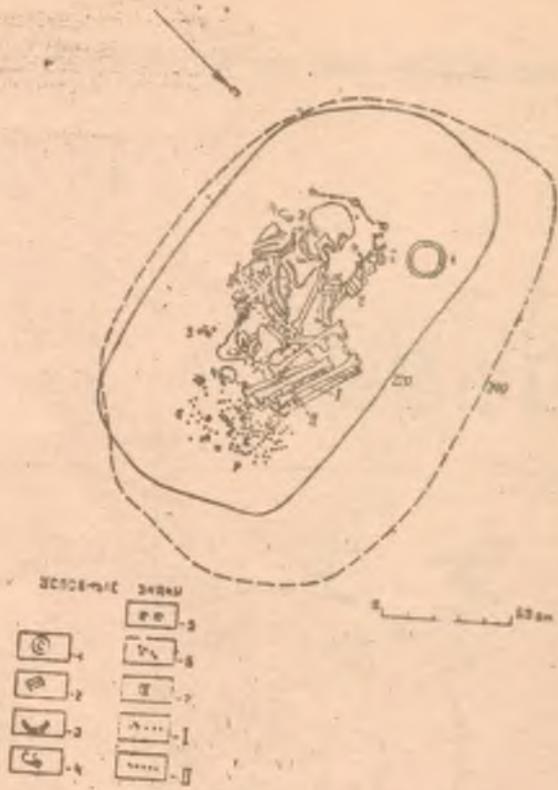

Рис. 35 Д ити-Кози : план погребения 15

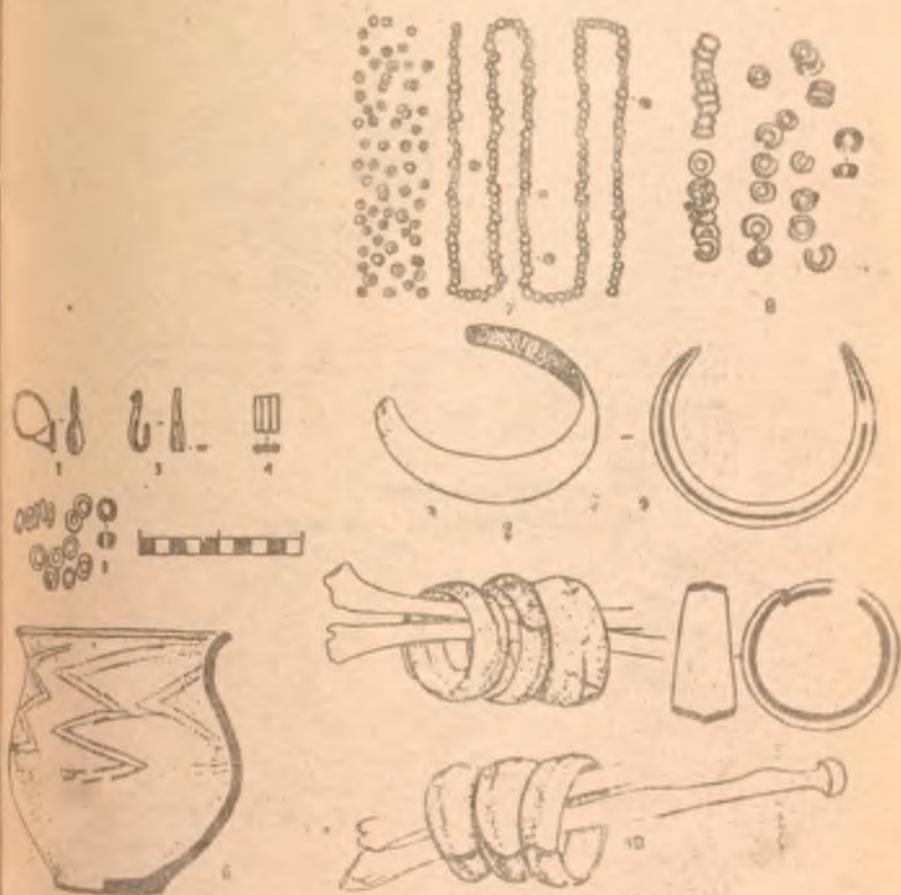

Рис. 36 Дашти-Кози : Археологический комплекс
погребения 15

мог-к Дашти-Кози-86
погребение 17
кв. К-11

мог-к Дашти-Кози-86
погребение 18 кв. Е-15

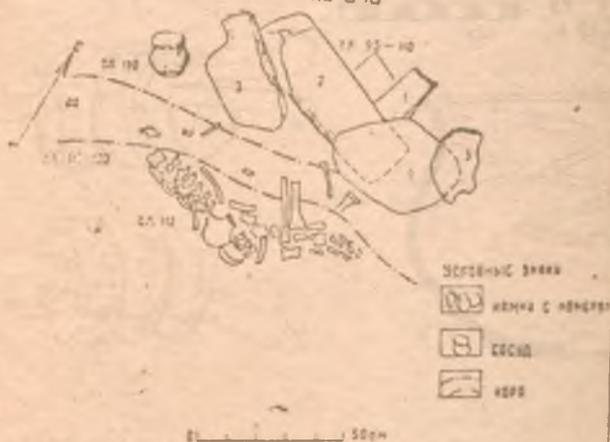
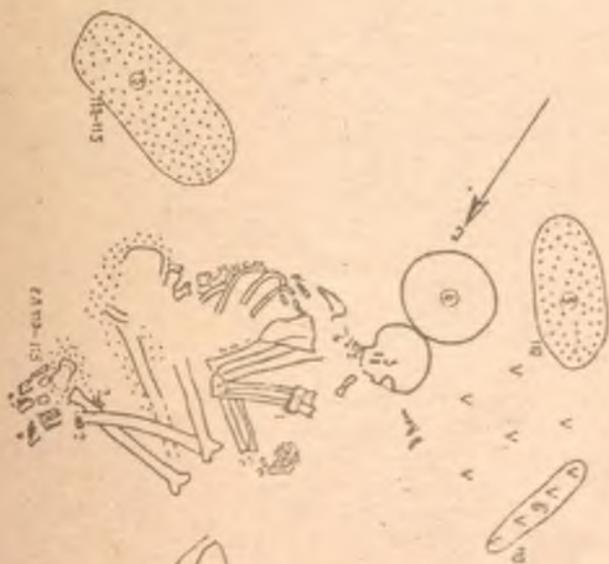

Рис. 37 Дашти-Кози план погребения 17, 18

Рис. 38 Дашти-Кози: план погребения 19

НЛ-К Дашти — Кози-86
 погребения 19
 кв. 3-47

0 150 см

Керамические сосуды

Из кремня и кости

Костяные предметы

Я-мин Дашти-Кози-88
 погребение 20
 кв. 3/12

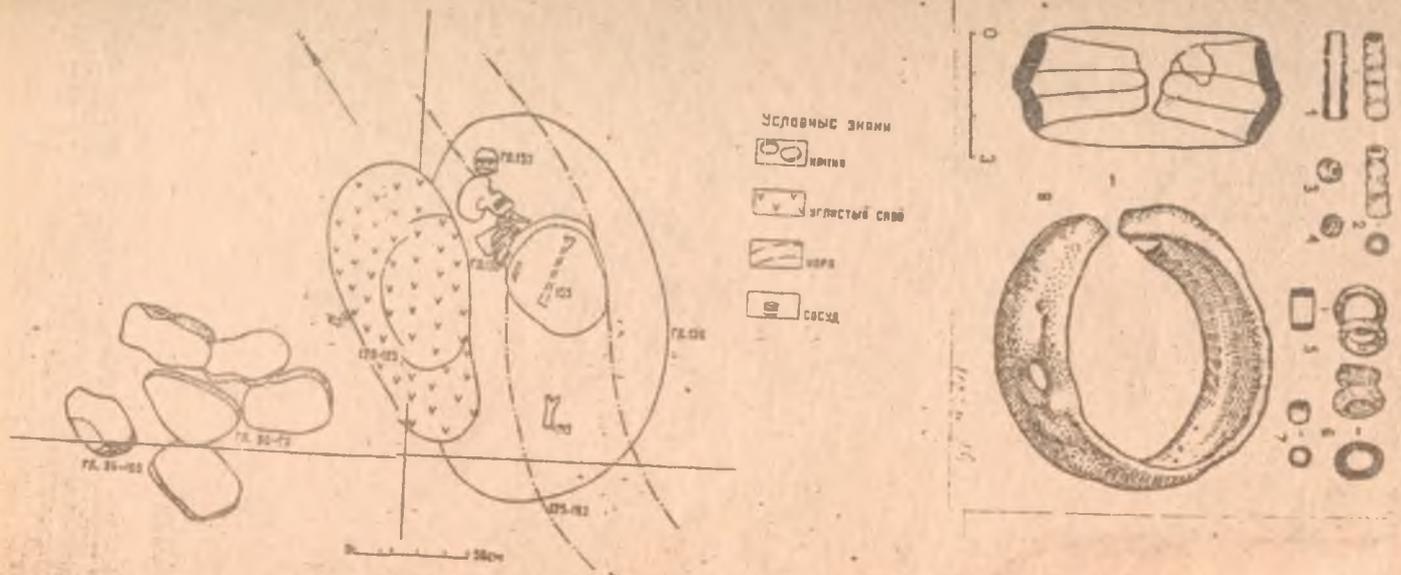

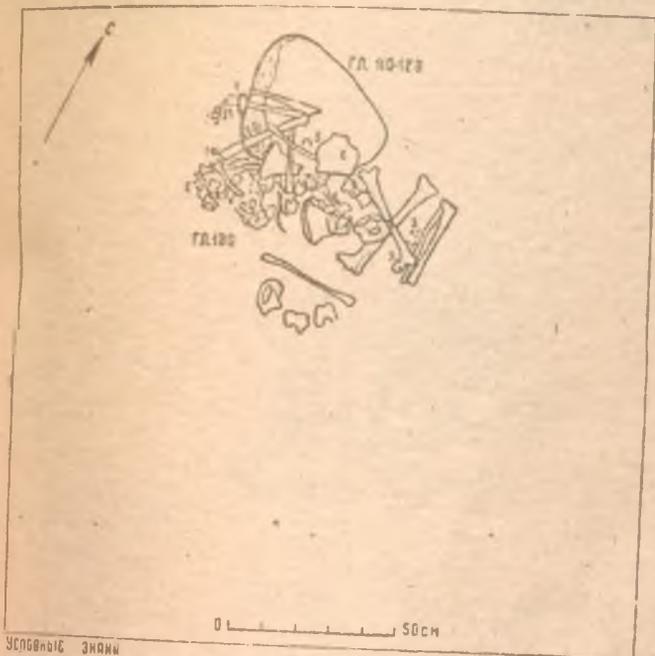
Рис. 39 Дашти-Кози план погребения 20

1991

мог-и Дашти-Кози-86

погребение 21

кв. И/10

• условные знаки

1 кости крупные

2 кости 8 шт

3 кости крупные 4 шт

4 браслет

5 браслет

6 сосуд

7 кости

р. 27.

① - 1

② - 1

17 шт

2

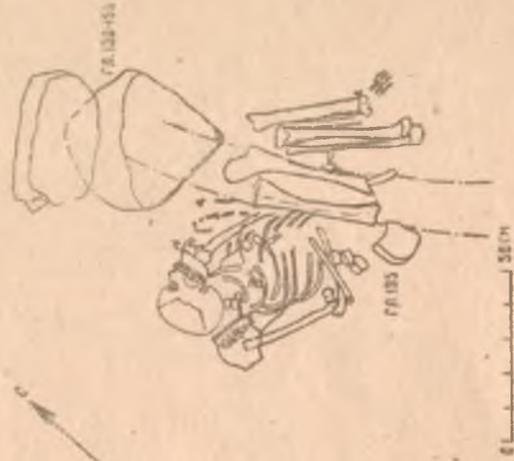
3

4

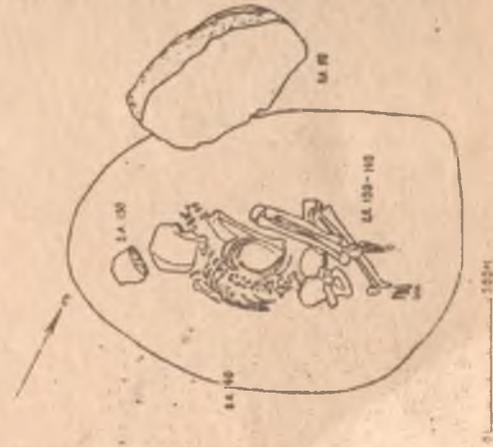
Рис. 40 Дашти-Кози: план и археологический комплекс погребения 21

Рис. 41 Дашти-Кози : план погребения 22-23

МОГ-Н Дашти - Кози-86
погребение 22
кв. БЖ/12

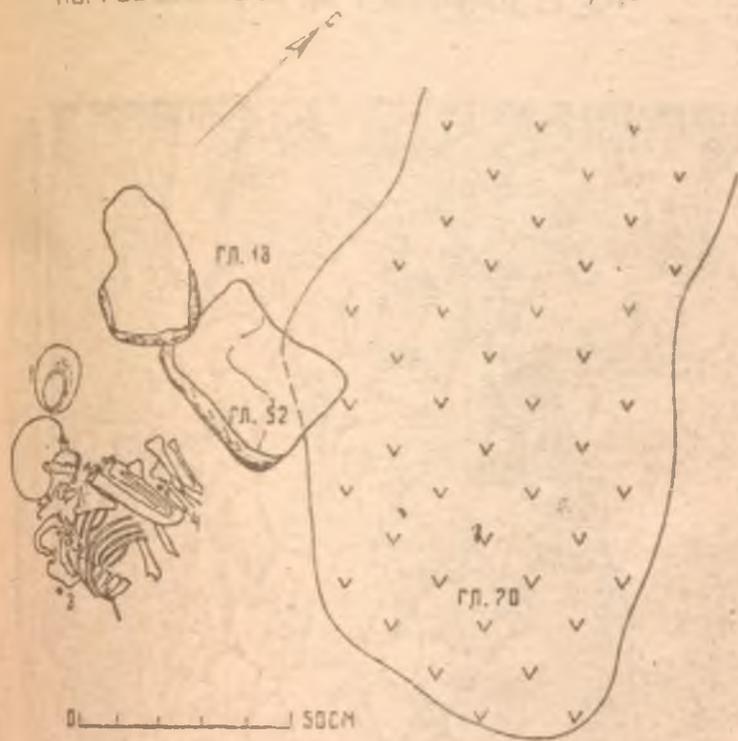
МОГ-Н Дашти-Кози-86
погребение 23
кв. З/19

мог.-н. Дашти — Кози-86

погребение 24

кв. Г/45

- Условные знаки
- 1 сосуд
 - 2 костяные нашивки круглые
 - 3 костяная нашивка квадратная
 - 4 бусы бронзовые
 - ▽ углистый слой

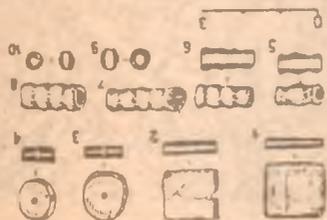

Рис. 42. Дашти-Кози : план и археологический комплекс погребения 24

Рис. 43 Дадти-Кози : вид погребения 25

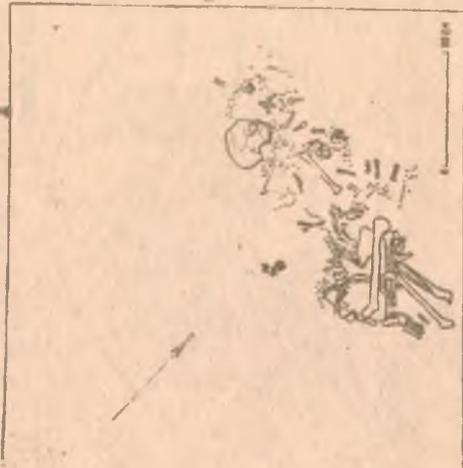
могильник Дашти-Кози-88
 погребение 25 ив. Д.С/4,5

Рис. 44 Дашти-Кози : план погребения 25

Рис. 45 Дзиги-Козы: план погребения 25-1

Местность Дзиги-Козы -85
погребение 25-1 из Д-5

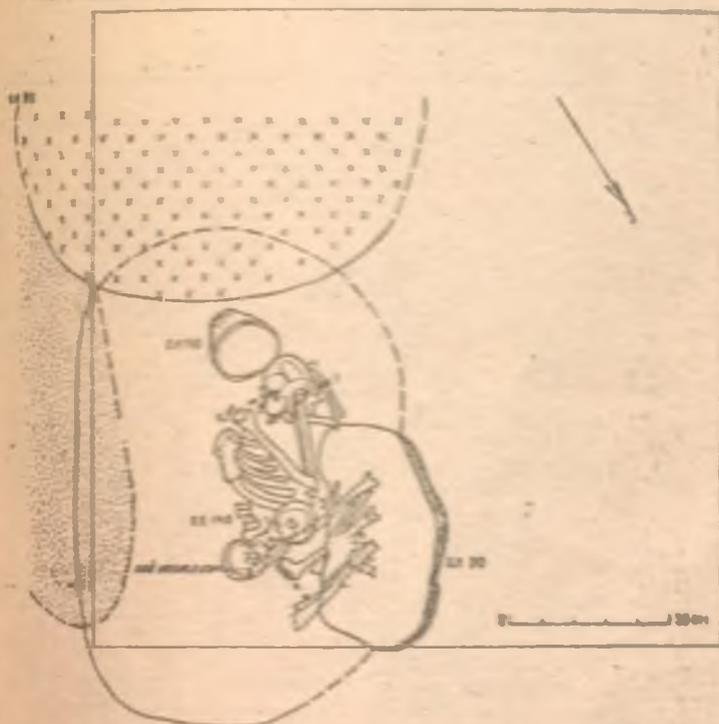

Условные знаки

□ керамический сосуд □ керамическая ваза □ керамическая чашка
○ керамическая персидская

МОГИЛЬНИК Дашты-Кози-86
ПОГРЕБЕНИЕ 26 № 8/3

Условные знаки

- 1 [Symbol] Браслет бронзовый
- 2 [Symbol] Средние бронзовые бусы
- 3 [Symbol] Нижний бронзовый браслет
- 4 [Symbol] Восточные шпатель
- 5 [Symbol] Бронзовые серьги с раструбами
- 6 [Symbol] Главная серьга
- 7 [Symbol] Угнетение волос
- 8 [Symbol] Вспомогательное угнетение волос

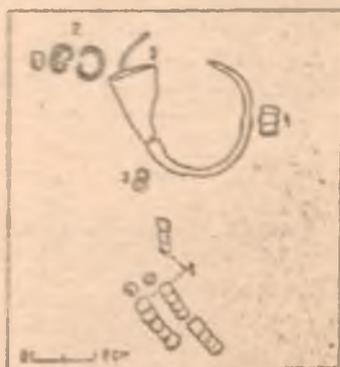

Рис. 46 Дашты-Кози: план погребения 26

Могильни Дашти-Кози
яма 5

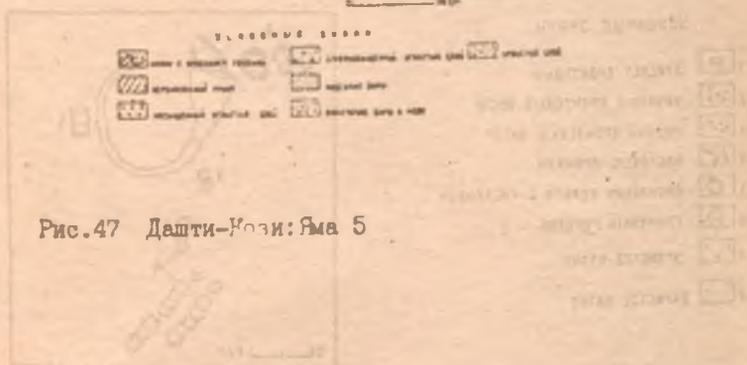
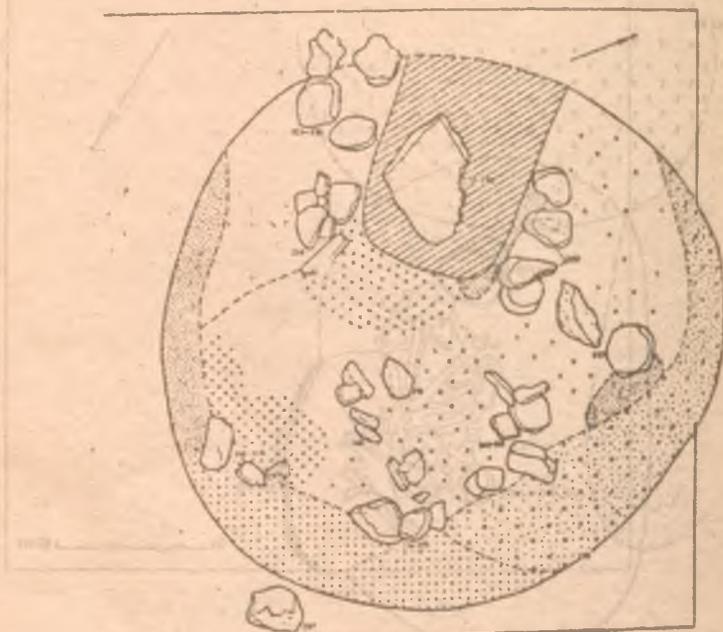

Рис. 47 Дашти-Кози: Яма 5

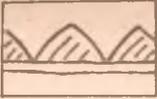
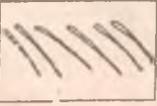
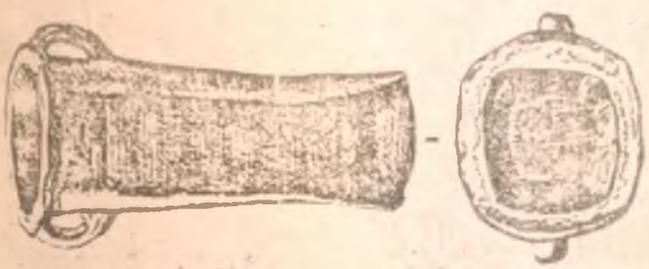
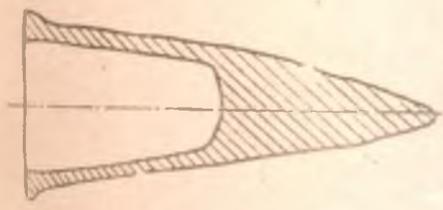
ТИПЫ ОРНАМЕНТА	
I	 1 2 3 4
II	 5
III	 6 7
IV	 8 9 10

Рис. 48 Дашти-Кози : Типы орнамента

Рис. 49 Дашти-Кози: типы археологического комплекса

Типы захоронения	Погребения																										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	25-1	25-2
I 	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
II 	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
III 	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
IV 	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
V 	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VI 	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
VII 	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
VIII 	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1 	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2 	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
3 	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
4 	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5 	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Рис. 50 Случайные находки: 1-кедьт из рудлака Бедак.
2-бронзовый сосуд из кишлака Фатмев

САИДМУРОД БОСТОНГУХАР

**ВЕРХОВЬЯ
ЗАРАФШАНА**
во II тысячилетии до н.э.

одного из саев предгорной полосы левобережья Зарафшана. первичное исследование могильника было произведено Д.Н. Левом (1966). Позже могильник был доисследован А.А. Аскаровым (1969, 1970). В результате было открыто 7 погребений. Археологический комплекс, керамика, бронзовые украшения и погребальный обряд также полностью аналогичны памятникам тозабагьябского типа андроновской культуры.

В 1975 г. сотрудники Самаркандского областного музея недалеко от г.Самарканда, на территории колхоза им. Ф.Энгельса, в селении Чакка, обнаружили три погребения эпохи бронзы. Что касается памятников эпохи бронзы верховьев долины Зарафшана, то ее история изучения началась фактически с 1975г., когда Ю.Я.Якубов при разведке низовьев бассейна Магиандарьи, на левом берегу реки в 4 км к северу от кишлака Чорбог, случайно обнаружил остатки погребения эпохи бронзы (Якубов, 1980). По описанию исследователя, погребение расположено к северо - востоку от известного Калтаминара (Смирнова, 1950).

Исследователь обнаружил погребение разрушенным. Тем не менее, здесь были найдены украшения - три бронзовых браслета, две серьги с раструбом и около 20 бронзовых бус. Кроме того, как отмечает Ю.Я.Якубов, "вместе с вышелеречисленными предметами найден небольшой лепной плоскодонный разбитый горшок или котелок" (1980,с.169). К этому времени (1975), это открытие было первым сигналом о наличии культуры степной бронзы в верховьях Зарафшана. Ю.Я. Якубов в своей публикации относительно датировки материалов погребения Чорбог, считает их предметами тозабагьябского культурного комплекса, ссылаясь на материалы муминабадского могильника, он датировал находки Чорбога XIII - XIIвв. до н.э. (1980, с.171).

В 1975 году при раскопках могильника Дашти Урдакон, расположенного в 500 м к юго - востоку от известного в науке города Древнего Пенджикента, сотрудниками Пенджикентского отряда, среди раннесредневековых погребений было обнаружено захоронение эпохи бронзы с единственным горшком андроновского типа. Сосуд этот представлял собой

сосуде с четырьмя отверстиями расположен под венчиком, шейкой и плечиками. Прослеживается и различие штампов. Из всех орнаментов узоры этого типа находят больше всего аналогий. Они встречаются среди керамики навеса Ак-Танги (Литвинский, Ранов, 1961, рис.8,1), на стоянке Кантарь (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1963, табл. XXVI, 13) и даже среди керамики погребения андроновской культуры Верхней Оби (Грязнов, 1956, рис.3,2).

IV тип. Фактически этот тип является неизменным вариантом орнамента III типа. Но он отличается от него тем, что зигзаги или остроконечные треугольники по всему тулову и венчику сосуда расположены парами на расстоянии друг от друга. Кроме того, этот орнамент не находит аналога среди орнаментов керамики памятников степной бронзы среднеазиатского региона. Отличается и техника нанесения орнамента - линии разделены насечками. Нам кажется, что эти длинные, к тому же и неровные линии треугольников, наносились гребенчатым штампом, путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампика найден С.С. Черниковым (Черников, 1962, рис.12, 1а,б,в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен и техника нанесения орнамента - линии разделены насечками. Нам кажется, что эти длинные; к тому же и неровные линии треугольников; наносились гребенчатым штампом; путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампика найден С.С. Черниковым (Черников: 1962: рис.12: 1а:б:в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен. Сохранившиеся мотивы указывают на то: что эти орнаменты входят в круг узоров IV типа.

Орнаментированными выглядят еще два сосуда. В отличие от традиционных узоров, они украшены желобками, различающимися по ширине и глубине. Желобки первого сосуда несколькими рядами перехватывают вытянутую горловину сосуда. На втором сосуде относительно широкие и глубокие желобки, также несколькими горизонтальными рядами рас-

положены на плечиках и под венчиком сосуда, которые считаются уникальными.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что они могли появиться у скотоводов Дашти - Казы под влиянием керамики земледельческих культур. У скотоводов Кайрак - Кума и низовья Зарафшана они практически не встречаются. Таким образом, подводя итоги интерпретации керамики могильника Дашти - Казы отметим, что эта керамика, несомненно, представляет среднеазиатский тип керамики андроновской культуры.

Форма сосудов с орнаментом и без орнамента находит себе широкие аналоги среди керамики памятников позднеалакульского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана и Южного Зауралья. аналогичные формы керамики и типы орнаментов можно встретить и в зоне обитания носителей Тазабагыябской культуры северо - западных районов Средней Азии (Итина, 1981, рис.4.6; 10,6). Керамика Дашти - Казы находит себе аналогии среди керамики Кайрак- Кумской культуры (Литвинский, Окладников, Ранов,) и в могильнике Муми набад (Аскарлов, 1969, рис.2.1).

Предметы украшения. Эта категория находок по количеству немного превосходит керамику. Кротно охарактеризуем их разновидность. Прежде чем охарактеризовать предметы украшения, напомним, что ни в одном из 15 погребений, где были найдены бронзовые и пастовые предметы, не найдено орудий труда и быта. Все находки, кроме керамики, являются предметами украшения (рис.49). Этот случай выделяет исследование могильника, как локальный вариант культуры. В этой связи возникает вопрос: в чем причина полного отсутствия орудий и предметов быта в погребениях? Возможно, отсутствие производительных и бытовых предметов связано с отсутствием ремесленного производства и существованием дефицита на эти товары. Однако эта версия не имеет веского основания. Поэтому конкретные выводы можно будет сделать только по результатам раскопок поселения жителей этого могильника, а его мы еще не обнаружили.

Сейчас мы имеем значительное количество украшений 13-ти разновидностей. По материалам они делятся на бронзовые, пастовые и золотые; украшения из бронзы встречаются средние и крупные: бусы, бисер, кольца и серьги с раструбом, височные серьги, браслеты и зеркала, гривны.

Пастовые бусы представлены четырьмя типами: дисковидные трубочки с валиками и бисер. Золотые украшения представлены серьгами с раструбом.

Украшения из бронзы. Бисер. Этот тип находок самый распространенный и многочисленный. В 10-ти погребениях (погр. 1-3, 5-3, 15, 21-1, 25) найдено более 1000 экз. бисера, представленного пятью видами. Наиболее распространенными являются бусины шаровидной и ребристой формы. Наибольшее количество бисерин было найдено в погребениях 3 (228 штук), 5 (140), 6, 7, 8 (71, 71 и 31), 15 (209), 25-1 (300) и 26 (26). В основном эти бусины найдены в области шеи, под лопатками и грудной клеткой, а в некоторых случаях в районе берцовых костей. По месту их нахождения можно предположить, что ими были украшены волосы, головной убор, часть одежды и обувь. Это свидетельствует том, что усопших хранили в одежде.

Крупные бусы. Они встречены в 12 погребениях (погр. 1-9, 15, 21, 25-1), но в количественном отношении они уступают бисеру. Тем не менее, мы располагаем 285 бусинами этого типа. Основное количество этих бус было найдено в погребениях 2 (33 штуки), 3 (49), 7 (23), 9 (91) и 15 (46). Судя по тому, что подавляющее их большинство лежало в районе берцовых костей усопших, где также был обнаружен след от следов кожи, то по всей видимости эти крупные бусы являлись застежками обуви. В погребении эти бусы в виде колец окружают берцовые кости скелета, ближе к ступням. Это указывает на то, что в ряде случаев ими расшивали шароваров.

Бисер и крупные бусы встречаются в памятниках андроновской культуры Зарафшанской долины Гуджайли (Тулямов, Исламов, Аскарлов. 1966, табл XIII, 2, 7), Муминабаде (Аскарлов, 1969, рис. 2, 11 и 12), бассейне Сырдарьи, пос. Ходжа - Ягона и пос. 12, 16, 54 на Кайрак-Кумах (Литвинский,

Окладников, Ранов, 1982, с.224, табл IX). аналогичный интерес представляют бусы из Ваудильного могильника. Они изготовлены из толстой проволоки треугольного сечения. В результате чего по центру наружной стороны образовалось перехватывающее бусину ребро (Гамбург, Горбунов, 1956, с.90, рис.40,1). Этот тип бисерин мы квалифицируем как чечеви́дный. Некоторые виды среднеазиатских бус имеют аналогию с бронзовыми бусинами из могильника Балкыдык 1, в районе Тальды - нури карагандинской области (Шаргулен, Акишев, Кадрбаев, Оразбаев, 1966, табл.1). Но ни в одном из вышеуказанных памятников ни бисер, ни крупные бусы не были найдены в столь большом количестве и разнообразии.

Кольцо. К настоящему моменту мы нашли 10 отличающихся по форме колец. Они происходят из погребений 3,6,8 по одной штуке, из погребений 21,25-1 по две штуки, из погребения 9 - 3 штуки. Среди Кайрак - Кумского комплекса одно бронзовое кольцо было найдено в могильнике Ходжи - Ягона (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55,1, с.227). Кольцо из Ваудильского могильника имеет несомкнутые заостренные концы (Гамбург, Горбунова, 1956, с.90, рис. 49,2).

Серьги с раструбом. В 5-ти погребениях Дашти - Казы было найдено 6 серег. В погребении 3 (в могиле богатой женщины) было обнаружено 2 серьги, представляющие одну пару, изготовленные из тонкого пластичного листа золота. Они довольно крупного размера, с так называемым замочком. Тонкие проволочные концы крючкообразные, они вставлялись в отверстия, расположенные в углу спиралевидного конуса. По определению Н.А.Аванесовой, золотые серьги из могильника Дашти - Казы с петлевидной дожкой относятся к типу А 2 (Аванесова. 1991, с.52). аналогичные серьги встречаются на Теш- Тюбе II, Тош - Башот (Кожемяко, 1960, с.89, р.9-2), Тегермен - сай (Абетеков, 1963, с.94, р.36-1), Дахана (Литвинский и др., 1962,с.162), в Муминабаде (Лев Д.Н., 1966,с.103, р.38), Тандыр - куле (Виноградова, Пьянкова, 1978, с.554-556; Пьянкова. 1981, вып.4, с.33-34), Кокче 3 (Итина, 1961, МХЭ, вып. 5, с.78, рис.25,с.87, рис.28).

Остальные 4 экземпляра серег бронзовые. В большинстве случаев они встречались в сильно поврежденном или поломанном виде. Сохранившиеся серьги с раструбом относятся по классификации Н.А.Аванесовой к типу А¹. Они имеют дисковидные спирали в конце, без замка (Аванесова, 1991, с.51). Любопытен тот факт, что эти два типа серег из памятников Среднеазиатского междуречья встречаются только в могильниках Муминабада (Аскарлов, 1979, рис.2) и в Дашти - Казы. Отсутствие их в других памятниках низовья Зарафшана и бассейна Сырдарьи, жителей которых мы считаем соплеменниками даштиказынцев, требует глубокого научного анализа.

Височные серьги. Их всего 3 экземпляра. Найдены в двух погребениях: в 3-м погребении -2, в погребении 15-1. В отличие от серег с раструбом, эти бронзовые серьги простые. Найдено 3 типа. Первый - кольцеобразный, с раздавленным кольцом и закрученным в полтора оборота. Они были изготовлены из тонкой плоской и треугольной в сечении полоски бронзы. Отметим, что плохая сохранность и хрупкость изделий затрудняет точное их определение. Височные серьги по форме близки к серьгам типа В₂ восьмеркообразных подвесок андровской культуры (Аванесова, 1991). Аналогичный вариант характерен для скотоводческих памятников Зарафшанской долины, Гуджайли (Гулямов и др., 1966, с. 187-208, р.47-2), Кызыл - Кыра (Аскарлов, 1962, р.2,4), Сиабского погребения (Аванесова, 1982, р.47-1).

Вторая височная серьга по форме крючкообразная и относится к уникальному типу находок из этой категории.

Восьмеркообразные височные серьги были найдены в могильниках Гардуш (Кузьмина, 1966, табл.ХУ: 13-15), Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл.ХУ, 17-20), Кызыл - Кыр (Гулямов, 1966, Аскарлов, 1962), что говорит об их распространенности в Средней Азии - от низовья Арала до Зарафшанской долины.

Зеркала найдены в 4-х экз., в погребениях 3,8,25-1. В последнем погребении при одном погребенном оказалось 2 зеркала. Диаметр они от 4 до 5 см., представляют собой

диск с ровными и слегка выпуклым плоскостями и петелькой на обратной стороне.

Два зеркала круглой формы, по размеру больше даштиказанских (8см), были найдены в могильнике Замонбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.159). Кроме размера, последние отличаются от наших и отсутствием петель. Даштиказынские зеркала имеют прямую аналогию с зеркалом Муминабадского могильника (Аскарлов, 1969, рис.2,7).

Малочисленность в Среднеазиатском регионе и разнообразие и многочисленность в Западной Сибири памятников Андроновской эпохи (Косарев, 1987, рис.107,7,6,15,17) указывает на исходный пласт этой категории находок.

Браслеты. Найдено 26 экз., которые можно разделить на три типа.

1 тип. Широкие браслеты с заходящим и кольцами и ребром по середине, а также треугольного сечения (22 экз.). Эти браслеты найдены в погребениях 1 (3 экз.), 3 (8), 5 (4), 8 (1), 15 (6). Количественное соотношение указывает на их традиционность в погребениях Муминабада (Аскарлов, 1969, рис.2.11-12). Браслеты, схожие с нашими, были найдены и в других памятниках региона, больше всего в могильнике Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл. ХУІ,31,41-44,46,49-52,54-56). Но на кокчинских браслетах отсутствуют наружные ребра.

За пределами Среднеазиатского региона этот тип браслета встречался в памятниках Борисоглебское 2, Поздняковской культуры лесной полосы Западной Сибири (Бедер, Попова, 1987, с.134, рис.66, 11-12). Первый тип браслета Дашти - Казы классифицируется как тип Аз по Н.В.Аванесовой. Они появились в алакульское время и до эпохи поздней бронзы (Аванесова, 1979, с.18).

II тип. Широкие браслеты с ребром наружу и желобком изнутри, несомкнутыми концами (93 экз.), были найдены в погребениях 19 (1) и 21 (2 штуки). Такие же браслеты найдены на могильнике Хаджа - Ягона Кайрак - Кумской культуры (92 экз.) (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55,6,6). Отсутствие этого типа в классификации Н.А.Аванесовой, которая была составлена по 21 экз. браслетов, свиде-

тов, свидетельствует о редкости этого типа. Браслеты второго типа Н.О.Бадер и Т.Б.Попова характеризуют как типично поздняяковские (Бадер, Попова, 1967, с.134).

III тип. Круглый в сечении браслет из бронзовой проволоки, толщиной в 3-4 мм, с несомкнутыми концами. Он был обнаружен в поломанном виде, и поэтому судить о его окончательной форме трудно. Тем не менее, этот браслет находит некоторые аналогии среди браслетов земледельческой культуры Южного Туркменистана, Карадепе, Ашхабада, Учиндепе (Кузьмина, 1966, табл. XIV, 61, 63, 66, 69). Этот тип браслетов в виду его редкости пока не классифицирован.

Гривна в единственном экземпляре найдена в богатом погребении 15. Это уникальное украшение находит аналогии среди находок степной культуры среднеазиатского региона. Она изготовлена литым способом. Несомкнутые закругленные концы имеют сквозные отверстия. Наличие гривны говорит об особым социальном статусе погребенного.

Наличие этой находки убедительно свидетельствует о том, что племена, поселившиеся в верховьях Зарафшана, ближе к металлургическим рудникам, наряду со скотоводством, занимались и обработкой металлов.

Украшения из пасты малочислены, встречены всего в пяти погребениях (погр. 2, 15, 19, 24, 25-1). Они 5-ти форм: 1) бисерины округлой формы, размером не больше чечевицы. В количестве 50 штук были найдены в погребении 2; 2) трубчатые бусы с валиком, 13 таких бус с тремя и четырьмя валиками были найдены в погребениях 2 (95 шт.), 19 (2), 24 (4), 25-1 (2); 3) таблетковидные бусины со сквозным отверстием по центру и по плоскости диска встречены лишь в двух погребениях. В погребении 2 их было 3, в погребении 24-2 штуки; 4) квадратная трехрядная бусина с тремя отверстиями по каждому ряду. Эта бусина в единственном экземпляре была найдена в могильнике в погребении 15; 5) две квадратные подвески, украшавшие волосы. Они сделаны из массы белого цвета со сквозным отверстием. Эти украшения встречены только в одном погребении (погр. 24).

Представленные украшения из пасты, из - за отсутствия прямых аналогий, относятся к категории уникальных находок в Среднеазиатском регионе. Правда, из этих украшений лишь таблетковидные бусы встречались в могильнике поселения Замонбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл.УШ, 5, ХХ,11). По утверждению специалистов, дисковидные цилиндрические бусы изготовлялись только из каолина или искусственного бусы не имеют спиралевидных кружочков, как бусы из Дашти - Казы. Нам кажется, наши бусы изготовлены из тонкой костяной пластинки.

Анализируя археологический комплекс могильника по погребальным обрядам, керамике, предметам украшения, мы получили необходимые факты дающие основание для датировки памятника. Близость, а в некоторых случаях однотипность форм керамики и предметов украшения в целом, их орнаменты, сходные с орнаментами исследованных памятников скотоводческой культуры Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак - Танга, Кайрак - Кум) указывают на то, что археологический комплекс могильники Дашти - Казы находит прямые аналоги с археологическими комплексами памятников скотоводческой культуры южных областей Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак - Танга, Кайрак - Кум), низовья Арала (Кокча 3) и даже степей Казахстана. Все памятники упомянутых регионов исследованы полностью во всех аспектах. По археологическим фактам установлены их хронология и происхождение. Исследователи этих памятников Б.А.Литвинский, В.А.Ранов, Д.Н.Лев, Я.Г.Гулямов, А.А.Аскарлов, У.И.Исламов, С.П.Толстов, М.А.Итина по вопросам датированы в пределах II тыс. до н.э. Этот период мы разделяем на три этапа: ранний, средний и поздний. Некоторые исследователи выделяют здесь два этапа. Так, памятники скотоводов С.П. Толстов и М.А.Итина относят соответственно к андроновскому или тазабагыбскому периоду культуры, что вполне соответствует трем указанным нами периодам. По характеристике исследователей Приаралья, формирование тазабагыбской культуры происходило в середине II тыс. до н.э. (второй период), продвижение носителей этой культуры в

культуры в южные районы Средней Азии началось во второй половине II тыс. до н.э. .

Исследователи Кайрак - Кума и грота Ак- Танга Б.А.Литвинский и В.А.Ранов датируют эти памятники серединой II - началом I тыс. до н.э. (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.282), что соответствует тазабагьябскому периоду.

Исходя из вышепересичленных аналогий по погребельным обрядам, керамике, предметам украшения, мы относим могильник Дашти - Казы к кругу памятников степной бронзы и датируем его периодом позднего этапа XIY - XII до н.э. (Исаков, Потемкина, 1988, с.514, 1989, с.164).

§ 4. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ УКЛАД И КУЛЬТОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Археологический комплекс могильника Дашти - Казы является определяющим фактором степени развития хозяйства, общественного уклада и культовых воззрений людей, населяющих эту территорию. Однако, отсутствие поселения на этом памятнике затрудняет исследование вышеуказанных аспектов.

Поиски поселения в годы исследований могильника (1983-1991 гг.) были безрезультатными. Если оно было расположено как у скотоводов - степняков низовья Зарафшана (Гуджайли, Мозандарьи, Малый и Большой Тузкан) близости рек и озер, то даштиказанцы могли поселиться на правом берегу р. Зарафшан, на равнинной части массива Дашти - Казы. В свою очередь, эта равнина тысячелетиями представляет собой посевные поля обитателей этой местности. Здесь использовались современная землеройная техника, бугры и холмики были сnivelированы, в течение последних 50 лет. Здесь сеяли зерно, выращивали другие культуры. Поэтому о наличии поселения на берегу Зарафшана говорить не приходится. Вместе с тем отметим, что по рассказам местных жителей, на высоте более 300 м от могильника, на одной из террас Туркестанского хребта, находится около 3 га площади со следами каменного - то застроек. К сожалению, они пока нами не исследованы.

Таким образом, для определения хозяйственной и производственной культуры людей, здесь обитавших, мы располагаем довольно незначительными фактами.

Тем не менее, анализируя вопросы хозяйственной деятельности скотоводов низовья Зарафшана эпохи поздней бронзы мы видим, что здесь существовало полукочное являющееся хозяйство, по утверждению исследователей, пришедшее на смену "пастушескому" (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. с.228).

плоскодонный горшок со слегка выпуклым туловом без каких - либо орнаментов. В 1983 г исследователям верховья Зарафшана повезло. Был обнаружен могильник Дашти Казы. Этот археологический комплекс был определен как памятник культуры степной бронзы XIII- XI вв. до н.э. (Исаков, Потемкина, 1989, с. 145- 149).

Осенью 1986 г. в 800 м от западной окраины г. Пенджикента, на левом берегу р. Зарафшана при строительстве городского очистного сооружения было обнаружено погребение с одиночным захоронением. Оно было исследовано сотрудниками Пенджикентской археологической базы Р.Р. Раззоковым. полноценный археологический комплекс дал возможность исследователям определить и отнести их к земледельческо- скотоводческой культуре середины II тыс. до н. э. Более подробно на этом памятнике остановимся в следующей главе. Последняя из исследованных находок была доставлена жителем кишлака Бадак заведующему Пенджикентской археологической базы А.И. Исакову в 1977г. Она представляла из себя кельт с двумя петлевидными ушками по обе стороны верхней части втулки. Он был найден при устройстве подвала под жилой дом на глубине 1,5-1,6м. Однако осмотр места находки А.И. Исаковым не дал ожидаемого результата.

Изучение археологических памятников эпохи бронзы верховья Зарафшана в дальнейшем будет продолжено. И мы надеемся, что после широкой разведки исследуемого региона нам удастся выявить памятники эпохи бронзы, характерные для земледельческого - скотоводческой культуры II тыс. до н.э.

Упомянутые стоянки и могильники всех этапов каменного века, от палеолита до неолита, энеолитическое поселение Саразм и археологические памятники последующих этапов эпохи бронзы позволяют сделать нам вывод, что долина р.Зарафшана является одним из древнейших очагов земледельческогo - скотоводческой культуры, той культуры, которая сыграла не последнюю роль в первобытной истории народов Средней Азии.

В Кайрак - Кумских памятниках явно определяется многоотраслевое направление. Племена занимались скотоводством, земледелием, металлургией. Из существующих промыслов исследователи отмечают наличие прядения и ткачества (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.262-276). Кроме этого, в Кайрак - Куме высокого уровня достигли обработка камней и металлургия, о чем свидетельствуют находки каменных литейных форм и предметов украшения.

Однако по количеству бронзовых украшений Кайрак-кумцы явно отстают от племен верховья Зарафшана. Правда, в могильнике Дашти - Казы не найдено ни одного предмета труда и оружия, которые могли бы охарактеризовать производственный аспект исследуемых племен. В нашем распоряжении имеются керамика и предметы украшения. Последние по количеству, разнообразию и даже по качеству превосходят аналогичные находки, сделанные в Кайрак - Кумах и на памятниках низовья Зарафшана.

Наряду с ними следует отметить также две случайные находки в верховье Зарафшана. первая находка - это бронзовый сосуд с тремя ножками, вытянутым длинным носиком и пелевидной ручкой. Этот сосуд был найден в кишлаке Айнинском районе в 1966г. (рис.50). Он был исследован В.Г. Луконым и датирован IX в до н.э. (Луконин, 1977, с.40). Вторая находка - это кельт. Он был найден в кишлаке Бедак, в 15 км к юго - востоку от городища Древнего Пенджикента (рис.51). Кельт втульчатый, прямоугольной формы, с двумя петлевидными ушками для крепления и острым тешеобразным лезвием. Длина кельта 9 см. Среди найденных на территории Средней Азии кельтов- аналогичных нет. Лишь один из двух кельтов, найденных в Ташкентском оазисе, по предположению Е.Е.Кузьминой, имеет некоторое сходство с нашим (Кузьмина, 1966, табл.IV.10). Таким образом, имеющиеся факты указывают на то, что в основе хозяйства племен верховья Зарафшана лежало яйлочное хозяйство. Племена занимались скотоводством, добычей руды и обработкой металла. Наличие золотой серьги свидетельствует о том, что даштиказынцы добывали золото из песчаных карьеров р. Зарафшан.

Эти два вида хозяйственной деятельности вполне могли обеспечить не только потребности верхнезарафшанских общин, но и благодаря им общины имели средства обмена. Наличие значительного количества бронзовых изделий в погребениях Дашти - Казы являются свидетельством того, что племена со скотоводческим укладом не были кочевниками, а вели оседлый образ жизни. Веским основанием для сказанного являются металлические изделия, требующие для своего изготовления сложной организации труда по добыче, транспортировке и обработке металосных руд и металла.

О развитии земледелия в хозяйстве даштиказынцев мы имеем минимальные факты. Зернотерки и 3 терочника, встреченные в погребении 12, являются лишь намеком на этот вид хозяйства. В комплексе полностью отсутствуют предметы земледельческой культуры. Поэтому, в настоящий момент, нам остается пока признать, что даштиказынцы занимались скотоводством и металлургией, присущей степной культуре. Говоря об этом, мы сохраняем за собой право корректировки этого заключения, так как мы еще не располагаем данными о поселении, где жили носители этой культуры. Без наличия керамических и металлоплавильных мастерских и состава костей животных, невозможно охарактеризовать производственные моменты исследуемых племен. Поэтому надеемся, что аспекты производства будут уточнены по выявлению поселения. Поскольку неизвестно, найдем ли мы поселения даштиказынцев, предварительно, в порядке гипотезы укажем на то, что продукты земледелия они могли получать от своих близких соседей, не входя за пределы верховья Зарафшана. Поэтому в экономике скотоводов Дашти - Казы обмен и торговля продуктами скотоводства (мясом, шерстью, кожей) и металлическими украшениями, могли играть не последнюю роль.

Общественный уклад и социальный уровень даштиказынцев определяется по фактам погребений. Как известно, в могильнике найдены три богатых погребения (погр. 3, 15, 26-1). В погребении 3, наряду с 7 видами находок, найдена пара золотых серег. В погребении 15 встречены также 7 видов

украшений, среди которых единственная в могильнике гривна, а в погребении 25-1 с пятью видами бронзовых украшений найдено 2 зеркала с петельками. Эти и другие многочисленные предметы украшений являются фактами, определяющими общественное положение усопших в богатых погребениях, тогда как во многих других погребениях члены общества были захоронены с одним сосудом или с незначительным количеством вещей.

Относительно процессов социального расслоения общества скотоводов отметим, что в пору эпохи бронзы, когда земледельческая культура находилась на примитивном мотыжном уровне, скотоводство считалось наиболее рентабельным типом хозяйства. По мнению Е.Е. Кузьминой "скотоводство создавало условия для распада первобытно-общинных отношений, развития обменовой торговли и привело к накоплению у отдельных семей скота и сокровищ" (Кузьмина, 1966, с.98).

Анализируя скотоводческие общины эпохи поздней бронзы, по материалам памятников низовья Зарафшана, А.А. Аскарлов заключает, что "они находились в конце переходного этапа от матриархата к патриархату" (Аскарлов, 1962, с.13). По И.Н.Хлопину этот процесс у племен земледельческой культуры Южного Туркменистана происходил во второй половине II тыс. до н.э. Исследователь отмечает, что "коллективные погребения южной земледельческой зоны Средней Азии надо рассматривать как свидетельство перехода общества к патриархальным отношениям" (Хлопин, 1984, с.16).

Представленные характеристики и полученные материалы даштиказынского могильника дают нам основание говорить о том, что в финальном этапе эпохи бронзы общины верховья Зарафшана находились в стадии переходного периода - от матриархата к патриархату. Положение женщин в обществе еще было высоким. О чем и свидетельствуют их богатые погребения с огромным количеством инвентаря.

Следующий вопрос - это характер культовых воззрений. В этом плане интерес представляют встреченные факти-

чески во всех погребениях и ритуальных ямах или кенотафях, кострища, думается, что костры, как элементы культа огня, выполняли роль очищения тела погибших от злых духов. Поэтому, после совершения погребельного процесса, частичной засыпки землей тела усопшего, над ним зажигался костер, который в свою очередь засыпался красной охрой. Причем охра встречалась не только в кострищах, но и на полу могильных ям под погребенными. Это явление скорее всего следует рассматривать как символ кровавого жертвоприношения. Подобное встречается в погребениях и культовых застройках ранних земледельцев. Традиция возжигания огня в небольших ямах у даштиказынцев имеет аналогию в погребальных сооружениях Восточного Приаралья (Толстой и др. 1963, с.39-510, (Вишневская, Итина, 1971, с.198), Рапопорт, 1971, с.54) и в могилах Вахшской культуры в Тигровой балке (Пьянкова, 1989, с.119 - 120) и в раннем Тулхаре (Мендельштам, 1968, с.125).

Историк Б.Г.Гафуров, изучая идеологию Заратушты, отметим, что "огонь рассматривается как выражение или символ божественной справедливости, арты (правды). Культовые храмы огня позже стали одной из основных характерных особенностей зароастризма" (Гафуров, 1972, с.62).

Более интересным фактом является то, что даштиказынцы верили в существование загробной жизни. Погребение в одежде со всеми принадлежащими покойному вещами и даже с трапезой определяли статус усопшего в новом загробном мире.

Большой интерес представляют ориентировки могильных ям и голов погребенных. Как было отмечено, те и другие в основном имеют северную ориентировку с уклоном на северо - запад или северо - восток. Аналогичные явления были зафиксированы в могильнике Заманбаба, где в обеих секторах могильные ямы ориентированы по линии север - юг. с северо - востока на юго - запад (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с.123). Три камеры джаханинского могильника также имеют северную ориентировку могильных ям и скеле-

тов, что, на наш взгляд, является указателем направления природы предков.

§ 5. ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

Вопросы происхождения и взаимосвязи скотоводческой культуры Средней Азии были разработаны еще в 50-60 годы нашего столетия. Открытие очагов так называемой степной культуры в эти годы в Маргиане, низовье Зарафшана и Фергане исследователями этих оазисов было воспринято с большим интересом.

Изучение археологических памятников указанных оазисов показало, что равнинные просторы Средней Азии во II тыс. до н.э. были заселены скотоводческими, пастушескими племенами; прародители которых ранее обитали далеко от Средней Азии - в низовьях Урала и в степях Казахстана. Для Средней Азии наиболее близкими регионами культуры степной бронзы были: на северо - западе - Аральское побережье; а на северо - востоке - Казахстане просторы.

Более ранние этапы культуры степной бронзы были обнаружены в низовьях Зарафшана, на поселении Заманбаба. По утверждению исследователей, "этот регион до сложения заманбабинской культуры был заселен неолитическими племенами кельтинарского типа" (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.167). Здесь в 50-е годы были открыты неолитические стоянки, где были обнаружены археологические комплексы кельтиминарской культуры (Исламов, 1963, с.31). По этим фактам исследователи, касаясь вопроса сложения культуры, сделали вывод, что обитатели являются пришельцами иноплеменной группы древнеземледельческого юга или северной ямнокатамкобной афанос вской культуры (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 167).

В заключении: характеризуя заманбабинскую культуру, они пишут, что "открыты группы памятников, материалы которых не только указывают на генетическую связь между племенами культур кельтиминарскую неолита и заманбабинской бронзы, но и выступают как новый археологический

ческий этап в развитии культуры древних племен в степной зоне Средней Азии" (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.167-168).

В плане сложения кельминарского типа культуры на территории Средней Азии и, в частности, в Зарафшанской долине, определенное значение имеет поселение Саразм и найденная здесь керамика кельтиминарского типа, датированная второй половиной III тыс. до н.э. (Исаков, Лзоне, 1988, с.31). Обнаруженные на третьем горизонте этого поселения отсродонный цилиндрический сосуд со штампованным орнаментом, полусферический котел также с отсрым дном и фрагмент венчика другого котла имеют прямые аналоги с керамикой из Кават 7 неолитического кельтиминара (Виноградов, 1968, табл. 72-74, с.14-141). По этим новым фактам мы можем заключить, что взаимосвязи племен степной бронзы севера с земледельцами южных областей Средней Азии были установлены до появления заманбабинской культуры. Поэтому уместно признать, что исходным центром исследуемой культуры, несомненно, являются зоны, расположенные на северных широтах Средней Азии. Появление носителей в Зарафшанской долине является результатом культурной и торгово-экономической связи. Это можно видеть на примере формирования позднеэнеолитической культуры Саразма, для которой исходным центром является культура расписной керамики Геоксюрского оазиса Южного Туркменистана.

Так что, рассматривая становление культуры Заманбабы, не видим веских обоснований и заключений исследователей отметивших, что заманбабинцы определенных групп племен степного типа являются потомками местных неолитических племен (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.169).

Наиболее со II тыс. до н.э., племена культуры степной бронзы на территории Средней Азии встречаются почти повсеместно. Они полностью занимают степные и части равнинных районов, экологически пригодные для пастушеского скотоводства. В первую очередь к этим районам относятся Маргана, Ферганская долина. Характерной чертой этих племен

был тазабагьябский вариант андроновской культуры, формировавшийся в низовьях ареала.

Как было указано, в середине 50-х годов в пустынях кайрак - Кума были открыты остатки поселений культуры степной бронзы. Археологический комплекс этих поселений и погребений входит в ареал андроновской культуры.

Что касается вопроса происхождения культуры степной бронзы Кайрак - Кума, то исследователь этого памятника Б.А.Литвинский считает, что "наряду с тазабагьябской в Средней Азии существовала другая культура бронзового века" (Литвинский, 1959, с.196). Он же предлагает назвать ее Кайрак - Кумской. Определяя зону распространения Кайрак - Кумской культуры, исследователи отмечают, что "достаточно уверенно можно говорить о наличии, наряду с тазабагьябской (территории Хорезма) и прилегающие районы особой Кайрак - Кумской культуры (Ташкстские, Ленинабадские области и районы Узбекской и Киргизской части Ферганской долины и, возможно, в Южном Таджикистане и Узбекистане) (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.288). Таким образом, по их же мнению, "племена кайрак - Кумской культуры занимали всю восточную половину Средней Азии" (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.288).

Вопросы происхождения культуры скотоводов из территории Средней Азии были рассмотрены и В.М.Массоном. В частности, он сопоставляет мнение Б.А.Литвинского о том, что Кайрак - Кумская культура является самостоятельной культурой, сформировавшейся на местной неолитической и раннебронзовой основе. В.М.Массон пишет: "Несомненно, что в дальнейшем на территории Средней Азии удастся выделить ряд локальных вариантов культур степных племен. Сейчас более явно вырисовывается лишь группа племен, живших в Хорезме, где оставленная ими культура была названа С.П.Толстовым Тазабагьябской. Менее ясны конкретные особенности Ферганской группы, и выделение ее в особую Кайрак - Кумскую культуру, возможно, является преждевременным" (Массон. 1959, с.118).

Как бы там ни было, появление в науке могильника Дашти - Казы с превосходным металлическим и керамическим археологическим комплексом имеет принципиальное значение для общей характеристики степной культуры юга. Отдельные типы украшений (гривна) не имеют аналогии среди находок памятников Средней Азии.

Не меньший интерес представляет местность памятника. Это пока на территории Средней Азии единственный памятник скотоводческой культуры, обнаруженный в горных районах. Поэтому применение к даштиказынскому могильнику термина "степная культура" является относительным.

Теперь в свете открытий ряда памятников в горных и долинных районах Средней Азии, особенно на юге Таджикистана, в Гиссарской долине, в Зар Камаре. Тандыр - юле, Кара - капчаке, в Хатлонской области в Тегузаке (Пьянкова, 1981, с.89-93), в Кангурт - туте (Виноградова. 1987 б, с.126-137, 1988, с.513) и в карим - Берды мы можем говорить о более широком ареале типа культуры степной бронзы.

В этом аспекте считаем необходимым остановиться на вопросах происхождения среднеазиатских вариантов андроновской культуры. Для решения этого немаловажного исторического фактора обратимся к этапам распространения Андроновско - тазабагыябской культуры в южные регионы Средней Азии. Наши исследования показали, что процессы формирования скотоводческой культуры на территории Средней Азии делятся на три этапа. первый связан с миграциями неолитических кельтиминарцев в первой половине III тыс. до н.э. Второй этап начался с продвижением групп андроновского типа из Хоразма и южных степей Казахстана в Ферганскую долину, начиная со второй четверти II тыс. до н.э. При этом хоразмские группы обосновываются в низовьях Зарафшана, а южно - казахстанские - в Кайрак - Куме и прилежащих к нему районах. Видимо, именно этими обстоятельствами объясняется однотипность Кайрак - Кумской культуры., объединяющей в себе культуру степной бронзы от Ташкентского оазиса до восточных границ Ферганской долины.

На фоне этих фактов интерес представляет появление на обширной территории Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. тазабагыябского типа культуры степной бронзы. По мнению С.Н.Толстого, носителями этой культуры являются тазабагыябцы Приаралья, проникшие на территорию Средней Азии. Этот процесс он же связывает с первой значительной волной проникновения индоарийских племен в Хоразм с северо - запада в середине II тыс. до н.э. (Толстов, 1957, с.42).

Ссылаясь на однородность типа андроновской культуры, отмеченную во всех памятниках Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э., Гулямов, Исламов, Аскараров пишут, что "перед нами еще один вариант (среднеазиатский - С.Б.) памятников андроновской культуры" и предлагают называть тазабагыябскими племенами срубной культуры степного Поволжья" (Гулямов, Исламов, Аскараров, 1966, с.219).

Факты дальнейшего развития тазабагыябской культуры на территории Средней Азии неоспоримы, так как эта культура в пору поздней бронзы, особенно в XIII - X вв. до н.э., небольшими группами встречается во всех областях этого региона. Могильники этой культуры были обнаружены преимущественно в пустынях и равнинных оазисах, экологическая среда которых соответствовала пастушескому образцу скотоводства, охоте и рыболовству. Однако, как видно из открытий последних лет, эти племена проникли и в глубь горных районов. Некоторые племена этой культуры добрались до верховья Зарафшана и даже до Памира и Бадахшана. Поэтому могильник верховья Зарафшана, ряд погребений Гиссарской, Вахшской долин и высокогорного Памира заставляют нас пересмотреть некоторые выводы касательно распространения культуры степной бронзы в южных областях Средней Азии.

Исходя из вышеуказанного, мы считаем, что все это связано с внутриобщинным расколом, происходившим социально - экономическим расслоением общества. Причиной раскола, видимо, являются демографические и экологические факторы, связанные с увлечением численности людей и ско-

Не говоря о древнеземледельческой культуре, которая характерна и для более ранних этапов общечеловеческой культуры, мы не должны игнорировать роль скотоводческой культуры, которая была распространена в последующий период развития цивилизации.

Вышеуказанные артефакты говорят о том, что период развития общественных, социальных, культовых воззрений населения Зарафшанской долины, т.е. весь исторический процесс развития этого региона, начиная со второй половины II тыс. до н.э., связан с прищельцами, с носителями так называемой культуры "степной бронзы".

Исследуемый период истории долины Зарафшан характерен двумя типами культуры: автохотный земледельческой и пришлой, скотоводческой. Исходя из этих расчленений культур и их роли в судьбах первобытных общин Зарафшанской долины в последующих главах работы характеризуются по отдельности.

та. Эти факторы вынудили "непримеримые", большесемейные общины отколоться от племен и поселиться на новых местах. Этот факт мы считаем началом третьего этапа миграции скотоводов в горные районы южных областей Средней Азии.

Правда, каким именно племенам принадлежит даштиказынский могильник, мы сказать затрудняемся. Археологический комплекс могильника Дашти - Казы, как было сказано, находит аналогии как среди находок тазабагыябской культуры низовья Зарафшана, так и в комплексах Кайрак - Кума и Ак - Танга. Приоритет последних состоит в том, что на Кайрак - Куме металлообрабатывающее производство было поставлено на ремесленную основу, которой не было у племен низовья Зарафшана. Единичные металлические находки из могильника Лавлякана и могильника Гуджайли не дают оснований говорить о наличии здесь высокого уровня развития металлообрабатывающего производства. Поэтому мы считаем, что Даштиказынцы являются частью общины, отделившейся от Кайрак - кумских племен. Пути продвижения Кайрак - Кумских племен на юг подтверждают находки грота Ак - Танги, расположенного в 50 км к северо-востоку от могильника Дашти - Казы.

Считаем необходимым обратиться еще к некоторым фактам. Как было упомянуто, кроме могильника Дашти - Казы, в верховьях Зарафшана найдены единичные погребения у селения Чорбог и в окрестностях Пенджикента. Внушительным памятником этого региона является Муминабадский могильник. Исследователи определили археологические находки этих памятников как среднеазиатский вариант андроновской культуры. К упомянутому следует добавить и находки кельта из кишлака Бедак, расположенного между Пенджикентом и Чорбогом. Находки указывают на то, что верховья Зарафшана в XIII - XI вв до н.э. были заселены племенами, входящие в круг культуры степной бронзы.

В связи с этим, интерес приобретает следующий вопрос: Каково взаимоотношение племен верховья Зарафшана с племенами более южных областей Средней Азии. Исследова-

тели степной культуры южных областей Таджикистана (Пьянкова, 1974, с.78; Литвинский, Соловьев, 1970, с.41-47) отмечают, что земледельцы Южного Таджикистана появились в результате переселения племен из южных областей Узбекистана (Виноградова, 1987, с.76). Отметим, что если исключить единичные находки (литвейная форма Кунгурт-туте, серьги с раструбом из погребения Тандыр - юла, кельт на поселении Карим - Берды и керамика Зар Камара), то эти поселения и могильники можно отнести к земледельческой культуре. В этом плане основная масса керамики: вазы, чайники, конусовидные сосуды и наряду с ними другие виды материальной культуры больше характерны для земледельческой культуры, нежели для степной. Поэтому обменность культур последней фазы бронзы является неоспоримым фактом, позволяющим говорить о том, что между скотоводами и земледельцами Средней Азии никаких непроходимых стен не существовало.

Таким образом, вопросы о взаимоотношении племен, носителей культуры степной бронзы, между собой, с одной стороны, и земледельцами, с другой, в конце бронзового века (XIV - X вв. до н.э.) имеют принципиальное значение. Эти контакты во многом способствовали дальнейшему развитию общечеловеческой цивилизации при переходе от первобытной классовой экономической и общественной формации.

ГЛАВА IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО - СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В историческом субстрате племен и народов Центральной Азии взаимодействие земледельческо - скотоводческих культур было и остается одним из спорных вопросов древней истории этого региона. Спорность этого глобального вопроса заключается в том, что носители этих культур, начиная с раннего этапа развития человеческой общины жили в двух, четко разделенных регионах: земледельцы к югу от Сырдарьи до берегов Индийского океана, а скотоводцы - к северу от Сырдарьи до Урала. Последним также принадлежали лесостепные и лесные массивы западно - сибирских просторов.

В процессе формирования двух обособленных культур - земледелия на юге и скотоводства - на севере, которое происходило в эпоху неолита и энеолита, трудно говорить что - либо о существовании культурно - экономической взаимосвязи между ними. По нашему мнению, этим периодам характерны собственные пути развития культур земледельческих и скотоводческих общин.

Как бы там ни было, на последующих этапах истории как земледельцы, так и скотоводы, в силу развития материальной культуры, прежде всего в связи с увеличением экономических потребностей, начали активно сотрудничать между собой в области культуры и экономики.

Чтобы разобраться в том, как это происходило, мы должны определить, какие из этих племенных общин больше были заинтересованы в общении друг с другом. Земледельцы, начиная с эпохи неолита, довольно ориентировались на местности и обосновывались там, где можно было развивать не только земледельческую культуру, но и домашнее

скотоводство, учиться строительству делу, различным ремесел и даже добыче и обработке металла. В результате, в эпоху энеолита, древнейшие земледельцы Средней Азии в северных предгорьях Копетдага, долины Сумбара, Тенджена Мургаба, Зарафшана достигли высоких для своего времени вершин цивилизации и имели достаточно развитый производственный экономический потенциал.

Эти факты позволяют говорить о том, что вряд ли земледельцы юга искали каких - либо связей со скотоводами в упомянутом периоде. Правда, археологические комплексы поселений Южного Туркменистана (Намазга, Каратепе, Альтынтепе, Ингинлы, Геоксюр и др.) и единственного пока в Зарафшанской долине поселения Саразм, свидетельствуют о том, что в пору энеолита и ранней бронзы имели культурные связи с древнеземледельческими памятниками Месопотамии, Ирана, Афганистана, Пакистанского Булуджистана, Индии (Массон, 1989, с.177; Исаков, 1991 а, табл.ХI - ХУ; Исаков, 1991 б, с.31).

Рассмотрим взаимодействие этих общин с другой стороны, а именно - со стороны скотоводческих племен. Эти племена так же, как и земледельческие, располагались в благоприятных для жизни местностях: на берегу рек, озер, в лесостепных зонах с богатыми флорой и фауной. На ранних этапах своего развития (неолит и энеолит) они занимались скотоводством, рыболовством, охотой. В последующем, с ростом населения и соответственно количества скота, перед скотоводами одновременно возникают две проблемы: Первая - экономическая, т.е. обеспечение собственного населения продуктами питания, прежде всего зерновыми. Вторая проблема - постоянное увеличение количества скота у многочисленных племен степников, вынуждавших их искать новые пастбища, а это означало или захват земель, принадлежащих другим общинам, или поиск земель, еще никем не занятых. На наш взгляд, такие необжитые места имелись в Среднеазиатском Междуречья. Появление в пустынных и полупустынных оазисах Средней Азии скотоводческих племен с различным этнокультурным происхождением составили миграционную осно-

ву, но с экспансионистским уклоном. В связи с этим возникает такой вопрос: можно ли появление скотоводческих племен севера на просторах Средней Азии на рубеже III- II тыс. до н.э. объяснить тем, что между двумя разнокультурными населениями - земледельцами и скотоводами - возникли равноправные экономические и культурные связи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, представим в хронологическом порядке основные этапы продвижения скотоводов к среднеазиатским просторам.

Археологические исследования памятников Средней Азии говорит о том, что автохтонная культура этого региона в эпохи энеолита и ранней бронзы была земледельческо-скотоводческой и отчасти, в зависимости от географической среды, здесь занимались рыболовством и охотой. Отметим, что племенные общины всегда предпочитают оседлую жизнь, при которой в последствии зародилась и строительная культура. В свою очередь, земледельческо-скотоводческая культура появилась не везде. Древние земледельцы жили в отдельных оазисах. Не исключено, что земледельческие общины жили в дельтах Амударьи и Сырдарьи в Каракалпакии и Хоразме. Эти факты указывают на то, что огромные пустынные горные и предгорные районы Средней Азии в эпохи энеолита и бронзы были еще необжитыми. Именно на этих просторах поселились позже скотоводы, с присущей им степной культурой, отличающейся от земледельческой.

Четкое разделение этих двух культур на территории Средней Азии прослеживается до II тыс. до н.э. Однако археологические открытия последних лет говорит о том, что степные племена проникли в земледельческие районы гораздо раньше - в середине III тыс. до н.э. Отдельные элементы культуры степных племен, в частности, керамика петровского типа о шагающей гребенкой были найдены на Саразме в III слое. Характер же взаимоотношений пришельцев и саразмийцев скорее всего был мирным, так как факты, свидетельствующие об обратном, полностью отсутствуют.

Как было указано выше, на поселении Саразм найдено всего 9 фрагментов сосудов, характерных для керамики степ-

ной культуры. Что касается бронзовых предметов, то их также немного. Из этих групп находок мы имеем 3 - ножа - кинжала. Как видим, набор находок, характерных для степной культуры на поселении Саразм пока не велик. Но эти находки подтверждают факты о том, что население степной культуры впервые дошло до центральных долин Средней Азии, т.е. Зарафшана. Этот аргумент подкрепляет многочисленные и разнообразные находки поселения и могильника Замонбаба, расположенного в пограничной полупустынной и пустынной зонах Средней Азии (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966). Недавно в равнинной части Зарафшанской долины, в 18 км от Самарканда в сторону Саразма, было обнаружено поселение Тугайное, где выявлен новый археологический комплекс двух культур - раннеземледельческой (Саразмский - С.Б.) и раннеандроновской (Аванесова, 1995, с.85).

Таким образом, следует констатировать, что проникновение степных племен на территорию Средней Азии, в частности, в Зарафшанскую долину, произошло в начале II тыс. до н.э. и носило мирный характер (первый этап).

На рубеже III - II тыс. до н.э. от просторов низовья Волги до Алтая происходила концентрация степных племен, пришедших с низовьев Урала, из степей и лесостепей Западной Сибири. Жившие в степных просторах Южного Казахстана племена, в частности, скотоводческие племена Приаралья, дельты Акча - дарьи, Хорезма весьма интенсивно ассимилировались с пришельцами, что стало началом взаимопроникновения культур. Носители тазабагыябской культуры были вынуждены покинуть свои обжитые места, прежде всего пастбища. Но до этого в этих областях происходило взаимодействие культурных комплексов, в составе которых были носители срубной федоровской, алакульской и андроновской культур. Влияние андроновской и федоровской культур в значительной мере прослеживается на Тянь - Шане и юго - Восточных просторах Казахстана и Киргизии (Арпа, Иссык - куль, Тегермен - сай, Джази - Кечу).

Исследователи Н.Я. Мепперт, В.В.Острошенко и Е.Кузьмина относительно миграции степных во второй чет-

верти II тыс. до н.э. отмечали, что она носила корпоративный характер, в результате ассимиляции и интеграции происходило формирование срубной культурной общности (Кузьмина, 1988, с.26). Аналогичные явления происходили в XIII - XVI вв. до н.э. с носителями андроновского культурного ареала, где в результате миграции с запада и в результате ассимиляции с автохтонным населением сформировались памятники петровского типа (Кузьмина, 1988, с.26).

В итоге при слиянии нескольких родственных друг другу культур степных пелмен (срубной, алаккульской, федоровской, петровской) в середине II тыс. до н.э., т.е. в XV - XIII вв. до н.э. на огромных просторах северных окраин Средней Азии сформировалась единая археологическая культура, известная в науке как культура "андроновской общности".

Тем не менее проблемы андроновской культуры и ее ареолы более полувека (начиная с 1939г. - С.Б.) являются дискуссионными среди археологов Сибири: Казахстана и Средней Азии. Дискуссия возникает каждый раз с открытием нового археологического памятника культуры "степной бронзы", например, с выявлением стоянок по берегам протоков Акча Даринской дельты (Толстов, 1960), получившие впоследствии название Тазабагыябской культуры, (Толстов, 1939, с.76 - 78), было отмечено, что "тазабагыябская культура имеет черты сходства с андроновской культурой степней Казахстана, Южной Сибири и с так называемой культурой Нижнего Поволжья" (Толстов, 1962, с.47). Далее памятники этой культуры были открыты на стоянках Ангка 5 (1953), Кават 3 (1956). Много фактологического материала, полностью характеризующего сущность тазабагыябской культуры, было обнаружено в погребениях могильника Кокча 3.

Годы, начиная с 1956 г. по настоящее время, в южных оазисах Среднеазиатского междуречья были обнаружены памятники, которые характером культуры практически идентичны тазабагыябской культуре. Первыми из них были археологические комплексы Замонбабы (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966) и Кайрак - Кума (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). В связи с открытием последнего Б.А.Литвинский еще

раз обратился к анализу характера андроновской культуры и ее отношения с тазабагыябской культурой. Анализируя эти две родственные друг другу культуры, исследователь пишет, что "постепенное накопление материалов все больше подводит к тому, что следует скорее говорить" об андроновской культурной провинции". Исследователь степной культуры Казахстана С.С. Черников включает памятники степной культуры Средней Азии в "южную группу" андроновской культуры (Черников. 1962. с. III). Следует отметить, что эти споры касались тех материалов, которые были обнаружены в регионах, расположенных от Поволжья до Тянь - Шаня (Степная зона Казахстана - С.Б.) и северных областей средней Азии (Хорезм, Кайрак - Кум).

В настоящее время, как было отмечено, на территории центральной части (Зарафшанской долины) и в южных областях Средней Азии (Гиссарской, Гахшской, Тулхарской долинах) были обнаружены десятки памятников, в основном могильники. Каждый из них представляет собой богатейший комплекс материальной культуры, иллюстрирующий в большинстве случаев слияние двух культур - земледельческой и степной. В Зарафшанской долине памятниками схожей культуры являются погребение Зардча - Халифа, поселения Саразм, Тугай, Замонбаба. Абсолютно однородную культуру имеют могильники Чакка, Муминабад, Дашти - Казы и погребение Чорбог. В хронологическом отношении три первых памятника (Саразм III, Тугай, Замонбаба и Зардча - Халифа) относятся к середине III - первой половине II тыс. до н.э. Памятники второй группы (Чакка, Муминабад, Дашти - Казы, Чорбог) появились в середине II тыс. до н.э., т.е. 300 - 250 лет спустя после первых групп памятников. Эти данные сами по себе, конечно, требуют разъяснения. Мы можем объяснить появление этих памятников лишь связав их с затапами миграции племен в регионах Средней Азии.

Прежде всего отметим факт консолидации носителей культуры степной бронзы по отдельным крупным регионам. Его, в приграничных зонах с автохонными степняками, выявлено пока два. Первый (его населяли племена носителей

кельтиминарской, тазабагыябской илакакульской культуры) располагался в дельте Сырдарьи и Амударьи (в основном Акча - даринское русло - С.Б.) и второй и в Западной Фергане (Кайрак - Кумы). Эти оазисы имели почти одинаковую экологическую обстановку и схожий характер местности (просторны не на пастбища, наличие воды и растительности). Они были свободными, т.е. еще никем не обжитыми. При этом, как нам кажется, тазабагыябцы и Кайрак - кумцы должны были иметь исходный пласт культуры, на базе от которой сформировалась их собственная культура. Один из известных исследователей культуры степной бронзы Северного Таджикистана (Кайрак - кума, Ак - Танга) Б.А.Литвинский писал, что " в качестве рабочей гипотезы можно высказать мнение о сложении Кайрак - Кумской культуры на местной основе, но в обстановке непрерывного потока андроновских элементов с северо - востока и севера и тесных связей с южными культурами расписной керамики" (Окладников, Литвинский, Ранов, 1962, с. 290).

Эти выводы были сделаны почти 30 лет назад. После этого на территории Зарафшанской долины были сделаны ряд открытий, которые коренным образом опровергли и опровергают многие гипотезы относительно исходного пласта культуры бронзового века исследуемого региона. Из них отметим два. Это открытие неолитического комплекса стоянки Сазагана (Джуракулов, 1992) и поселения энеолитической культуры Саразм (Исаков, 1991а).

Научный потенциал этих двух памятников сегодня настолько богат, что заставляет многих специалистов заново пересмотреть процессы формирования древнеземледельческих культур Зарафшанской долины. Сейчас вряд ли можно говорить о том, что создателями древнейших энеолитических культур населения Зарафшана были пришельцы с юга и юго - запада Средней Азии, носители древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана или рыболовы - охотники кельтиминарской культуры.

Таким образом, исходя из всего изложенного, можно сделать вывод, что исходным пластом земледельческо - ско-

товодческой культуры зарафшанской долины была культура неолитического Сазанга и энеолитического и раннебронзового века Саразма. Что касается разделения культур на земледельческую и степную, то это, на наш взгляд, результат беспрерывного и значительного потока скотоводов с обобщенной, т. е. так называемой "степной культурой", в первую очередь в степные просторы Средней Азии, на северные побережья Сырдарьи (Кайрак - Кумская степь) и низовья Зарафшана (Западнобухарские и Каршинские просторы).

Позже и пришельцам - степнякам присоединились и остальные сородичи по культуре, другие скотоводческие племена. В результате образовалась единая скотоводческая культура "андроновской общности" с локальными особенностями, которые известны под названиями тазабагыбская культура, джрубная, афанасьевская, петровская, алакульская, федоровская культуры. Слияние этих локальных культур происходило в середине II тыс. до н.э. Поэтому вся обнаруженная керамика степной культуры долин Ферганы и Зарафшана имеет почти одинаковый облик. Различие лишь в количестве находок, отчасти в наборе металлических и бронзовых предметов, что зависело в свою очередь от характера хозяйственной культуры. Так, скотоводы Кайрак - Кумов имели более развитое металлическое производство. Они изготавливали не только украшения, но и орудия труда как из металла, так и из камней (Литвинский, Окладчиков, Ранов, 1966). Только украшения (из золота, бронзы, пасты) изготавливали даштиказынцы (Исаков, Потемкина, 1989), муминабадцы (Аскарлов). Изделия создателей локальной, почти самостоятельной "тазабагыбской культуры" (поселение Акча - Даринской дельты), по сравнению с вышеупомянутыми памятниками, выглядели беднее. правда, у тазабагыбцев Хоразма было развито производство орнаментированной керамики (Итина, 1961, с.3 - 96).

Таким образом, подводя итоги в вопросе о появлении единой культуры степной бронзы, распространенной по всей территории Средней Азии от Ферганы до берегов Окса, отметим следующее:

ГЛАВА II

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

Как было упомянуто, автохтонной культурой исследуемого региона была культура земледельческая. Прямым и неоспоримым доказательством этого вывода является археологический комплекс поселения Саразм. Энеолитические и раннебронзовые жилые горизонты полностью подтверждают сказанное. Земледелье, домашнее скотоводство и ремесленное производство составляли основу экономики поселения.

Что касается кремневых наконечников и им подобных орудий, которые встречаются в значительном количестве в трех ранних слоях Саразма, то на наш взгляд, во - первых, их производство было унаследовано от охотников и собирателей неолитических общин; а, во - вторых, их наличие можно объяснить сложностью и труднотупностью изготовления медных и бронзовых охотничьих и хозяйственных орудий на раннем этапе палеометалла. Поэтому кремневые орудия, чаще всего однотипные наконечники, встречаются на земледельческо - скотоводческих памятниках вплоть до первой четверти II тыс. до н.э., т.е. до появления железа.

Остальные типы археологических комплексов земледельческой культуры: жилища, земледельческие, ремесленные, хозяйственные орудия, керамика и даже культовые воззрения по характеру принципиально отличаются от скотоводческой. Для ясности вопроса остановимся на анализе промежуточного этапа - культуры земледельцев и скотоводов долины Зарафшана.

Для этого необходимо определить исходный пласт земледельческой культуры долины.

До открытия поселения Саразм специалисты не имели никаких данных об исходных пластах земледельческой культуры верховья Зарафшана и Зарафшанской долины в целом. Правда, в начале XX столетия в саяе кишлака Ёри, выходящем из тесных ущелий Туркистанского хребта и соединяющемся с

- Во втором тысячелетии до н.э. довольно большой поток скотоводческих племен - носителей срубно - алакульской культуры из Поволжья и Приморья, андроновской культуры из Сибири и Казахстана, распространился на огромных просторах от Волги до Тянь - Шаня, по всей вероятности единой культурной общности - культуры степной бронзы, известной в науке как "срубная андроновская культурная общность" (Кузьмина, 1977, с.73).

- По мнению В.А.Алекшина, передвижные пастушеских племен степной бронзы (катакомбы срубники и андроновцы)... в состав земледельческого населения и вызвало трансформацию его культуры (Алекшин, 1977, с.56). Этот исследователь с складывании культуры Намазга - УІ с катакомбным образом погребения на поселениях Сапалы и Сумбар определяли роль пастушеских племен. Возможно, это так и было, и элементы срубно - андроновской культуры иногда встречаются на более южных просторах Средней Азии, в частности, в Гиссарской, Вахшской, Бешкенткой и других областях Бактрии (Шартугай, Дашли) (Асгаров, 1977, с.57).

- Что касается центральной части среднеазиатского региона Зарафшанской долины, то после сложения тазабагьябской культуры и территории Южного Приаралья в Акча - Даринской долине, значительное количество тазабагьябцев двинулись на юг к низовьям Зарафшана и смешались с небольшими племенами земледельческих общин Заманбабинцев. Тот факт, что на последнем этапе (Саразм ІУ) мы обнаружили ряд бронзовых и каменных орудий и остродонные котлы в жилых комнатах Саразма, свидетельствует о том, что в первой четверти II тыс. до н.э. на поселении и земледельческие и степные племена жили вместе, одновременно. Если были у них какие - либо общественно - хозяйственные разногласия, нам пока неизвестно. Что же касается культурно - интеллектуальных воззрений, то, возможно, эти разногласия были. Но и здесь у нас отсутствуют достоверные факты. По материалам из погребения Зардча - Халифы и по имеющимся находкам из других памятников Средне. Азии (Заманбаба, Дажругтан, Сапалитепя, могильников Бешкентской и Вахшс-

кой долины) вполне определенно можно сказать, что в этот период происходило не только сближение двух культур, но и их ассимиляция. Поэтому права Л.Т.Пьянкова, которая характеризует взаимоотношения пришельцев с местными племенами скорее всего как мирные. Во всяком случае факты, свидетельствующие об обратном отсутствуют (Пьянкова, 1989, с.137).

В последующим все исследователи археологии Средней Азии и Казахстана, Низовья Арала и Волги писали о том, что массовые миграции степных племен происходили со II тыс. д. н.э. в эпоху развитой бронзы. В это время практически был завершен первый этап урбанизации населения земледельческих культур по отдельным долинам и оазисам - Дашлиинский, Сурхандаринский, Бешкентский, Вахшский, Геоксюрский, Мургабский, Зарафшанский. Вместе с тем, основная часть пустынных и полупустынных районов с водными (озерами и мелкими реками и пастибищными ресурсами) еще не были обоснованы земледельческим населением. Как свидетельствуют археологические находки, к середине II тыс. до н.э. большинство скотоводов, степняков двинулось на юг - к степням Кайрак - Кума и низовью Зарафшана (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966; Аскарлов, 1962, с.35; Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). Теперь после того, как были найдены многочисленные погребения и могильники пришельцев - степняков в зоне земледельцев, включая горные районы (Ак - Танга, Дашти - Казы, Западный Памир) следует вывод, что упомянутые просторы Средней Азии первоначально были зонами концентрации племен скотоводческой культуры.

Любопытен тот факт, что эти пришельцы имели свою локально развитую материально - духовную культуру. Найденные керамические и металлические изделия, во - первых, по количеству преобладают над ремесленными изделиями земледельцев; во - вторых, по типологии и характеру изготовления эти изделия полностью отличаются от местных. Из близких друг к другу материалов можем отметить каменные орудия - напершия, булавки, зернотерки, терочники, ступники. Что касается украшений (пронизи, браслеты, серьги.

зеркала и др.), то технология их изготовления была такой же, как и на родине. В этом аспекте интересен тот факт, что основная масса металлических предметов изготовлена из оловянистой бронзы, тогда как в Саразме, задолго до прихода степняков, хороши знали мышьяковую бронзу (Исаков, 1991а, с. 132, табл. II).

Проведенный химический анализ (табл. 10 9 видов украшений бусы (47), браслеты 919), гривна 91), серьги 94), пронизи (4), бляха (1), зеркала (30), кольца (3), бисерины (24), крюк (1) - всего 103 предмета) говорит о том, что они были словянистыми. Этот факт еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что степные скотоводы и в местах миграции применяли свою технологию по производству бронзы. Что касается самой продукции, то она имеет общие черты с андроновскими срубными предметами.

В целом более 80% бронзовых изделий из Зарафшанской долины, произведенных, начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до I тыс. до н.э. были оловянистыми. Они характерны тазабагьябской культуре, исходный пласт которой принадлежит срубно - андроновским племенам Южного Приуралья (Рузанов, 1982, с. 17). Сопоставление этих двух фактов свидетельствует о том, что начиная со второй половины II тыс. до н.э., культура степных племен по трем хозяйственным направлениям окончательно вытесняет культуры оседлых земледельцев. Все исследованные памятники Зарафшанской долины практически дали материалы скотоводческой культуры (Гуджайли, Чакка, Муминабад, Чорбог, Дашти - Казы и т.д.). В этом плане пока даштиказынский могильник выступает как основной памятник тазабагьябского типа андроновской культуры. Все 26 археологических целых сосуда были изготовлены вручную, т.е. без использования гончарного круга.

Что касается других бронзовых предметов, то они полностью представляют тип украшений скотоводческих племен. В этой коллекции абсолютно отсутствуют бусы из полудрагоценных камней. Из этого следует вывод, что каменные украшения могли изготовить ремесленники земледельческой

культуры. Кроме того, в захоронениях (исследовано 32 погребения - С.Б) Дашти - Казы мы не обнаружили ни одного орудия труда или хозяйственного предмета. Аналогичные факты были выявлены в погребениях Чорбога и муминабада, где также отсутствуют орудия производства. В связи с этим возникает мысль о том, что в хозяйстве пришельцев - степняков доминирующую роль играло скотоводство двух типов: в степных зонах - отгонное, а в предгорных и горных - яйлачное. Скотоводческие племена верховья Зарафшана занимались яйлачным хозяйством. Какова же доля земледельческой культуры в хозяйствах скотоводов верховья Зарафшана пока остается неясным.

Тем не менее, не исключено, что в XIV - XI вв. до н.э. в верховьях Зарафшана земледельцы и скотоводы жили по соседству и вели самостоятельное культурное хозяйство. Они обменивались между собой в основном товарами.

Как свидетельствуют факты, племена степной культуры, тазабагьябские на андроновской основе, полностью экскотированы в начале двух оазисов: Западную Фергану (Кайрак - Кума) и низовье Зарафшана. В течение 150 - 200 лет в XV - XIII вв. до н.э. они приспособливали свое хозяйство к новым местам, где пускали корни. В результате начался процесс их этнического сближения с земледельцами. После этого степные племена начали расселяться на остальной части Средней Азии, в результате чего происходило вытеснение коренного населения с обжитых мест. Об этом говорят факты, полученные прежде всего при исследовании могильника Дашти - Казы, где земледельческие элементы практически отсутствуют. В памятниках южных регионов Средней Азии, где сложилась выхская и тулхарская культура, северная культура едва прослеживается. Тем не менее исследователь южно-таджикских памятников Л. Т. Пьянкова отмечает, что " по материалам южно таджикских памятников последней четверти I тыс. до н.э. отчетливо фиксируются следы проникновения с севера значительных групп степного населения" (Пьянкова, 1989, с.138).

И все же, не считая памятников Зарафшанской долины, за исключением Замонбаба, степное население жило самостоятельно, без каких - либо сношений с земледельцами. В то время же в Гиссарской, Вахшской долинах, а также в Тулхарском массиве прослеживается совмещенное обитание племен двух разнокультурных населений "земледельческого типа" (Пьянкова, 1989, с.139). И прослеживается это не только на этих памятниках. На археологических памятниках Тандырюла (Виноградова, Пьянкова, 1977), Сертепе - вблизи Дехнау (Ритвиладзе, 1981, с. 285 - 286) и даже Дашли 3 в Афганистане (Сарианиди, 1977, рис.36) была встречена не только керамика степного типа, но и были найдены отдельные бронзовые предметы - серьги с раструбом на Тандырюле, кинжал восточно - казахстанского типа на Сертепе и Дашли.

Как видим, степное население в южных просторах Средней Азии (в Бактрии - С.Б.) не было изолировано от коренных земледельцев, наоборот, оно вело с ними хозяйство и, очевидно, позже происходило не только культурное сношение, но и этническое взаимопроникновение. По всей вероятности, степное население, хотя и сыграло какую - то роль в трансформации культуры, но как утверждает Л.Т.Пьянкова - эта роль была незначительной (Пьянкова, 1989, с.140).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты исследования археологических памятников степной культуры Среднеазиатского междуречья указывают на то, что контакты двух групп населения - автохонных земледельцев и пришлых скотоводов происходили в степях Кайрак - Кума в центральной части региона в Зарафшанской долине - в пространстве Замонбаба и Дашти - Казы. В этих областях влияние степных племен на облик материальной культуры весьма заметно. Начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до первой четверти I тыс. до н.э., степная культура полностью вытесняет культуру земледельческую.

Что касается последней, то ее возрождение началось с первой четверти I тыс. до н.э. сначала в отдельных оазисах (Яз - депинская на Маргиане, Бергулюк в Чаче, Чусткая культура в Фергане).

Тем не менее, по определению В.А. Алекшина "контакты земледельцев и степняков не только способствовали быстрой трансформации археологических культур Средней Азии, но и ускорили экономическое и социально - политическое развитие обоих миров" (Алекшин, 1977, с.57).

Таким образом, взаимоотношение двух миров - мира земледельцев и мира скотоводов севера имеет глубокие исторические корни. Сближение их происходило по инициативе скотоводов. Как было отмечено, миграция северных населения (Южного Приаралья, Казахстанских степей, Алтая, лесостепных зон Сибири) в Приаралье и бассейне Сырдарьи началась в середине II тыс. до н.э. Это был первый этап миграции.

На втором этапе миграции пришельцы двинулись в пустыне Кайрак - Кума и низовья Зарафшана. Характер культуры этих двух центров говорит о том, что они базировались здесь со второй половины II тыс. до н.э. до XI в. до н.э. Причем, хотя они и вошли в контакт с коренным населением - земледельцами, но тем не менее они полностью сохранили

свою традиционную культуру которых была признана в науке как тазабагьябская культура.

Третий этап миграции не был столь организованным. Очевидно, в этот период миграция носила племенной - частный характер. На этом этапе XI - IX в. до н.э. небольшие племена из Кайрак - Кумской и долины Зарафшана шли дальше на юг в Гиссарскую долину, до Бактрии, где в последующем на этих территориях произошла ассимиляция двух групп населения, и земледельческая культура взяла верх над скотоводческой. Этот факт засвидетельствован археологическими комплексами памятников Южного Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

Абетсков А. Погребения эпохи бронзового могильника Тегермен - Сай // КСИА. вып.93, 1963

Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям) // Автореф. дис. канд. наук. Ленинград 1979

Аванесова Н.А. К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии. // Вопросы археологии древней истории и этнографии. Самарканд, 1981

Алексин В.А. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культуры Средней Азии и Ближнего Востока // Автореф. дис. канд. наук - М., 1977, с.20.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991

Алексин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпох первобытного строя // Преемственность и инновации в развитии древних культур, Л., 1981, с.18 - 22

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии - М., Наука, 1977, с.150

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах с окрашенными и скорченными костяками // ПИДО. 1934, с.108 - 125.

Аскарлов А. Низовья Зарафшана в эпохе бронзы // автореф. дис.канд. ист. наук.- Л., 1962а.

Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 56 - 62

Аскарлов А. Сапаллителиа - Ташкент: Фан, 1973, 172 с.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977

Аскарлов А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и хронология средней Азии. М., 1979, с. 34 - 37

Аскарлов А. Абдуллаев Б.Н. Джаркутан: К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент. 1983, 120 с.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздковская культура // Археология СССР, М., 1987

Бабаев А.Д. Могильники Западного Памира поздней бронзы и их связи с религиозными верованиями местных племен // ИБМА - ИКЦА. Вып. 15, 1983, с. 70 - 84

Бабаев А.Д. Историко - археологический очерк Западного Памира // Автореф. дис. д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1989, с.45

Бернштам А.Н. Археологическая разведка в подгорной части Чуйской долины // МИА, № 14, М-Л, 1950

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., наука, 1968, 180 с.

Виноградов А.В. Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА 1970, № 2, с.125 - 135

Виноградова Н.М. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангуртут на юге Таджикистана // АРТ 1987, вып. 20, с. 126 - 127

Виноградова Н. Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. // СА. 1989

Вишневская С.А. Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА, № 177, 1977

Гамбург Б.З. Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК, 1956, вып. 63 с. 85-93

Гафуров Б.Г. Таджики; Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972, 664 с.

Григорьев Г.В. Находка мустеерского острокочевника в г. Самарканде // КСИИМК, вып. 8, 1940, с. 89 - 90

Грязнов М.Д. История древних племен верхней Оби // по раскопам близ с. Большая Речка, - М.Л., АН СССР, 1956, с. 162 (МИА № 48).

Грязнов Я.Г. Исламов У, Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 268

Джуракулов М.Д. Ходжасв Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. Самарканд, 1987, с.44

Джуракулов М.Д. Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент 1991, с. 113

Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА, № 21, М., 1951, с.28 - 93

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Фергана // Изв. АН СССР, 1962, с. 328. (МИА 118)

Зейдаль Е.В. Медный топор из кишлака Аракчин // Сообщение республиканского историко - краеведческого музея Тадж. ССР, 1958, вып. с. 19 - 32

Иессен А.А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М - Л, 1937, с. 91 - 103

Исаков А.И., Саразм: Горизонты древней цивилизации // наука и жизнь 1986б., с. 78 - 81

Исаков А.И. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА № 1, 1986а, с. 152 - 167

Исаков А.И. Взаимодействие культуры ранних земледельцев Зарафшана с кочевниками - скотоводами // Взаимодействия кочевных культур и древних цивилизаций. Алма - Ата, 1987, с. 65 - 66

Исаков А.И. Потемкина Т.М. Раскопки могильника Дашти - Казы // АО. 1986, (1988), с. 154

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА № 1, 1989, с. 145 - 149

Исаков А.И. Саразм : К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины, раскопки 1977 - 1983 гг. Душанбе, 1991а.

Зарафшаном, неизвестным был найден бронзовый топор - тесло и передан Самаркандскому музею. Фактически этот топор - тесло был первым артефактом, говорящем о древнеземледельческой культуре верховья Зарафшана. (Тереножкин, 1948, с. 74 - 77).

Вскоре, как уже упоминалось, в низовьях долины были найдены могильник и поселение Замонбаба. О приоритете культуры этого памятника между земледельческой и степной бронзой среди специалистов до сих пор нет единого мнения. Хотя здесь и обнаружены зерновые злаки, глинная статуэтка, ряд бронзовых предметов (в частности, булавка со стреловидным навершием), и единственный фрагмент расписной керамики, поселение Замонбаба нельзя считать земледельческим, так как эти предметы могут быть привозным. В пользу этого аргумента говорит тот факт, что здесь отсутствуют жилища, характерные для земледельцев. Но некоторые исследователи этого памятника утверждают, что общество замонбабинской культуры - это, очевидно, общество скотоводческих и земледельческих племен. .. (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 185). Как бы там ни было, в любом случае Замонбаба не может быть исходным центром земледельческой культуры долины.

Окончательный ответ на этот вопрос дал поселение Саразм. В этом плане особый интерес представляет археологический комплекс Саразм IV, считавшийся последним периодом жизни поселения.

Исаков А.И. Верховья Зарафшана в эпохе энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху).// автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1991б

Исаков А.И. Исследования Сразмского отряда в 1984г.// АРТ, вып. 24, Душанбе, 1993, с. 117 - 130

Исаков А.И. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1986 г.// АРТ, вып. 25, Душанбе, 1994

Исламов У. Кельтими́нарская культура на Мажан - царье // Научные работы и сообщения. отд - ния общ. наук АНУЗ СССР, 1961, Кн.4, с. 258 - 271

Исламов У. Многослойная стоянка Кельтими́нарской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУЗ, 1963, вып.4, с.31 - 45

Исламов У. Новые данные о кельтими́нарской культуре на Махандарье // ИМКУЗ: 1965, вып.6, с. 45-52

Итина М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СА, №3, 1954, с. 63-68

Итина М.А. Первобытная керамика Хорезма // ТХА-ЭЭ, т.4, 1959, с. 5 - 62

Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры в 1957-г.// МХЭ, вып.4, 1960, с. 82-103

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья : (II - начало I тыс. до н.э.)/ТХАЭЭ, т. 10, М., 1977

Кисельв С.В. Древняя история Южной Сибири, И., Изд-во АН СССР, 1951 Кореневский С.Н. комплекс бронзовых орудий майконского погребения у станции Псебайского // КСИА, 1975, вып. 142, с. 68-72

Косарев М.Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР, М., 1987, с. 248-317, (Археология СССР).

Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Кирг. ССР, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, 1951, №23, с.17-74

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // СА, вып. 134, 9, табл.ХУІ, М., 1966, с.150

Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ, 1972, №1, с. 131 - 147

Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей // КСИА, вып. 161, 1980

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь Шаня, - Фрунзе, Илим, 1986, с. 188

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994

Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ, вып.6, 1969, с. 22- 29

Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии // Изд - во АН Тадж. ССР, 1954, с.44

Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ан - Танги в 1958г.//ТИИАН - тадж. ССР, 1961, т.31, с. 30 -49

Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // ИООН, АН Тадж. ССР, 1961, вып.1, с. 59-66

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак - Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) Душанбе, 1962, с. 406

Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Акт - Танги в 1961г.// ТИИАН - Тадж. ССР, 1964, т. 42, с.3-24

Литвинский Б.А. Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА, 1970, вып.1, с. 41-47

Лукоин В.Г. Искусство древнего Ирана. - М., наука, 1984, с. 280
Мандельштам А.М. памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА №15, М-Л., 1968, с. 121

Маргулан А.Х., Анишев К.А., Кадырбаев, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального казахстана, Алма - Ата. 1966, с. 435

Массон В.М. Древнеземледельческая культура, Мар-
гианы // Изд - во АН СССР, 1959, с. 216. (МИА, №73).

Массон В.М. Кара - деге у Артыка // ТЮТАКЭ, т. 10,
с. 819/463, 1961

Массон В.М. Проблемы культуры степной бронзы на
Севере страны // средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966

Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Сред-
ней Азии // СА, 1967. №8, с.165 - 190

Массон В.М. Южно - Туркменская археологическая
комплексная экспедиция 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашха-
бад, 1970

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних
обществ // В свете данных археологии, 1976 Ю сю 192

Массон В.М. Основные направления культурно - ис-
торического процесса // Становление производства в эпоху
энеолита и брнзы, М., 1986, с. 38 - 42

Массон В.М. Ингинлы - деге - новый центр энеолити-
ческой культуры Южного Туркменистана // Известия АН
СССР, ист. общ. наук, 1989, №6

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит,
СССР, 1982? с.9-57 (Археология СССР, т. 4)

Махмудов Ф.Р. Мунгаев Р.М. Нариманов И. Г. О
древнейшей металлургии Кавказа // СА, 1968, № 4, с. 16 - 26

Мерперг Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско -
Уральского междуречья, М., Наука, 1974 . с. 152

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века -неолит,
энеолит, раняя бронза, М., 1975, с. 416

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибейна-
мя, ч. III Глазковое время.// МИА №43, 1955

Окладников А.П. Исследование памятников каменно-
го века Таджикистана // ММА № 66. 1958. с. 11-71

Потемкина Т.М. К вопросу о миграции на юг степных
племен эпохи бронзы // Взаимодействие культур и древних
цивилизаций: Тезисы докладов совететко - французского

симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма - Ата, 1987, с. 76 - 78.

Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ, 1974, (1979), вып. 14, с. 78 - 92.

Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ, 1986, вып. 19, с. 89 - 93

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводцы Южного Таджикистана (по материалам эпохи бронзы "Тигровая Балка", Душанбе, 1969

Пьянкова Л.Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане. В кн: Проблемы истории культуры Таджикского народа. Душанбе, 1991, с. 53

Раззаков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально - трасалогическим данным) // Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Санкт - Петербург, 1994

Раппорт Ю.А. Из истории религии древнего Хоразма (осуарии) // ТХАЭЭ, т. VI, 1971

Рогачев А.Н., Аниковин В.М. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР, М., с. 162 - 171 (Археология СССР, т.1)

Сайко Э.В. Принцип развития в познании культурно - исторического процесса в археологии: К исследованию проблемы производства первобытного общества // Познание исторического процесса в археологии. М., 1988, с. 31-56

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, №21, 1951

Сарианиди В.И. Культовые здания поселения анауской культуры // СА, 1962 №1, с.44 - 56

Сарианиди В.И. Памятник позднего энеолита Юго - Восточной Туркмении - М., наука, 1965, 56с.

Сарианиди В.И. Раскопки Тилля - Тепе в северном Афганистане // Материалы к археологической карте Сев. Афганистана. Вып. I. М., Наука, 1972, с. 96

Черников С.С. Восточный казахстан в эпоху бронзы // Изд-во АН СССР, 1960, с. 272. (М., №7, №88).

Шишкин В.А. Узбекистанская археологическая экспедиция АН Уз. ССР. (полевые работы 1956- 1959 гг // ИМКУ, вып.2, 1961, с. 18 - 50.

Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зарафшана (с древнейших времен до начала XX в.) // Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. наук. Самарканд, 1989

Якубов: Работы Верхнезарафшанского отряда // АО 1975 (1976), с. 572.

Якубов Ю. Работы Зарафшанского отряда в 1975г. // АРТ, 1975, Вып. 15, 1980, с. 167.

Amiet P. The archaical Glyptic at Shahri - Soichte (Peried I). By M. Tosi. Prehistorik Sistem I. Is Meo - Rome. 1983.

Amiet P. Loage cles echuges interiranians 3500-1700. Paris. 1986.

Besenal M.R. Decouvertes reseintes a Sarazm (A.s.s. du Tadjikistan): Attestian des relation au IIIe Milienaire enter centrale Iran du Hord - Est et le Baluchistan, Akademik des inscriptions belles - Lecttres. Comptes rendus des seances de l'annee. 1987. Avril - Juin. Paris.

Besenal R., Isakov A, Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans danesla region de Samarkand // Arts asiatigues. Paris, 1989.

Wooley C.L. // Excavation at UR. The museum journal, Vol. III Number 3. Philadelfia. 1983.

Ghirshman R. Foulles de Sisk. Paris. 1938.

Gupta S.P. The late Harappan: A study in Cultural Dynamic. Edited by G. Possehl Oxford ibn Publishinc co - New Delhi Bombay Calcuta. 1982.

Isakov A., Lyonnet B. Geramigues de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problemes dechanges et de reuplement a la fin du chalcolithique et au debut l'age du Bronze. Paleorient, vol. 14 / 1. 1988, Paris.

Jarrige J.F., Santoni M., Foulles ele Pirak. vol. ². Paris. 1979.

Casal J.M. Foulles de Mundigak. vol. II. Paris. 1961.

Casal J.M. Foulles de Anri. vol. 2. Paris. 1984.

Nangsdorff A., McCown D.E. Tall-I - Bakun A. Season of 1932. The University of Chicago Oriental Institute Publications vol. LIX. Chicago. Illinois. 1932.

Mackay E. Further Excavations at Mohendjo - daro. New Delhi. 1983.

Mackay E. Chanhy - Daro Excavations American Oriental series vol. 20. Editor w. Norman Brown. New - York. 1943.

Rigott S. Prehistopik India to 1000 B.C. 1952.

Pigott S. Notes on certain Pins and Macehead from Harappa. Ancient India, 1947 - 1948, N 4, p. 33 - 38.

Sarraf M.R. Die keramik Von Tell - I - Ibis. p.216, fig. 67, 71, Berlin. 1980.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta, a Chalcolithik Settiement in the Iranian Sistan - East and West, 1968, v. 18, N. 1-2.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta - East and West, Rome. 1969.

Tosi M. Excavations at Shahri Sokhta 1969 - 1970 Prehistoric Sistan; I. ISMEO - Rome. 1983.

Tosi M. The notion of craft specialization and its representation in the archaeological record of early states in the Turanian Basin. Marxist perspectives in Arohaeciogy. Edited by M. sprigs. Cambridge. 1984.

Fairservis W. T. Jr. 1956. Excavations in the American Museum of National History; 45,3, New - York. 1956.

Fairservis W.A.Jr. Archaeologional Surveys in the Inob of the American and Loralai distriots. West Pakistan. Antropologiosl Papers of the American Museum of National History, 47, 2. New - York 1959.

and loralai distriots West Pakistan. Antropological Papers --

Francfort A.P. The late periods of Shortugal and the problem of the Bishkent Culture (Middle and late Bronze Age in Bactria) in South Asian Archaeology. 1979. Berlin.

37. Khan F.A. The Indus Valley and Early Iran. Karachi. 1964, p.

Herzfeld E. Iran in Ancient East. London. New - York. 1941.

~~American~~ Quetta valley West
Pakistan Anthropological Papers of the...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
АРТ - Археологические работы в Таджикистане
ВДИ - Вестник древней истории
ДСА - Достижение среднеазиатских археологов
ИАН - Известия Академии наук
ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана
КД - Кайраккумские древности
КСИА - Краткое сообщение
КСИИМК - Короткое сообщение Института истории материальной культуры
МИА СССР - Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ - Материалы Хорезской экспедиции
СА - Советская археология
САГУ - Среднеазиатский государственный университет
САИ - Свод археологических исследований
СЭ - Советская этнография
ТИИА - Труды Института истории и археологии
ТИИАЭ - Труды Института истории, археологии и этнографии
УСА - Успехи среднеазиатской археологии
ЮТАКЭ - Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция

. ПРИЛОЖЕНИЕ

Лаборатория естественно-научных методов
Института археологии АН СССР

Шифр: 40350					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 3	Рв	Пункт, Дашти-Кози 062 Zn, 0024 Bi, 04	Комплекс, п-15 Ag, 016 Sb, 3	Музей, As, 37 Fe, 086 Ni, 0033	Хим: ГР, Co, 0015 Au, 0006
Шифр: 40351					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 6.9	Рв	Пункт, Дашти-Кози 11 Zn, 0017 Bi, 027	Комплекс, п-15 Ag, 0004 Sb, 017	Музей, As, 014 Fe, 086 Ni, 0001	Хим: ГР, Co, 0017 Au, н.о
Шифр: 40352					
Предмет, бусина Сп, ОСН Sn, 6.2	Рв	Пункт, Дашти-Кози 13 Zn, 47 Bi, 085	Комплекс, п-15 Ag, 089 Sb, 32	Музей, As, 37 Fe, 27 Ni, 0027	Хим: ГР, Co, 0043 Au, н.о
Шифр: 40353					
Предмет, бусина Сп, 20 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.1 Zn, 064 Bi 1.3	Комплекс, п-15 Ag, 2 Sb, 2.3	Музей, As, 3.3 Fe, 35 Ni, 008	Хим: ГР, Co, 011 Au, 0002
Шифр: 40354					
Предмет, бусина Сп, >20 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.3 Zn, 09 Bi 1	Комплекс, п-15 Ag, 2 Sb, 1.7	Музей, As, 2.7 Fe, 45 Ni, 0073	Хим: ГР, Co, 013 Au, н.о
Шифр: 40355					
Предмет, бусина Сп, >50 Sn, 41	Рв	Пункт, Дашти-Кози 1.1 Zn, 064 Bi 61	Комплекс, п-15 Ag, 32 Sb, 1.8	Музей, As, 2 Fe, 1 Ni, 008	Хим: ГР, Co, 0095 Au, 0003
Шифр: 40356					
Предмет, бусина Сп, >50 Sn, 74	Рв	Пункт, Дашти-Кози 26 Zn, 12 Bi, 7	Комплекс, п-15 Ag, 27 Sb, 47	Музей, As, 1.5 Fe, 31 Ni, 0051	Хим: ГР, Co, 0086 Au, 0003

147

20

Трилохити с.

Лаборатория естественно-научных
методов Института археологии АН СССР

Результаты спектрального анализа (в %)

ИИОР: 40350	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ: ?	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 3	Pb: 0,062	Zn: 0,0024	Bi: 0,04	Ag: 0,016	Sb: 0,3	As: 0,37	Fe: 0,086	Ni: 0,0033	Co: 0,0015*	Au: 0,0006*
ИИОР: 40351	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 6,9	Pb: 0,11	Zn: 0,0017*	Bi: 0,027	Ag: 0,0004*	Sb: 0,017	As: 0,014	Fe: 0,063	Ni: 0,0001	Co: 0,0017*	Au: н.о.
ИИОР: 40352	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 6,2	Pb: 0,13	Zn: 0,47	Bi: 0,085	Ag: 0,089	Sb: 0,32	As: 0,37	Fe: 0,27	Ni: 0,0027	Co: 0,0043*	Au: н.о.
ИИОР: 40353	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 1,1	Zn: 0,064	Bi: 1,3	Ag: 0,2	Sb: 2,3	As: 3,3	Fe: 0,35	Ni: 0,008	Co: 0,011	Au: 0,0002*
ИИОР: 40354	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 1,3	Zn: 0,09	Bi: 1	Ag: 0,2	Sb: 1,7	As: 2,7	Fe: 0,45	Ni: 0,0073	Co: 0,013	Au: н.о.
ИИОР: 40355	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >50	Sn: 41	Pb: 1,1	Zn: 0,064	Bi: 0,61	Ag: 0,32	Sb: 1,8	As: 2	Fe: 0,1	Ni: 0,008	Co: 0,0095*	Au: 0,0003*
ИИОР: 40356	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 0,26	Zn: 0,12	Bi: 0,7	Ag: 0,27	Sb: 0,47	As: 1,5	Fe: 0,31	Ni: 0,0051	Co: 0,0086*	Au: 0,0003*
ИИОР: 40357	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 35	Pb: 1,1	Zn: 0,064	Bi: 0,44	Ag: 0,23	Sb: 0,41	As: 1,3	Fe: 0,086	Ni: 0,0039	Co: 0,0058*	Au: 0,0003*
ИИОР: 40358	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 0,3	Zn: 0,1	Bi: 1,2	Ag: 0,43	Sb: 1,1	As: 1,3	Fe: 0,13	Ni: 0,013	Co: 0,012	Au: 0,0002*
ИИОР: 40359	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 6,9	Pb: 0,13	Zn: 0,0014*	Bi: 0,046	Ag: 0,0001*	Sb: 0,015	As: 0,014	Fe: 0,074	Ni: 0,0012	Co: 0,0036*	Au: н.о.
ИИОР: 40360	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 0,37	Zn: 0,0017*	Bi: 1	Ag: 0,27	Sb: 2	As: 3,3	Fe: 0,1	Ni: 0,0096	Co: 0,0086*	Au: 0,0002*
ИИОР: 40361	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: 0,08	Sn: 23	Pb: 1,2	Zn: 0,035	Bi: 1,3	Ag: 0,78	Sb: 0,77	As: 1,6	Fe: 0,054	Ni: 0,003	Co: 0,0048*	Au: н.о.
ИИОР: 40362	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:						
Сu: >20	Sn: 74	Pb: 1,1	Zn: 0,002*	Bi: 1	Ag: 0,3	Sb: 2	As: 2,9	Fe: 0,15	Ni: 0,0051	Co: 0,0095*	Au: 0,0005*

§ 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС IY ЖИЛОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Между археологами по вопросу датировки верхнего IY жилого горизонта поселения Саразм имеются некоторые разногласия. В первых публикациях А.И.Исаков время заупустения поселения Саразм связывал с IY жилым горизонтом. Характеризуя археологический комплекс этого периода исследователь пишет, что "Комплекс вещественных находок, тип гончарных печей позволяют нам предсказать для последнего периода Саразма ориентировочную дату, соответствующую времени Намазга У и началу периода Намазга YI, приблизительно 1800-1500 гг. до н.э. (1986г, с.166). Казалось, эта дата вполне соответствует характеру археологического комплекса поселения, но в последних публикациях он считает, что горизонт Саразм IY соответствует 2300-2000 гг. до н.э". (Исаков, 1991 а, с.22). К более ранней дате Саразма IY склоняются и французские археологи Р.Безенваль и Б.Лионе.

Анализируя находки археологического комплекса Саразм, встретились с ряд артефактов, которые позволили нам еще раз вернуться к хронологии IY периода. Строительные остатки, гончарные печи, алтари - очаги, керамические, металлические и каменные предметы, на наш взгляд, характерны для первой четверти II тыс. до н.э.

Этот период прослеживается в 10 раскопных объектах и 12 разведочных шурфах поселения Саразм (рис.1). Как показывает анализ, объекты Саразма по площади исследованы не одинаково. Отметим, что не на всех объектах были четко зафиксированы строительные остатки последнего периода, а только там, где имелся культурный слой толщиной 20 - 30 см. По утверждению исследователей А.И.Исакова, А.Р.Раззокова, Р. Безенваля жилой горизонт последнего периода был полностью уничтожен при многократных землеустроительных работах под посевами. В связи с этим мы можем оха-

ИИОР: 40363	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 3 Zn: 0.0014 * Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 3.9 As: 2.9 Fe: 0.054 Ni: 0.013 Co: 0.0078 * Au: н.о.					
ИИОР: 40364	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 2.7 Zn: 0.0017 * Bi: 1.2 Ag: 0.43 Sb: 3.9 As: 2.9 Fe: 0.063 Ni: 0.029 Co: 0.0058 * Au: н.о.					
ИИОР: 40365	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.0024 Bi: 1 Ag: 0.27 Sb: 2.1 As: 3.9 Fe: 0.086 Ni: 0.02 Co: 0.0053 * Au: 0.0002 *					
ИИОР: 40366	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 35 * Pb: 1.4 Zn: 0.001 * Bi: 1.4 Ag: 0.32 Sb: 2.3 As: 2.9 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0048 * Au: н.о.					
ИИОР: 40367	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 35 * Pb: 2 Zn: 0.001 * Bi: 1.2 Ag: 0.43 Sb: 2.7 As: 2.7 Fe: 0.024 Ni: 0.013 Co: 0.0048 * Au: н.о.					
ИИОР: 40368	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 30 * Pb: 1.8 Zn: 0.0017 * Bi: 1.2 Ag: 0.32 Sb: 2.1 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.015 Co: 0.0043 * Au: н.о.					
ИИОР: 40369	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 16 Pb: 1.1 Zn: 0.0024 Bi: 0.7 Ag: 0.27 Sb: 2 As: 1.4 Fe: 0.4 Ni: 0.0073 Co: 0.0039 * Au: н.о.					
ИИОР: 40370	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 23 Pb: 1.3 Zn: 0.0024 Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 2.3 As: 1.8 Fe: 0.02 Ni: 0.008 Co: 0.0036 * Au: н.о.					
ИИОР: 40371	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 20 Pb: 1.2 Zn: 0.0029 Bi: 1.2 Ag: 0.32 Sb: 2.5 As: 1.7 Fe: 0.35 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.					
ИИОР: 40372	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 30 * Pb: 1.4 Zn: 0.0024 Bi: 1.3 Ag: 0.43 Sb: 2.3 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.024 Co: 0.0039 * Au: н.о.					
ИИОР: 40373	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 5.7 Pb: 0.096 Zn: 0.0046 Bi: 0.085 Ag: 0.027 Sb: 0.47 As: 0.37 Fe: 0.0044 Ni: 0.0047 Co: 0.0024 * Au: н.о.					
ИИОР: 40374	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 7.6 Pb: 0.11 Zn: 0.0076 Bi: 0.077 Ag: 0.016 Sb: 0.55 As: 0.42 Fe: 0.028 Ni: 0.0067 Co: 0.0036 * Au: 0.0002 *					
ИИОР: 40375	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 6.9 Pb: 0.11 Zn: 0.0029 Bi: 0.085 Ag: 0.0048 Sb: 0.43 As: 0.37 Fe: 0.02 Ni: 0.0051 Co: 0.0021 * Au: н.о.					
ИИОР: 40376	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 0.054 Zn: 0.0076 Bi: 0.048 Ag: 0.0055 Sb: 0.43 As: 1.5 Fe: 0.017 Ni: 0.0039 Co: 0.0021 * Au: н.о.					

ИИОР: 40377	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 11	Pb: 0.096 Zn: 0.09	Bi: 0.1	Ag: 0.058 Sb: 0.64	As: 0.37 Fe: 0.017 Ni: 0.0073	Co: 0.0053* Au: 0.0005*
ИИОР: 40376	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.031 Zn: 0.01	Bi: 0.052	Ag: 0.0049 Sb: 0.4	As: 0.33 Fe: 0.086 Ni: 0.0039	Co: 0.0032* Au: 0.0003*
ИИОР: 40379	ПРЕДМЕТ: грена	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.6	Pb: 0.13 Zn: 0.01	Bi: 0.04	Ag: 0.058 Sb: 0.37	As: 0.33 Fe: 0.063 Ni: 0.013	Co: 0.0032* Au: 0.0004*
ИИОР: 40380	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 5.7	Pb: 0.096 Zn: 0.002	Bi: 0.094	Ag: 0.076 Sb: 0.51	As: 0.47 Fe: 0.054 Ni: 0.0043	Co: 0.0021* Au: 0.0026*
ИИОР: 40381	ПРЕДМЕТ: серьга с растр.	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 5.7	Pb: 10 Zn: 0.0029	Bi: 0.038	Ag: 0.14 Sb: 0.23	As: 0.3 Fe: 0.086 Ni: 0.078	Co: 0.012 Au: 0.001*
ИИОР: 40382	ПРЕДМЕТ: серьга-подвеска	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-15	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 1.2	Pb: 0.054 Zn: 0.0029	Bi: 0.03	Ag: 5.5 Sb: 0.073	As: 0.031 Fe: 2.1 Ni: 0.0051	Co: 0.0017* Au: 0.0005*
ИИОР: 40383	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.9	Pb: 0.26 Zn: 0.3	Bi: 0.056	Ag: 0.047 Sb: 0.15	As: 0.3 Fe: 0.2 Ni: 0.0021	Co: 0.0021* Au: н.о.
ИИОР: 40384	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.072 Zn: 0.064	Bi: 0.042	Ag: 0.023 Sb: 0.37	As: 0.21 Fe: 0.039 Ni: 0.0067	Co: 0.0024* Au: н.о.
ИИОР: 40385	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 30	Pb: 1.2 Zn: 0.0024	Bi: 0.23	Ag: 0.94 Sb: 3.3	As: 1 Fe: 0.063 Ni: 0.008	Co: 0.0036* Au: н.о.
ИИОР: 40386	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: <50 Sn: 49	Pb: 1.3 Zn: 0.0014*	Bi: 0.27	Ag: 0.94 Sb: 2.3	As: 1 Fe: 0.063 Ni: 0.012	Co: 0.0048* Au: н.о.
ИИОР: 40387	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: 150 Sn: 41	Pb: 1.1 Zn: 0.0017*	Bi: 0.23	Ag: 0.94 Sb: 3	As: 1 Fe: 0.13 Ni: 0.013	Co: 0.0043* Au: н.о.
ИИОР: 40388	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: 150 Sn: 43	Pb: 0.054 Zn: 0.0014*	Bi: 0.025	Ag: 0.0001* Sb: 0.073	As: 0.035 Fe: 0.23 Ni: 0.0016	Co: 0.0017* Au: н.о.
ИИОР: 40389	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-19	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 4.3	Pb: 0.062 Zn: 0.0024	Bi: 0.045	Ag: 0.076 Sb: 0.47	As: 0.47 Fe: 0.024 Ni: 0.0073	Co: 0.0014* Au: н.о.
ИИОР: 40390	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сд: OCH Sn: 3.6	Pb: 0.37 Zn: 0.0014*	Bi: 0.042	Ag: 0.65 Sb: 0.6	As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.013	Co: 0.0014* Au: 0.0053*

ИИОР: 40391	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 5.7	Pb: 0.062 Zn: 0.0008* Bi: 0.04	Ag: 0.023 Sb: 0.4	As: 0.33 Fe: 0.0007 Ni: 0.013	Co: 0.0058* Au: 0.0005*	
ИИОР: 40395	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 6.9	Pb: 1.7 Zn: 0.0059 Bi: 0.048	Ag: 0.14 Sb: 0.6	As: 0.19 Fe: 0.35 Ni: 0.0073	Co: 0.015 Au: 0.007*	
ИИОР: 40392	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74* Pb: 0.18 Zn: 0.001* Bi: 0.38	Ag: 0.57 Sb: 2	As: 1 Fe: 0.13 Ni: 0.018	Co: 0.0058* Au: н.о.		
ИИОР: 40393	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >50 Sn: 41* Pb: 0.083 Zn: 0.0012* Bi: 0.23	Ag: 0.57 Sb: 2	As: 0.79 Fe: 0.054 Ni: 0.0096	Co: 0.0036* Au: н.о.		
ИИОР: 40394	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-21	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74* Pb: 0.13 Zn: 0.0012* Bi: 0.38	Ag: 0.57 Sb: 1.7	As: 0.79 Fe: 0.086 Ni: 0.012	Co: 0.0053* Au: н.о.		
ИИОР: 40396	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 1.2	Pb: 0.096 Zn: 0.18 Bi: 0.042	Ag: 0.14 Sb: 0.099	As: 0.12 Fe: 0.35 Ni: 0.0019	Co: 0.0032* Au: н.о.	
ИИОР: 40397	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 6.2	Pb: 0.096 Zn: 0.22 Bi: 0.056	Ag: 0.0013* Sb: 0.27	As: 0.37 Fe: 0.18 Ni: 0.0021	Co: 0.0036* Au: н.о.	
ИИОР: 40398	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 3.2	Pb: 0.21 Zn: 0.59 Bi: 0.077	Ag: 0.047 Sb: 0.21	As: 0.3 Fe: 0.18 Ni: 0.0013	Co: 0.0039* Au: н.о.	
ИИОР: 40399	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 23	Pb: 0.15 Zn: 0.064 Bi: 0.23	Ag: 0.43 Sb: 0.96	As: 1 Fe: 0.2 Ni: 0.0067	Co: 0.0078* Au: н.о.	
ИИОР: 40400	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74* Pb: 0.26 Zn: 0.0046 Bi: 0.52	Ag: 0.43 Sb: 2	As: 1 Fe: 0.12 Ni: 0.013	Co: 0.0086* Au: н.о.		
ИИОР: 40401	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-2	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 35* Pb: 1.1 Zn: 0.035 Bi: 0.7	Ag: 0.43 Sb: 2.3	As: 1.2 Fe: 0.086 Ni: 0.012	Co: 0.0058* Au: н.о.		
ИИОР: 40402	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 4.3	Pb: 0.26 Zn: 0.0014* Bi: 0.032	Ag: 0.089 Sb: 0.3	As: 0.15 Fe: 0.12 Ni: 0.013	Co: 0.0032* Au: 0.0064*	
ИИОР: 40403	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 7.6	Pb: 0.26 Zn: 0.0059 Bi: 0.038	Ag: 0.14 Sb: 0.6	As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.22	Co: 0.025 Au: 0.0001*	
ИИОР: 40404	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: OCH Sn: 23	Pb: 0.3 Zn: 0.051 Bi: 0.17	Ag: 0.14 Sb: 1.8	As: 1.2 Fe: 0.73 Ni: 0.0047	Co: 0.0098* Au: н.о.	

ИИОР: 40405	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 0.3 Zn: 0.002 * Bi: 0.52 Ag: 0.43 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.086 Ni: 0.0047 Co: 0.011 Au: н.о.					
ИИОР: 40406	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 0.26 Zn: 0.09 Bi: 0.52 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.3 Fe: 0.73 Ni: 0.0073 Co: 0.013 Au: н.о.					
ИИОР: 40407	ПРЕДМЕТ: промизь	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0076 Bi: 0.025 Ag: 0.023 Sb: 0.15 As: 0.11 Fe: 0.063 Ni: 0.0043 Co: 0.0048 Au: н.о.					
ИИОР: 40408	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 5.7 Pb: 0.036 Zn: 0.0059 Bi: 0.038 Ag: 0.14 Sb: 1.8 As: 0.69 Fe: 0.01 Ni: 0.003 Co: 0.0032 Au: н.о.					
ИИОР: 40409	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.064 Bi: 1 Ag: 0.5 Sb: 0.75 As: 2.5 Fe: 0.45 Ni: 0.008 Co: 0.011 Au: 0.0004					
ИИОР: 40410	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 1.3 Zn: 0.0046 Bi: 0.8 Ag: 0.57 Sb: 2.1 As: 2.7 Fe: 0.23 Ni: 0.013 Co: 0.0078 Au: 0.0005					
ИИОР: 40411	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >15 Sn: 74 * Pb: 1.8 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 0.57 Sb: 3.5 As: 2.3 Fe: 0.18 Ni: 0.017 Co: 0.0086 Au: н.о.					
ИИОР: 40412	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 0.031 Zn: 0.064 Bi: 0.038 Ag: 0.063 Sb: 0.15 As: 0.12 Fe: 0.0053 Ni: 0.0017 Co: 0.0029 Au: н.о.					
ИИОР: 40413	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 7.6 Pb: 0.047 Zn: 0.064 Bi: 0.032 Ag: 0.066 Sb: 0.32 As: 0.3 Fe: 0.039 Ni: 0.0096 Co: 0.0036 Au: н.о.					
ИИОР: 40414	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 3.6 Pb: 1.5 Zn: 0.0014 * Bi: 0.065 Ag: 0.023 Sb: 0.47 As: 0.69 Fe: 0.1 Ni: 0.0073 Co: 0.0032 Au: 0.0005					
ИИОР: 40415	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: <50 Sn: 49 * Pb: 3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.17 Ag: 0.14 Sb: 1.7 As: 2.7 Fe: 0.93 Ni: 0.011 Co: 0.0029 Au: н.о.					
ИИОР: 40416	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.0017 * Bi: 0.61 Ag: 0.65 Sb: 3 As: 2.1 Fe: 0.23 Ni: 0.015 Co: 0.0043 Au: н.о.					
ИИОР: 40417	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.0059 Bi: 0.8 Ag: 0.43 Sb: 0.64 As: 2 Fe: 0.27 Ni: 0.0043 Co: 0.0058 Au: 0.0005					
ИИОР: 40418	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Лавти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Cu: ОСН Sn: 23 Pb: 5.9 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.94 Sb: 1.9 As: 3.3 Fe: 0.31 Ni: 0.014 Co: 0.0032 Au: н.о.					

ИИОР: 40419	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 1.2 * Sb: 2.5 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40420	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 1.3 Ag: 0.65 Sb: 3.9 As: 4.2 Fe: 0.4 Ni: 0.02 Co: 0.0039 * Au: 0.0006 *				
ИИОР: 40421	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0012 * Bi: 0.32 Ag: 0.57 Sb: 3.3 As: 4.2 Fe: 0.27 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.0004 *				
ИИОР: 40422	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0014 * Bi: 0.38 Ag: 0.5 Sb: 3.9 As: 4.8 Fe: 0.12 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.				
ИИОР: 40423	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <58 Sn: 49 * Pb: 5.4 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.7 Fe: 0.18 Ni: 0.0073 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40424	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <58 Sn: 49 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.83 Sb: 2.3 As: 3.3 Fe: 0.35 Ni: 0.012 Co: 0.0032 * Au: 0.0003 *				
ИИОР: 40425	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.23 Sb: 0.35 As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.011 Co: 0.0032 * Au: 0.0015 *				
ИИОР: 40426	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 10 Pb: 7.1 * Zn: 0.053 Bi: 0.38 Ag: 0.058 Sb: 0.64 As: 0.61 Fe: 0.033 Ni: 0.003 Co: 0.0043 * Au: 0.0022 *				
ИИОР: 40427	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 10 Pb: 7.7 * Zn: 0.09 Bi: 0.38 Ag: 0.23 Sb: 0.6 As: 0.47 Fe: 0.039 Ni: 0.0025 Co: 0.0058 * Au: 0.001 *				
ИИОР: 40428	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: <58 Sn: 2.7 Pb: 0.3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.094 Ag: 0.089 Sb: 0.32 As: 0.47 Fe: 0.02 Ni: 0.014 Co: 0.0036 * Au: 0.0017 *				
ИИОР: 40429	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: <58 Sn: 0.047 Pb: 0.11 Zn: 0.0024 * Bi: 0.045 Ag: 0.14 Sb: 0.029 As: 1.8 Fe: 0.046 Ni: 0.043 Co: 0.0039 * Au: 0.0013 *				
ИИОР: 40430	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: <58 Sn: 2.7 Pb: 0.093 Zn: 0.0076 Bi: 0.032 Ag: 0.058 Sb: 0.3 As: 0.61 Fe: 0.024 Ni: 0.011 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40431	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: <58 Sn: 2.5 Pb: 0.072 Zn: 0.0014 * Bi: 0.038 Ag: 0.016 Sb: 0.6 As: 0.79 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40432	ПУНКТ: Дзвти-Козм	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: серьга с растр.				
Сu: <58 Sn: 6.2 Pb: 9.5 * Zn: 0.002 * Bi: 0.085 Ag: 0.14 Sb: 0.55 As: 0.7 Fe: 0.054 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.007 *				

ИИОР: 40405	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 0.3 Zn: 0.002 * Bi: 0.52		Ag: 0.43 Sb: 2.1	As: 2.7 Fe: 0.006 Ni: 0.0047	Co: 0.011 Au: н.о.
ИИОР: 40406	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 0.26 Zn: 0.09 Bi: 0.52		Ag: 0.57 Sb: 2	As: 2.3 Fe: 0.73 Ni: 0.0073	Co: 0.013 Au: н.о.
ИИОР: 40407	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: промизь Cu: OCH Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0076 Bi: 0.025		Ag: 0.023 Sb: 0.15	As: 0.11 Fe: 0.063 Ni: 0.0043	Co: 0.0048 * Au: н.о.
ИИОР: 40408	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина Cu: OCH Sn: 5.7 Pb: 0.036 Zn: 0.0059 Bi: 0.038		Ag: 0.14 Sb: 1.8	As: 0.69 Fe: 0.01 Ni: 0.003	Co: 0.0032 * Au: н.о.
ИИОР: 40409	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.064 Bi: 1		Ag: 0.5 Sb: 0.75	As: 2.5 Fe: 0.45 Ni: 0.008	Co: 0.011 Au: 0.0004 *
ИИОР: 40410	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: <40 Sn: 59 * Pb: 1.3 Zn: 0.046 Bi: 0.8		Ag: 0.57 Sb: 2.1	As: 2.7 Fe: 0.23 Ni: 0.013	Co: 0.0078 * Au: 0.0005 *
ИИОР: 40411	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-5	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: >15 Sn: 74 * Pb: 1.8 Zn: 0.002 * Bi: 0.38		Ag: 0.57 Sb: 3.5	As: 2.3 Fe: 0.18 Ni: 0.017	Co: 0.0086 * Au: н.о.
ИИОР: 40412	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 0.031 Zn: 0.064 Bi: 0.038		Ag: 0.063 Sb: 0.15	As: 0.12 Fe: 0.0053 Ni: 0.0017	Co: 0.0029 * Au: н.о.
ИИОР: 40413	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет Cu: OCH Sn: 7.6 Pb: 0.047 Zn: 0.064 Bi: 0.032		Ag: 0.066 Sb: 0.32	As: 0.3 Fe: 0.039 Ni: 0.0096	Co: 0.0036 * Au: н.о.
ИИОР: 40414	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-6	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 1.5 Zn: 0.0014 * Bi: 0.065		Ag: 0.023 Sb: 0.47	As: 0.69 Fe: 0.1 Ni: 0.0073	Co: 0.0032 * Au: 0.0005 *
ИИОР: 40415	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: <50 Sn: 49 * Pb: 3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.17		Ag: 0.14 Sb: 1.7	As: 2.7 Fe: 0.93 Ni: 0.011	Co: 0.0029 * Au: н.о.
ИИОР: 40416	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.3 Zn: 0.0017 * Bi: 0.61		Ag: 0.65 Sb: 3	As: 2.1 Fe: 0.23 Ni: 0.015	Co: 0.0043 * Au: н.о.
ИИОР: 40417	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.0059 Bi: 0.8		Ag: 0.43 Sb: 0.64	As: 2 Fe: 0.27 Ni: 0.0043	Co: 0.0058 * Au: 0.0005 *
ИИОР: 40418	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бисер Cu: OCH Sn: 23 Pb: 5.9 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27		Ag: 0.94 Sb: 1.9	As: 3.3 Fe: 0.31 Ni: 0.014	Co: 0.0032 * Au: н.о.

ИИОР: 40419	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >20 Sn: 74 * Pb: 1.1 Zn: 0.002 * Bi: 0.38 Ag: 1.2 * Sb: 2.5 As: 1.8 Fe: 0.086 Ni: 0.013 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40420	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 1.3 Ag: 0.65 Sb: 3.9 As: 4.2 Fe: 0.4 Ni: 0.02 Co: 0.0039 * Au: 0.0006 *				
ИИОР: 40421	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0012 * Bi: 0.32 Ag: 0.57 Sb: 3.3 As: 4.2 Fe: 0.27 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.0004 *				
ИИОР: 40422	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: >15 Sn: 74 * Pb: 4.6 Zn: 0.0014 * Bi: 0.38 Ag: 0.5 Sb: 3.9 As: 4.8 Fe: 0.12 Ni: 0.008 Co: 0.0032 * Au: н.о.				
ИИОР: 40423	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <50 Sn: 49 * Pb: 5.4 Zn: 0.0014 * Bi: 0.27 Ag: 0.57 Sb: 2 As: 2.7 Fe: 0.18 Ni: 0.0073 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40424	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: висер				
Сu: <50 Sn: 49 * Pb: 5.9 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.83 Sb: 2.3 As: 3.3 Fe: 0.35 Ni: 0.012 Co: 0.0032 * Au: 0.0003 *				
ИИОР: 40425	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: OCH Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.002 * Bi: 0.27 Ag: 0.23 Sb: 0.35 As: 0.69 Fe: 0.02 Ni: 0.011 Co: 0.0032 * Au: 0.0015 *				
ИИОР: 40426	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: OCH Sn: 10 Pb: 7.1 * Zn: 0.053 Bi: 0.38 Ag: 0.058 Sb: 0.66 As: 0.61 Fe: 0.033 Ni: 0.003 Co: 0.0043 * Au: 0.0022 *				
ИИОР: 40427	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-3	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: OCH Sn: 10 Pb: 7.7 * Zn: 0.09 Bi: 0.38 Ag: 0.23 Sb: 0.6 As: 0.47 Fe: 0.039 Ni: 0.0025 Co: 0.0058 * Au: 0.001 *				
ИИОР: 40428	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: OCH Sn: 2.7 Pb: 0.3 Zn: 0.0014 * Bi: 0.094 Ag: 0.089 Sb: 0.32 As: 0.47 Fe: 0.02 Ni: 0.014 Co: 0.0036 * Au: 0.0017 *				
ИИОР: 40429	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: кольцо-вмс.				
Сu: OCH Sn: 0.047 Pb: 0.11 Zn: 0.0024 * Bi: 0.045 Ag: 0.14 Sb: 0.029 As: 1.8 Fe: 0.046 Ni: 0.043 Co: 0.0039 * Au: 0.00134				
ИИОР: 40430	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: браслет				
Сu: OCH Sn: 2.7 Pb: 0.083 Zn: 0.0076 Bi: 0.032 Ag: 0.058 Sb: 0.3 As: 0.61 Fe: 0.024 Ni: 0.011 Co: 0.0036 * Au: н.о.				
ИИОР: 40431	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-9	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: бусина				
Сu: OCH Sn: 2.5 Pb: 0.072 Zn: 0.0014 * Bi: 0.038 Ag: 0.016 Sb: 0.6 As: 0.79 Fe: 0.12 Ni: 0.013 Co: 0.0029 * Au: н.о.				
ИИОР: 40432	ПУНКТ: Азати-Козм	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
ПРЕДМЕТ: серьга с растр.				
Сu: OCH Sn: 8.2 Pb: 9.5 * Zn: 0.002 * Bi: 0.085 Ag: 0.14 Sb: 0.55 As: 0.7 Fe: 0.054 Ni: 0.015 Co: 0.0029 * Au: 0.007 * 2				

ИИОР: 40433	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 8.4 Pb: 5.9 Zn: 0.035 Bi: 0.048 Ag: 0.43 Sb: 0.6 As: 1 Fe: 2 Ni: 0.015 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40434	ПРЕДМЕТ: браслет	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 3.6 Pb: 3.5 Zn: 0.01 Bi: 0.051 Ag: 0.058 Sb: 0.51 As: 0.33 Fe: 2.1 Ni: 0.011 Co: 0.0032 Au: н.о.					
ИИОР: 40435	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-26	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 4.3 Pb: 0.13 Zn: 0.0059 Bi: 0.048 Ag: 0.0035 Sb: 0.64 As: 1 Fe: 0.028 Ni: 0.0061 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40436	ПРЕДМЕТ: серьга с растр.	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 1.2 Pb: 0.036 Zn: 0.0014 Bi: 0.037 Ag: 0.019 Sb: 0.32 As: 0.24 Fe: 0.15 Ni: 0.0073 Co: 0.0032 Au: 0.0016					3
ИИОР: 40437	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 1.7 Pb: 0.13 Zn: 0.035 Bi: 0.076 Ag: 0.0002 Sb: 0.32 As: 0.3 Fe: 0.024 Ni: 0.0033 Co: 0.0029 Au: н.о.					
ИИОР: 40438	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 16 Pb: 0.15 Zn: 0.0024 Bi: 0.23 Ag: 0.32 Sb: 2.7 As: 1.7 Fe: 0.086 Ni: 0.011 Co: 0.0053 Au: н.о.					
ИИОР: 40439	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >15 Sn: 74 Pb: 1.7 Zn: 0.01 Bi: 0.23 Ag: 0.23 Sb: 2.3 As: 2.1 Fe: 0.13 Ni: 0.018 Co: 0.0048 Au: н.о.					
ИИОР: 40440	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 Pb: 1.8 Zn: 0.022 Bi: 0.27 Ag: 0.32 Sb: 0.88 As: 2.1 Fe: 0.13 Ni: 0.0096 Co: 0.0039 Au: н.о.					
ИИОР: 40441	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >15 Sn: 74 Pb: 1.7 Zn: 0.0076 Bi: 0.52 Ag: 0.32 Sb: 3.9 As: 3.6 Fe: 0.23 Ni: 0.026 Co: 0.0058 Au: н.о.					
ИИОР: 40442	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-7	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: >20 Sn: 74 Pb: 1.4 Zn: 0.01 Bi: 1.3 Ag: 0.32 Sb: 2 As: 2 Fe: 0.45 Ni: 0.018 Co: 0.0078 Au: н.о.					1
ИИОР: 40443	ПРЕДМЕТ: бусина	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 0.67 Pb: 0.0041 Zn: 0.001 Bi: 0.0029 Ag: 0.023 Sb: 0.073 As: 0.17 Fe: 0.82 Ni: 0.0043 Co: 0.0036 Au: н.о.					2.
ИИОР: 40444	ПРЕДМЕТ: бляха с ушком	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 3 Pb: 1.1 Zn: 0.0012 Bi: 0.056 Ag: 0.023 Sb: 0.15 As: 0.17 Fe: 0.35 Ni: 0.0047 Co: 0.0029 Au: 0.0017					
ИИОР: 40445	ПРЕДМЕТ: бляха с ушком	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-25-1	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: 0,08 Sn: 0.58 Pb: 0.45 Zn: 0.0012 Bi: 0.076 Ag: 0.011 Sb: 0.027 As: 0.035 Fe: 0.017 Ni: 0.0056 Co: 0.0036 Au: 0.0011					
ИИОР: 40446	ПРЕДМЕТ: висер	ПУНКТ: Азати-Кози	КОМПЛЕКС: п.-8	МУЗЕЙ:	ХИМ. ГР.:
Сu: <50 Sn: 41 Pb: 1.3 Zn: 0.001 Bi: 0.7 Ag: 0.32 Sb: 0.96 As: 8.8 Fe: 0.45 Ni: 0.0073 Co: 0.0065 Au: 0.0002					

ИИОР: 40447
 ПРЕДМЕТ: висер ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-8 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: >10 Sn: 74 * Pb: 1.7 Zn: 0.0012 * Bi: 0.7 Ag: 0.43 Sb: 0.92 As: 7.6 Fe: 0.82 Ni: 0.0096 Co: 0.0078 * Au: 0.0002 *

ИИОР: 40448
 ПРЕДМЕТ: висер ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-8 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: >10 Sn: 74 * Pb: 1.4 Zn: 0.001 * Bi: 0.7 Ag: 0.32 Sb: 1.1 As: 7.6 Fe: 0.82 Ni: 0.011 Co: 0.0058 * Au: 0.0005 *

ИИОР: 40449
 ПРЕДМЕТ: бляха с ушком ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 3.6 Pb: 0.036 Zn: 0.0012 * Bi: 0.06 Ag: 0.14 Sb: 0.23 As: 0.33 Fe: 0.054 Ni: 0.0073 Co: 0.0014 * Au: н.о.

ИИОР: 40450
 ПРЕДМЕТ: кривк ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 5.7 Pb: 0.26 Zn: 0.0012 * Bi: 0.03 Ag: 0.0011 * Sb: 0.085 As: 0.039 Fe: 0.4 Ni: 0.0051 Co: 0.0048 * Au: н.о.

ИИОР: 40451
 ПРЕДМЕТ: браслет ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 1 Pb: 0.13 Zn: 0.0008 * Bi: 0.03 Ag: 0.019 Sb: 0.099 As: 0.12 Fe: 0.046 Ni: 0.0025 Co: 0.0011 * Au: н.о.

ИИОР: 40452
 ПРЕДМЕТ: кольцо ПУНКТ: Азтит-Кози КОМПЛЕКС: п.-3 МУЗЕЙ: ХИМ. ГР.:
 Cu: OCH Sn: 1.6 Pb: 0.031 Zn: 0.0017 * Bi: 0.076 Ag: 0.016 Sb: 0.099 As: 0.1 Fe: 0.13 Ni: 0.0007 Co: 0.0017 * Au: 0.0012 *

Знаком * помечены присвоенные значения концентрации элементов

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА.....	7
ГЛАВА II. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II-ТЫС. ДО Н.Э.....	14
§1. Археологический комплекс IV жилого горизонта поселения Саразм.....	16
§2. Интерпретация археологических комплексов финальной стадии поселения Саразм.....	30
§3. Вопросы хронологии IV горизонта.....	51
§4. Раскопки и исследовании погребения Зардча - Халифа.....	56
ГЛАВА III. СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II- ТЫС, ДО Н,Э.....	65
§1. Открытие и исследование могильника Дашти - Казы.....	66
§ 2. Классификация и интерпретация археологических комплексов.....	88
§3. Относительный и абсолютные вопросы хронологии могильника Дашти - Казы.....	96
§4. Хозяйство, общественный уклад и культовые воззрени.....	108
§ 5. Вопросы происхождения скотоводческой культуры верховья Зарафшана.....	114

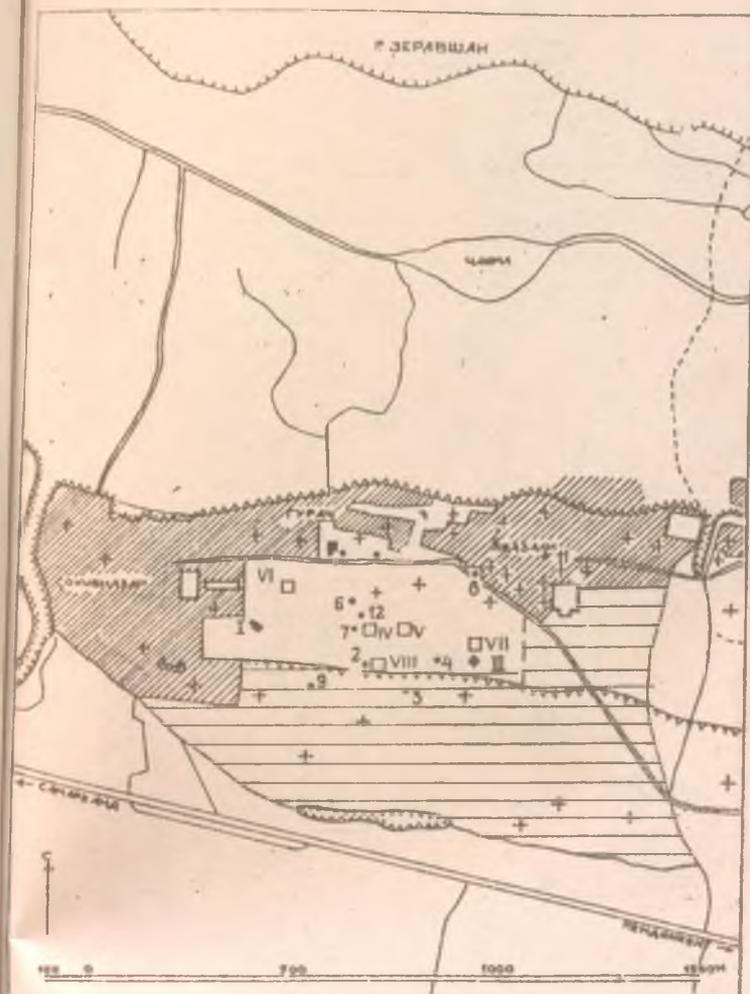
рактизовать строительные остатки шести раскопок - II, III, IV, V, VI, VII.

а) **Раскоп II.** Финальный этап этого периода раскопа исследован на площади 1600 м². Зафиксированная поверхность четвертого жилого горизонта расположена на глубине от 20 до 30 см, в зависимости от рельефа дневной поверхности. На этом горизонте не было обнаружено остатков жилых помещений. Следы круглых очагов - обогревателей, заполненные треснувшими речными камнями и остатками каких - то мостовых с галечной засыпкой, свидетельствуют о том, что в этот период здесь жили люди. Такая сохранность следов жизни объясняется тем, что к этому периоду строительное дело проходит в упадок. Очевидно, глинобитные стены имели временный характер. Но тем не менее, обращают на себя внимание остатки упомянутых ям с камнями, несколько чашевидных лунок от очагов и единственный уцелевший прямоугольник маленький алтарь с двойным невысоким бордюром и лункой по середине. Ямы представляют собой круглые в плане углубления диаметром от 60 до 100 см глубиной 10 - 15 см. Изнутри ямы были заполнены бесформенными речными кайраками. Их расчистка показала, что ямы некогда выполняли роль обогревателя. Дело в том, что кайраки сильно потресканы и вместе с ними обнаружено значительное количество обуглившейся древесины. Сооружение, обнаруженное в западной части, размером 150 - 160 см, напоминает остатки вымостки пола из небольших плоских камней. Здесь следов огня не обнаружено.

К этому периоду относятся и ряд весьма интересных сооружений, требующих особого внимания. При раскопках остальной территории четвертого жилого горизонта были обнаружены две разрушенные и одна полностью сохранившаяся ямки. Из двух первых сохранились лишь центральная ямка, диаметр которой колеблется от 17 до 22 см при глубине 15 - 18 см. Стенки и пол имеют коричнево - красный цвет. Оба очага были заполнены золой.

Интересен неразрушенный прямоугольный маленький алтарь, устроенный на полу помещении в юго - западном

ГЛАВА IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО- СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ.....	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	134
ЛИТЕРАТУРА.....	136
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	147
ТАБЛИЦА ХИМИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ.....	148
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	

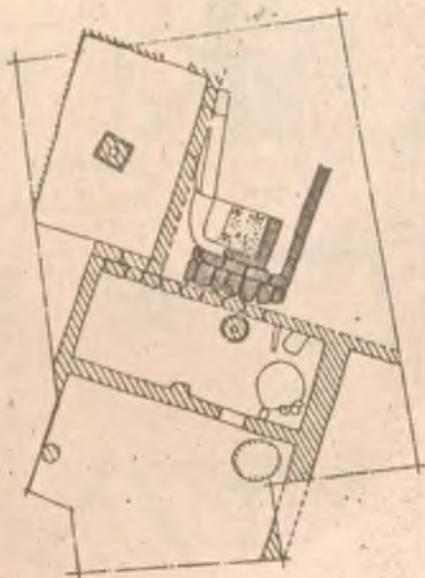
Условные обозначения:

- ШУРФЫ
- РАСКОПЫ
- + СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ
- □ СОХРАНИВШАЯСЯ ЧАСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ
- ▬ ТАБАЧНАЯ ПЛАНТАЦИЯ
- ▨ ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ

Рис. I Саразм : план поселения

СВРВЗМ 1985
РАСКОП VI

п л а н

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Рис. 3 план УI раскопа.

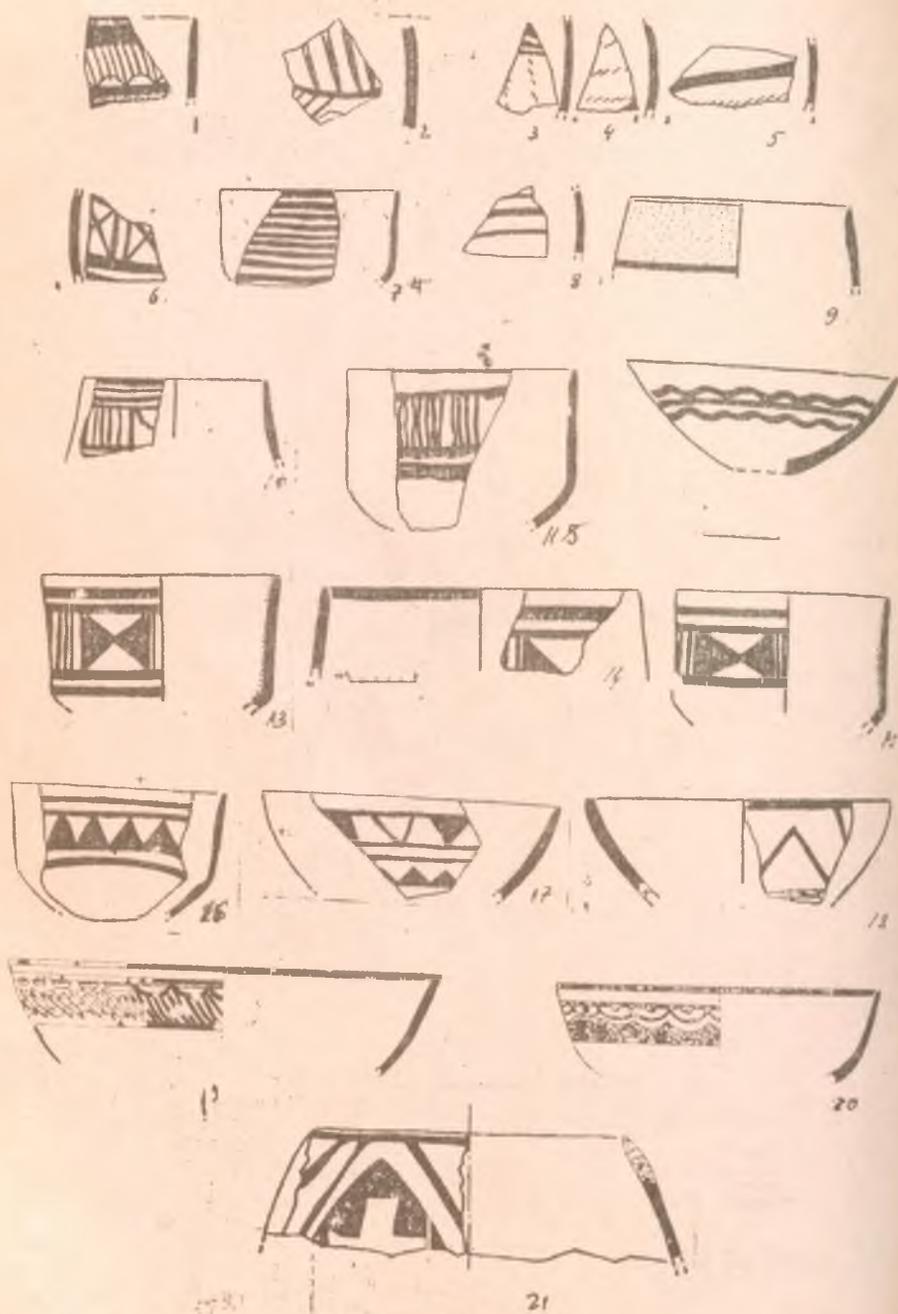

Рис. 5 Сарай. Расписная эраица.

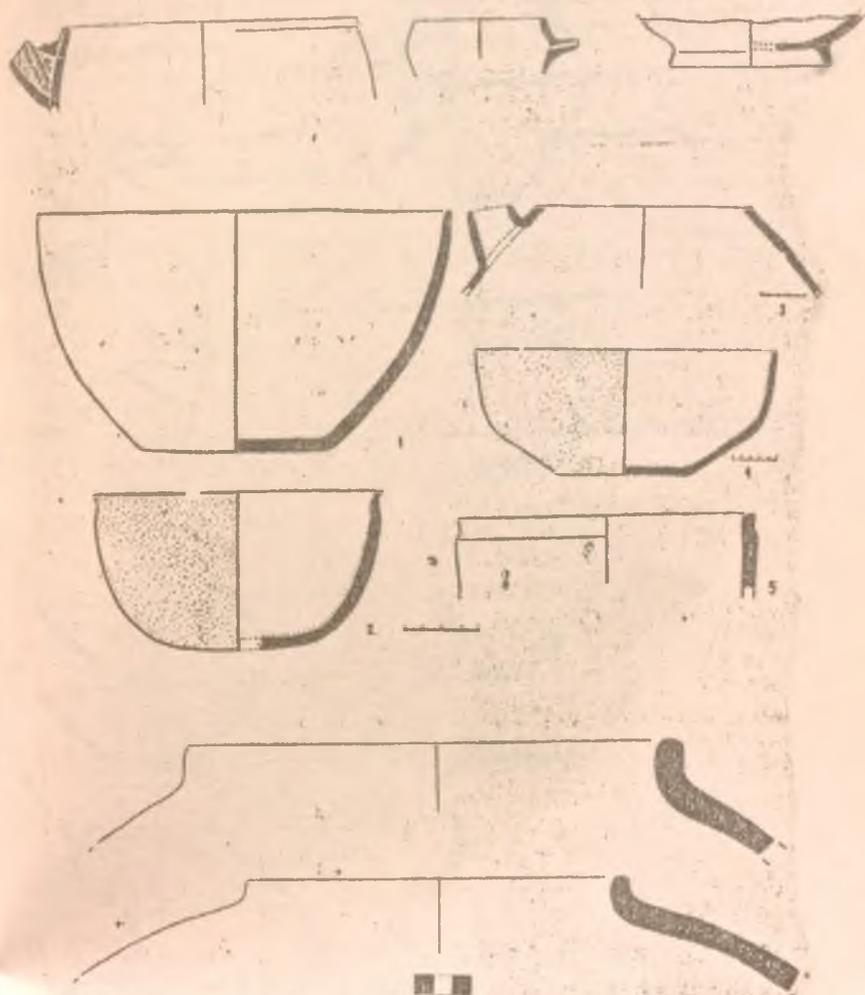

Рис.6 Саразм: Керамика IV горизонта

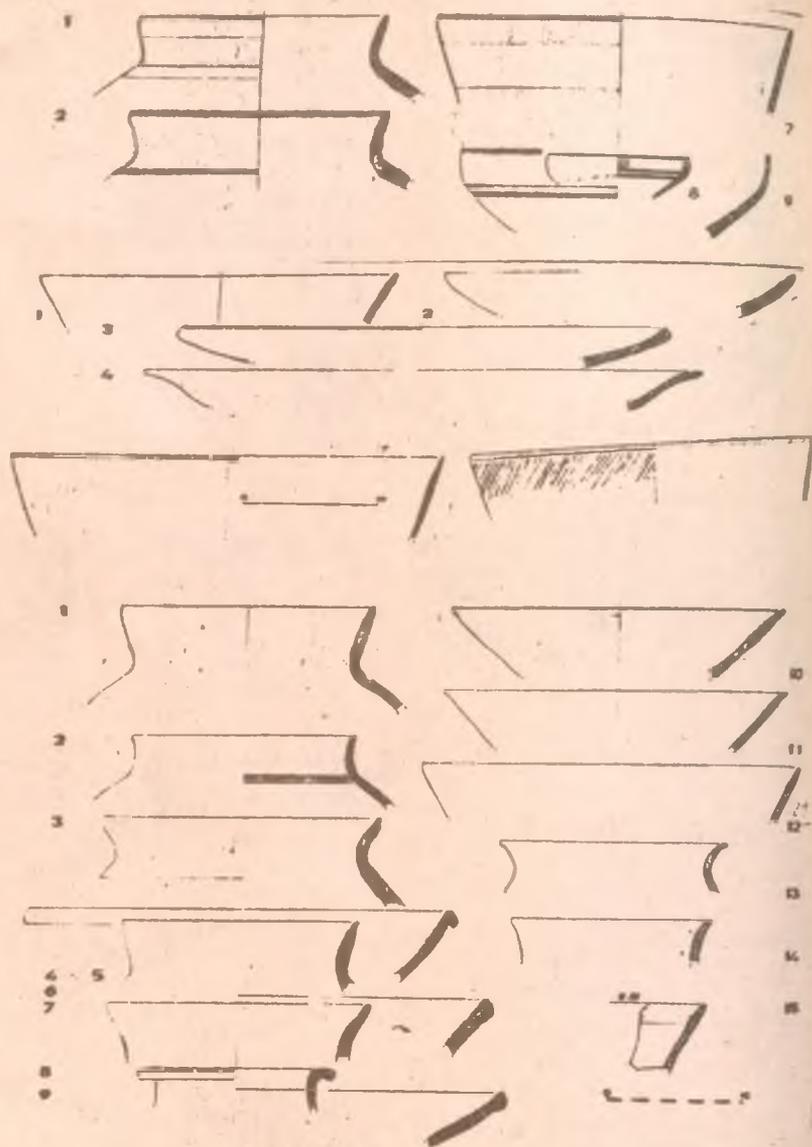

Рис.7 Саразм: Керамика IV горизонта

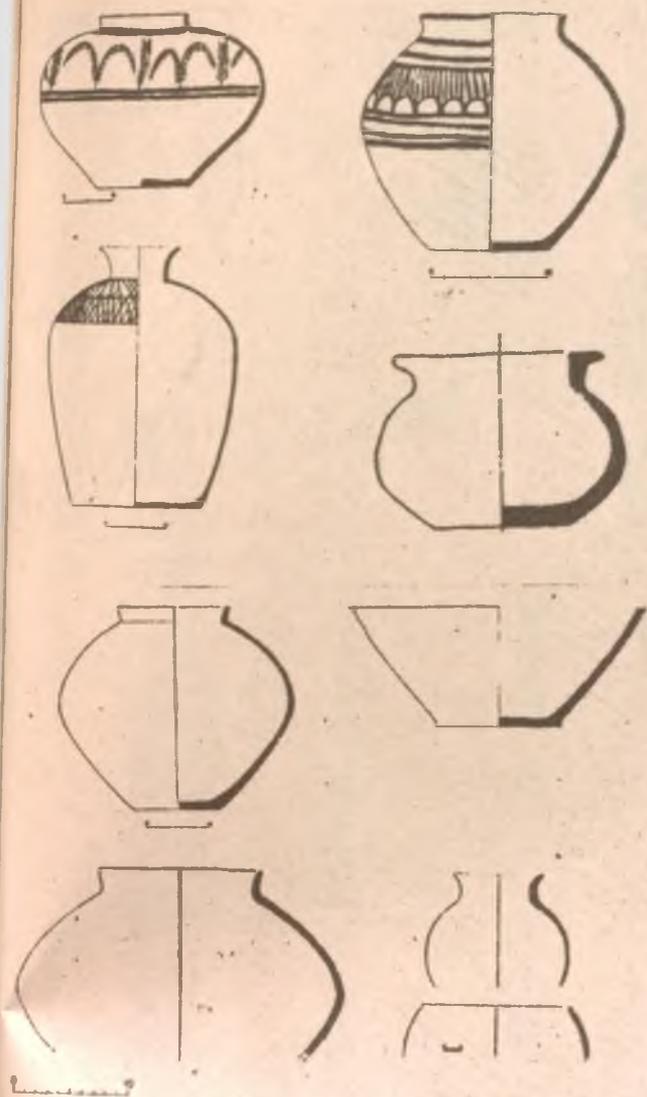

Рис. 8 Сарази: Керамика IV горизонта

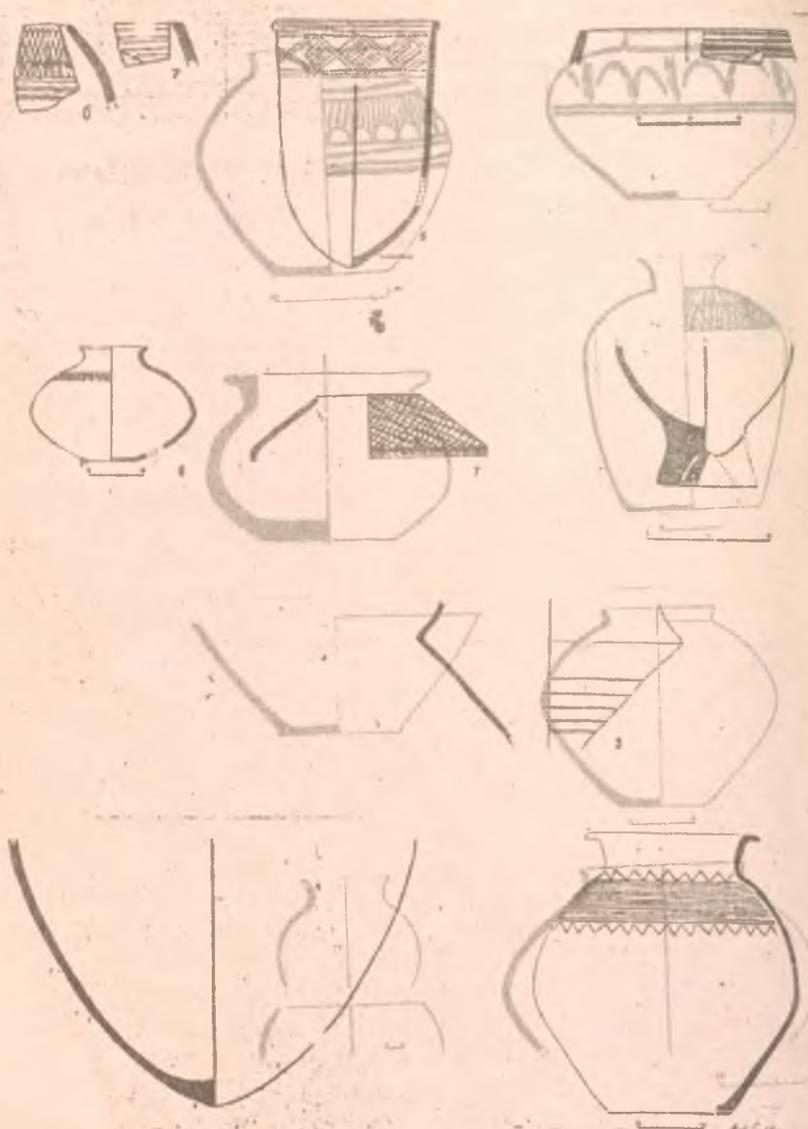

Рис. 8. Саразм: Керамика II горизонта

Рис. 9 Саразм: Керамика III горизонта

Рис. 10 Саразм : Металлические изделия

углу раскопа. Алтарь слегка вытянут с запада на восток, размером 65 - 75 см. Толщина стенки 5 - 10 см, диаметр очажной ямы 15 см, глубина 18 см, высота до 10 см. Яма расположена посередине прямоугольного алтаря и заполнена доверху золотой древесины. Стенки и пол ямы, включая места вокруг ямы до 15 - 20 см, сильно обгорели. Кирпично - красный цвет стенки ямы напоминает цвет лепного сосуда. В этом горизонте не сохранилось остатков каких - либо жилых построек. Нам удалось определить, что этот период представляет собой самостоятельный горизонт, не связанный с ниже лежащими, более ранними жилыми горизонтами.

Раскоп III. На этом раскопе исследовано 400 м² площади, относящихся к трем жилым горизонтам, последний относится к позднему этапу Саразма. В юго - западном углу раскопа были обнаружены остатки трех помещений 13, 14 и 15 (Исаков, 1991 а.). Они прямоугольные, значительных размеров, стены толщиной 70 см. сложены из сырца, сохранились высотой до 50 см.

К северу от этих помещений раскопана незастроенная площадка, являющаяся двориком. На этом участке раскопана двухкамерная гончарная печь, на уровне пола помещения 14. По своей конструкции она отличается от печей Сапаллитена. Топка была вырыта в полу помещения и вытянута с запада на восток на 80 x 40 см

Справа от топки устроена обжигательная камера размером 100 x 60 см. На полу обжигательной камеры была уложена плоские кайраки, видимо, с целью сохранить надолго температуру огня.

Застройки последнего периода, как указывалось ранее, имели временный характер.

Раскоп IV. Строяния последнего периода этого раскопа представлены семью помещениями (Исаков, 1991 а.). По определению А.И.Исакова, эти помещения имели культовое назначение. В этом горизонте в юго - восточном углу помещения 3 обнаружена двухкамерная гончарная печь крупного размера. По своему устройству она аналогична печи из раскопа III периода Саразм IV.

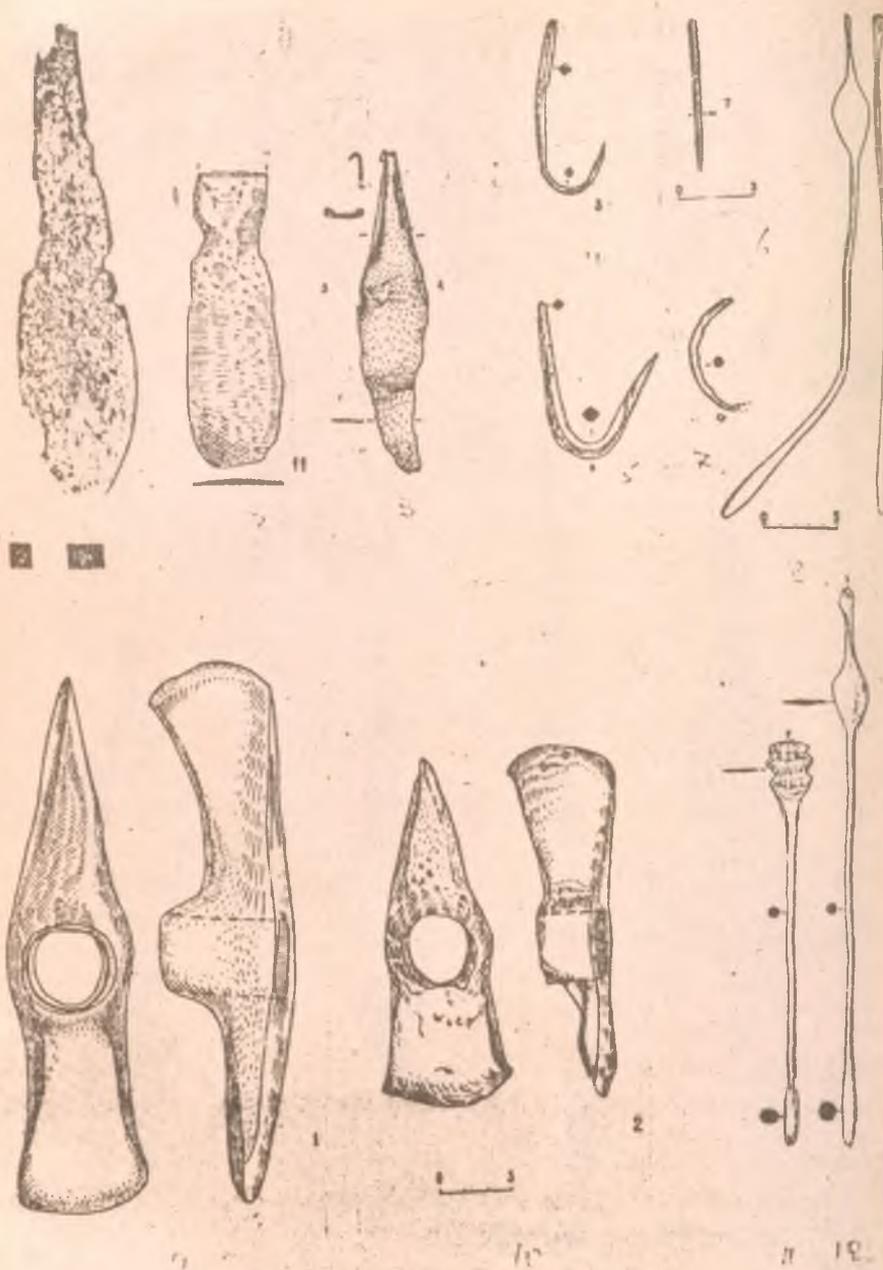

Рис. II. Саразм: Металлические изделия

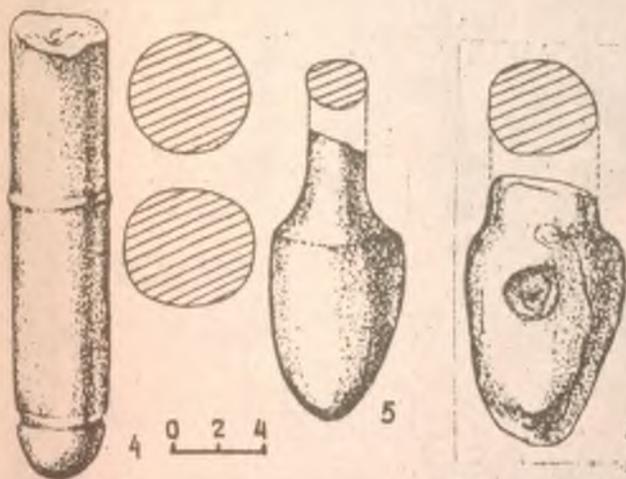

Рис. 12 Сарези Каменные изделия

Рис. 13 Саразм: Каменные изделия

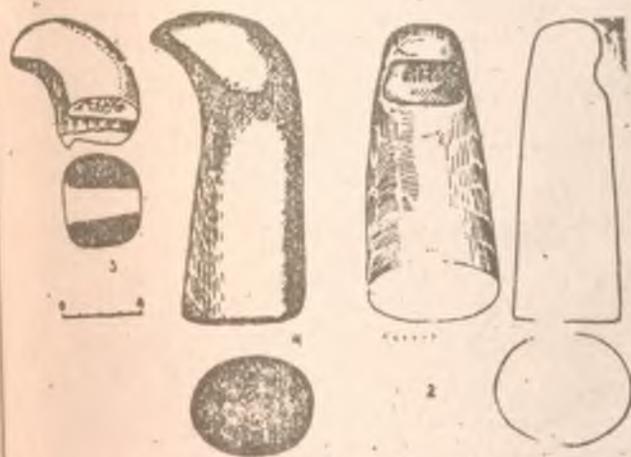
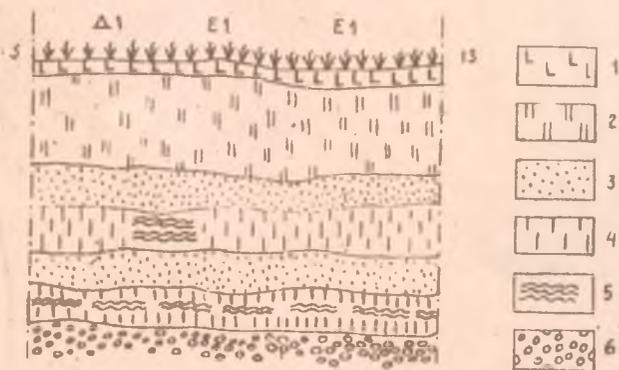
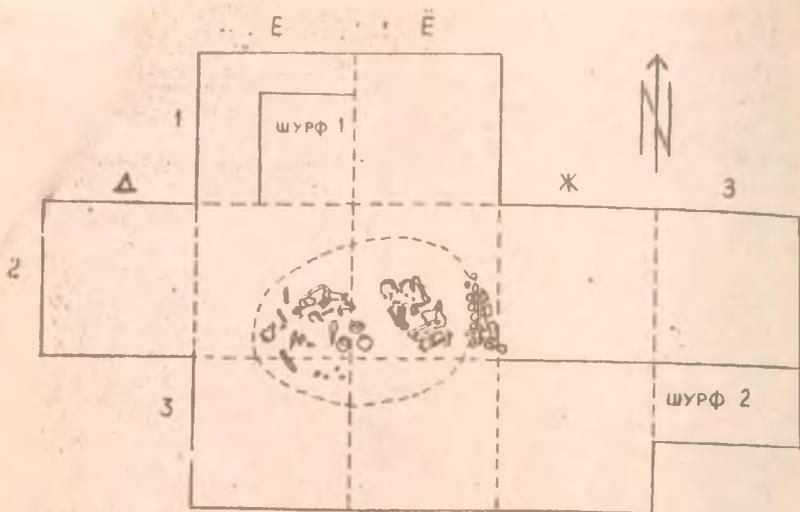

Рис. I4 Саразм : Печати и жезлы.

М: 0 1 2 м

Рис. 15 Бардчи-Халифа : план и разрез погребения

0 20 40

Рис. 16 Зардиа-Халифа: план погребения

Рис. 18 Зрадча-Халифа: Металлические изделия, каменные изделия: 1-14 бронза, 15-16 золото, 17-каменный фалис

Рис. 21 Дашти-Кози : Общий план местности

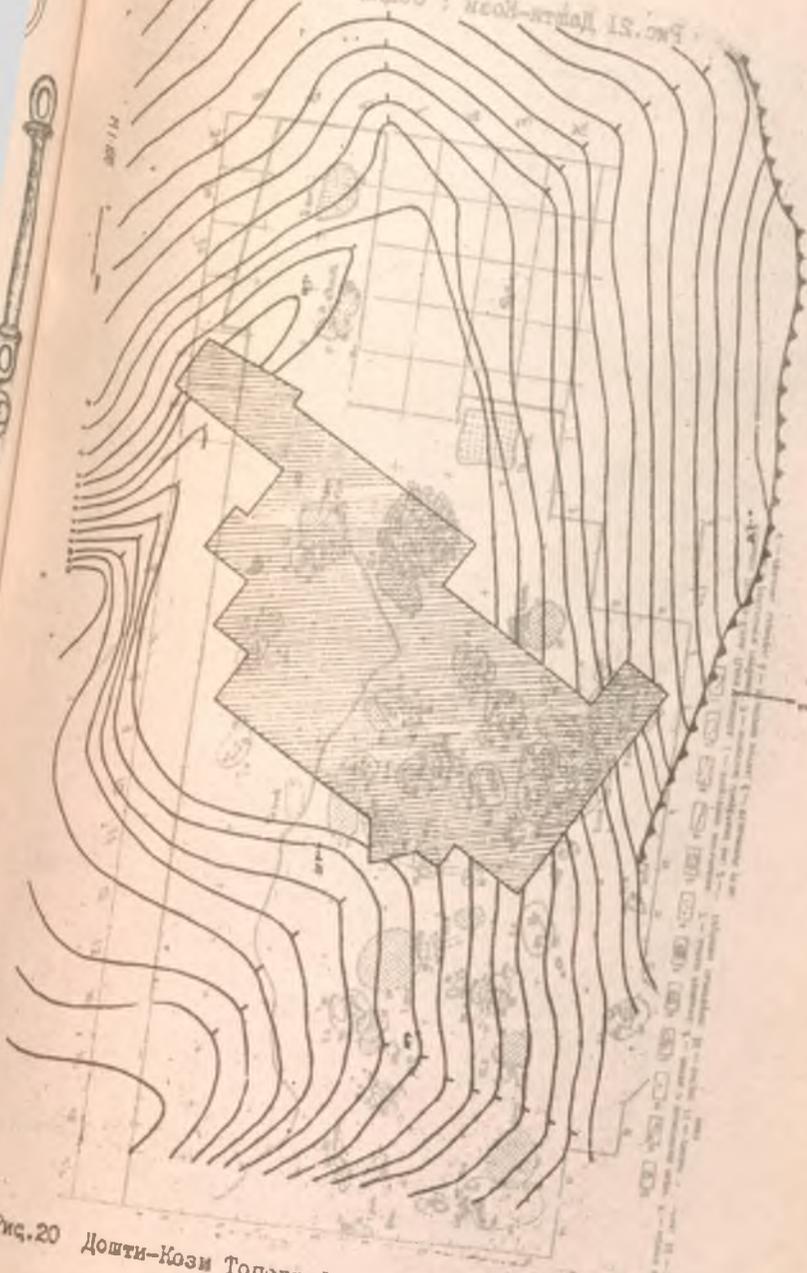
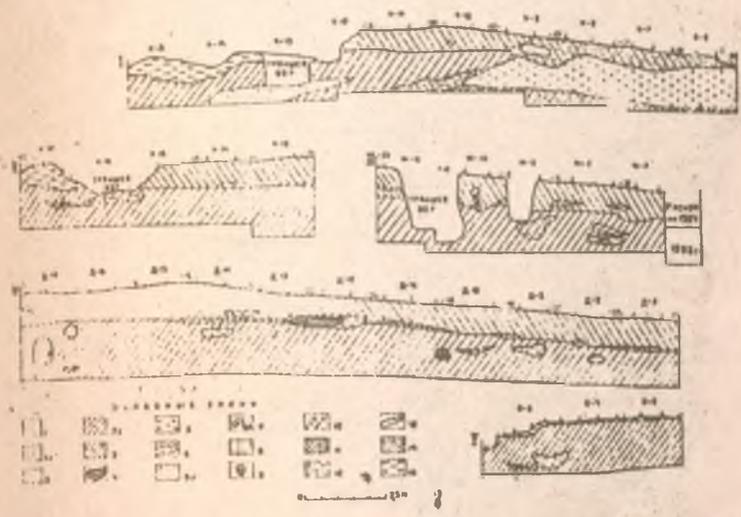

Рис. 20 Дашти-Кози Топографический план

в,
кмс

негильник ДАШТИ-КОЗИ 1983-86 гг

Разрезы южной стеной раскопа

негильник Дашти-Кози
План и разрез траншеи

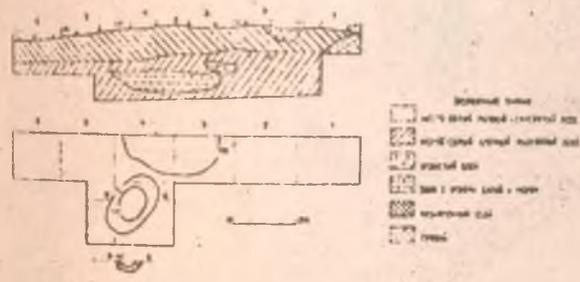

Рис.22 Дашти-Кози : План и разрез

Раскоп V. На строительных остатках на площади 500 м² обнаружены отрезки стен крупного культового помещения из двух рядов сырцов кирпичей с дисковидным алтарем по середине (рис. 2). Обнаруженные небольшие отрезки сохранились от каких - то строений и по ним невозможно установить четкую планировку, но можно говорить о том, что в этом горизонтесуществовали жилой и культовый комплекс (рис.2). Что касается других строений, то если они и существовали, то позже были уничтожены при земляных работах.

Раскоп VI. Строения последнего периода раскопа также разрушены до основания. Обнаружены остатки гончарной печи и отрезки стены из кирпичей размерами 50 x 10 см. Размеры обжигательной камеры 80 x 80 см(рис.3), ширина топки - 48 см, длина - 80 см, дно - 40 см. Эта печь по устройству близка к печам раскопа III и IV. Что касается остальной части площади раскопа, то на поверхности исследуемого горизонта были обнаружены следы кострищ и остатки лунок от какого - то сооружения.

Раскоп VII. На площади 360 м² этого раскопа удалось обнаружить остатки ряда жилых помещений. Все они были сильно разрушены. Высота сохранившихся стен от 10 до 25 см, в некоторых же местах следы стен едва прослеживаются. По сохранившимся стенам установлено, что, отличаясь друг от друга по плану и величине, все помещения были прямоугольными (рис. 4. А.Б.). На полу ряда из них обнаружены остатки гончарных печей и многочисленные фрагменты сосудов, впоследствии они были восстановлены. На полу двух помещений были обнаружены округлые ямы различного размера (рис. 4.Б).

Интерес представляет округлого плана керамическая печь диаметром 2,4м, и расположенная в северо - восточном углу раскопа. В северной части раскопа обнаружен обогреватель овального типа, диаметром по вытянутой стороне 1, 4 м. На этом же раскопе было обнаружено округлое глиняное ограждение. В свою очередь, это ограждение и вся поверхность круга высощены плоскими речными кайраками. Такими отборными камешками была высощена и внутренность

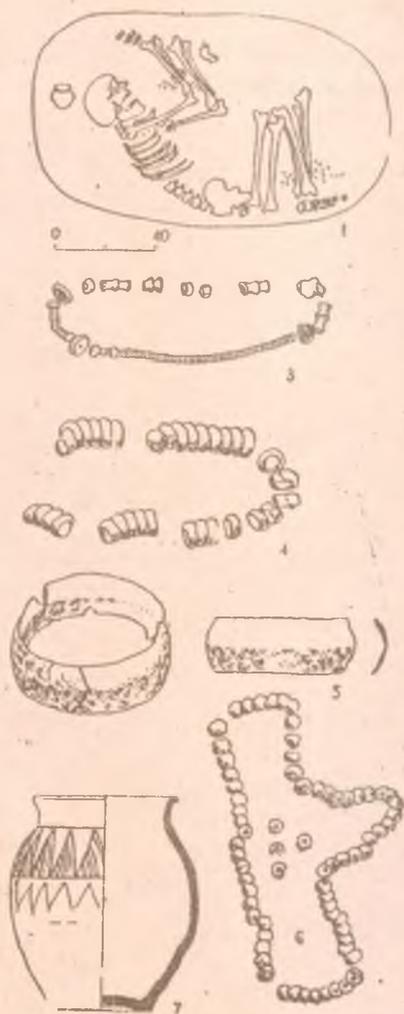

Рис. 23 Дашти-Кози: план погребения I, археологический комплекс.

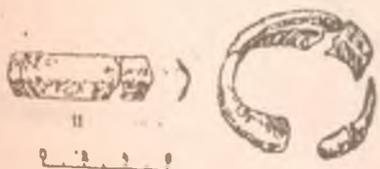

Рис. 24 Дашти-Кози : Археологический комплекс погребения II

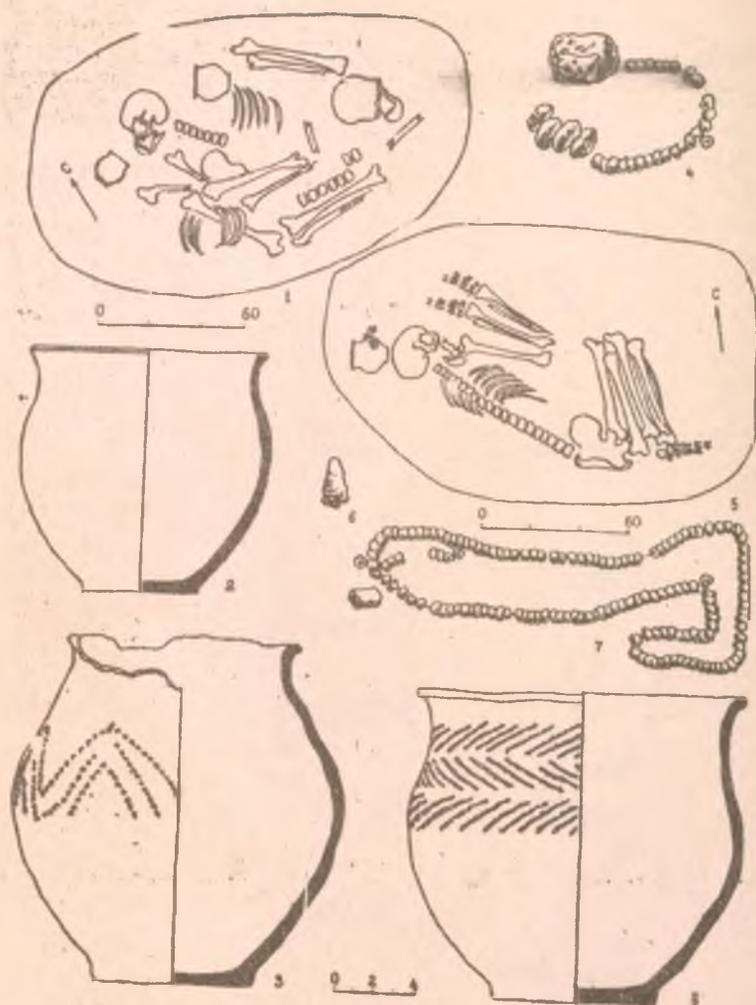

Рис. 25 Дашти-Кози : Археологический комплекс
Погребение 4,5

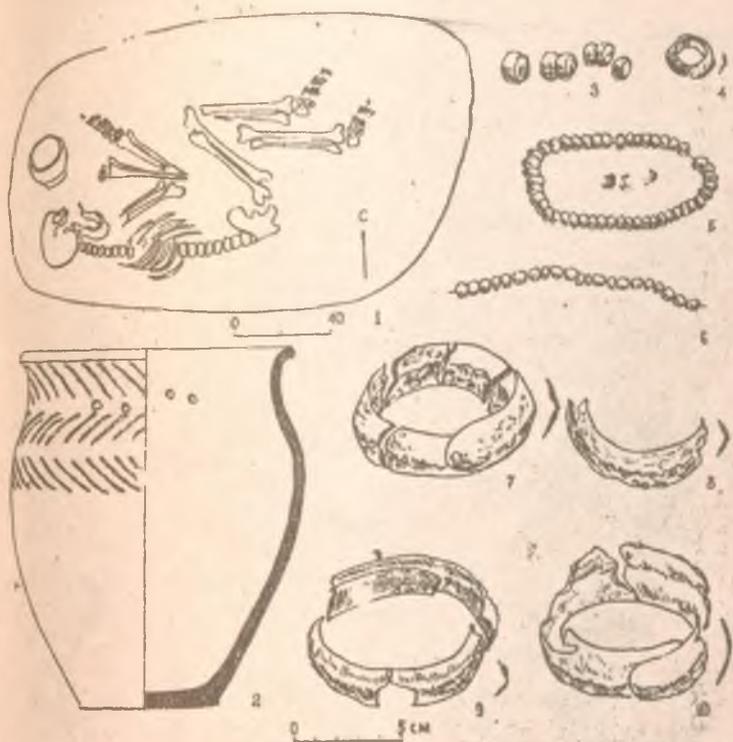
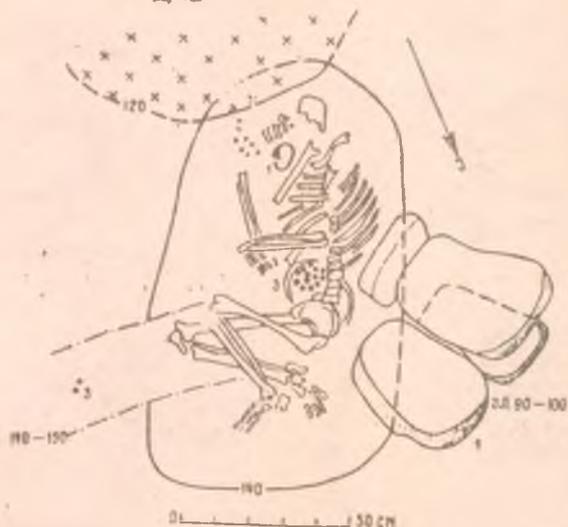

Рис. 26 Дашти-Кюзи: Археологический комплекс погребение 76

ПОГРЕБЕНИЕ 7

Кв Д-10

Условные знаки

- СЕРЬГА С РАСТРУВОМ
- БИСЕР
- ИРРИНЫЕ ВУСЫ
- КАМНИ
- УГРИСТЫЕ ПЯТНА

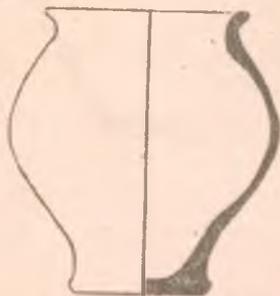
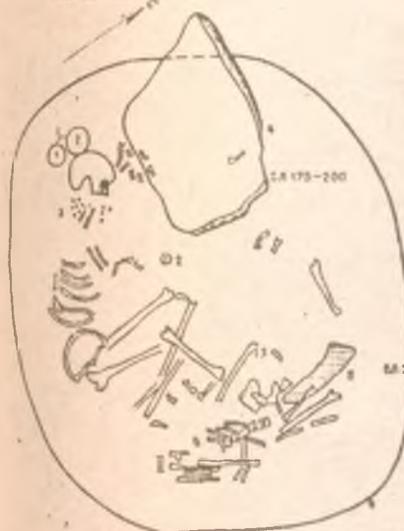

Рис 27. Дашти-Кози: Археологический комплекс
Погребение 7

Погребение 8
 № Д-13.14

Условные знаки

- сосуды с черепом
- бронзовые зеркала
- бронзовый орнамент
- медная плита
- коричневый таз
- кости первого скелета
- кости второго скелета

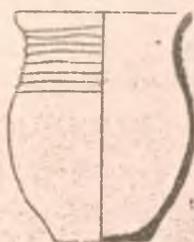

Рис. 28 Дашти-Кози : Археологический комплекс
 Погребение 8

Погребение 9

Кв. Г.Д-9

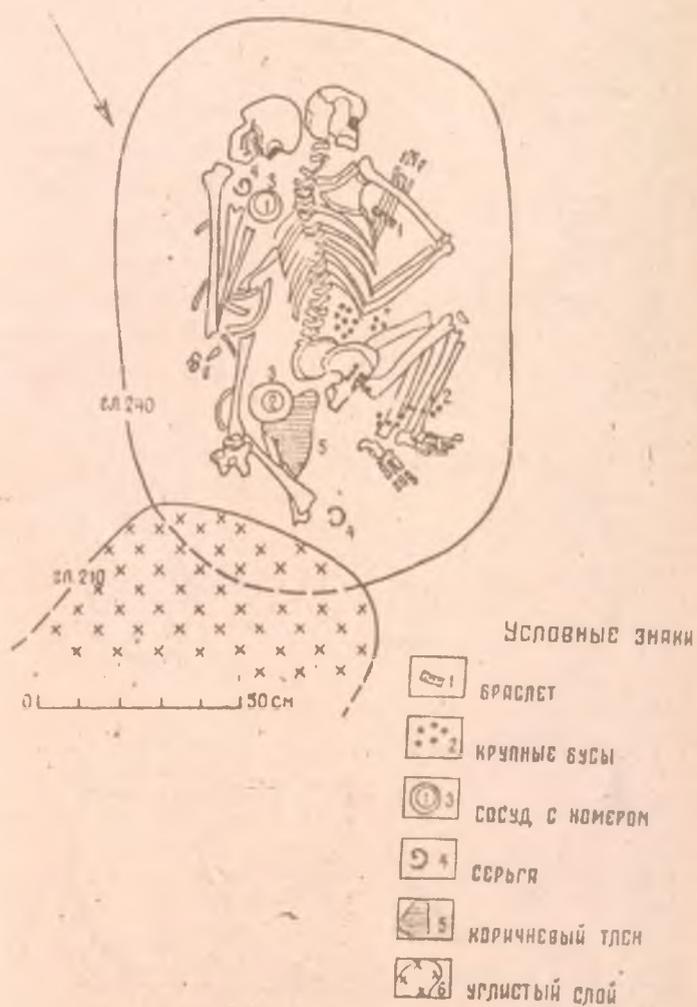
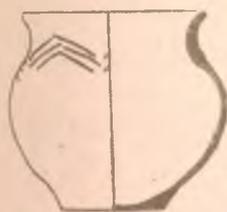
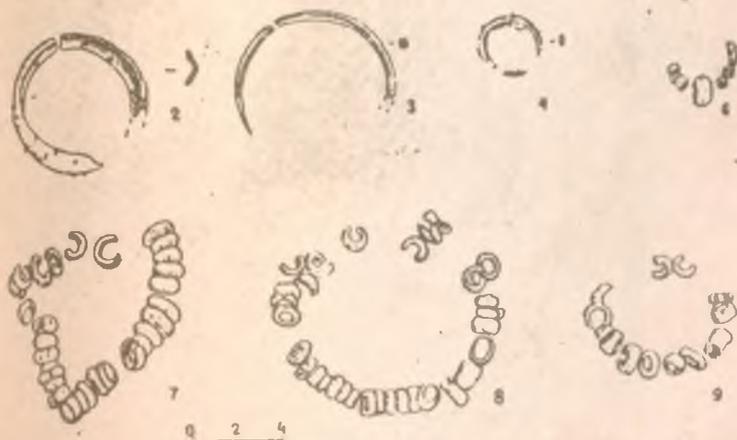
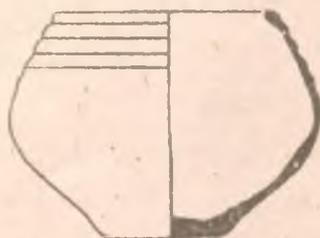

Рис. 29 Дашти-Кози: план погребения 9

0 20 40

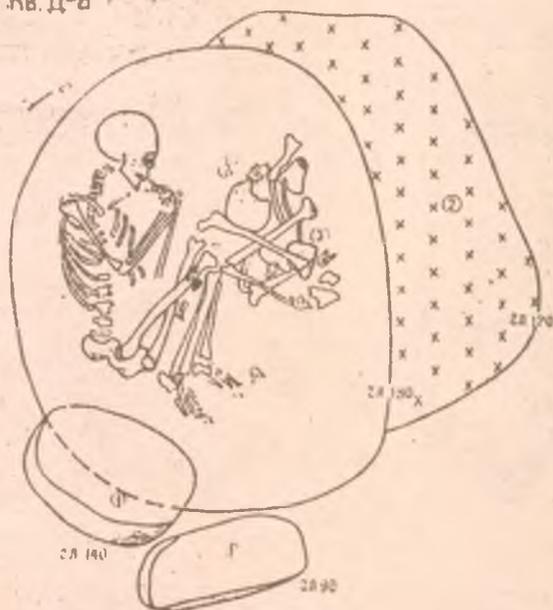
0 2 4

11

рис. 30 Дашти-Кози: Археологический комплекс погребения 9

Погребение 10
Кв. Д-8

Нервовые знаки

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200

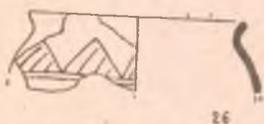
кирпич

кирпичный обломок

кирпичный фрагмент сисуда

26

27

Рис. 31. Дашти-Кози: план и археологический комплекс погребения 10

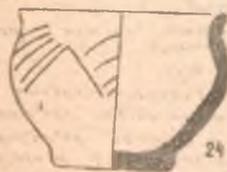
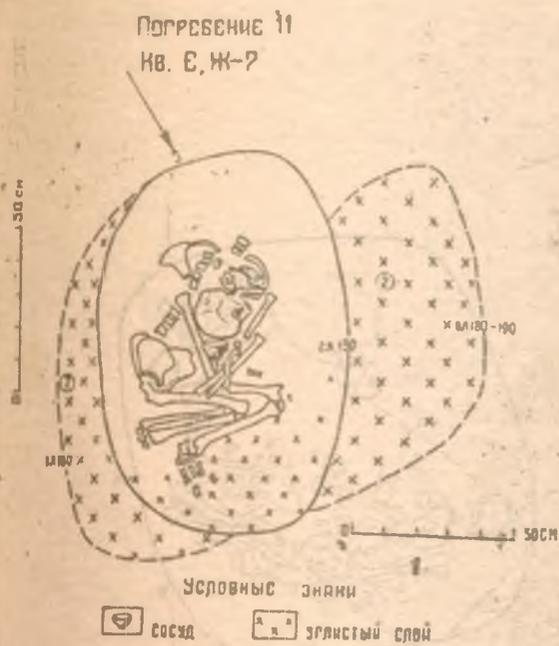

Рис. 32 Дашти-Кози: план погребения II

углу раскопа. Алтарь слегка вытянут с запада на восток, размером 65 - 75 см. Толщина стенки 5 - 10 см, диаметр очажной ямы 15 см, глубина 18 см, высота до 10 см. Яма расположена посередине прямоугольного алтаря и заполнена доверху золотой древесины. Стенки и пол ямы, включая места вокруг ямы до 15 - 20 см, сильно обгорели. Кирпично - красный цвет стенки ямы напоминает цвет лепного сосуда. В этом горизонте не сохранилось остатков каких - либо жилых построек. Нам удалось определить, что этот период представляет собой самостоятельный горизонт, не связанный с ниже лежащими, более ранними жилыми горизонтами.

Раскоп III. На этом раскопе исследовано 400 м² площади, относящихся к трем жилым горизонтам, последний относится к позднему этапу Саразма. В юго - западном углу раскопа были обнаружены остатки трех помещений 13, 14 и 15 (Исаков, 1991 а.). Они прямоугольные, значительных размеров, стены толщиной 70 см. сложены из сырца, сохранились высотой до 50 см.

К северу от этих помещений раскопана незастроенная площадка, являющаяся двориком. На этом участке раскопана двухкамерная гончарная печь, на уровне пола помещения 14. По своей конструкции она отличается от печей Сапаллитепе. Топка была вырыта в полу помещения и вытянута с запада на восток на 80 x 40 см

Справа от топки устроена обжигательная камера размером 100 x 60 см. На полу обжигательной камеры была уложена плоские кайраки, видимо, с целью сохранить надолго температуру огня.

Застройки последнего периода, как указывалось ранее, имели временный характер.

Раскоп IV. Стрoения последнего периода этого раскопа представлены семью помещениями (Исаков, 1991 а.). По определению А.И.Исакова, эти помещения имели культовое назначение. В этом горизонте в юго - восточном углу помещения 3 обнаружена двухкамерная гончарная печь крупного размера. По своему устройству она аналогична печи из раскопа III периода Саразм IV.

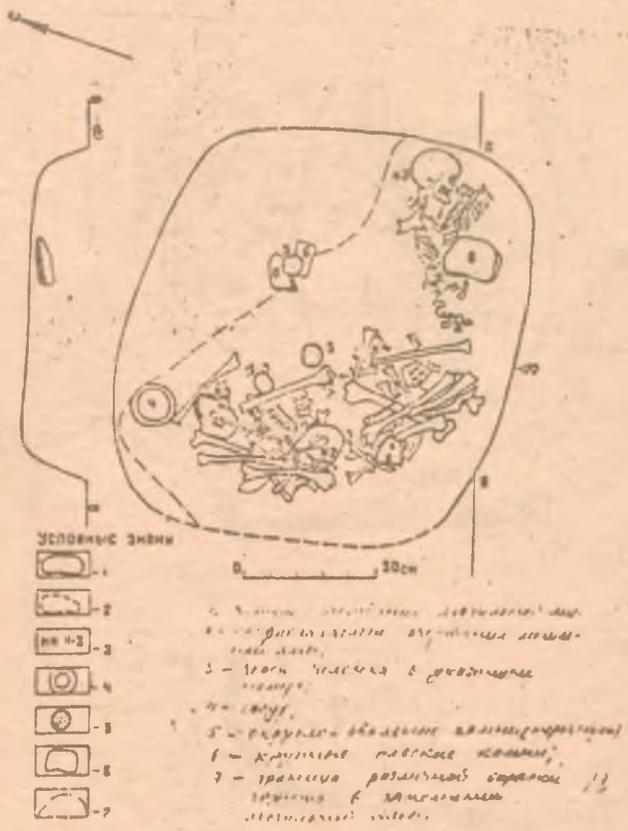
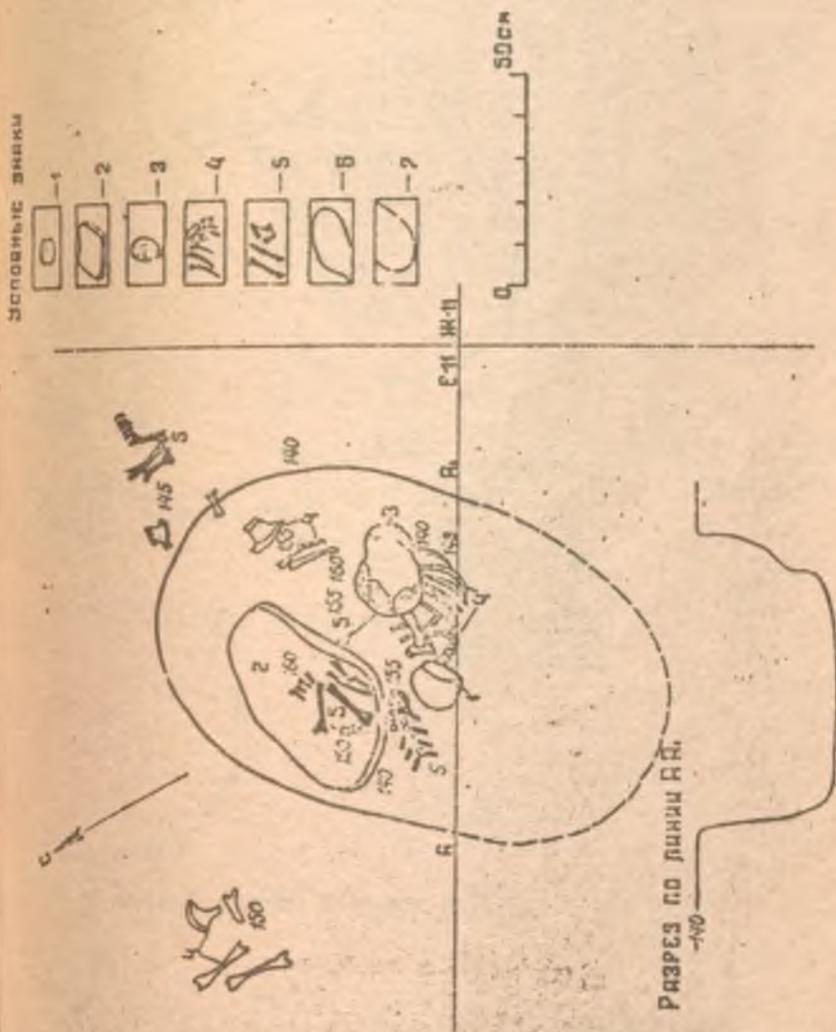

Рис. 33' Дзшти-Кози: план погребения 12

Рис. 34. Дашти-Кози: план погребения 14

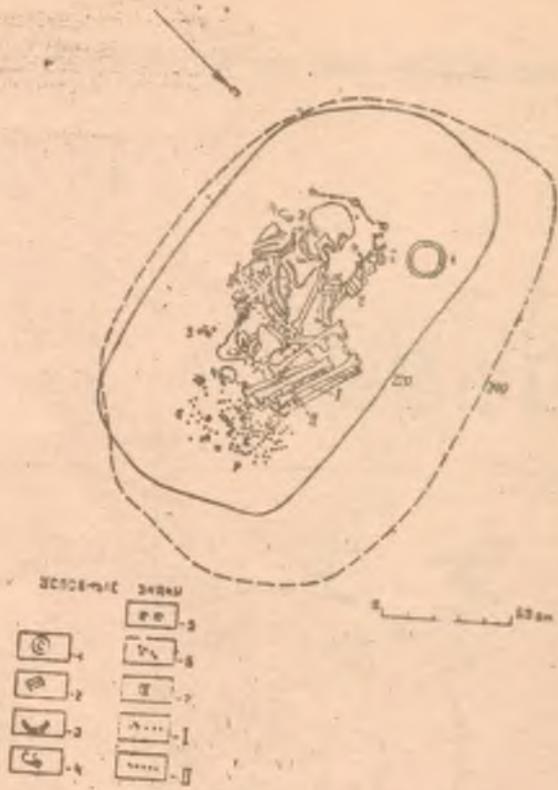

Рис. 35 Д ити-Кози : план погребения 15

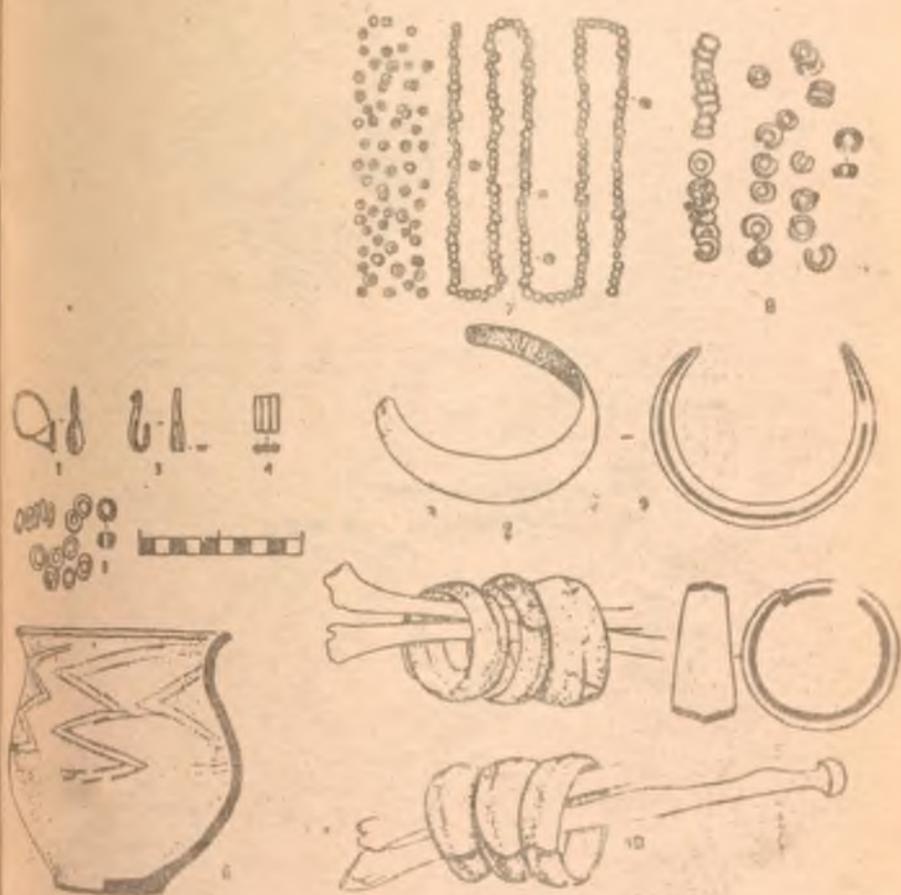

Рис. 36 Дашти-Кози : Археологический комплекс
погребения 15

мог-к Дашти-Кози-86
погребение 17
кв. К-11

мог-к Дашти-Кози-86
погребение 18 кв. Е-15

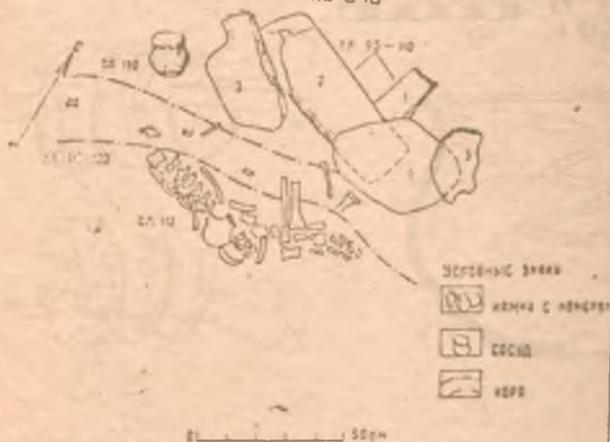
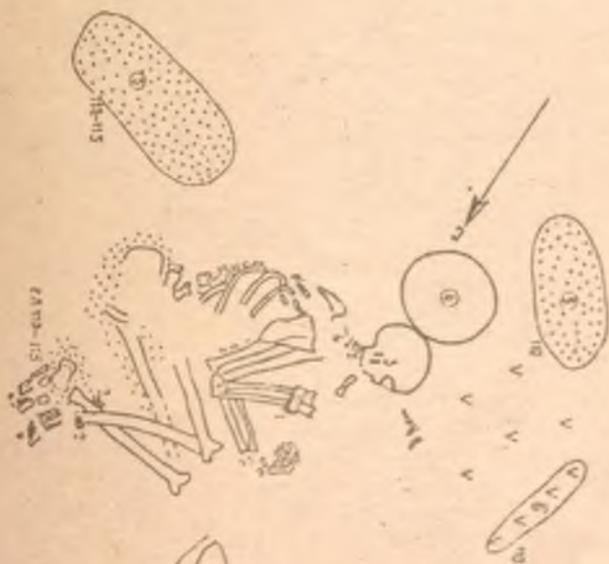

Рис. 37 Дашти-Кози план погребения 17, 18

Рис. 38 Дашти-Кози: план погребения 19

МГ-К Дашти — Кози-86
 погребения 19
 кв. 3-47

0 150 см

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ

ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ

ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ

Я-мин Дашти-Кози-88
 погребение 20
 кв. 3/13

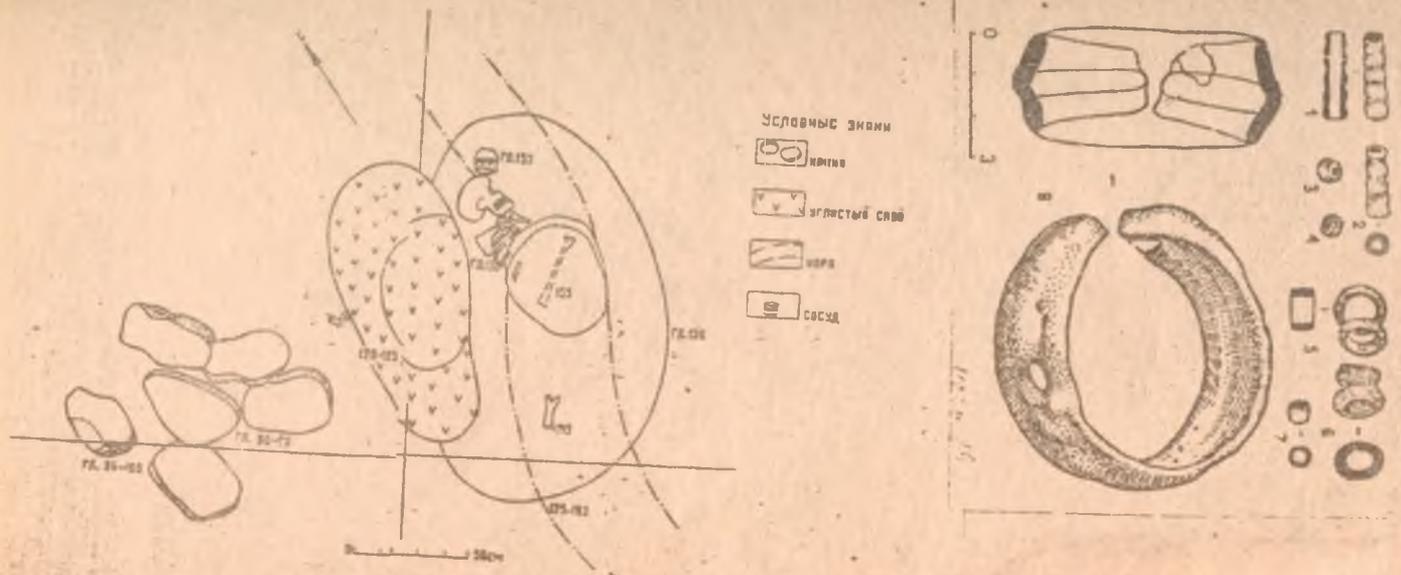

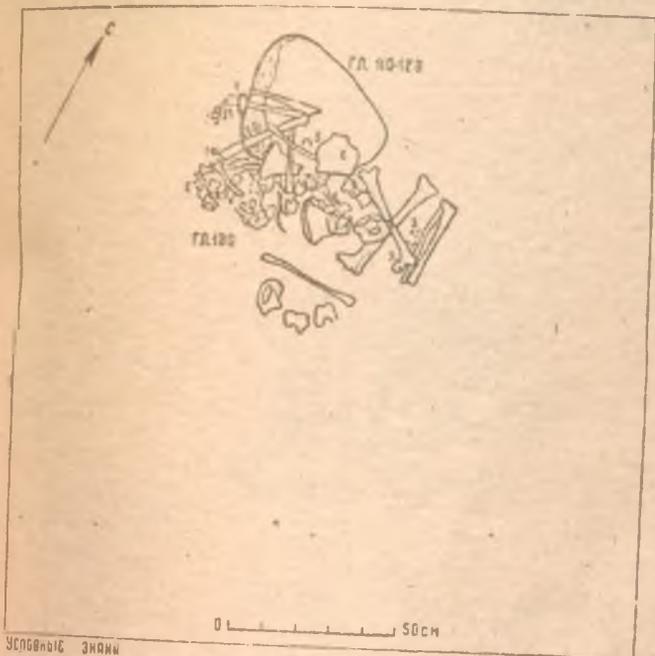
Рис. 39 Дашти-Кози план погребения 20

1991

мог-и Дашти-Кози-86

погребение 21

кв. И/10

• условные знаки

1 кости крупные

2 кости 8 шт

3 кости крупные 4 шт

4 браслет

5 браслет

6 сосуд

7 кости

р. 27.

а-1

б-1

17 шт

2

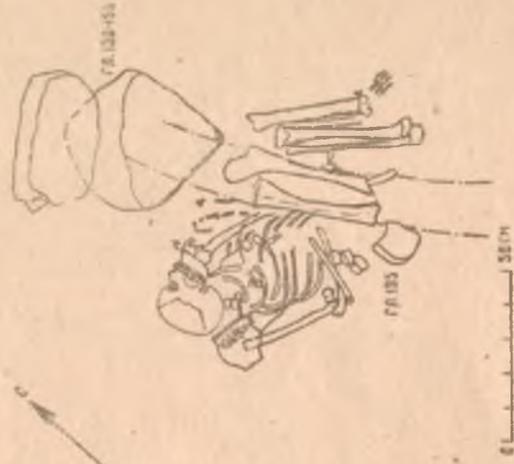
3

4

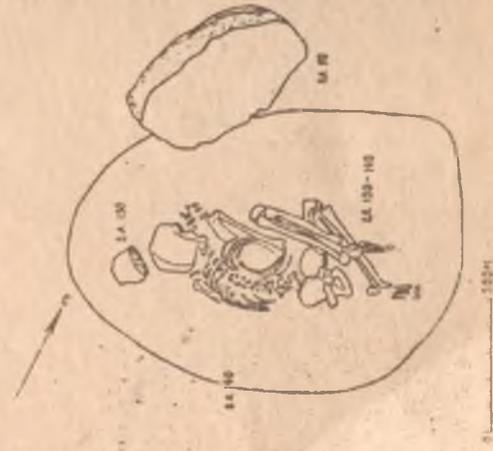
Рис. 40 Дашти-Кози: план и археологический комплекс погребения 21

Рис.41 Дашти-Кози : план погребения 22-23

МОГ-Н Дашти - Кози-86
погребение 22
кв. БЖ/12

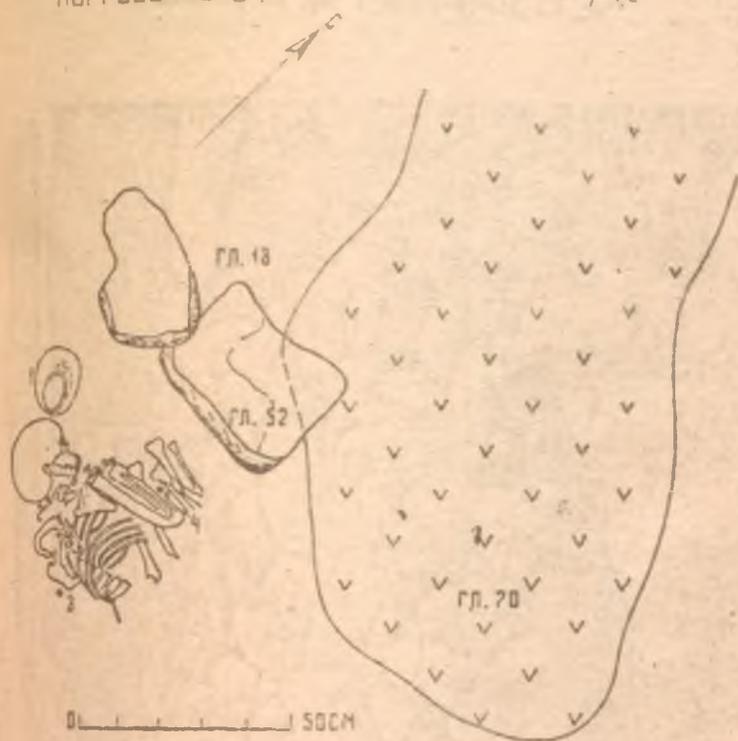
МОГ-Н Дашти-Кози-86
погребение 23
кв. З/19

мог.-н. Дашти — Кози-86

погребение 24

кв. Г/45

- Условные знаки
- 1 сосуд
 - 2 костяные нашивки круглые
 - 3 костяная нашивка квадратная
 - 4 бусы бронзовые
 - ▽ углистый слой

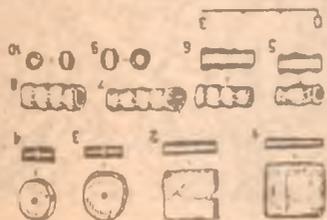

Рис. 42. Дашти-Кози : план и археологический комплекс погребения 24

Институт истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша АН Республики Таджикистан
Пенджикентская археологическая база

САИДМУРОД БОСТОНГУХАР
(БОБОМУЛЛОЕВ)

ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА
во II тысячелетии до н.э.

ответственный редактор
доктор исторических наук

А.И.ИСАКОВ

ДУШАНБЕ - 1998

Раскоп V. На строительных остатках на площади 500 м² обнаружены отрезки стен крупного культового помещения из двух рядов сырцов кирпичей с дисковидным алтарем по середине (рис. 2). Обнаруженные небольшие отрезки сохранились от каких - то строений и по ним невозможно установить четкую планировку, но можно говорить о том, что в этом горизонте существовали жилой и культовый комплекс (рис.2). Что касается других строений, то если они и существовали, то позже были уничтожены при земляных работах.

Раскоп VI. Строения последнего периода раскопа также разрушены до основания. Обнаружены остатки гончарной печи и отрезки стены из кирпичей размерами 50 x 10 см. Размеры обжигательной камеры 80 x 80 см (рис.3), ширина топки - 48 см, длина - 80 см, дно - 40 см. Эта печь по устройству близка к печам раскопа III и IV. Что касается остальной части площади раскопа, то на поверхности исследуемого горизонта были обнаружены следы кострищ и остатки лунок от какого - то сооружения.

Раскоп VII. На площади 360 м² этого раскопа удалось обнаружить остатки ряда жилых помещений. Все они были сильно разрушены. Высота сохранившихся стен от 10 до 25 см, в некоторых же местах следы стен едва прослеживаются. По сохранившимся стенам установлено, что, отличаясь друг от друга по плану и величине, все помещения были прямоугольными (рис. 4. А.Б.). На полу ряда из них обнаружены остатки гончарных печей и многочисленные фрагменты сосудов, впоследствии они были восстановлены. На полу двух помещений были обнаружены округлые ямы различного размера (рис. 4.Б).

Интерес представляет округлого плана керамическая печь диаметром 2,4 м, и расположенная в северо - восточном углу раскопа. В северной части раскопа обнаружен обогреватель овального типа, диаметром по вытянутой стороне 1,4 м. На этом же раскопе было обнаружено округлое глиняное ограждение. В свою очередь, это ограждение и вся поверхность круга высощены плоскими речными кайраками. Такими отборными камешками была высощена и внутренность

Рис. 43 Дадти-Кози : вид погребения 25

могильник Дашти-Кози-88
 погребение 25 ив. Д.С/4,5

Рис. 44 Дашти-Кози : план погребения 25

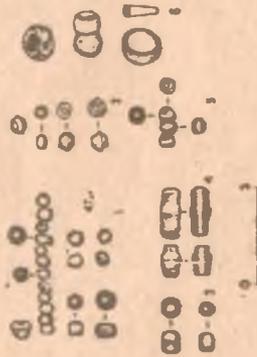
Рис. 45 Дзиги-Козы: план погребения 25-1

Местность Дзиги-Козы -85
погребение 25-1 из Д-5

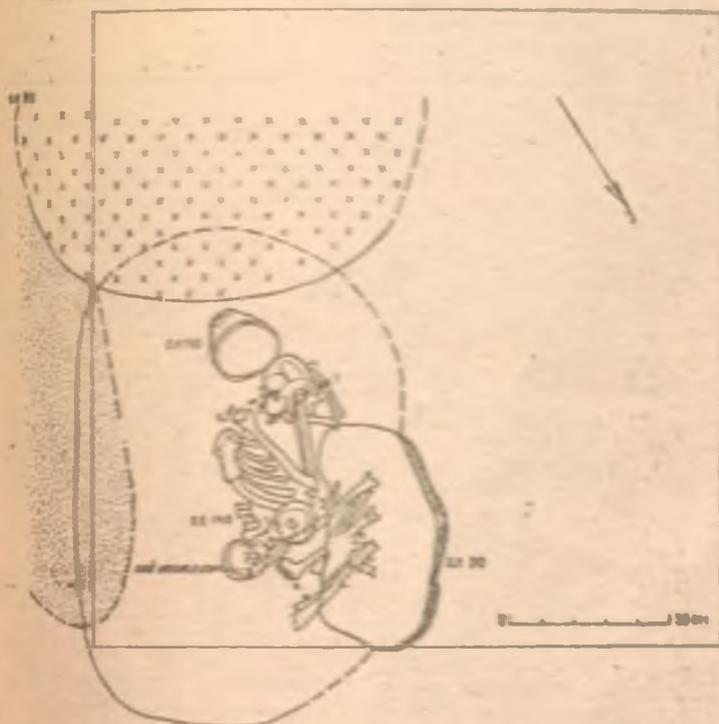

Условные знаки

□ вазонный сосуд □ вазонное зеркало □ вазонное зеркало
○ керамические предметы

МОГИЛЬНИК ДАШТИ-КОЗИ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 26 № 0/3

Условные знаки

- 1 [Symbol] БРАСЛЕТ БРОНЗОВЫЙ
- 2 [Symbol] БРОНЗОВЫЕ БРОШЕВЫЕ ВОСКИ
- 3 [Symbol] КЕРАМИЧЕСКИЙ БОСЕЙ
- 4 [Symbol] ВОСКИ
- 5 [Symbol] ВОСКИ СЕРЬГИ С РАСТЯЖКАМИ
- 6 [Symbol] ГЛАВНЫЙ БОСЕЙ
- 7 [Symbol] УСТРОЙСТВО ВОТВО
- 8 [Symbol] ВОСКИ ВОТВО

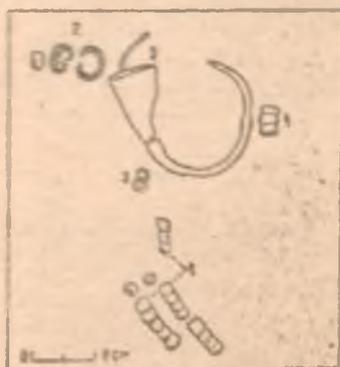
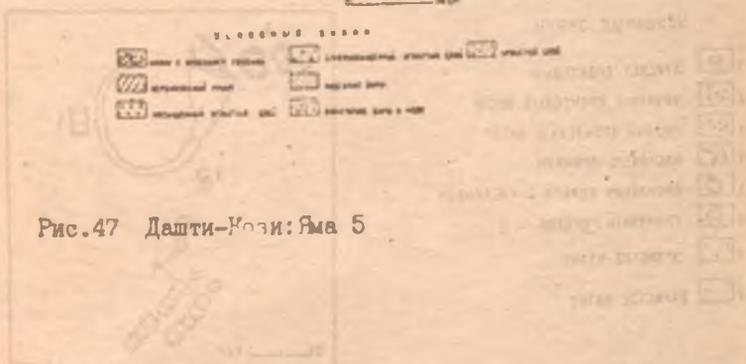
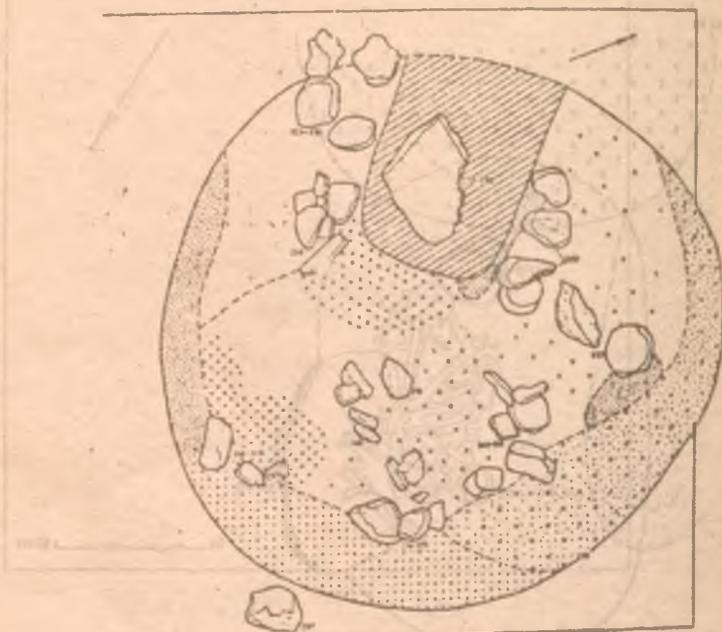

Рис. 46 Дашти-Кози: план погребения 26

Могильни Дашти-Кози
яма 5

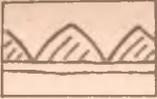
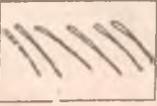
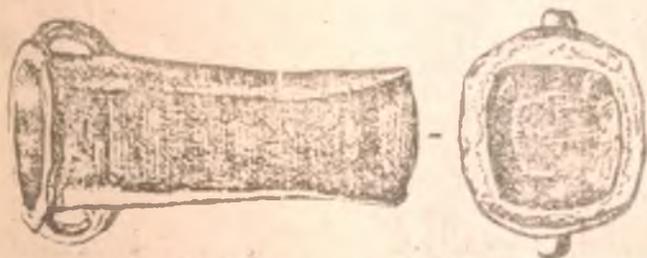
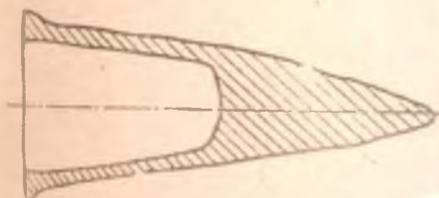
ТИПЫ ОРНАМЕНТА	
I	 1 2 3 4
II	 5
III	 6 7
IV	 8 9 10

Рис. 48 Дашти-Кози : Типы орнамента

Рис. 49 Дашти-Кози: типы археологического комплекса

Типы погребения	Погребения		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	25-1	25-2	
	вещи	вещи																												
I			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
III			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
IV			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VI			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VII			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
VIII			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
I			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5			-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Рис. 50 Случайные находки: 1-кедьт из рудлака Бедак.
2-бронзовый сосуд из кишлака Фатмев

первого и второго сооружения, но последние не имеют глиняного ограждения, а внутренняя поверхность была не обожжена. Учитывая эти различия, мы определили нашу находку как однокамерную керамическую печь без топки. По своей примитивности она аналогична печи из третьего горизонта раскопа II, кроме названных сооружений, на раскопе обнаружены остатки трех помещений (Исаков, 1991 а.).

б) **Керамика.** Керамический комплекс последнего периода (Саразм IV) во многом отличается от типа керамики трех предшествующих периодов (Саразм I. II. III). Хотя в этот период и соблюдались ранее разработанные технологии изготовления керамики: лепка, обжиг, тесто, формы, но все же при тщательном исследовании и синхронизации ее с керамикой древнеземледельческих и древнескотоводческих культур прослеживаются некоторые особенности. Но прежде чем проанализировать особенности керамики исследуемого периода, отметим их незначительности относительно типологии, вида, теста и формы.

Этому периоду характерны, как и прежде, три вида керамики - светлая, серая и расписная. Наряду с такой керамикой этому периоду характерен и новый тип керамики, признанный в науке как скотоводческая керамика. Постолько скотоводческая культура в составе земледельческой культуры требует более глубокого анализа, то мы здесь охарактеризуем керамику лишь земледельческой культуры поселения Саразм.

Керамика этой культуры в основном выполнен из светлой глины с желтыми, оранжевыми, красными тонами ангоба и поверхности. Серая и расписная керамика в количественном отношении намного уступает керамике из светлой глины. Сероглиняная керамика встречалась в виде котлов, чайников, молочниц, а расписная в основном представлены фрагментами чаш различной формы.

Статистический подсчет керамики периода Саразм IV до 1992 года (109391 экз.) показал, что светлофонная керамика составляет 98%, сероглиняная, включая котлы-1,6%, а расписная - 0,4%. По технологии изготовления керамика Саразма делится на две группы: на керамику ручной лепки и гон-

чарную. Здесь соотношение курамики колеблется от 85 до 90% в пользу первой. Ниже представляем характеристику керамики IV горизонта поселения Саразм.

Расписная керамика. Характерная черта этого горизонта Саразма полное отсутствие полихромной росписи. В свою очередь, монохромная роспись на поверхности сосудов качественно ухудшается, и она не очень разнообразна. Роспись наносилась в основном двумя цветами красок - оранжевой и коричневой. Наряду с этим наблюдается резкое сокращение типологии узоров. Наиболее украшенными были в основном бокалы (рис. 5-11, 13-16), миски (рис. 5, 17-19), корчаги (рис. 5, 1, 2). Какие орнаменты были нанесены на других сосудах, мы не могли установить из-за их фрагментальности.

Тем не менее, выделенные нами узорами представляют 10 типов: из полукружков, наверху - вертикальные линии, растительный стиль, прямоугольный картуш с четырьмя треугольниками, горизонтальные полоски по тулову сосуда, вертикальные полоски, расположенные между горизонтальными полосками, треугольники, окрашенные острием, с одной линией или двумя линиями зубцов, с двумя волнистыми линиями под двумя горизонтальными линиями под венчиком, от волнистых линий к концу диагональных линий, наконец, полукрестик. Среди мотивов встречаются узоры, которые состоят из отдельной горизонтальной полоски или с короткими чешулками по тулову сосуда.

При анализе характера перечисленных мотивов росписи отмечаются из примитивность и небрежное исполнение. Этот факт позволяет говорить о том, что все узоры керамики IV горизонта относятся к поздним этапам культуры расписной керамики.

Что касается техники исполнения, то отметим, что в эту пору массовая расписная керамика изготовлялась вручную. Лишь в отдельных случаях единичные экземпляры, прежде всего бокалы, изготовлялись на медленно вращаемся, очевидно, ручном гончарном круге (Рис. 5.13-15, 19-20).

Светлофоновая керамика. К этой категории керамики мы отнесем керамику, тесто которой светло - желтое, розовое и красное. Все сосуды, изготовленные из светлой глины, на поверхности имеют ангоб из упомянутых цветов. В отдельных случаях встречается и двухцветный ангоб, имитирующий роспись, но без каких - либо узоров. В основном двухцветным ангобом покрывались горловина, корчаг (рис. 5.1.2); верхняя часть чаши в виде фриза (рис. 5.3,4).

Что касается типов сосудов, то несмотря на упадок жизни поселения в IV горизонте, их число увеличивается. Появляются сложно профилированные венчики у корчаг и чашеподобных сосудов. Впервые их поселении Саразм появляются сосуды с кольцевидным дном.

Характерная черта светлофоновой керамики этого периода - появление двух новых форм сосудов: 1) сосуды различного размера с коротким сливом, которые мы считаем чайниками или кипяtilьниками, и единственный сероглиняный сосудик, определенный как детская молоница; 2) остродонный лепной котел со сферическим туловом. Относительно вышеупомянутых новых форм сосудов отметим, что они встречены в единичном (изредка в двойном) экземпляре. Этот факт свидетельствует о том, что методы изготовления керамики были заимствованы у мастеров - керамистов ранних периодов. Что же касается появления новых форм и сложно профилированных венчиков, то это, по нашему мнению, говорит о начале применения здесь гончарного круга.

Относительно типов сосудов в конце III - начале II тыс. до н.э. на Саразме можно сказать, что их число несколько увеличивается. К этому периоду в быту саразмийцев использовались по меньшей мере 10 типов сосудов: хумы, корчаги, чайники, тагор, горшки, чаши, блюдца, миски, котлы, молочницы. В свою очередь каждый из этих типов имеет от 2-х до 5 подтипов (рис. 6.1-10).

Керамика культуры степной зоны. Периоду Саразм I-III характерна материальная культура земледельческих общин, особенно архитектура, керамические, металлические и в основном каменные предметы, отождествляемые с земледель-

ческой культурой. Что касается финальной стадии поселения в период Саразм IV, то во всех направлениях материальной культуры поселения Саразм наблюдаем проникновение новой скотоводческой культуры. Однако эта культура не смогла полностью вытеснить земледельческую культуру. По мнению А.И.Исакова, степная культура, которая по характеру была ниже земледельческой, не смогла вмешаться в традиции культурного развития земледельцу. В этом аспекте на данном этапе своего появления скотоводческая культура носила только вспомогательный характер и повлияла на разнообразие культурных взаимоотношений. Это подтверждается малочисленностью предметов материальной культуры скотоводческих племен. Например, среди многотысячных фрагментов керамики земледельческой культуры мы пока имеем всего 8 фрагментов и 2 целых сосуда, характерных для скотоводческой культуры, так называемой культуры степной бронзы (рис.9). Из них мы можем предложить только 6 сосудов, отличающихся друг от друга и по форме, и по типам орнамента. Среди них мы видим 3 остродонных сосуда (рис. 9.3,8,9): 1) узкогорлый горшок (рис.9.5:1) корчагу с катушкообразным горлом, сосуд с тремя ножками. Другие сосуды из-за фрагментарности не определяются (рис. 9.1.2,4,6). Как бы там ни было, наличие этих сосудов, особенно остродонного сосуда с цилиндрической стенкой, определяемого А.И.Исаковым и В.Лионе как "кельтиминарский" (Isakova, Lyonnet, 1988, с. 31-48), и фрагмента керамики с кочально-образным нарезным орнаментом, в некоторой степени говорит о характере керамики скотоводческой культуры поселения Саразма.

в) Металлические изделия. В трех последних жилых горизонтах поселения Саразм было найдено более 15- различных металлических изделий. Статистические данные свидетельствуют о том, что хотя период горизонта IV Саразма является финальной стадией жизни поселения, обработка и производство металлических предметов здесь не сократилась, а наоборот, к этому этапу саразмийцам были разработаны технологии добычи и обработки свинца. Увеличилось число типов и видов орудий и оружия.

Светлофоновая керамика. К этой категории керамики мы отнесем керамику, тесто которой светло - желтое, розовое и красное. Все сосуды, изготовленные из светлой глины, на поверхности имеют ангоб из упомянутых цветов. В отдельных случаях встречается и двухцветный ангоб, имитирующий роспись, но без каких - либо узоров. В основном двухцветным ангобом покрывались горловина, корчаг (рис. 5.1,2); верхняя часть чаши в виде фриза (рис. 5.3,4).

Что касается типов сосудов, то несмотря на упадок жизни поселения в IV горизонте, их число увеличивается. Появляются сложно профилированные венчики у корчаг и чаше-подобных сосудов. Впервые их поселения Саразм появляются сосуды с кольцевидным дном.

Характерная черта светлофоновой керамики этого периода - появление двух новых форм сосудов: 1) сосуды различного размера с коротким сливом, которые мы считаем чайниками или кипяtilьниками, и единственный сероглиняный сосудик, определенный как детская молошница; 2) остродонный лепной котел со сферическим туловом. Относительно вышеупомянутых новых форм сосудов отметим, что они встречены в единичном (изредка в двойном) экземпляре. Этот факт свидетельствует о том, что методы изготовления керамики были заимствованы у мастеров - керамистов ранних периодов. Что же касается появления новых форм и сложно профилированных венчиков, то это, по нашему мнению, говорит о начале применения здесь гончарного круга.

Относительно типов сосудов в конце III - начале II тыс. до н.э. на Саразме можно сказать, что их число несколько увеличивается. К этому периоду в быту саразмийцев использовались по меньшей мере 10 типов сосудов: хумы, корчаги, чайники, тагор, горшки, чаши, блюдца, миски, котлы, молочницы. В свою очередь каждый из этих типов имеет от 2-х до 5 подтипов (рис. 6.1-10).

Керамика культуры степной зоны. Периоду Саразм I-III характерна материальная культура земледельческих общин, особенно архитектура, керамические, металлические и в основном каменные предметы, отождествляемые с земледель-

ческой культурой. Что касается финальной стадии поселения в период Саразм IV, то во всех направлениях материальной культуры поселения Саразм наблюдаем проникновение новой скотоводческой культуры. Однако эта культура не смогла полностью вытеснить земледельческую культуру. По мнению А.И.Исакова, степная культура, которая по характеру была ниже земледельческой, не смогла вмешаться в традиции культурного развития земледельцу. В этом аспекте на данном этапе своего появления скотоводческая культура носила только вспомогательный характер и повлияла на разнообразие культурных взаимоотношений. Это подтверждается малочисленностью предметов материальной культуры скотоводческих племен. Например, среди многотысячных фрагментов керамики земледельческой культуры мы пока имеем всего 8 фрагментов и 2 целых сосуда, характерных для скотоводческой культуры, так называемой культуры степной бронзы (рис.9). Из них мы можем предложить только 6 сосудов, отличающихся друг от друга и по форме, и по типам орнамента. Среди них мы видим 3 остродонных сосуда (рис. 9.3,8,9): 1) узкогорлый горшок (рис.9.5:1) корчагу с катушкообразным горлом, сосуд с тремя ножками. Другие сосуда из - за фрагментарности не определяются (рис. 9.1,2,4,6). Как бы там ни было, наличие этих сосудов, особенно остродонного сосуда с цилиндрической стенкой, определяемого А.И.Исаковым и В.Лионе как "кельтиминарский" (Isakova, Lyonnet, 1988, с. 31-48), и фрагмента керамики с кочально - образным нарезным орнаментом, в некоторой степени говорит о характере керамики скотоводческой культуры поселения Саразма.

в) Металлические изделия. В трех последних жилых горизонтах поселения Саразм было найдено более 15- различных металлических изделий. Статистические данные свидетельствуют о том, что хотя период горизонта IV Саразма является финальной стадией жизни поселения, обработка и производство металлических предметов здесь не сократилась, а наоборот, к этому этапу саразмийцам были разработаны технологии добычи и обработки свинца. Увеличилось число типов и видов орудий и оружия.

У
С

Из бронзовых предметов мы имеем 9 видов изделий, которые являлись необходимым в жизни, быту жителей поселения Саразм. К ним относятся ножи, кинжалы, наконечники ножей, топоры, тесла, булавки или вязальные крючки, иглы, рыболовные крючки, браслеты. Вместе с ними в нашей коллекции имеется свинцовая печать. Все эти предметы классифицируются нами как предметы земледельческой культуры, хотя среди металлических изделий мы выделяем и предмет, который характерен скотоводческим общинам, о которых мы будем говорить ниже.

Отметим, что некоторые из этих находок опубликованы А.И.Исаковым, но в своих трудах он их не классифицировал по характеру культурной принадлежности. Мы не пытаемся дать такую классификацию, основываясь на типе металлических предметах, которые относятся к IY горизонту Саразма и найдены непосредственно в пахотном слое или на поверхности земли.

Ножи. Их два, оба двухлезвийные, деформированные в результате многократных расточек (рис. 11.1, 2.). Отличают друг от друга по величине и устройству черенка. У первого ножа короткий и неустойчивый; черенок второго ножа в два раза длиннее и массивнее.

Кинжалы. В отличие от ножей, они снабжены прочным в сечении толстым лезвием, а также прочным и длинным черенком. Устройство черенка, который имеет загнутый конец в виде петли, является свидетельством наличия ранее деревянной или костяной ручки для прихвата (рис. 10.3-7). Такая прочность лезвия и черенка усиливает ударную силу кинжала, который, на наш взгляд, использовался как оружие. Вместе с тем, не исключено что кинжалы в некоторых случаях использовались в быту, как и нож, о чем свидетельствует тонкое лезвие у ряда кинжалов. (рис. 10.3, 4, 6 и 7).

Наконечники копий. Они небольшие, с коротким, но острым наконечником и черешком (рис. 10.9, 10). В этой категории находок из-за конечной части форму определить невозможно, но короткий черенок и лезвие позволяют нам считать подобные находки наконечниками копий (рис. 10.8). Сле-

дует отметить, что эти боевые и охотничьи предметы характерны только финальному этапу поселения Саразма. В трех ранних горизонтах исследуемого поселения они отсутствовали, но не исключено, что до появления металлических наконечников их функции выполняли кремневые наконечники.

Рыболовные крючки. Это наиболее редкие находки эпохи бронзы. К тому же они встречаются не на всех памятниках. На Саразме мы пока нашли два крючка. Они изготовлены из помбовидных в сечении бронзовых стержней. Загнутые концы в конечной части заострены и, несомненно, приспособлены к рыболовству (рис. 11.4,5). В этой группе мы имеем еще один бронзовый предмет в виде полукольца с округлым сечением. Фрагментарность его не позволяет нам определить точно выполняемую им функцию (рис. 11.6). А.И.Исаков считает его половиной браслета (Исаков, 1991 а), нам же кажется, что он мог быть и частью рыболовного крючка.

Булавки (вязальные крючки) и игла. Наряду с крупными предметами при раскопках Саразма были найдены и мелкие ремесленные предметы. Первыми были найдены две булавки со сложными навершиями. Они однотипны; верхняя часть, так называемая головка, сильно приплюснута двойными (рис. 11.8,12) или одинарными площадочками (рис. 11.11). Причем плоская площадочка второй булавки по краям зазубрена, конечная часть булавок слегка закруглена, где острием передавалось затупление. Назначение этих предметов пока спорно. Практически все исследователи считают, что булавки аналогичны тем, применялись для волос (Массон, 1960, Таб. ХУ, 9-10, 1976, рис. 51, Кузьмина, 1966, Таб. ХУІ, 16 - 25). А.И.Исаков, классифицируя эти булавки Саразма, считает их вязальными крючками (Исаков, 1986, с. 152). На наш взгляд, определение последнего исследователя ближе к истине.

Среди ремесленных предметов интерес представляет бронзовая иголка длиной около 6 см. До этой находки в более ранних горизонтах поселения Саразм были найдены бронзовые и костяные шила и единственная костяная иголка.

У
С
В финальной стадии ремесленники поселения Саразм в быту использовали и бронзовые иглы, что говорит о развитии здесь швейного ремесла.

Топоры-тесла. Этот тип находок, так называемые топоры - тесла, на наш взгляд, является орудием исключительно земледельческой культуры, так как предметы таких форм встречены в древнеземледельческих регионах Центральной Азии. На поселении Саразм мы имеем 2 топора - тесла, найденных в IV горизонте. Они отличаются друг от друга по размерам и устройству втулок. Первый из них более масштабен: общая длина - 22,5 см, втулка для черенка диаметром в 3 см на 2 см выступает над внутренней наружностью (рис. 11.9, 10). Вторая меньше по размерам (11,5 см) со слабо выступающей втулкой. Тем не менее, при таких маловыразительных различиях, они дополняют арсенал, очевидно, боевых топоров - тесел, найденных на памятниках Средней Азии, Пакистанского Белуджистана и Индии (Литвинский, 1954, с. 23; 1961, с. 59; Виноградова, Кузьмина, 1970, с. 128, рис. 5).

В заключении характеристики металлических изделий финальной стадии поселения Саразм остановимся еще на одной важной находке. Это свинцовая печать диаметром 3 см с двумя отверстиями по середине и многочисленным орнаментом. Причем, орнамент состоит из четырех секций треугольников, вершины которых направлены в центр печати. В каждой секции по три треугольника (рис. 14.2), наряду с металлическими предметами земледельческой культуры в нашей коллекции имеются три ножа и кинжала, характерные культуре скотоводов - кочевников (Исаков, 1991 а, рис. 10.104 рис. 75,6). Находка этих предметов еще более убеждает нас о том, что земледельцы поселения Саразм имели связи со своими северными соседями - скотоводами.

г) Каменные изделия. Несмотря на то, что изготовление бронзовых изделий в IV периоде Саразма развивалось значительно быстрее и во многих сферах деятельности человека эти предметы стали главными в производстве и быту, они все же не смогли вытеснить каменные орудия. Среди них мы видим противовесы или грузила с одним и двумя желоб-

В Сибирь
DAI от
автора
С.С.Е
З.М.

Монография написана по результатам археологических раскопок IV жилого горизонта Саразм, а также земледельческих и скотоводческих комплексов верховьев Зарафшана, отражающих их взаимодействие и своеобразие во II-тыс. до н.э. В работе рассматриваются как уже известные памятники, так и вновь открытые комплексы Зардча - Халифа и Дашти-Казы.

10N
7977

Рецензенты: доктор архитектуры
профессор Р.С.Мукимов,
кандидат исторических наук
Л.Т.Пьянкова.

Книга издана с помощью Гнесиддина Бобомулова

чатыми прихватами (рис. 12.1), ступку (рис.12.2), точило (рис.12.3), ручку ножа или кинжала (рис.12.4), выпрямитель (рис.12.5), крупные тяжеловесные ступки (рис. 12.6,7) и молота куранта (рис. 12.8). В функциональном отношении каждый из этих предметов был предназначен для выполнения различных работ (Раззоков, 1994).

Среди каменных изделий Саразма встречаются десятки бытовых предметов. Они классифицируются в основном по двум категориям: это флакончики для благоуханных жидкостей (рис.13.А. 1-3) и сосуды - чаши (рис.13.В.1-9), обе эти группы предметов характерны развитому периоду бронзового века. В значительном количестве подобные предметы встречаются в древнеземледельческих памятниках Средней Азии, Афганистана и Ирана конца III - начала II тыс. до н.э. Хотя флакончики Саразма по форме отличаются от аналогичных находок, встречаемых на других памятниках, но один из них, имеющий четырехугольную форму, украшен разными треуголиниками, видимо, предназначенными для инкрустации цветными камнями (рис. 13. А.3). Что касается находок второй категории, то они так же, как и другие археологические находки, встречаются на поселении Саразм с эпохи энеолита. Значительное количество каменных сосудов различной величины было найдено в горизонте IY. Однако, за исключением миниатюрных сосудов, чаши по форме не отличаются друг от друга. Все они конусовидные, с широко раскрытым венчиком (рис. 13.В.1-9).

Судя по шлифованной поверхности, каменные сосуды были изготовлены из различных пород мраморных жилчатых камней (рис. 13.В.2,3,7) или серых (рис. 13.В.4,8,9) мраморов. Во всех изломах сосудов и на их поверхности четко прослеживаются волнистые или прямые горизонтальные прожилки. Сопоставление мраморных сосудов Саразма с аналогичными находками на древнеземледельческих памятниках Средней Азии и Ближнего Востока, в частности, Алтын - тепе (Массон, 1981, с.35 - 48), Шахри Сохта (Tosi, 1986, с.58) и других, выявляет их однотипность как по форме, так и по технологии изготовления.

Вместе с серийными каменными изделиями на Саразме использовали и редкие единичные предметы, назначение которых пока неизвестно. К ним относятся каменная гладилка - утюжок (рис. 13.В.1) и длинный прямоугольный брусок с аккуратно отшлифованной площадкой в конце (рис. 13.Б.2). Первый из предметов А.И.Исаков интерпретирует как инструмент для штукатурки, а что касается второго предмета, то исследователь считает его ложиной для сглаживания швов обуви.

Как бы там ни было, оба эти инструмента, бесспорно, являются предметами ремесленников и свидетельствуют о развитии изготовления различных ремесленных орудий.

д) Печати, жезлы и скульптура. Эти редкие и в свою очередь уникальные предметы, конечно, являются предметами, определяющими статус их владельца. Они встречены только в последнем IV горизонте поселения Саразм. Их появление заставляет нас говорить о начале социальной дифференциации саразмийских общин в финальной стадии развития поселения. Правда, предметы, определяющие положение личности в обществе, появились еще в эпоху неолита. Они были золотыми и серебряными (Исаков, 1986 Б, с. 79 - 80). Однако представляемые нами предметы более чем убедительно характеризуют социальную культуру саразмийских общин.

Первый из них - это глиняная печать подпрямоугольной формы с отверстием посередине и четырьмя треугольниками, острие которых направлено в сторону отверстия (рис.14.1.). Вторая печать, которая на лицевой стороне (оверест) также имеет треугольные орнаменты, как было упомянуто выше, из свинца (рис.14.2). Третья печать изготовлена из цилиндрической формы речного жильчатого камня. Она высотой 4,3 см, диаметром 1,5 см. По кольцевому кругу цилиндра аккуратно вырезан рельеф головы коровы или быка. Две первые печати по орнаменту, являются традиционными для памятников древнеземледельческой культуры Средней Азии, прежде всего Южного Туркменистана и Северо - Западного

Ирана. Цилиндрические же печати характерны культуре Месопотамии, Ирана и Индии.

Все они были неоднократно опубликованы. Исследователи А.И.Исаков и Р. Безенваль дали им свои научные интерпретации (Исаков, 1986, А, 1986, Б, 1991 А, 1991 В; Besenval, Isakov, 1989). Постолько свинцовая плоская и каменная цилиндрическая печати были найдены в горизонте IY поселения Саразм, соответственно на раскопах YII и IY, то для нашей темы они имеют огромное значение. Естественно, немаловажное значение они имеют и для определенной социальной структуры и статуса личности древнеземледельческих общин финальной стадии Саразма.

К престижным мы относим находки двух жезлов. Они так же, как и глиняные печати, найдены случайно в распаханной части поселения Саразм. Первый жезл сломан возле отверстия, изготовлен из речного камня с белыми точечками (рис. 14.4). Второй изготовлен из гранитного однотонного черного нефритоподобного камня. Он относительно массивен, высотой 15 см, диаметром 5,2 см (рис. 14.5). Оба предмета тщательно отшлифованы и у горла, под головкой с вытянутым клювом, имеется сквозное отверстие диаметром не более 1 см (рис. 14.4). Причем конусовидная форма отверстия была предназначена для придания более изящного вида стержню - черенку, определение этих предметов как жезла вождя племени, предложенное А.И. Исаковым, соответствует, как нам кажется, истине.

Среди уникальных каменных находок финального периода поселения Саразм единственный каменный предмет, который мы считаем стилизованной человеческой скульптурой, был найден на поверхности площади раскопа II. Предмет этот представляет собой отшлифованный мелкозернистый красный песчаник конической формы высотой 21 см. Нижняя часть "стопы" округлая, диаметром 14 см, срезана очень аккуратно. Ее плоскость позволяет предмету находиться в вертикальном положении (рис. 14.6).

§2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Характер археологических комплексов всех периодов Саразма (Саразм I-IV) в свете раскопов 1977 - 1983 гг. был отражен в монографиях и различных публикациях А.И. Исакова, Р.Безенваля, Б.Лионе, А.Р.Раззокова (Исаков, 1989а; 1986, б; 1991а; Исаков, Лионе, 1988; Исаков, Безенваль, 1989; Раззоков, 1994). В этих трудах исследователями были охвачены комплексы всех периодов поселения - от энеолита до эпохи бронзы. Кроме того, в ходе исследования поселения Саразм в конце 80 - х начале 90 - х годов были заложены новые раскопы на отдельных участках поселения. Так, более обширно исследовались раскопы - У-УІ и УІІ. Были начаты исследования раскопа УІІІ и ІХ. В результате были обнаружены новые артефакты, позволяющие пересмотреть некоторые выводы вышеупомянутых исследователей. В этом плане особое место занимает шурф ХІ, заложенный во дворе жителя кишлака Авазали. Важность шурфа, который позже был превращен в раскоп, заключается в том, что здесь на площади более чем 100 м² были обнаружены остатки двух помещений и небольшого дворика. В середине одного из помещений был обнаружен квадратный очаг - алтарь с лункой по середине. Кроме того, особенность этого шурфа - раскопа заключается в том, что в двух верхних жилых горизонтах было обнаружено более 1000 фрагментов керамики, отличающейся от ранее встреченной на Саразме. Керамика этого раскопа, несмотря на фрагментарность, представлена новыми сосудами, изготовленными на медленно вращающемся гончарном круге. По форме эти сосуды напоминают невысокие миски с широко раскрытыми венчиками (рис.7,6-9). Последний завершается ярко выраженным валиком (рис.7,16,18,20).

Таким образом, исследования последних лет, благодаря своим новым материалам, в некотором смысле дополнили нашу коллекцию и позволили более широко интерпретировать археологический комплекс финального периода по-

селения Саразм как исходный пласт земледельческой культуры Зарафшанской долины.

Наши новые интерпретации археологических комплексов поселения Саразм в основном относятся к вещественным находкам: керамике, металлическим и каменным изделиям, которые дополнили археологические находки фактически новыми материалами, в полном смысле этого слова. Но при этом от-метим, что относительно строительной культуре новых данных не получено.

Тем не менее, по остаткам стен жилых помещений (рис. 2, 3,4), дисковидным и квадратным очагам - алтарям (рис.2), обогревшим лункам от каких - то мастерских или очагов и единственного зала (рис.2) можно констатировать, что на поселении Саразм и в финальной стадии жизнь продолжалась.

Если в основу анализа экономической и культурной жизни населения Саразма положим анализ орудий труда, оружия, посуды и предметов быта и культуры, которыми располагаем в достаточном количестве, то вполне можно утверждать, что жизнь на поселение прекратилась не внезапно.

Исходя из этого соображения, причины прекращения жизни поселения требуют своего объяснения. Пока же мы имеем лишь гипотетичные версии, предложенные А.И. Исаковым (1991 б).

Несмотря на это, по остаткам жилых помещений, чудом уцелевшим на раскопах IY и YII можно констатировать, что саразмийцы и на финальном этапе жили в 2-х, 3-х комнатных жилых комплексах, рядом с которыми, очевидно, были устроены складские и хозяйственные постройки. Площадь жилых помещений небольшая, она колеблется от 6 до 20 м². При таком жилом комплексе семья скорее всего не превышала 5 человек, и чаще состояла из 2 - 4 человек. Отсутствие кухонных очагов в помещении свидетельствует о том, что кухонное устройство находилось во двориках или в специально устроенных помещениях, которых мы пока не обнаружили. Видимо, во двориках находились и устройства для выпечки лепешек - тануров, которые нами тоже пока не обна-

ружены. Но зато на поселении открыто несколько гончарных печей для обжига керамики. Из раскопанных печей - 3 были устроены внутри помещения. Они были устроены на раскопах II, III, IV, XII. Например, помещения где были устроены гончарные печи (раскопа II и IV) имеют площадь более 20 м² каждая. Печь была расположена в углу. Видимо, остальная часть помещения служила рабочим местом гончара.

Несмотря на скудность достоверных фактов, констатируем, что в устройствах жилых комплексов саразмийских общин вряд ли могли происходить какие - либо серьезные инновации. На финальном этапе саразмийцы могли жить в общественных домах, состоящих из несколько жилых комплексов, обитатели которых находились в родственных отношениях. Они могли вести общее хозяйство и подчинялись главе больших семейств или рода. К такому выводу мы пришли, ознакомившись с типом застроек, обнаруженных и интерпретированных исследователями поселений Геоксюр (Сарианади, 1965, с.9), Кератдепе (Массон, 1960, рис. 12), Алтын - депе (Массон, 1981, с.36), Мундигак (Casal 1961, табл. 14 - 15), Пирак (Жариш, Сантони, 1978, табл. 110, 886), Шахри - Сохта (Tosi, 1983, с.105) и др. В свою очередь, жилой массив, где были расположены многоквартирные дома (как в раскопах II, IV, VII), состоял из кварталов, которые имели дворы, улицы, переулки и общие огороды.

Как видим, в строительной культуре Саразма эпохи бронзы отразилась социальная и общественная структура патриархальных общин этого поселения.

Как было отмечено комплекс вещественных находок материальной культуры финального этапа поселения Саразм состоит из керамических, металлических и каменных изделий. Эти три категории находок являются определяющими факторами уровня развития ремесла, экономики и в конечном счете материальной культуры первобытных общин.

Анализ типологии керамики последнего периода поселения Саразм показывает, что хотя в производстве керамики и не произошла столько - нибудь серьезных инноваций, тем не

ар-
- 3
на
ст-
ю-
ю,
н-
а-
1х
ис
в
1-
2-
ь
1-
-
1

менее здесь появились новые единичные типы сосудов, с более сложными венчиками, изготовленными на гончарном круге (рис. 7.6-9, 14-20; рис. 8.2). О появлении гончарного круга в конце III и начале II тыс. до н.э. на Саразме говорят находки каменных маховиков для осей круга.

И все же процент керамики ручной лепки к этому периоду перобладает над станковым. Увеличилось число хумов, котлов и горшков с катушкообразными горловинами. Найдены сосуды новых конических форм, а также сосуды с кольцевидным донцем из серой и даже светлой глины (рис. 6.3.). На древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана они обнаружены в слое Кара - 3, на поселении Карадепе (Массон, 1960, табл.У.29) и в шурфе 1 поселения Геоксюр (Сарианиди, 1961, табл. УП.П). Правда, эти сосуды исследователями датированы позднеэнеолитическим периодом. Отметим, что сосуды этого типа были характерны не только для упомянутых памятников, они были обнаружены и восстановлены на памятниках Ирана - Тали Барзу (Mangsdorff, 1932, табл. 19. 1 - 6) и Тали Иблис (Sazzaf, 1980. с.210, табл. 10, 522 а-526).

Сосуды с выступающим носиком (рис. 1.1,2) в эпоху развитой бронзы, начиная с первой четверти II тыс. до н.э., становятся одним из ведущих типов керамики этого периода. найденные различные варианты таких сосудов на поселениях Сапалитепе (Аскарлов, 1973, табл. 17.3,15,16,18; 1977, табл. XX. 1-16), Дашли 3 (Сарианиди, 1977, рис. 25У1, XII, 1-5) и в могильниках Джаркутана (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. XXX. 8-12 и 15), Пархай (Хлопин, 1983, табл. 56.1,3,5) являются подтверждением сказанного.

Следует отметить, что среди нерасписных сосудов Саразма встречаются корчаги с различными видами венчиков (рис. 5.5,6,8; рис. 7.1,2,12-14).

Одновременно с ними растет число хумов, которые по существу являются главными тарными сосудами (рис.6.9,10). К категории редких сосудов можно отнести кубок (?) с весьма примечательной нижней частью. Не идентичный, но близкий

по виду сосуд с тремя ножками найденное на поселении Пархайдепе (Хлопин, 1975, с.120, рис.4.7,8).

Среди керамики Саразма необычным по форме является котел из серой глины с заостренным дном (рис.9,10). В Саразме мы пока имеем 4 таких котла. Все они были найдены в культурных слоях IV-го горизонта. Мы предполагаем, что этот тип котлов относится к группе сосудов скотоводческой культуры, и, возможно, их форма была заимствована земледельцами Саразма. Это подтверждается тем, что эти котлы некогда стояли на специальных переносных очажках, которыми пользовались скотоводы, постоянно передвигавшиеся и менявшие места обитания.

Заслуживают внимания тип и формы керамики скотоводческой культуры (рис.9). Включая упомянутый остродонный котел, их обнаружено 11. Появление керамики этой культуры, т.е. культуры степной бронзы, свидетельствует о том, что связи оседлоземледельческого населения Зарафшанской долины со скотоводами северных регионов сложились еще в пору ранней бронзы, начиная с III тыс. до н.э.

Хотя в период существования Саразм IV и появляются новые типы узоров росписи, но они, как было отмечено выше, отличаются своей простотой и небрежностью исполнения. Кроме того, прослеживается уменьшение разнообразия и количества самой расписной керамики. Если в пору Саразма III, в начале и середине III тыс. до н.э., мы имели 47 расписных сосудов (правда, большинство во фрагментах), то в период Саразма IV - около 30. Исходя из темы нашего исследования мы выбрали 22 фрагмента и 3 целых сосуда с росписями (рис.5.1-21; рис.8.1-3). Среди них имеется единственный фрагмент геоксюрского типа (рис.5.21), один сосуд с росписью изнутри характерен для керамики Мундигака. Кроме них, имеются 4 сосуда с мотивами археологических памятников Пакистанского Белуджистана (рис.5.1,3-5, 19-20; рис. 8.1-3). Что касается остальных, то они характерны для самого Саразма.

Тем не менее, узоры расписных сосудов исследуемого периода поселения Саразм имеют достаточно многочислен-

ные аналогии среди керамики поднеолитических поселений Южного Туркменистана, в особенности Алтындепе, Мулла-лытепе и Геоксюрского комплекса (Сарианиди, 1965, табл. , 42, 54, 67) и памятников Пакистанского Белуджистана, характерных для культуры Кветта: Дашти - Саодаг II, Сур-Джангал III, (Fairservis, 1959, рис. 62,91; рис. 62.107).

Интересен факт увеличения типов узоров с толстыми волнистыми горизонтальными полосами (рис. 5.5.9). аналогичный орнамент характерен для орнаментов IV горизонта Сур - Джангала (Fairservis, 1959, с.408, № 254-259). Другой тип орнамента - горизонтальные волнистые линии (рис. 5.12) - характерен для керамики иранской группы памятников, прежде всего Тали - Иблис (Sazzaf, 1980, с. 293-300). Кроме этих, на Саразме встречаются и другие орнаменты керамики, вертикальные и диагональные, которым также имеются аналогии в росписях упомянутого памятника Тали - Иблис (Sazzaf, 1980, с. 178, 314, 317) и в Сиалке (Ghizshman, 1938, табл.43, А.4.5,10). Что касается пиловидных (рис. 5.16,17) и треугольных (рис.5.13,15,18) мотивов, то отметим, что эти позднеолитические орнаменты встречаются на всех памятниках культуры Саразма.

Интерес представляет орнамент двух целых сосудов, найденных в IV горизонте рискапа VII Р.Безенвалем и Л. Т. Пьянковой (рис.8.1-3). Первый из них (рис. 8.1) для поселения Саразма, да и для всех древнеземледельческих памятников Средней Азии является уникальным. Прямую аналогию мы встретили среди орнаментов керамики Индостана и Пакистанского Белуджистана, регионы которых, видимо, являются носителями растительного орнамента, и во многом их орнаменты накольные и далеко от Саразмского. Правда, некоторые орнаменты керамики поселений Котдиджи (Fairseviz, 1959, с.314, рис.22), Фаиз Мухаммед (Fairservis, 1959, с.414, №449 а) включают в себя мотивы, сходие с орнаментами саразмийского корчага. С таким же успехом можно привести примеры и среди орнаментов поселения Сиалк (Chirshman, 1938, табл. XIY, Б-3) и Анау IB (Массон, 1982, табл. XI 6.13).

Второй сосуд (табл.8.3.) по форме и по характеру орнамента, нарисованного на плечике кружного кувшина, близок к керамике периода У - А поселения иранского Тепа - Яхья ниже сеточной клетки имеет веточное, а возможно, растительное изображение.

По рассмотренным артефактам можно констатировать, что расписная керамика являлась характерной чертой поселения Саразм во все его периоды, начиная от позднего энеолита и кончая развитой бронзой. Это позволяет в некоторой степени решить спорные вопросы, поставленные в археологической литературе в 60 -х начале 80-х годов относительно существования или возникновения позднего центра культуры расписной керамики на территории Средней Азии.

Дело в том, что на рубеже II - I тыс. до н.э. в Мариангане, Фергане и Бактрии появились новые центры культуры поздней расписной керамики. Исследователи высказывают различные точки зрения об исходном центре культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа. Ю.А.Заднепровский считает чувстскую культуру исходной при формировании культуры раннего железного века северных областей Бактрии (Заднепровский, 1962, с.206 - 207). Почти такой же вывод сделал Дж. Касаль, который в комплексе керамики Мундигана У не встретил расписной посуды. Он считает создателями расписной посуды жителей восточный районов Ферганы, что у границы Китая (Casal, 1961, с.104-109). В.И. Сарианиди предлагает версию о северо - афганском происхождении культуры поздней расписной керамики, опираясь на материалы Тилодепе. Позже эта культура распространяется через Южный Узбекистан (Кучукдепе и Миршаде) до Марианганы (Яздепе I) (Сарианиди, 1972, с.29 - 36). А. А. Аскарлов также исходным центром распространения культуры расписной керамики считает ареал чувстской культуры. Находя близкое сходство материальной культуры Чуста с Кучунтепа, он считает, что "племена культуры поздней расписной керамики, из какой бы среды они не выделялись, генетически родственны, и истоки их происхождения надо искать только в пределах Средней Азии" (Аскарлов, 1979, с.37).

*Посвящается светлой памяти
первооткрывателя Саразма,
моего наставника и учителя
Абдуллоджона Исакова*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших вех истории первобытных общин верховья Зарафшана является период II тыс. до н.э., без исследования которого в целом нельзя говорить о целостности истории цивилизации древних согдийцев.

До недавнего времени в науке существовала тенденция о распространении и влиянии скотоводческих культур только на равнинных просторах Средней Азии, пригодных к отгонному скотоводству. Горные районы, из-за отсутствия до 70-х годов археологических памятников "степной бронзы", практически оставались не исследованными и не были включены в зону контактов земледельческой культуры с культурами скотоводов.

Открытие ряда погребений и могильников в Пенджикентском районе в последние годы полностью опровергли вышеуказанное мнение. Археологический комплекс в Саразме, где были найдены образцы керамики кельтиминарского типа, более чем убедительно доказали то, что земледельческое население этого поселения, начиная с конца III тыс. до н.э. имело тесные контакты со скотоводческими племенами. В аспекте взаимосвязи названных культур более убедительные артефакты представил археологический комплекс Саразм IV и Зардча-Халифа - погребение земледельческой культуры.

На базе археологического комплекса могильника Дашти-Казы, отдельных находок погребения Чорбог и других материалов, имеем возможность воссоздать культурологиче-

Почти аналогичной версии придерживается и Е.Е. Кузьмина, но она выделяет два центра происхождения культуры поздней расписной керамики. Первым центром она считает области юга Афганистана (Мундигаг У). Далее она пишет, что "культуры с расписной керамикой сложились в северных областях Средней Азии (в частности, в Фергане, а еще дальше в Восточном Туркменистане), а памятники второй половины II тыс. до н.э. здесь пока не обнаружены" (Кузьмина, 1962, с. 136). Поэтому, уситывая долгие традиции существования расписной керамики в Саразме, можно предположить, что Саразмская культура расписной керамики играла важную роль в распространении культур позднерасписной керамики в Средней Азии. Саразмская культура, возможно, является тем центром, откуда расписная керамика попадает в Фергану, Маргиану и Северную Бактрию. Саразмская культура, видимо, передавала культурные влияния, идущие из ближневосточного региона, племенам северных областей Средней Азии.

Что касается комплекса металлических предметов, то к финальному периоду он резко сокращается не только количественно, заметно уменьшается в их разнотипность. В этой связи прав А.И.Исаков, который считает, что кульминационным периодом металлообрабатывающих работ являются этапы Саразм II и III (Исаков, 1991,а). Из разновидностей металлических предметов к этому периоду мы имеем изделия из бронзы и свинца, по неизвестной нам причине отсутствуют предметы из благородных металлов - золота и серебра. Отсутствие этих металлов, количественное уменьшение и качественное ухудшение бронзовых изделий вместе с другими фактами свидетельствуют о начале прекращения жизни поселения.

Тем не менее, мы имеем десятки предметов орудий труда и оружия, которые в трех ранних горизонтах встречаны не были. При этом основная часть металлических изделий была найдена в ходе земляных раскопок жителями кишлаков Авзали, Гурача и Раджабали, которые расположены на северной и западной окраине поселения. Принадлежность их к

финальному периоду Саразма была установлена совершенно определенно, во - первых, при осмотре местности, где были сделаны случайные находки. и во - вторых, при сопоставлении их с находками такого же рода из IV горизонта раскопов поселения.

В виду того, что основные металлические находки были опубликованы А.И.Исаковым, причем неоднократно, в этой работе мы приводим наиболее характерные изделия, по которым можно судить об их хронологии. Для этой цели мы выбрали 23 изделия, иллюстрирующих 10 типов. Описание их было сделано выше, и по этому в этом разделе работы мы остановимся на их научной интерпретации и хронологии.

Первую категорию металлических изделий составляют кинжалы, (рис. 10.2,3,5). Они имеют длинные прочные черешки с загнутым крючкообразным навершием. Видимо, рукоятки кинжалов были костяными или деревянными, о чем свидетельствуют удлиненные до 10 см черешки. Кинжалы массивные, ширина их 3 - 4 см, длина до 28 см вместе с черешком. Длина лезвия колеблется от 15 до 20 см. До открытия Саразма в средней Азии и сопредельных регионах этот тип кинжала практически не встречался. Известные кинжалы из Маргианы (Массон, 1967, табл. XIV; 3,4) и Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, XXX,8), которые относятся к эпохе ранней бронзы и железа, хотя по форме и близки к одному из кинжалов Саразма, но отличаются устройством черешка. Возможно, правы исследователь Маргианы (Тахирбой 3) В.М.Массон и исследователь Сапаллитепа А. А. Аскарлов, классифицирующие их как наконечники дротика и копий. Другие аналогии не известны. Кинжалы Тахирбой 3 и Сапаллитепа полностью, а кинжалы Саразма частично утратили боевое назначение. Впрочем, и на кинжалах Саразма четко прослеживаются следы последующих заточек, отчего лезвия из стали дугообразными.

Если считать вслед за исследователями памятников Тахирбой 3 и Сапаллитепа, найденные там кинжалы наконечниками копий, то получается, что саразмийские кинжалы второго типа не имеют аналогий среди кинжалов эпохи бронзы

Средней Азии. Аналогии саразмским кинжалом второго типа обнаружены в Закавказье (Мунчаев, 1975, рис. 82, 3,5). Кинжалы или как их называет Р.М.Мунчаев "ножи - кинжалы" с выделенным черешком и предольным ребром, зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии - в Сохчаре (Мунчаев, 1975, с.394). Но они, в отличие от среднеазиатских кинжалов, снабжены обособленными черешками.

Несмотря на общность черешков кинжалы Саразма отличаются друг от друга устройством плечиков, клинка и лезвий. Это позволяет нам разделить их по устройству плечика на два вида: плечики кинжалов первого вида обособлены под треугольник к кинжалом; плечики второго вида имеют плавный переход. Что касается устройства клинков, то они и широкие, и узкие.

Ко второй категории мы отнесли ножи. Их однотипность (Исаков, 1991а, рис. 10.6,13; рис. 75. 2-5,8) мы представляем единственным экземпляром ножа, найденного на поверхности поселения, к югу от раскопа IY. Особенность ножа заключается в том, что он двухлезвийный, как кинжалы, но с очень неприспособленным к ручке коротким черешком. Кроме того, по плоскости ножа не прослеживается традиционное для кинжалов ребро. Ножи различных типов встречены на многих древнеземледельческих памятниках. Однако типологический анализ ножей показал, что они не всегда были правильно классифицированы. Так, встречаются факты, когда многие ножи, имеющие двухсторонние заточенные лезвия были признаны кинжалами (Иессен, 1939, табл. XI; Крупов, 1951, с.49; 14,6; Массон, 1967, с.168, рис. 2,1; Сарияниди, 1977, с.76), есть случаи, когда подобные ножи из - за небольших размеров были включены в группы наконечников копий (Бернштам, 1950, таб. XXXIY, 4-6 XXXYII, 2,3).

Малочисленность двухлезвийных ножей эпохи развитой бронзы в Средней Азии (Массон, 1961а, табл.5; Кузьмина, 1966, табл. VII, 15; Заднепровский, 1962, таб. XXXI; Аскаров, 1977, таб. ЧЧ, 1.6,7), Афганистане (Сарияниди, 1977, с.77, рис.36, 3), Пакистане и Индии (Маскау, 1938, том II, таб. XXXI, 3.5) не дает достаточно оснований считать их ору-

финальному периоду Саразма была установлена совершенно определенно, во - первых, при осмотре местности, где были сделаны случайные находки. и во - вторых, при сопоставлении их с находками такого же рода из IY горизонта раскопов поселения.

В виду того, что основные металлические находки были опубликованы А.И.Исаковым, причем неоднократно, в этой работе мы приводим наиболее характерные изделия, по которым можно судить об их хронологии. Для этой цели мы выбрали 23 изделия, иллюстрирующих 10 типов. Описание их было сделано выше, и по этому в этом разделе работы мы остановимся на их научной интерпретации и хронологии.

Первую категорию металлических изделий составляют кинжалы. (рис. 10.2,3,5). Они имеют длинные прочные черешки с изогнутым крючкообразным навершием. Видимо, рукоятки кинжалов были костяными или деревянными, о чем свидетельствуют удлиненные до 10 см черешки. Кинжалы массивные, ширина их 3 - 4 см, длина до 28 см вместе с черешком. Длина лезвия колеблется от 15 до 20 см. До открытия Саразма в средней Азии и сопредельных регионах этот тип кинжала практически не встречался. Известные кинжалы из Маргианы (Массон, 1967, табл. XIV; 3,4) и Сапаллитепа (Аскаров, 1977, XXX,8), которые относятся к эпохе ранней бронзы и железа, хотя по форме и близки к одному из кинжалов Саразма, но отличаются устройством черешка. Возможно, правы исследователь Маргианы (Тахирбой 3) В.М.Массон и исследователь Сапаллитепа А. А. Аскаров, классифицирующие их как наконечники дротика и копий. Другие аналогии не известны. Кинжалы Тахирбой 3 и Сапаллитепа полностью, а кинжалы Саразма частично утратили боевое назначение. Впрочем, и на кинжалах Саразма четко прослеживаются следы последующих заточек, отчего лезвия из стали дугообразными.

Если считать вслед за исследователями памятников Тахирбой 3 и Сапаллитепа, найденные там кинжалы наконечниками копий, то получается, что саразмийские кинжалы второго типа не имеют аналогий среди кинжалов эпохи бронзы

Средней Азии. Аналогии саразмским кинжалом второго типа обнаружены в Закавказье (Мунчаев, 1975, рис. 82, 3,5). Кинжалы или как их называет Р.М.Мунчаев "пожи - кинжалы" с выделенным черешком и предольным ребром, зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии - в Сохчаре (Мунчаев, 1975, с.394). Но они, в отличие от среднеазиатских кинжалов, снабжены обособленными черешками.

Несмотря на общность черешков кинжалы Сарцзма отличаются друг от друга устройством плечиков, клинка и лезвий. Это позволяет нам разделить их по устройству плечика на два вида: плечики кинжалов первого вида обособлены под треугольник к кинжалом; плечики второго вида имеют плавный переход. Что касается устройства клинков, то они и широкие, и узкие.

Ко второй категории мы отнесли ножи. Их однотипность (Исаков, 1991а, рис. 10.6, 13; рис. 75, 2-5,8) мы представляем единственным экземпляром ножа, найденного на поверхности поселения, к югу от раскопа IY. Особенность ножа заключается в том, что он двухлезвийный, как кинжалы, но с очень неприспособленным к ручке коротким черешком. Кроме того, по плоскости ножа не прослеживается традиционное для кинжалов ребро. Ножи различных типов встречены на многих древнеземледельческих памятниках. Однако типологический анализ ножей показал, что они не всегда были правильно классифицированы. Так, встречаются факты, когда многие ножи, имеющие двухсторонние заточенные лезвия были признаны кинжалами (Иессен, 1939, табл. XI; Крупов, 1951, с.49; 14.6; Массон, 1967, с.168, рис. 2,1; Сариниди, 1977, с.76), есть случаи, когда подобные ножи из - за небольших размеров были включены в группы наконечников копий (Бернштам, 1950, таб. XXXIY, 4-6 XXXYII, 2,3).

Малочисленность двухлезвийных ножей эпохи развитой бронзы в Средней Азии (Массон, 1961а, табл.5; Кузьмина, 1966, табл. VII, 15; Заднепровский, 1962, таб. XXXI; Аскаров, 1977, таб. ЧЧ, 1,6,7), Афганистане (Сариниди, 1977, с.77, рис.36, 3), Пакистане и Индии (Маскау, 1938, том II, таб. XXXI, 3,5) не дает достаточно оснований считать их ору-

жем. В связи с этим к двухлезвийным ножам Саразма относятся все изделия, имеющие короткие черенки, поскольку в Саразме обнаружены настоящие кинжалы. Кинжалы массивнее ножей, имеют среднее ребро и длинный обособленный черенок.

Двухлезвийные ножи Саразма варьируются по величине и устройству плечиков. Все ножи кованые. Ширина колеблется от 2,9 до 4 см. Короткий черенок не может обеспечить ударную силу, какую должно иметь наступательное оружие. Длина лезвий от 13 до 17 см. Именно по этим собраним изделия с лезвиями длиной 13 - 17 см считаются ножами, хотя в критический момент их могли использовать в целях самозащиты. Известно, что ножи с короткими черенками и длинными листовидными лезвиями встречаются уже с раннего энеолита. Наиболее древние их экземпляры обнаружены в слое Намазга I на поселении Илгинлыдепе и в слое Намазга II на северном холме Анау (Кузьмина, табл. VII, 1966, 14). Ножи, найденные на другом поселении Южного Туркменистана - Алтындепе, исследователи интерпретируют как кинжалы (Массон, 1967, рис.2.1). Плоский клинок без среднего особого ребра с коротким черенком говорит о том, что этот предмет выполнял роль боевого оружия и хозяйственного ножа. аналогичные предметы встречаются в обширном ареале - от Средней Азии (Кузьмина, 1966, табл. VII) до длины реки Индии (Маскау, 1938, табл. XXIX). похожие ножи встречены и на Кавказе (Мунчаев, 1975, с. 293, рис.1), но на Кавказе скорее всего эти ножи появились в результате контактов с переднеазиатским регионом. Не ясно происхождение Крымских ножей с короткими черенками и удлинённым лезвием. Бронзовой двухлезвийный нож из погребения I близ Бахчисарая похож на нож Саразма.

Нам представляется, что производство ножей носило региональный локальный характер, обусловленный производительными способностями и обилием медно - бронзовых минералов.

Как видим, аналогичность ножей еще не определяет пути их трансформации а отдельным областям или памятникам, хотя не исключается некоторое влияние на их форму.

Третью категории металлических изделий составили наконечники ножей и дротиков. В отличие от кинжалов и ножей, на Саразме они встречаются реже. Тем не менее, их наличие в последнем периоде жизни поселения свидетельствует о поэтапности появления наступательных и оборонительных оружий в саразмийских общинах. При этом, отметим, что на Саразме пока не найдено ни одного бронзового наконечника стрелы. Подобного рода находок не было встречено и на поселениях Замон - баба, Гуджайли, Сапалли-тепа и Дашли 3 и на других памятниках начала II тыс. до н.э. В то время если лук и стрелы и существовали, то их наконечники были каменными, зачастую кремневыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XVІІІ, XIX, XXXIY; Аскарлов, 1973, табл. 28; Сарияниди, 1977, рис. 52, 1,8-19; Исаков, 1991а, рис. 42, I-II).

Из этих данных вытекает, что основными орудиями эпохи развитой бронзы были кинжалы, боевые топоры, копья и дротики. Лук и стрелы с кремневым наконечником прежде всего служили орудиями охотников для охоты на мелких животных и птиц. Что касается бронзовых наконечников, то они появились в самом конце бронзового века. Первые бронзовые наконечники на территории Средней Азии были найдены на поселении Яздтепе (Массон, 1959, табл. XXXIY, 9-14), в Хорезме на поселении Якке - Персон 2 (Толстов, 1962, 5 - 6).

Таким образом, отсутствие бронзовых наконечников на Саразме - это закономерность, обусловленная историческим процессом развития общественного производства. В этом плане наконечники копий и дротиков Саразма приобретают особое значение, как определяющий фактор процесса развития Саразмийских общин.

Как бы там ни было, к финальному этапу Саразма мы имеем 5 наконечников (рис. 10.6-10), из которых по нашей классификации, 3 являются наконечниками копий (рис. 10,8), а два наконечниками дротиков I (рис. 10.9.10). Наконечники

копий представлены двумя видами: первый вид с длинным клинком, но с коротким черенком (табл. 10.8), а второй с относительно длинными клинками, а также с длинными загнутыми в конце черенками (рис. 10, 6 - 7). Наконечники дротиков менее массивны, и они также представлены двумя видами: первый наконечник миниатюрный, длина его вместе с черенком 7,8 см лавровористой формы (рис. 10.9); другой более массивный, с треугольной и сильно заостренной формой клинка также с коротким черенком (рис. 10.10).

Наконечник, найденный в горизонте II раскопа III трудно классифицировать. Он имеет длинный черенок, его лезвие напоминает лезвие кухонного ножа (рис. 10.8). Этот предмет мог выполнять функции хозяйственного ножа. В. И. Сарияниди пишет, что "черенковые наконечники копий практически невозможно отличить от черенковых ножей и кинжалов, что нередко приводит к терминологической путанице" (Сарияниди, 1977, с.76).

Более обширные аналоги имеют наконечники длиной 9 см, с крючком в конце черенка предназначен для основательного крепления в пике (рис. 10.7). Хотя этот предмет не имеет себе прямой аналогии среди наконечников Средней Азии, но что касается клинка, то он близок к наконечнику из Сапалитепе (Аскаров, 1973, табл. XXVIII, 7). Саразмийская наконечник находит себе аналогию среди бронзовых изделий Тепе-Гиссара из слоя К-Гиссар II (Шмидт, 1933, табл. С Ш, № 1040), который исследователь считает ножом. Более близка к наконечнику Саразма находка из погребения со станции им. Тельмана Астаринского района Азербайджана (Махмудов, Мунчаев, Наримонов, 1966, с.21. рис. 5,7,8; Кареневский, 1975, с. 68 - 72).

Что касается наконечника дротика, то для памятников эпохи бронзы это редкое явление. Аналогичный наконечник был найден в Сапалитепе. Он так же, как саразмийский тонкий, плоский и листовидный. Его размер вместе с черенком равен 7,7 см. По мнению А. А. Аскарова, этот наконечник относится к четвертому варианту двухлезвийных ножей. од-

нако он не отрицает того, что это может быть наконечник дротика (Аскаров, с.72).

Среди наконечников дротиков из Средней Азии он не имеет аналога. Лишь из Сапалитепе имеет некоторую близость по форме клинка (Аскаров, 1977, табл. ХХХ.8), но короткий и толстый черенок сапалинского наконечника отличает его от саразмского. Тем не менее, наши наконечники находят более близкие аналогии среди наконечников этого типа в Маханджо - Даро (Маскау, 1976, табл. СХУП, 5,7; СХІХ, 4) и Чанху - Даро, 1976, табл. ІХХІІ, 3).

Наряду с крупными металлическими предметами из Саразма, которые в основном представляют орудия труда и оружие (в частности ІУ дилого горизонта). мы имеем ряд изделий обиходного характера. Они классифицированы как предметы быта, туалета и ремесла. Среди них рыболовные крючки (рис.14.8,12) и булавки для волос (рис.П.П). Все эти предметы были найдены в последнем жилом горизонте раскопок поселения Саразм в различные годы.

Переходя к характеристике упомянутых предметов, отметим что их малочисленность объясняется просто: небольшие по размеру, тонкие, они чаще всего ломаются и теряются. Иголки нам известны по находкам из могильника Пархай П (Хлопин, 1981, рис. 21,3), слоя Гиссар I (Shihit, 1937, табл. ХУІ, 3469). Известный из поселения Маханджо - Даро длинный стержень с отверстием (Маскау, 1976, СХХХУ, 10), хотя и похож на иголку, но по размерам это скорее шило. Имеется еще один подобный предмет из Чанху - Даро (Маскау, 1974, табл.8,ХХІІ 16), но он без отверстия.

Фрагмент браслета из крупного бронзового стержня (табл.14.7) указывает на разновидность украшения. Этот тип находок часто встречается среди металлических изделий прото - харапской культуры Индостана (Wooley, 1963, табл.85, 929 - 932) и поселения Сапалитепа (Аскаров, 1977, табл. ХХХУІІІ).

Учитывая важное значение так называемых булавок, мы охарактеризуем их подробнее. К финальному периоду Саразма мы имеем три экземпляра этих находок, представ-

различных памятниках Средней Азии. (Массон, 1962, табл. XI, 9; Литвинский, 1954, рис.9; Аскарлов, 1973, с.91, рис. 46), Кавказа (Магамедов, 1972, с. 121, рис. 17.6) и Сибири (Окладников, Бродянский, 1984, с. 107, рис. 3.6). Все исследователи дают этому предмету однозначную характеристику, называя их молот - куранты для работы в шахтах и дробителями.

Последними предметами, представляющими для нас интерес, являются изделия, определяющие, как говорится, статус личности, на наш взгляд, к ним относятся вышеупомянутые керамическая и свинцовая печати, которые исследовали и опубликовали А.И.Исаков, Р.М.Безенваль (1989). Третий предмет из этой категории также печать, но каменная. Это пока единственная цилиндрическая печать, найденная в горизонте IV (этап В) раскопа IV (рис. 14.3).

Для определения места культуры поселения Саразма и всего Среднеазиатского региона - эта печать уникальна. Имеющиеся аналоги говорят о том, что пласт культуры с цилиндрической формой находится на территории Средней Азии, в Месопотамии и южных областях Ирана. На печати из Тепе - Гиссара в слое Гиссар III изображены птицы и козы (Shmit, 1937, табл. 118, 37, 10; 1933 В, II 6- III 92); на печати с поселения Ура (Woolley, 1933, табл. XIV, I) и на венчике серебряной чаши из Северного Афганистана (Amiet, 1986, рис. 195-196) изображен бык. Кроме того, на огромном числе плоских печатей с Мохенджо - Даро и Чанху - Даро также были изображены быки или коровы (Mackay, 1978 табл. IXXXIII, IXXXVI, 1034, табл. II; Gvpta, 1982, с. 215, рис. 8, 19). Цилиндрические печати Шахри - Сохта имеют геометрические изображения в виде ромбов, треугольников (Amiet, 1983, табл. XXXV, 12, XXXI, 15, 16, 19). По определению Пьера Амие, печати шахри - Сохта были изготовлены из сланца, известняка, стеатита и даже лазурита. Анализируя период появления и распространения цилиндрических печатей отметим, что они характерны больше всего для эпохи развитой бронзы второй половине III - первой половине II тыс. до н.э. Родиной культуры цилиндрических каменных печатей, возможно, были древнеземледельческие памятники Месопота-

ский и социологические процессы развития первобытных общин исследуемого региона.

Последовательность исследования земледельческих культур выявила отдельные моменты синтеза двух разнородных культур и путь их совместного развития. Все эти факты привели нас к выводу, что при синтезе культурных процессов наблюдается дальнейшее развитие общества. Именно со II тыс. до н.э. зарождается этническое формирование иранской расы, населявшей всю территорию Средней Азии, от земель древнего Хорезма до Бадахшана.

Основная задача работы является установление закономерности общен исторического развития материальной и духовной культуры первобытных племен верховья Зарафшана конца III - начала I тыс. до н.э.

Главная задача исследования заключается в разработке хронологического аспекта периодизации и этапов распространения культуры степной бронзы в Зарафшанской долине и определении ее роли в судьбах земледельческих общин, заселивших данную территорию до появления - скотоводов. В результате решения этой задачи можно будет определить взаимовлияние и развитие двух культур - земледельческой и скотоводческой.

Удалось на базе археологических и антропологических материалов, полученных в ходе раскопок, рассмотреть проблемы урбанизации общественного строя, социальной среды и этнической принадлежности племен верховья Зарафшана на рубеже II-I до н.э. и наконец определить место земледельческо - скотоводческих культур верховья Зарафшана в системе цивилизации всей Средней Азии.

В монографии рассматривается вопрос проникновения скотоводческой культуры в горные регионы Зарафшанской долины. При этом, особое внимание уделяется этапам и путям миграции скотоводов в южные просторы Таджикистана и дальше в Афганистан, Северную Индию и Пакистан. По нашему мнению, ранний этап появления скотоводческой культуры в верховья Зарафшана приходится на начало II тыс. до

нии и Северо - Западного Ирана. С развитием торгово - экономических обменов эти печати распространились на юго - восток Ирана - Шахри - Сохте и северо - восток Средней Азии (Саразм). Печать Саразма указывает на тот факт, что, возможно, она была привезена из Месопотамии.

К этой категории находок, пожалуй, можно отнести и два костяных предмета, названных нами предположительно жезлами. Их всего два экземпляра, как было указано выше, первый из них, целый экземпляр, был найден сотрудниками экспедиции Тайлановым на распаханном поле. Второй фрагмент жезла был найден в горизонте IV раскопа II поселения Саразм.

Аналогичные находки на памятниках эпохи бронзы в Средней Азии не обнаружены. Предметы же, найденные Р. М. Мунчаевым в курганах у селения Чегам I и II, немного уступают по размерам саразмийским (Мунчаев, 1975, с. 290, рис. 64, 16 - 18). Он считает их клювовидными топорами (Мунчаев, 1975, с. 324). Похожий на жезлы предмет был найден Н.Я.Мерпертом в курганах Уральского междуречья (Мерперт, 1974, с. 75, рис. 10, 6), но он не определяет его функции. По нашему мнению, они являлись жезлами властителя или вождя.

Последним каменным предметом является стилизованная каменная стела или баба (рис. 14, 5). Верхняя узкая часть представляет собой имитацию головки, между головкой и корпусом расположен глубокий желобок, имитирующий шею скульптуры. Эта скульптура имеет себе аналогию только среди статуэток святилища А-10 поселения Чатал - Хуюка (Антонова, 1977, с.22, табл.ХУП,1). В отличие от Саразмской скульптуры, где отсутствуют глаза, нос, рот и другие элементы человеческого облака, на статуэтке чатал - Хуюка (Турция) все эти элементы нашли свое схематическое изображение. Отсутствуют схематические изображения человека и на глиняной скульптуре Сапалитепа (Аскарлов, 1977, с.84; табл. ХХIV, II). Статуэтки из Чатал - Хуюка и Сапалитепа представляют собой небольшие терракоты, размеры которых не превышают 6 см. Наш объект массивней и представ-

ляет наиболее ранний вариант стеллы или скульптуры. Думается, что скульптура из Саразма имела культовое значение, как и глиняные статуэтки древнеземледельческих общин. К этому заключению мы пришли потому, что она не может оказаться надмогильной стеллой, так как при раскопе никаких следов могильной ямы не было обнаружено.

Последний предмет комплекса — это единственный фаллический формы пест. Аналогичные предметы с древнейших времен, конкретно с неолита, являются необходимым производственным орудием. Они были найдены в различных вариантах практически во всех древнеземледельческих памятниках. Пест из Зардхахаляфы имеет прямую аналогю с фаллическими пестами Чуйской долины, найденными А. Н. Бернштамом в 1941 г.³¹ География распространения фаллических пестов настолько обширна, что простирается на восточные склоны Урала³² и даже на Африканский континент.³³

Анализ археологических артефактов погребения позволил установить их синхронность со многими известными памятниками Средней Азии и Ближнего Востока. В географическом отношении привлекаемые нами памятники расположены на значительном расстоянии друг от друга. Так, например, расстояние от Верхнего Заравшана, где находится исследуемый нами могильник, до Тепе-Гиссара — 2000 км. Чуть ближе к нам, на расстоянии 1500—1000 км, расположены памятники подгорной полосы Южного Туркменистана, памятники дельты Мургаба и долины Сумбара. Наиболее близкими памятниками являются могильники Джаркутана и поселений Сапаллянтепе и Дашли-1. Ближе всего к Шортугаю у притока реки Кокча. Однако эта отдаленность не препятствует близости археологического комплекса верхнезаравшанского погребения комплексам памятников упомянутых регионов.

Таким образом, синхронизируя археологический комплекс Зардхахаляфы, мы видим, что он соответствует хронологически таким памятникам, как Тюрич-тепе ШС. 1—2, Шах-Тепе ПС, Тепе-Гиссар ШС, которые расположены недалеко друг от друга на территории Северо-Восточного Ирана. Все эти памятники датированы исследователями второй четвертью II тысячелетия до н. э. (1800—1600 гг. до н. э.). Из памятников Южной Туркмении наиболее синхронными с нашими комплексами являются Лучиндепе, памятники Мургабского оазиса и могильники долины Сумбар. Хронологический диапазон памятников этого региона, так же как и памятников Ирана, укладывается в ранний Намазга VI, датирующийся 1800—1500 гг. до н. э.³⁴

Комплекс Зардхахаляфы, на наш взгляд, близок к комплексу Сапаллянтепе (джаркутанский этап) и Джаркутанского могильника. Керамика, бронзовый сосудик со сливом, булавка с зооморфным навершием, буферобразное кольцо Зардхахаляфы настолько близки к Южноузбекским комплексам, что могли быть комплексом одной культуры. Исследователи этих памятников А. А. Аскаров и Б. Е. Абдуллин датируют джаркутанский этап (1700—1500 до н. э. Там радикарбона — 1650 ± 60 гг. до н. э.)³⁵

В Афганистане наш комплекс находит параллели в комплексе Дашли-1 и 3. Они особенно заметны в керамике и ряде металлических изделий — в сосуде со сливом, булавках с зооморфным навершием и кинжалах ромбической формы. Исследователь памятников дашлинского комплекса датирует их по радиоуглеродным данным в пределах второй четверти тысячелетия до н. э.³⁶

Что касается отношений земледельческой культуры Верхнего Заравшана эпохи бронзы к более южным центрам — Мундигаку и частично харакской культуре, то в последних мы видим лишь минимальное сходство по отдельным находкам (например, по бронзовому кинжалу — с Мундигаком, по несоизмеримым колесам, модели колес и навершиям булав — с харакской культурой). Поэтому нам кажется наиболее реальным видеть близость к культурному комплексу Верхнего Заравшана лишь в памятниках Южного Туркменистана и Южного Узбекистана.

Таким образом, анализ археологического комплекса Зардхахаляфы

§3. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ IY ГОРИЗОНТА.

К настоящему моменту поселение Саразм исследовано, на первый взгляд, достаточно основательно, о чем свидетельствуют многочисленные труды ученых - археологов, историков (Н.Исаков, Р.Безенваль, Б.Лионе, Л.Карловский, Ф.Колл, Маддин, А.Раззоков, С.Бобомуллоев и др). Кроме того, некоторые материалы этого археологического комплекса использованы в качестве аналогии и для выводов относительно древнеземледельческо - скотоводческой культуры Центральной Азии. Однако по вопросу абсолютной и относительной хронологии этого памятника до сих пор имеются разногласия. Это прежде всего касается и проблемы зарождения культуры Саразма (Саразм I). Разногласия наблюдаются и в вопросе, касающемся исследования последнего - IY горизонта, после которого на поселении жизнь окончательно прекратилась.

Поскольку наша тема касается этого последнего периода, то остановимся на этом вопросе более подробно. Разрабатывая хронологию поселения Саразм, А.И.Исаков пишет, "что археологический комплекс этого периода времени (поселение Саразм.С.Б) имеет параллели с материалами позднего Намазга IY или раннего Намазга У, Алтындепе I - 4, Хапуздепе I-II, Гиссара III- В, Тепа Яхъя IY - А, Сузи У, Шахри - Сохте IY, Мундигака IY и Мергара YII - YIII, а также с памятниками Харапской культуры Маханджа - Доро, Кулли и т.д." (Исаков, 1991 а, с. 115). При всем этом среди металлических, каменных и керамических предметов Саразма встречаются кинжалы с короткими клинками типа кинжалов из Яз - депе и лавролистные наконечники дротика, схожие с подобными находками из Сапалитепе, топоры - тесла типа ёринских и харапских и , наконец, керамика степной бронзы. Эти находки позволяют нам пересмотреть дату финального периода; на наш взгляд, последний период жизни поселения

длился в течение 400 лет, с третьей четверти III тыс. до н.э. до первой четверти II тыс. до н.э. (2700 - 1800гг. до н.э.).

Другой вопрос - прекращение жизни на Саразме. По нашему мнению, предложенная дата - 1800гг. до н.э. скорее всего не окончательная, так как из 10 га территории поселения исследователи раскопали всего около 1 га. Мы пока не знаем, к какому периоду относится та часть поселения, на которой расположены застройки кишлаков. Можно предположить, что после ухода основной части населения, возможно, в некоторых местах поселения жизнь еще продолжалась. К такому заключению нас привели два факта, выявленные в конце 80 - х годов. Первый - это обнаружение археологических комплексов на шурфе XI, расположенном во дворе одного из жителей кишлака Авзали. Как было отмечено, здесь на площади более 100м² были найдены многочисленные фрагменты керамики гончарного изготовления типа керамики культуры Харанпы, а возможно, и постхаранпской, встреченных А.П.Фракфортом на поселении Шортугай (Франкфорт, 1989, табл. 46, 1 - 14). Второй факт - в 10 км к востоку от поселения Саразм расположено погребение Зардча - Халифа. археологический комплекс его датирован 1600-1400 гг. до н.э., он вполне может быть продолжением саразмийской культуры, хотя между спустошением Саразма и комплексом Зардча - Халифа имеется перерыв на 200- 250 лет. Эти два факта заставляют нас пересмотреть дату финального периода поселения Саразм и окончательного прекращения жизни на нем.

Думается, что если не в самом Саразме, то в крайнем случае поблизости от него жизнь развивалась спонтанно с начала IV до середины II тыс. до н.э. Со временем, мы надеемся обнаружить новые археологические факты, с помощью которых и можно доказать свою гипотезу. После этого мы сможем решить и еще один вопрос - вопрос об исходном пласте Бактрийско - Маркианского культурного комплекса, выделенного В. И.Сарианиди (1977). В этом плане, еще раз касаясь вопроса миграции населения Саразма, следует подчеркнуть, что она, вероятно, началась с конца периода Са-

разм III, т.е. с первой половины III тыс. до н.э. Саразмийцы, судя по тому, что прототип их культуры не обнаружен в северных регионах Средней Азии, мигрировали на запад - в сторону Маргианы и на юг - в Бактрию. Причем временные их стоянки могли быть расположены и в стороне Маргианы - поселение Замонбаба, и в стороне Бактрии - Сапалитспа, Джаркутан, Мулалы и Дашли. По этой версии, саразмийцы являются носителями не только поднежного типа культуры расписной керамики, но и носителями градостроительной культуры, которая продолжала развиваться на новом месте с новыми, более развитыми общественными укладами.

Происхождение в Маргиане однотипного археологического комплекса на поселениях Гонур 1, Тагалок 21 пока не определено. Как в Бактрии, так и в Маргиане упомянутые комплексы, по утверждению Т.Ш.Ширинова, появились внезапно. "Генетическое происхождение обоих комплексов не связано с местными традициями"-утверждает исследователь (Ширинов, 1993, с.18). Таким образом, исходя из исследованных материалов, можно говорить о том, что сложившийся в начале II тыс. до н.э. новый культурный комплекс подтверждает тот факт, что культура не была ограничена бактрийско-маргианскими регионами в нее, вероятно, входили и регионы древнего Согда, особенно верховья Зарафшана (Исаков, 1991 а, с.116; 1991 б, с. 35). В свою очередь не исключено, что исходным пластом этой культуры, возможно, и является поселение Саразм.

Что касается причины прекращения жизни на территории самого поселения, то по археологическим комплексам ее установить трудно, так как за исключением строительных дел, производство материальных культур развивалось спонтанно. Кроме качества росписей на керамике, другие предметы материальной культуры качественно улучшились, к тому же появились новые формы сосудов со сложными горловинами и венчиками. В керамическом деле начали применять и гончарный круг. Из металлов - свинца и бронзы изготовляли заготовки для обмена, а возможно, и для торговли с обитателями дальних регионов. По этой причине относительно пре-

кращения жизни поселения Саразм вырисовываются два аспекта: первый, как отмечает А.И.Исаков, "можно связать с появлением на этой территории скотоводческих племен севера", второй, "внутриобщинные противоречия вели к тому, что в обществе происходило разложение". (Исаков, 1991а, с.116).

К аргументам А.И.Исакова мы добавим следующее. На наш взгляд, начиная со второй половины III тыс. до н.э., в связи с развитием производственного потенциала, происходили некоторые изменения в структуре саразмийских общин. Некогда единое общество, члены которого происходили, возможно, даже из одного племени, после социальной дифференциации раскололись на несколько общин. Это и привело к изменению взаимоотношений друг с другом, ставшие причиной ухода части из них. Также в результате этого началась поэтапная миграция саразмийцев на отдельные долины и оазисы. Неисключено, что при этом часть населения продолжала жить на какой-то части поселения, в худшем случае они, возможно, переселились в окрестности Саразма, примером чего является погребение Зардча - Халифа.

Отметим, что упадок жизни к этому периоду характерен не только для поселения Саразм. аналогичные явления происходили на поселениях Намазга - тепе, Алтын - Депе, Шахри - Сохте и других памятников древнеземледельческих культур Пакистанского Белуджистана (Мергар, Сибри, Кулли) и Афганистана (Мундигак).

Как было сказано, археологический комплекс Зардча - Халифа и по времени не связан с саразмийскими, но по характеру культуру это комплекс земледельческой культуры, и перерыв в 200-250 лет между этими двумя археологическими комплексами, Саразмом и Зардча - Халифой, еще не означает, что они принадлежат разным древнеземледельческим культурам. По нашему мнению, Зардча - Халифский археологический комплекс появился в результате развития производственной деятельности гончаров, металлургов, ювелиров и других специалистов. В конечном итоге это привело к инновации производства хозяйственных и бытовых орудий, согласно

требованиям более развитых древнеземледельческих общин в первой половине II тыс. до н.э. В последующем, в связи с приходом скотоводов - кочевников, начиная со второй половины II тыс. до н.э., в древнеземледельческих регионах Средней Азии (Зарафшанском, Мургабском, Сурхандарьинском) произошли значительные изменения в культуре - на смену культуре земледельческой пришла культура скотоводческая.

§ 4. РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИИ ЗАРДЧА - ХАЛИФА.

Погребение было обнаружено в 1986г. при строительстве городского очистного сооружения. Оно расположено в 800 км к западу от Пенджикента, у левого берега р.Зарафшан или в 13 км к востоку от поселения Саразм. Могильная яма до уровня скелета была полностью уничтожена при рытье траншеи очистного сооружения. Костяк и некоторые предметы были слегка потревожены.

По ходу расчистки были произведены раскопки и вокруг могильной ямы, удалось определить характер материка поблизости от могилы. С помощью шурфов, заложенных в северо - западном углу раскопок и к югу от уцелевшей могильной ямы, установлено, что покойник и сопровождавшие его вещи были уложены на галечном конгломерате.

Дополнительные сведения были получены во время зачистки стенки траншей, срезанных бульдозером. Разрез (рис. 15.1) показал, что данная местность дважды становилась руслом какого - то протока. Зачиска стенки показала, что под дерновым слоем толщиной 100 - 120см, ниже расположена прослойка гравия толщиной 60 - 70 см. Третий слой из лёсса толщиной 50 - 60 см отличается от верхнего лессового слоя тем, что здесь встречаются линзы натека. Четвертый слой опять гравийный. О толщиной 50 - 70 см, прикрывает лессовую прослойку. Последняя прослойка из галечника на глубине 3,5 м. Ниверлировкой установлено, что дно захоронения находится на глубине 3,5 м над гравийным наслоением.

Наблюдения показывают, что, очевидно, могила была грунтово. Несколько необычны небольшая каменная дуга и кучи прочих камней, обнаруженных к юго - востоку от края могилы (рис. 16). Возможно, они появились здесь в результате попыток создания неизвестного нам погребального сооружения. Общая площадь могилы 6 м². Конечно, для одиночного захоронения эта площадь выглядит слишком обширной. Это очевидно, связано с тем, что вместе с покойником были захо-

ронены баран и положено значительное количество вещей. Любопытным является тот факт, что в трех случаях предметы лежат группами, согласно их фактуре и назначению.

Могильная яма овального плана вытянута с запада на восток, размером 3,1 м. Скелет скореченный, его голова ориентирована на северо - запад, положение черепа и костяка на правом боку. Кости правой руки находятся у подбородка, а левой в виде прямоугольника лежат на животе. Ноги с небольшим расхождением друг от друга сильно прижаты к тазовой кости. При зачистке скелета в области позвоночника были обнаружены высохшая кожа желто - красного цвета и остатки волос темного цвета. На расстоянии 20 см к западу обнаружен скелет рогатого барана (рис.16). Рога короткие, но весьма толстые, дугообразные, длиной 48 см. Установлено, что это животное было захоронено целиком, без каких - либо расчленений. Весьма любопытен факт расположения сопровождающих усопшего предметов. При скелете были найдены золотое височное кольцо и бисер, который лежал вблизи уха. Другие предметы группами лежали на значительном расстоянии от скелетов. В пределах могильной ямы было найдено ³² предмета: 18 металлических, из которых 16 бронзовых и 2 золотых, 8 костяных, 3 ка^менных и 3 керамических изделия.

Набор бронзовых изделий представлен 3-мя видами сосудиков, 4-мя застежками, 4-мя заклепками, 2-мя удилами, одним ножом, одним кинжалом и навершием булавы с зооморфной головкой. Особый интерес представляют два золотых изделия - упомянутое височное кольцо и штука золотого бисера. Интересен также набор костяных предметов, из которых 6 являются псалями, а один представляет фрагмент неизвестного трубчатого котьяного предмета. В комплексе имеются также 3 каменных изделия: 1) бисер из бирюзы, 2) фиаллического вида пест, 3) заготовка под пряслице. Археологической комплекс дополняют 3 целых керамических сосуда.

К этим находкам следует добавить миниатюрный чашеподобный предмет из золота. Он был найден на расстоянии более 10 м к востоку от погребения. в отвале, сделанном бульдозером. Эта случайная находка свидетельствует о том,

что на этом месте не могло быть только одно погребение. Однако вся территория новостроек на площади около 2-х га разрыта несколькими траншеями под очистные сооружения.

а) Характеристика материальной культуры.

КЕРАМИКА. Как было отмечено, в погребении обнаружено три сосуда (рис. 17). первый представляет собой шаровидный кувшин с узкой (10 см) невысокой горловиной и отогнутыми по краям венчиками. Придонная часть слегка скошена. Донце менее устойчиво, его ширина равна примерно 13 см. Второй сосуд полностью шаровидный. В отличие от первого, у него относительно высокая горловина. Кроме того, этот сосуд по размеру уступает первому и его придонная часть не имеет подкошенности. Третий сосуд по форме похож на два первых сосуда, хотя этот кувшин по размерам уступает первому, но подкошенная придонная часть приближает его к нему. Еще одна его отличительная черта - это устройство венчика, который снабжен треугольным сечением.

Кроме того, на плечике сосуда начерчен знак мастера. Знак состоит из двух вертикальных и одной горизонтальной линии, предающих знаку вид буквы Н.

б) Металлические предметы быта, культуры и туалета.

БРОНЗОВЫЕ СОСУДИКИ. Их всего 3 экземпляров разных форм. Из них лишь 1 целый - полусферический сосуд со слабо выраженным желобком под венчиком и горизонтально вытянутым от венчика сливом. Второй сосудик с кольцевидным корпусом и венчиком имеет гофрированный цилиндрический корпус. Излом по придонной части не позволяет нам представить его в целом виде. Третий - это лишь фрагмент стенки сферической формы от небольшого сосудика.

ЗАСТЕЖКИ И ЗАКЛЕПКИ. Из 8 экз. Все они изготовлены из тонкого листа бронзы, в результате чего до нас дошли во фрагментах. Думается, что назначение этих предметов не нуждается в комментариях.

УДИЛА. Традиционно эти конские принадлежности должны были присоединяться к друг другу кольцами. Наш набор оказался расчлененным. Оба они изготовлены, видимо, способом литья из бронзы. Имеют с двух сторон великолеп-

н.э. в период Саразма IV. Последний этап можно хронологически датировать концом II тыс. до н.э.

Важным аспектом работы является стремление установить генетическую связь комплексом погребения Зардча - Халифы с земледельческой культурой Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

По многочисленным типам и формам бронзовых украшений, керамики, а также по характеру орнаментов определяется происхождение скотоводов Дашти - Казы.

В работе дается полный химический анализ Дашти - Казыньских бронзовых украшений. На базе этих и других материалов установлена связь скотоводческой культуры исследуемого региона с носителями андроновской археолого - исторической общности.

Монография построена на выделении археологических комплексов по отдельным категориям: устройстве могильных ям, классификации находок по функциям статистических данных и результатов химических анализов бронзовых изделий. В этом плане определенное место занимает классификация типов и форм керамики и орнаментов. Выполнение таких работ позволило нам установить закономерность развития материальной культуры земледельческих (Саразм, Зардча - Халифа) и скотоводческих (Чорбог, Дашти - Казы) общин. Применяя методы синхронного анализа погребальных обрядов и вещественных комплексов, установили семантику отдельных археологических находок.

Для реконструкции хозяйственной, социальной, интеллектуальной и общественной структуры племен Зарафшана, опирались на теоретические предпосылки, разработанные отечественными и зарубежными археологами, этнографами и историками в области первобытных общин.

В ходе полевых работ были использованы методологические разработки ведущих археологов России - Грязнова П.М., С.Е. Чернигова, В.М. Массона, Р.М. Мунчаева, Б. Л. Литвинского, Т.М. Потемкиной; Узбекистана - А.А. Аскарлова, Н.А. Аванесовой; Таджикистана - В.А. Ранова, Л.Т. Пьянковой; Франции - А.П. Франкфорта, А. Безенваля и др.

ные муфты и кольцо, для соединения удил использовали крепкие жилы животного или кожаный ремень.

БУЛАВКА. Она с зоморфной головкой и с утолщенным концом. По виду навершие напоминает лошадку с гривой и длинным хвостом. Предполагается, что это украшение изготовлено литым способом (рис. 18). Длина вместе с навершием 18 см.

В комплексе бронзовых изделий имеется по одному ножу и кинжалу. Первый из них однолезвийный с длинной массивной ручкой. В отличие от традиционных ножей по форме он близок к бритве (рис. 18). Второй предмет представляет стандартный для этого периода кинжал. Он снабжен вытянутым плоским черешком. Плечки при переходе от черешка к лезвию имеют прямоугольный перегиб. Лезвие с утолщением по середине, поломанное. Длина сохранившейся его части равна 19 см (рис. 19).

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЗОЛОТА. Их в этом комплексе 3 экз., из них височное кольцо. Оно изготовлено из золотого круглого в сечении (2мм) стержня и имеет вид несомкнутого кольца, с плоским буферобразным завершием (рис. 19.15). Второй предмет - это широкообразный формы бисер со сквозным отверстием (рис. 18.4). Третий - миниатюрная чашечка сферической формы с согнутыми во внутрь краями. Она изготовлена путемковки из тонкого листа золота (рис. 18.16).

КОСТЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ. При зачистке погребения было найдено 8 предметов псалев, изготовленных из кости животных. Из этой группы находок выделим 6 фрагментов моделей. По восстановленным формам отметим, что они представляют собой диски диаметром более 8 см с четко выступающей из плоскости колес муфтой и 4-мя выступающими с обратной стороны в виде ножек столика. Наличие упомянутой муфты и сквозных отверстий позволяет считать эти предметы моделями псалев (рис. 19). Другие фрагменты также относятся к сильно пострадавшим моделям. Неизвестно назначение сильно пострадавшей костяной трубочки. Послед-

ний предмет этой группы - это заготовка под пуговицы или застежки с зубчатыми краями.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КАМНЯ. Их всего 3. Первый - это бисер из бирюза, со сквозным отверстием. Второй - массивный фаллической формы пест (рис. 18.17). Он длиной 26, 5 см, сечением 4, 5 см, изготовлен из цельного камня. Тщательно отшлифованная поверхность песта свидетельствует о долговременном использовании его в быту. Третья каменная заготовка под пряслице.

Общий обзор характера погребения и сопровождающих погребенных предметов говорит о том, что погребенный имел большой имущественный статус.

в) Интерпретации археологического комплекса.

Караясь вопроса об интерпретации комплекса погребения, следует отметить, что погребальный обряд близок к погребениям таких ранее земледельческих памятников Северной и Южной Бактрии, как Сапалитепе (Аскарлов), Дашли Джаркутан (Сарианиди). Водном из погребений поселения Дашли I (Аскарлов) вместе многочисленными керамическими сосудами был захоронен целый баран. Захоронение двух баранов было обнаружено в погребении 60 поселения Сапалитепе и Джаркутане. Здесь также обнаружено значительное количество керамики. Однако в отдельных погребениях Сапалитепе, Джаркутана, Дашли 1-3, Сумбара и Памира рядом со скелетом встречались лишь расчлененные части животного, лопатки, ребра или задние ноги, причем преимущественно барана или козы.

Для характеристики погребения Зардча - Халифа интерес представляет его аналогия с погребениями 7,44 и 90 в поселении Сапалитепе. В погребении 7 и 44 было обнаружено по ягненку, а в погребении 90 - два животных. Причем в могиле 90 скелет первого животного лежал на левом боку, а второго - на правом. Исследователь этих артефактов А.А.Аскарлов объясняет это тем, что "если в первом случае (погр.44) животное заменило мужчину, то во втором (погр. 90) животные заменяли людей обеих полов". (Аскарлов, 1977, с. 138). Думается, это объяснение приемливо и для погребения

ния Зардча - Халифа, где скелет мужчины лежит на правом боку, а баран на левом боку.

Керамики Зардча - Халифы по типу идентична с кувшинами джаркутанского этапа поселения Саналитепе (Аскарлов, 1977, с. 188) и могильника Джаркутана. Некоторые сходства с керамикой из Зардча - Халифы встречаются среди типов керамики Дашли 3 (Сарианиди, 1977). Но керамика двух последних регионов весьма редко имеет подкошенность. Третий сосуд с раздутым туловом и высоко вытянутой шейкой без подкоса на придонной части аналогичен керамике II типа могильника Джаркутана. Отметим, что все три сосуда изготовлены из тщательно отмученной глины розового цвета на гончарном круге. После обжига поверхность сосуда приобрела желто - розовый цвет.

Среди комплекса металлических предметов интерес представляет бронзовый полусферический сосуд с вытянутым сливом. В комплексе джаркутанского этапа поселения Сапалитепе почти аналогичный сосуд близок к нашим, однако по расположению сливов они несколько различны. Во - первых, слив сосуда из Зардча - Халифы расположен у самого венчика; как бы явились его продолжением; во - вторых, этот же слив по отношению к венчику горизонтален. Что касается Сапалитепинского сосуда, то здесь слив расположен несколько ниже венчика, к тому же он спускается вниз, к корпусу сосуда. Тем не менее, несмотря на эти различия в деталях, мы считаем, что сосуды упомянутых памятников относятся к данному хронологическому периоду и культурному комплексу.

Металлический вариант сосудов со сливами, заимствованный из керамических форм, нашел свое развитие со II тыс. до н.э. в ряде раннеземледельческих памятников Среднего и Ближнего Востока. Так, идентичные формы аналогичных сосудов из бронзы, кроме Сапалитепе, были найдены в слое поселения Тепе-Гиссар. На этом же памятнике были найдены сосуды из других металлов - серебра, свинца, сосуды из алебастра.

О двух других сосудах, которые представлены по фрагментах, трудно что - либо сказать. Первый из них, гофрированный, цилиндрической формы, возможно, был предназначен для хранения благоуханий, второй фрагмент принадлежал сосуду со специальным сливом с неизвестным нам назначением.

Другая группа бронзовых предметов - это фрагменты заклепанных застежек. Возможно, ими были закреплены детали конной узды. Из этой группы интерес представляют два расчлененных, состоящих из двух колец, удила. Судя по длине (вместе с конечными кольцами они равны, соответственно, на 12 и 11, 5 см) эти удила не использовались в отдельности. Как было отмечено, они соединялись друг с другом чем - то прочным. Двухколенные удила в Средней Азии найдены на поселении III в Кайракуме. Но этот предмет по форме принципиально отличается от удил Зардча - Халифы, которые с двух сторон - одинакового размера и не имеют великообразных муфт, чего мы не видим на удилах Кайракума. (Литвенский, 1962, табл. 38.1).

Определенное художественное и социальное значение имеют изделия из золота. Первое из них - несомкнутое височное кольцо с двумя буферобразными валиками. Три экземпляра аналогичных колец были найдены в погребении 57 и 29 на поселении Сапалитепе (Аскаров, 1977, табл. XXIX, 17 -19). По утверждению А.А.Аскарова, два из них - серебряные. В целом ареал височных колец из тонкой проволоки очень широк. Кольца различных разновидностей были найдены, помимо указанных памятников, в Южном Туркменистане (Ганиялин, 1956, с. 377), в Маргиане (Массон, 1959, с. 8-10), в долине Сумбара (Хлопин, 1972), в Иране (Shaffer, 1948). Некоторые из экземпляров были встречены в Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с.86), в могильниках эпохи бронзы Южного Таджикистана (Мендельштам, 1968, табл. XVI, с.69). Эти параллели указывают на то, что кольца с буферобразным несомкнутым концом из бронзы, серебра (для Сапалитепе) и золота (для верховного Зарафшана) характерны для первой половины II тыс. до н.э.

Кроме отмеченного кольца, не меньший интерес представляет названная выше сферическая миниатюрная чашечка, не входящая в погребельный комплекс. Диаметр ее 4 см, высота 2 см. Этот предмет мог сулжить украшением уздечки, но отсутствие какого-либо крепления, характерного для таких предметов, затрудняет его определение. В любом случае, мы пока не имеем прямой аналог для этого предмета.

В комплексе бронзовых изделий имеется единственный экземпляр булавок с зооморфным навершием. Тип булавок с зооморфными навершиями был широко распространен на территории Средней Азии, на поселениях Алтындепе (Массон, 1970, с. 16), в комплексе Хакского клада (Кузьмина, 1966, табл. XVI), в разграбленных погребениях Бактрии (Сарианиди, с. 178, рис. 43, 8, 12), на поверхности поселения Дашли 3 (Сарианиди, 1977, рис. 44-2). По одному и два экземпляра встречено на поселении Сапалитепе и в погребении 45 и 24 Джаркутанского могильника. Навершия указанных булавок имеют изображения козы (Алтындепе), барана, козы и коровы (Южная Бактрия), барана (Сапалитепе и Джаркутан). Булавка Хакского клада имеет целую композицию, изображавшую процесс доения коровы, на булавке Зардча - Халифы мы видим изображение лошади.

Поэтому подчеркнем, что хотя булавка из Зардча - Халифы по назначению и выполняла те же функции, что булавки указанных памятников, по изображению она является уникальной. За пределами Средней Азии булавки с зооморфными навершиями встречались в Месопотамии, Юго - Западном Иране, Макенах и Малой Азии. Вопросами типологии и картографированием их из зарубежных ученых еще в 40-е годы занимался С. Пигот (Piggot, 1947, 1948). По представленным аналогиям можно констатировать, что булавки с зооморфным навершием датируются двумя этапами. Начало появления этих булавок относится к ранней бронзе, т.е. к началу III тыс. до н.э. Но по ходу развития производства металлических изделий и эстетических воззрений первобытных об-

щин они усовершенствуются и широко распространяются во
II тыс. до н.э.

ГЛАВА III.

СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

До 80 - х годов в археологической науке Таджикистана вопросы степной бронзы верховья Зарафшана не ставились, так как исследователи этого региона Зарафшанского бассейна не имели достаточно научных сведений, характеризующих культуру скотоводов. Одинокое погребение андроновской культуры в тозабагьябском субстрате, обнаруженное в середине 70-х годов у кишлака Чорбог, пригород древнего Пенджикента и келт из кишлака Бедак были лишь первыми сигналами о наличии культуры степной бронзы в верховье Зарафшана. Благодаря открытиям поселения Саразм верховья Зарафшана были включены в зону раннеземледельческой культуры. Хотя это и так, но обнаруженные при раскопках этого поселения керамика, ножи, кинжалы, каменные гребенчатые штампики раннебронзовой эпохи свидетельствовали о том, что скотоводческая культура степной бронзы проникла в прегорные и горные районы верховья Зарафшана значительно раньше, где - то в середине III тыс. до н.э. Этот факт указывает на древние связи земледельцев Саразма со скотоводческими общинами северных областей Средней Азии. Но, как утверждают многие исследователи, массовая миграция скотоводческих племен в гулбь Средней Азии началась со второй половины II тыс. до н.э. (Гулямов и др., 1966; Литвинский и др., 1962; Аскарлов, 1962; Кузьмина, 1986, 1994).

Открытия последних лет в горных отрогах Туркистанского хребта, на северном его склоне могильник Ак-Танга (Литвинский Ранов, 1964, с.3), на южном - Дашти-Казы (он же Тепаи Камар) (Исаков, 1992, 1993, 1994; Исаков, Потемкина, 1989) внесли конкретные коррективы в исследования о проживании скотоводов в степных просторах Средней Азии (Массон, 1966а).

§ 1. ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ 'МОГИЛЬНИКА ДАШТИ - КАЗЫ

Могильник был обнаружен в результате землянных работ школьным учителем истории кишлака Дашти - Казы Пенджикентского района Аслиддином Садриддиновым. Могильник расположен на правом берегу реки Зарафшан, в 45 км к востоку от г. Пенджикента или в 60 км от поселения Саразм, на предгорном, относительно плоском плато, на высоте более 50 м от автодороги Пенджикент - Айни. К северу от упомянутого кишлака.

При осмотре могильника внешних признаков погребений обнаружено не было. Единственно отличие места могильника от других предгорных холмов в том, что здесь земля лессовая, с травяным покровом, в то время как другие предгорные холмы состоят из горных галечных пород и без покрова.

В 120 м к северу от могильника расположен грот Камар, поэтому в начале могильник был назван Тепан - Камар (Исаков, 1992).

Могильник занимает площадь длиной с севера на юг 40 м, шириной с запада на восток 30 м (Рис. 20). До начала раскопок могильника была проведена зачистка погребения, разрушенного ковшем бульдозера, к тому же из этого погребения жители кишлака Дашти - Казы брали землю для строительства. В незатронутой части могильник был перекрыт первоотложенным слоем комковатого лесса толщиной до 1 м. Уклон площадки могильника в сторону долины р. Зарафшан, с перепадом высот, 5-6 м.

Раскопки производились по 30 - 45 дней в течение шести сезонов. Работы первых двух лет (1983 - 1984 гг.) под руководством А.И. Исакова и автора носили разведовательный характер. В 1985 - 1986 гг. на стационарную работу была приглашена ведущий научный сотрудник Института археологии АН СССР Т.М. Потемкина. Вместе с ней в раскопах могильника в 1985 - 1986 гг. участвовали зав. кафедрой археоло-

гии Самаркандского Государственного Университета Н.А. Аванесова (1985г.), научный сотрудник отдела археологии Института истории им. Чокана Валихонова АН Казахстана О. Н. Достамбаева (1984г.), научный сотрудник Пенджикентской археологической базы Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Таджикистана А.Р. Раззиков (1986г.) .В 1991г. автор доисследовал памятник, выявив новые данные.

В этой работе автор использовал дневниковые записи А.И.Исакова и Т.М.Потемкиной.

При исследовании могильника из - за полного отсутствия внешних признаков погребения, кроме названных выше, в первые годы исследования (1983-1984гг.) были произведены траншейные раскопки. С их помощью предполагалось определить границы могильника и наличие погребений на площадке.

В начале работы были выкопаны три траншеи различного размера. Две из них шириной в 1м, длиной 3 м были расположены параллельно друг к другу с юга на север на расстоянии 9м друг от друга. Третья (шириной 1,5м, длиной 5м) была выкопана перепандикулярно к ним с востока на запад, т.е. от вершины холма к спуску.

Траншеи дали интересные данные по определению площади погребения. Во - первых, в отдельных местах в лессе был обнаружен черный слой с сажой и древесными углями; во - вторых, по краям или непосредственно под погребением, как правило, лежали 3-4 небольших камня.

В результате раскопочных работ (1983-1984гг.) нам удалось обнаружить и раскопать II погребения и заложить разведочный шурф на юго - западном склоне холма. Лишь после получения фактов, свидетельствующих о наличии погребений, в 1985г. были начаты стационарные раскопки, в результате которых к концу сезона 1986г, было раскопано 208м² площади и 27 погребений.

Прежде чем представить археологический комплекс погребений, коротко охарактеризуем стратиграфию могильника по результатам археологических разрезов. Всего произ-

ведено 12 зачинок стенок раскопа, из которых 6 по направлению с запада на восток в квадратах: А 17-Н 17, Е 13-Е 13: Е 11-з 11, В 9 - К 9 : Е 7 - Е 7: 15 - 35 (рис.22). Еще 5 разрезов были сделаны по направлению с севера на юг в квадратах: К 15 - К 6, К 17- К 13, Ж11-Ж7, Д17-Д7,Е5-Е3 (рис.22). Последний разрез был сделан по западному образцу разведовательной траншеи. Полученные данные дают полное представление о характере наслоений, перекрывающих погребения в глубине могильных ям. Под дерновым покровом могильник перекрыт перестложунным слоем комковатого лесса, толщиной от 50см до 1м. Что касается самих погребений и других сооружений, то они находятся на глубине 1, 4 - 1,25 м от современной дневной поверхности.

Обязательными признаками погребений являются кострища и наличие 2-3 крупных камней или группы камней. Во всех случаях камни и кострища находятся поблизости от погребенных на 0,3-0,6м выше уровня захоронения. Эти факты были получены дополнительно в результате изучения обрывов, образовавшихся в связи с работой экскаватора и нашего разведовательного раскопа, были сделаны стратиграфические разрезы на западном склоне холма.

Отметим процесс исследования 27 погребений этого памятника (рис. 21).

Погребение 1. Было разрушено ковшом экскаватора. Сохранившаяся часть могильной ямы - овального плана, длиной 1, 3м. скелет, ориентированный с севера - востока на юго - запад, лежит на левом боку. Погребенного сопровождали 7 больших, 2 мелких бронзовых бусины и 3 браслета, ребристых в середине (рис.23).

Погребение 2. Обнаружено на глубине 80 см, у склона холма, под искусственно проведенной землевозами дорогой. Могильная яма прямоугольного плана с закругленными углами, равна 1, 3 x 0,85 м. Скелет ориентирован на северо - запад и уложен на левый бок с сильно прижатыми к тазу ногами. Археологический комплекс довольно богатый. Здесь, кроме орнаментированного сосуда у головы, собрано значительное количество украшений, они состоят из 3-х таблет-

Проведенной исследование и представленный в научный оборот археологический материал могут быть использованы при написании курса по истории материальной и духовной культуры народов Средней Азии. По результатам химических анализов можно установить очаги металлоносных районов верховья Зарафшана, что в свою очередь может быть использовано геологами в поисках новых месторождений олова, мышьяка, меди, свинца, серебра и золотоносных руд.

Для полноты работы по этой теме, кроме находок поселения Саразм, погребения Зардча - Халифа и могильника Дашти - Казы, в качестве дополнительного источника были использованы материалы предшественников, хранившиеся в музеях и научных лабораториях Москвы, Санкт - Петербурга, Самарканда, Душанбе.

В работе также использованы случайные находки, обнаруженные в верховья Зарафшана в разные годы В. Г. Луконым, Б.И.Маршаком, Ю. Я. Якубовым, А. И. Исаковым и др.

Автор монографии выражает глубокую признательность директору Пенджикентской археологической базы Абдуллоджону Исакову за представление археологических материалов, хранившихся в архиве Пенджикентской базы, а также своих дневниковых записей.

Мы благодарны директору Института истории, археологии и этнографии им.Дониша АН Республики Таджикистан, академику Р.М.Масову за представленную возможность для поездок в различные научные центры России и других государств в научные командировки для сбора материалов.

В полевых исследованиях своим участием поддерживали и обогащали исследуемый археологический комплекс У. Э. Эшонкулов, А.Р.Раззаков, Ш.Ф.Курбанов, Д.А.Исаков, М. А. Исакова, за что выражаю им свою благодарность. Также благодарны архитектору С.В.Бочкаровой, художникам - Э. С. Бышевской, Е.Г.Мартаненко, Е.И.Стобеновой за добросовестную работу по иллюстрации этой монографии.

кообразны, 5-ти муфтообразных и большого количества круглых постовых бус. Найдены бронзовые изделия двух видов: крупные и мелкие пронизи (соответственно 33 и 71 штука) и единственный браслет с сомкнутой вершиной с заостренным ребром по середине. Сосуд, расположенный у головы, имеет бокообразную форму, над верхней частью тулова треугольный прочерченный орнамент в виде двух фриз, разделенных прямым желобком посередине (рис. 24).

Погребение 3. Представляет собой яму, вытянутую в плане с юго - запада на северо - восток, размером 140 x 100 см. Это самое богатое предметами погребение. Оно устроено в грунтовой яме, выкопано до галечной поверхности материка на глубину 1, 4 м. Скелет лежит на левом боку в скорченном положении по направлению с юго - запада на северо - восток. Череп целый, на расстоянии 5 см от него находился довольно большой неорнаментированный горшок: диаметр венчика 17 см, высота 35 см. В области правого и левого уха найдена пара золотых серег с широким раструбом. Несколько ниже, в районе носа, две сильно пострадавшие бронзовые височные серьги. Обе руки покойника некогда украшались восьмью бронзовыми браслетами на каждой руке по четыре. Несколько ниже подбородка лежит миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой и отверстием. Недалеко от зеркала найден очень плохо сохранившийся бронзовый крючок, а рядом - бронзовое кольцо.

Обильное количество бронзового бисера (более 195 штук) было собрано в районе лопаток и между ребрами. Представляется, что ими были украшены волосы и, очевидно, одежда. Большие по размерам бронзовые бусы собраны у ступней и пальцев ног.

Погребение 4. Овального плана, вытянуто с юго - запада на северо - восток. Здесь обнаружены остатки двух детских скелетов. Судя по расположению черепов и костей, скелеты были потревожены, можно предположить, что погребенные были уложены одновременно в середине погребения. Любопытен тот факт, что по обеим сторонам черепа, расположенного в северо - западном углу могильной ямы, находи-

лись два сосуда: первый, без орнаментов, лежал на боку у лицевой части одного черепа (10, 5 x 17 x 8). Второй горшок с небрежными подтреугольными насечками лежал недалеко от другого черепа (12 x 11 x 5), горшок без орнамента (рис.25).

Погребения 5. Овальная в плане яма, вытянутая с запада на восток, размером 140 x 100 см, обнаружена на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Скелет в скорченной позе лежит на левом боку по направлению с северо - запада на юго - восток. Отличительная черта этого погребения - сильно прижатые к тазу ноги и близко подведенные к лицу руки. В числе сопровождающих вещей орнаментированный сосуд (15 см), 4 больших бронзовых бусины, 1 предмет в виде рулончика из листа бронзы. В раскопе погребения хаотично лежали чечевицеобразные бронзовые пронизи. Один из них вместе с большими бусами и трубочной находились у ступней ног, другие - в районе шейных позвонков и между ребрами.

Бронзовый предмет, напоминающий кончик лезвия ножа, был найден под развалившейся челюстью (рис.25).

Погребение 6. Овальная яма, вытянутая с запада на восток, размером 150 x 90 см. Скелет обнаружен на глубине 1,6 м от дневной поверхности, лежит головой на запад, на левом боку. Богато орнаментированный горшок с четырьмя отверстиями находился к северу от черепа. На руках погребенного было по два массивных браслета. Мелкие бронзовые пронизи находились в области шеи. У костей ног, ближе к ступням, также находилось множество пронизей из бронзы. Среди украшений лежали бусы среднего размера и шесть штук овалнокрупных. Среди костей ног лежало небольшое кольцо (рис.26).

Погребение 7. Вытянуто с юго - запада на северо - восток. Скелет лежит на правом боку на уровне 1,4 м от дневной поверхности. Еще до костяка на глубине 90 - 100 см были обнаружены четыре больших камня. Череп раздавленный, а традиционный сосуд, сопровождающий покойника, отсутствует. Но в погребении найдены три вида предметов: поблизости от шейных позвонков лежали фрагменты серег с раструбом и 72 мелких чечевицеобразных бронзовых пронизи.

Большие бронзовые бусы в куче (23 штуки) лежали в районе пояса. Две бусины были найдены на расстоянии 35 см к востоку от скелета в норке грызунов (рис. 27). *

Погребение 8. Вытянутоовальное в плане, диаметром 1,4 - 1,6 м. По костным останкам установлено, что погребение было использовано дважды. Остатки первого скелета при повторном захоронении были сдвинуты в юго - восточный угол могильной ямы, в результате чего анатомический горядок покойника был нарушен. Второй захороненный лежит на левом боку, головой на северо - запад. К западу от черепа лежали два небольших сосуда без орнамента. Все бронзовые предметы принадлежат второму захоронению. Кроме сосудов, здесь было найдено миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой. В области шеи найдены одна целая и два фрагмента бронзовых трубочек, 2 большие и 33 бусины меньшего размера (рис. 28).

Погребение 9. Размером 0,9 x 1,42 м вытянуто с юго - запада на северо - восток, с западным закруглением стенок. Костяки находились на глубине 2,4 м от дневной поверхности. Захоронение парное. Западный скелет лежит на правом боку, а восточный - на левом. первый скелет - западный, видимо, был захоронен несколько раньше, о чем свидетельствует потревоженное состояние костяка. Предполагается, что при погребении второго скелета, костяк первого погребения был слегка отодвинут к западной стенке могилы. В результате череп лицом был передвинут на восток и придвинут ко второму черепу. Второй скелет в идеальном состоянии, четко прослеживается его анатомическое расположение. Левая рука подведена к лицу, а правая - к груди. Между скелетами лежало два сосуда, первый сосуд был обнаружен между черепами, второй поблизости от тазовых костей. кроме того, первый скелет сопровождали две разные кольцеобразные серьги.

Более богатым оказался второй погребенный. На левой руке был обнаружен массивный браслет. В области пояса, ниже тазовых костей, найдены лежащие тремя группами крупные бронзовые бусы.

Вместе с бусами было собрано несколько бисерин и каких - то кольцеобразных предметов. Причем, последние во фрагментах (рис.29).

Погребение 10. Овального плана, вытянуто с запада на восток. Площадь погребения равна 1,1 x 1,45 м и расположена на глубине 1,8м от репера. В погребении обнаружены костяки двух покойников, один из которых, очевидно, ранее погребений, сильно расчленен. Череп ненарушенного скелета, лежащего на левом боку, ориентирован на север. Ноги прижаты к животу, обе руки подведены к челюсти. Второй скелет в расчлененном виде найден к востоку от первого. Между костями второго скелета обнаружен фрагмент крупного сосуда. На уровне 1,7м и на 10 см выше к востоку от могильной ямы был обнаружен след кострища. Два камня лежали на глубине 0,9 и 1,4 м от репера (рис.30).

Погребение 11. Также овального плана, размером 0,8 x 1,20м, вытянуто с юго - запада на северо - восток. На 10 см выше пола погребения с запада на восток обнаружены следы двух кострищ. Кости усопшего расчленены. Череп лежит, среди кистей рук и между ребрами. Рядом с черепом обнаружен орнаментированный сосуд. По положению берцовых костей можно определить, что погребенный лежал на левом боку (рис.31).

Погребение 12. Дно могильной ямы прямоугольного плана, размером 1,45 x 1,55м с овальными углами стенок. Кости трех погребенных обнаружены на глубине 1,9м. Погребение ориентировано с запада на восток. Это первое коллективное захоронение. Кости двух погребенных отдельными кучами лежали в южной половине ямы, третий скелет, расположенный головой на восток, занимает ее восточную часть и лежит на левом боку. Анатомический порядок скелета нарушен. В первом случае берцовых костей не оказалось на том месте, где они должны находиться. Из сопровождающих вещей отметим ребра мелкого рогатого скота (барана или козла), лежащие перед лицевой частью третьего черепа, и сосуд у западной стенки могильной ямы. По расположению сосуда можно сказать, что он принадлежал одному из расчлененных

скелетов. Кроме сосуда, к ранее погребенным относятся и три каменных терочника.

Характер расположения скелета указывает на то, что погребения это сначала было рассчитано на двух покойников, при захоронении которых был соблюден погребальный обряд. При погребении третьего покойника ранее погребенные были по отдельности отодвинуты в южную часть могильной ямы. С чем связано нарушение положения ног третьего скелета, нам неизвестно. Предполагаем, что погребение было ограблено (рис.32).

Погребение 13. Слабовыраженные контуры могильной ямы были обнаружены на глубине 1,3 м над галечной прослойкой. Обнаружены фрагменты челюсти, лобная часть черепа, по одной плечевой и локтевой кости. Сопровождающих предметов не обнаружено. Судя по зубам фрагментам нижней челюсти, - это скелет ребенка возраста не более года. По утверждению исследователя Т.М.Потемкиной у ребенка прорезались 2 нижних передних зуба, а 3 и 4 нет.

Погребение 14. Овального плана, размером 0,75 x 1,25 м, вытянуто с юго - запада на северо - восток. Обнаружено на глубине 1,4 м. В северо - западном углу обнаружен большой плоский камень. Анатомическое положение скелета нарушено. Череп раздавлен, представляет значительное количество костей барана или козы. Они найдены рядом со скелетом и вне территории могильной ямы, на расстоянии 140 см к северо - западу от границы могилы. Другая группа костей от скелета лежала на северо - востоке от могильной ямы. По черепу и зубам можно утверждать, что в погребении лежал 3-4 летний ребенок. В погребении найден керамический сосуд (рис.33).

Погребение 15. Овального плана, вытянуто с востока на запад, размером 95 x 175 см. Дно могильной ямы расположено на глубине 2,2 м от дневной поверхности. На этом же уровне у северной стенки могильной ямы выявлено углистое пятно, вытянутое вдоль могильной ямы и частично заходящее в нее. Пятно овальной формы, толщиной 25 см, размером 90 x 30 x 40 см. Заполнение ямы серо - коричневого цвета с вклю-

чением углистых пятен. Плотность могильного пятна по сравнению со всем грунтом отличается значительной рыхлостью. На глубине 2.4 м расчищен скелет в полном анатомическом порядке.

Погребенный лежит на левом боку, в сильно скорченной позе, головой ориентирован на запад. Кости рук расположены перед лицом. На расстоянии 20 см от лобной части черепа - глиняный горшок с плавным профилем, слегка раздутыми боками и со штампованным орнаментом по верхней части. При расчистке сосуда от лессового заполнения на дне его обнаружено 15 крупных бронзовых бусин. На запястьях рук - по три массивных желобчатых контура ребристых снаружи браслета с заходящими концами. Вокруг головы на расстоянии 5 см от черепа, в виде слабовыраженного зигзага, лежит цепочка бронзовых бус. По краям и в центре цепочки, как бы образуя изгиб, расположены три крупных бусины, и между ними располагались две группы по 8 штук мелких бронзовых бус.

Можно предположить, что эти бусы были нашиты на головной убор. За затыльной частью черепа в 5 см отлопатки лежала очень плохо сохранившаяся бронзовая серьга с раструбом. У шейных позвонков обнаружена желобчатая гривна с закругленными концами с отверстиями. Ниже и выше тазовых костей, поперек скелета с севера на юг, лежали два ряда по 14 и 16 мелких бронзовых бус. Значительное количество мелких бус было расположено в области бедра и ног, и по дальше от ног. Их расположение указывает на то, что бусы были нашиты на пояс, кофту и подол платья.

Несколько десятков бус обнаружено в районе голеностопных суставов, где зачищен коричневый плотный тлен с красноватым оттенком. В некоторых местах оттенок красный. Нам кажется, что это окраска обуви или шароваров. Упомянутый тлен занимал 30 x 35 см и был усеян мелкими бусами, но среди них находилось 10 крупных бусин и три постовых трубчатых пронизи.

По количеству и разнообразию сопровождающих предметов - это второе богатое погребение. Здесь обнару-

жены: 1 сосуд, 1 гривна, 6 браслетов, 2 серьги с раструбом, 32 крупные бусины, более 300 мелких пронизей и 1 пастовая бусина (рис.34).

Погребение 16. Могильная яма неправильной формы, овального типа, размером 150 x 160 см, была обнаружена на глубине 190см. Она ориентирована с запада на восток и была заполнена гумусированным желто - коричневым лессом. В центре южной части могилы обнаружено пятно цвета охры. Скелеты трех погребенных выявлены на глубине 216 см от репера.

В западной половине могилы находились кости двух скелетов в беспорядочном, вернее, переложенном состоянии. Кости скелетов сохранились почти полностью и группировались как бы двумя скоплениями.

Первое погребение переложено в северо - западный угол. Череп лежал лицевой частью вниз. Южнее его лежали плечевые кости, ребра, плечевые и тазовые позвонки. Лучевая, локтевая кость и кости голеностопа встречаются и сочленном виде. У голеностопа проложен коричневый тлен с остатками бронзовых бус, очевидно, с обуви.

Второе погребение обнаружено у южного края первого погребения. Кости этого скелета, как и первые, лежали в сочленном виде. На костях - медистый налет. Предполагается, что погребение ограблено, в результате чего анатомическая целостность скелета нарушена. В северо - западном углу, рядом с черепом, обнаружен сосуд с отбитым еще в древности венчиком. У северного края первого скопления костей обнаружены обкатанные круглые камни размером 8 x 10-11см. Возможно, они служили терочниками.

В заполнении могилы с костями скелета встречаются отдельные бочковидные бронзовые бусины плохой сохранности.

После расчистки и снятия костей на дне могилы под черепом 1 был зафиксирован коричневый тлен (остатки сгнившей кожи) на площади 25см с бронзовыми бусами. Они лежали в виде зигзага из двух незамкнутых треугольников, расположенных на некотором расстоянии друг от друга.

Подобное встречается не в первый раз и говорит о том, что обувь была расшита бусами.

Третий погребенный обнаруженный здесь же, лежит на левом боку в скорченной позе, голова ориентирована, с небольшим отклонением, на север. Кости рук - перед лицом. От этого скелета сохранилась только верхняя часть. Кости таза и ног отсутствуют. Можно предположить, что они были смешаны с костями второго погребенного. Перед грудной клеткой обнаружен плоский обкатанный камень треугольной формы, размером 25 - 30 см, толщиной 10-15 см. Сопровождающие обычно усопшего предметы отсутствуют. В юго-восточном углу могилы, под камнем и далее в южном направлении прослежены следы норы, шириной от 30 до 40 см. В ее заполнении встречены позвонки и фаланги человеческих костей. Вместе с ними обнаружены тазовые и две трубчатые кости мелкого животного или крупного грызуна.

Расчистка костных останков трех погребенных позволяет предположить, что третий погребенный был опущен в могильную яму позже двух первых. Возможно, при последнем погребении кости первых двух погребенных были сдвинуты.

Погребение 17. Могильная яма не выявлена. Внешним признаком могилы является надмогильной камень размером 33 x 55 см, толщиной 12-14 см, лежащий на глубине 65 см от поверхности. На глубине 95 - 100 см был обнаружен скелет, лежащий на левом боку, в скорченной позе, головой на северо-запад. Скорченность средняя, первое колено под углом 90° относительно позвоночника, левое - под углом 60° . Кости рук подведены к лицу. Череп хрупкий, при соприкосновении расслаивается. Сопровождающих предметов нет (рис. 36).

Погребение 18. Очертание могильной ямы не фиксировалось. Традиционные камни (5 штук) лежали на глубине 95-110 см от поверхности, к востоку от усопшего. На этом же уровне были обнаружены кости усопшего. анатомическое положение нарушено, возможно, грызунами. Проходившая, видимо, по середине могильной ямы насквозь между костями и камнями нора шириной от 12 до 22 см стала причиной нарушения положения костяка, так как в засыпе норы встречена

костная труха, несколько зубов, фаланги пальцев рук, ребра, части берцовой кости и коленной чашечки. Тем не менее, по сохранившейся основной части костей усопшего можно определить позу погребенного. Скелет лежит на левом боку, в скорченном положении, головой на северо - запад. Скорченность средняя. Сосуд лежит перед лицом к северо - западу от черепа. какие - либо другие вещи от черепа. Какие - либо другие вещи отсутствуют (рис.36).

Погребение 19. Могильная яма не фиксировалась, скелет был обнаружен на глубине 110-115см от поверхности. Череп и большинство верхних костей, кроме ребер и фаланг, представляли собой труху. В лучшем состоянии сказались кости рук, берцовые кости и некоторые ребра. Погребенный был уложен в скорченной позе на левый бок, головой на запад. Скорченность сильная, ноги прижаты к тазу. Кисть левой руки вытянута под прямым углом к плечевой кости и резко загнута во внутрь. Кисть правой руки находится перед лицом.

Погребение сопровождалось небольшим количеством предметов, на правой руке у кисти - бронзовый браслет, на шиколотках ног - по две крупные бусины. Можно предположить, что эти бусы выполняли роль застежек обуви. Под черепом лежали две пастовых, ребристых произи. У затылочной части черепа находился крупный сосуд, без венчика и орнамента. На костяке сверху и снизу следы охры. Большое скопление охры, толщиной до 1 см и более, под тазовыми костями. Это позволяет говорить о том, что дно могильной ямы было посыпано охрой. К северу от погребения, в 10 - 40 см, впереди скелета, на глубине 60 см находились три камня, причем два из них рядом, и третий - на расстоянии 40 см от первых двух (рис.37).

Погребение 20. Остатки этого погребения были обнаружены на глубине 130см. Хорошо сохранилась только верхняя часть. Судя по положению костяка, погребенный лежал на левом боку, головой на север. Кисти рук находятся перед лицом. Нижняя часть туловища и ног отсутствует. Там, где должны были находиться тазовая кость и ноги, лежит плоский

камень размером 30-55 см. Орнаментированный сосуд лежит к северо - востоку от черепа. По середине с севера на юг, сквозь могильную яму, проходит широкая (около 40 см) нора грызуна. Возможно, с этим и связано нарушение анатомического положения костяка. На глубине 120- 125 см к северо - западу от могильной ямы обнаружены остатки кострища, а к юго - западу от кострища, на глубине 80 - 100 см - 6 камня (рис.38).

Погребение 21. Очертания могильной ямы не прослеживались. Остатки скелета обнаружены на глубине 130 см от поверхности. Первоначально погребенный лежал в скорченном положении, очевидно, головой на запад, на левом боку. Позже костяк по какой - то причине был сдвинут.

Берцовые кости лежат под углом 30° к бедру, в сильно подтянутом виде. Это положение дает повод говорить о том, что ноги были завязаны и подтянуты к туловищу. Череп отсутствует, а на его месте находится фаланга левой руки и разбросанные зубы. Под костяком обнаружен темно - коричневый тлен без охры. Традиционный сосуд лежит на боку в области живота. Несколько выше (10-15 см) над сосудом, в стороне, обнаружен камень. Из предметов украшения отметим наличие 8-ми крупных и 6-ти поломанных мелких бусин. На запястьях обеих рук - два несомкнутых концами массивных браслета.

Полученные факты позволяют говорить о том, что погребение принадлежит молодой женщине, родившей одного ребенка. Основные, возможно, драгоценные вещи были разграблены, что и стало причиной нарушения целостности скелета (рис. 39).

Погребение 22. Дно могильной ямы обнаружено на глубине 195 см. Сильно скорченный скелет лежит головой на северо - запад, на левом боку. Кости левой руки находятся перед лицом, правая согнута в локте на уровне пояса. Кости насильно согнуты, приблизительно под углом 30° . С юго - восточной стороны под скелетом проходит нора. Ее северо - восточный конец уходит под камни, расположенные на глубине 150-155 см от поверхности или 35 - 40 см выше скелета.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕС- КИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА

Долина Зарафшана находится почти в центре Средней Азии. По утверждению ряда археологов, благоприятные природные условия способствовали тому, что уже с древнейших времен долина стала одним из очагов проживания первобытного человека (Григорьев, 1940; Окладников, 1958; Лев, 1969).

История изучения археологических памятников первобытных общин делим на два этапа. Первый этап - это исследования, которые проводились в 50 - 60 -е годы Я. Г. Гулямовым, Д.А. Левом, А.А.Аскарковым, У.И.Исломовым; второй этап относится к 70 - 90-м годам и связан с именами М. Д. Джуракулова, Н.А.Авенесовой, А.И.Исакова, и др. Мы в своей работе рассматриваем культуру эпохи бронзы в пределах II тыс. до н.э. Но для определения исходного пласта древнеземледельческой и скотоводческой культуры долины Зарафшана, мы кратко остановимся на характеристике более ранних археологических памятников, начиная с эпохи мезолита, неолита и энеолита.

В этом плане огромное значение имеет Сазаганская неолитическая стоянка, расположенная в 27 км к юго - западу от энеолитического поселения Саразм, открытая в 1966 году О. Ибрагимовым. Особенность этого памятника заключается в том, что археологический комплекс, прежде всего каменные орудия труда, отличается от известной в науке кельтиминарской неолитической культуры. По наблюдениям главных исследователей этого памятника М.Д. Джуракулова и У.Н. Холматова установлено, что индустрия Сазагана не пластинчатая, а характеризуется высокой степенью микролитности.

Дальнейшие исследования окрестностей Сазагана I показали, что он не был единственной стоянкой. Одновременно с Сазаганом, в 2 км выше по Сазагансаю, южнее селе-

Поскольку камни находятся в стороне от костяка, можно предположить, что где-то поблизости с ними проходит граница могильной ямы. Орнаментированный сосуд в перевернутом виде лежит к юго - западу от черепа. В отдельных местах, вблизи камня, в области берцовых и бедренных костей замечены следы охры (рис.40).

Погребение 23. Очертания могильной ямы едва улавливаются по слабой окраске серо - кирпичного цвета в мягком грунте на глубине 140 см от поверхности. Она представляет собой неправильную овальную форму размером 35 x 140 см, вытянутую по направлению с юго - запада на северо - восток. У северо - западного края могильной ямы, на глубине 90 см, на расстоянии от костяка обнаружена сланцевая плита размером 30 x 60 см, толщиной 3-6 см.

Погребенный лежит в скорченной позе, на левом боку, головой на юго - запад. Кисти рук - перед лицом. Череп повернут вверх, что указывает на то, что погребенный был передвинут на живот. правая рука скорчена больше, чем левая. Традиционный сосуд лежал вплотную к изголовью, устьем к погребенному. Упомянутый камень был положен после разведения кострища, видимо, на уровне дневной поверхности. Углистый слой прослеживается на уровне могильной ямы и чуть выше у камня над могилой. Толщина углистого слоя 6-10 см, распространена на площади 110-140 см. Насыпь над погребением изолирована от кострища тонким 5-6 см слоем обмазки (рис.41).

Погребение 24. Погребение обнаружено на глубине 53 см. От погребенного сохранилось только верхняя половина бедренных костей, половина малых и больших берцовых. Кости нижней части погребенного были уничтожены при проведении дороги к карьеру.

По сохранившимся костям определяется поза погребенного скелета. Скелет лежит на левом боку, скорчен головой на запад, кисти рук перед лицом. скорченность сильная, колени подняты перед лобной частью. Из предметов украшения отметим, что под таблетковидной круглой пастовой бусиной, у левого локтя за спиной, найдена пастовая квадрат-

ная бусина или подвеска со сквозным отверстием продольной оси. Аналогичная бусина, но несколько меньшая, 4 пастовые ребристые пронизи и 2 бронзовые бусины обнаружены под и между бедренными и берцовыми костями, перед скелетом. Первый камень был обнаружен на глубине 18 см, второй на уровне скелета, на глубине 52 см (рис. 42).

Погребение 25. Это самое интересное погребение комплекса могильника Дашти - Казы. Поэтому представляем его детальное описание.

На поверхности могилы под дерном, на глубине 10-15 см, обнаружена аккуратно уложенная каменная кладка. Кладка имеет правильную округлую форму, размером 1,9 x 2,9 м, в направлении северо - востока 3,1 м. Они положены по окружности торцами, с наклоном внутрь ямы (рис.43). Они схожи с неправильной оградой. Во внутренней части круга камни лежат без определенного порядка, т.е. просто набросаны. Из заполнения могильной ямы видно, что верхние камни крупные, а нижние поменьше.

Могильная яма обнаружена сразу же под каменной кладкой. Она, как по верху, так и по дну, имеет неправильную округлую форму, диаметром 3,3 x 3,4 м. В юго - восточном секторе ямы, или в восточной половине, сразу же под кладкой, начинается углистое пятно, насыщенное углями. Угли встречаются по всему заполнению ямы. Ниже насыщенность уменьшается. Среди углей встречались иногда комочки красной глины (охры).

В северо - восточном углу ямы, на глубине 30 см от каменной кладки, обнаружена еще одна каменная вымостка квадратной формы 80 x 90 см из 21 камня. Эти камни и обнаруженные под ними погребения рассмотрим несколько позже, при описании погребения 25 - 1.

Вернемся к могильной яме 25. Хотя это погребение по верху представляло неправильное очертание круга, но с появлением галичного слоя, на глубине 25 см от каменной кладки в северо - западной половине, дно ямы подкопным способом было расширено на юго - восток из - за чего дно ямы приобрело полукруглый вид.

Интерес представляет тот факт, что в северо - западной части могильной ямы было обнаружено 7 погребенных, лежащих в скорченном положении один за другим (рис. 44).

Скелет 1 лежит на левом боку, головой на северо - восток, в слабо скорченной позе. Бедренные кости лежат под углом 45° к бедру. Правая рука согнута и вытянута вперед, а левая слегка согнута по направлению к туловищу.

Скелет 2 лежит на левом боку. Кисть правой руки находится перед лицом, а левой прихватывает головку. Скорченность слабая. Бедренные кости лежат под углом 120° по отношению к тазу, а берцовые - под 45° к бедренным. Колена этого скелета входят в изгиб скелета 3.

Скелет 3 также лежит на левом боку, скорченность слабая. Бедренные кости лежат под углом 90° по отношению к тазу, а берцовые также под углом 90° к бедренным. Положение рук неестественное - правая рука согнута перед грудью, левая вытянута вперед, плечевая кисть находится перед лицом, а лучевые повернуты к тазу. Голова необычно закинута назад. За шеей лежит камень со следами обработки.

Скелет 4 лежит на левом боку, скорченность слабая. Берцовая кость - под углом 120° по отношению к тазу и под 60° к бедренным. Положение рук также неестественное - правая вытянута вперед, левая с заломленной кистью руки вытянута к лицу, локтем вперед.

Скелет 5 лежит на левом боку, скорченность слабая. Бедренные кости находятся под углом 90° по отношению к тазовым, берцовые - под 60° к бедренным. Плечевая часть правой руки вытянута вдоль скелета, а лучевая под 90° направлена вперед, плечевая кость левой руки вытянута вперед, а лучевая заломлена к лицу. Берцовые и бедренные кости сильно приближены друг к другу.

Скелет 6 лежит в слабо скорченном виде, на левом боку. Бедренные кости расположены под углом 80° относительно таза, а берцовые - под углом 60° к бедренным. Голова скелета откинута назад. Левая рука согнута перед лицом локтем вперед. Кости правой руки сохранились плохо.

Скелет 7 занимает юго - восточную часть могильной ямы, лежит на левом боку. Скорченность средняя, бедренные кости расположены под углом 60° относительно таза, берцовые - под углом 45° к бедренным. Левая рука согнута и положена на колено, правая также согнута и положена на левую лучевую рукой.

В итоге напомним, что по наблюдению исследователей этого памятника, все покойники были захоронены одновременно, положение скелетов не нарушено, и как видно, они изначально уложены, рядом друг с другом. Ориентировка голов определяется положением скелета относительно к кругу могильной ямы. Поэтому 1-5 головы ориентированы на север и северо - восток, а голова 7-го скелета ориентирована на восток.

Относительно массовости погребения можно предположить, что оно было связано с распространением какой - то эпидемии, так как на скелетах следов каких - либо телесных повреждений не замечено. При зачистке скелетов участвовали антрополог, зав. Антропологическим отделом Института археологии им. Я.Г.Гулямова АН Республики Узбекистан Т.К. Ходжаев и сотрудник отдела того же института С.Мустафакулов.

Ниже мы представляем антропологические заключения этого погребения. Из 8 погребенных 3 черепа андроновского типа. В могиле были захоронены 3 женщины и 4 мужчины (Джуракулов, Ходжайев, 1987, с. 15-16). Все погребенные находились в зрелом возрасте от 16-18 лет и старше. Работы по исследованию черепа еще не завершились.

Погребение 25. Обнаружено на уровне нижней кладки камней вышеуказанного погребения 25. Здесь в северо - восточной части коллективного погребения, под каменной вымосткой на глубине 60 см от дневной поверхности, были обнаружены кости скелета. Среди костей и вокруг них встречались довольно хрупкие глиняные комочки.

Кости в очень плохом состоянии и рассыпались от прикосновения кисточек. Верхняя половина костяка нарушена. Положение черепа, тазовых костей и кистей ног свите-

дельствует о том, что погребенный лежал в скорченном виде, на левом боку, головой на запад. Скорченность сильная, бедренные кости расположены под углом 30° относительно таза. Лучевые кости находились под костями ног. В районе запястья ясно видна окись меди, возможно, от браслета. Фаланги пальцев разбросаны перед лицевой частью черепа. Перед черепом, плечом и животом скопление бронзового бисера. Местами он лежит рядами по несколько десятков бус. Видимо, бисером была расшита одежда.

Нижняя часть челюсти скелета найдена под тазовыми и бедренными костями. Лопатки, локтевая и лучевая кости также найдены под тазовыми костями и костями ног, на поверхности имеются следы медной окиси. Под тазовыми костями скопление мелкого бисера, лежащего небольшими рядами.

Положение костяка указывает на то, что он был потревожен после его разложения. Об этом дополнительно свидетельствует нарушение кладки на погребении 25.

Под костяком прослеживался коричневый тлен и небольшие пятна охры с комочками тлели. У верхнего эпизафа костей. близко друг к другу, на расстоянии 5-6 см, лежали два бронзовых зеркальца с петельками. Поверх первого зеркальца, перекрывая его на $2/3$ лежало скопление бронзового бисера с серой окраской разложившейся трухи (возможно, в состав этого бисера входило много серебра). Ниже второго зеркальца, ближе к черепу, также было скопление бисера, превратившегося в труху. Среди бронзовых бус и бисера (1,2,3,5,7,8) встречены пастовые и крупные бусы, а также небольшое кольцо (рис.45).

Погребение 26. Очертание могильной ямы зачищено на глубине 120 см от уровня дневной поверхности. Яма овальной формы размером 165 x 85-90 см, ориентирована с юго - запада на северо - восток. У юго - западного края могильной ямы на глубине 90 см, углистая яма круглой формы, размером 150 x 160 см, глубиной 25-30 см. Она частично перекрывает могильную яму. К юго - востоку от углистой ямы на глубине 100 см на площади 100 x 60 см прослеживается красно - бурый

цвет похожий на охру, но этот цвет мог быть и следом интенсивного разгоревшегося костра.

В северо - западной части могильной ямы на глубине 90 см был обнаружен плоский, вытянутый камень, большая часть которого лежит над ямой. Некоторые особенности устройства могильной ямы, в частности, неглубокий подбой, указывают на ее неординарность. Возможно, после того, как был сделан подбой тераски, вход был закрыт камнями.

Скелет в умеренно скорченном положении лежит на левом боку, головой на юго - запад. Бедренные кости расположены под углом 90° по отношению к тазу, берцовые - под 30° с сильно подтянутыми коленями к бедрам. Руки согнуты в локтях, кисти - под черепом. Рядом с погребенным обнаружен сосуд, нижняя часть сосуда устьем к черепу лежит на боку, на левой руке, сильно разгрушенный массивный браслет и рядом - 2 крупные бронзовые бусины. В районе ушной раковины - бронзовая серьга с раструбом. Рядом с ней, чуть восточнее, на расстоянии 4-6 см найдены пастовые ребристые пронизи. Они расположены, как бы рядом, вдоль шеи и у плеча. Очевидно, они были украшением волос. Вместе с тем, в нижней части скелета найдено значительное количество бисера и крупных бус. Эти украшения были нашиты на обуви. Значительное количество крупных бус, найденных под тазовыми костями и между левой берцовой и правой бедренной костью у голеностопного сустава, говорит о том, что этими бусами были расшиты затяжки, а некоторые из них могли быть украшением пояса (рис.46).

Ритуальные ямы. Кроме представленных могильных ям и погребений, на исследованной площади могильника Дашти - Казы особо выделим две ямы.

Яма 4 овальной формы, размером 3 x 2, 5 м, ориентирована в направлении северо - запад - юго - восток и расположена в квадрате И,К 6, 7 на юго - западном углу раскопа. Дно ямы находится на глубине 160 см от дневной поверхности; зачисткой установлено, что в основном ее стены наклонные, лишь северо - западная - отверстие. Яма заполнена весьма разнородными наслоениями. Так, юго - восточная

половина состоит из трех углистых прослоек толщиной 2-3см. Их перекрывает 5-15 см слой лесса. Плотновязущие (жженные) массы встречаются с натеками в следующей прослойке лесса, залегающей под ними. Похоже, что как будто бы кострища поливались каким-то жидким веществом или на них сжигалось что-то, содержащее жир. В свою очередь в прослойках лесса в разрезе встречаются включения пятен диаметром 100-150см. Они представляют собой неровные видимые полосы. Сажевидные остатки указывают на то, что здесь сжигался хворост, который временами заливался маслом или чем-то подобным. В прослойках лесса и углистом слое встречаются комочки охры, иногда небольшими скоплениями. Поэтому мы имеем основание полагать, что охра бросалась в костер при его возгорании или вместе с лессом, наличие трех углистых прослоек свидетельствуют о трехразовом использовании ямы, т.е. три раза в одном месте разжигали костер и три раза засыпали.

В северо-западной части ямы углистые прослойки отсутствуют. Здесь подсыпка охры прослеживается на дне, несколько выше лессовой прослойки. У западного края и в центре на разной глубине встречены три группы скопления камней. По этим камням, трем слоям углей и охры можно предположить, что эта яма являлась ритуальной в церемонии погребения. Однако, не исключено, что яма была коллективным кенотафом.

Яма 5 расположена к северо-востоку от ямы 4, в квадратах 3,Н, К 7-9 на глубине 2-2,5 от дневной поверхности (рис.47). Яму прикрывала выкладка из 35 различных по величине камней. На глубине 2, 1-2,3 см было обнаружено еще 7 камней, лежащих группами. Очертание ямы прослеживается на глубине 200см. Она круглой формы, размером 3,5 x 3, 3 м. Верхняя западная и северо-восточная часть ее были разрушены погребениями 4 и 5. Поэтому четкую границу ямы удалось зафиксировать только у самого дна. Характерная для таких ям группировка камней была обнаружена на самом дне. По дну ямы в центре, особенно в восточной половине, отмечен насыщенный слой. Вдоль южной стенки идет полоса

шириной от 20 до 50 см красно - бурой охры или красной краски. Она иногда перемешивается с лессом и отдельными угльками. В северо - восточном секторе между камнями и стенкой ямы на площадке 1,5 x 1 м вместе с углями и охрой встречаются включения мелких камешков мела, в отдельных местах очень интересное.

По следам кострищ можно заключить, что в яме два раза разжигались большие костры. Первый раз - до сооружения каменной выкладки, второй - после. Это говорит о том, что возможно, камни были положены неодновременно, поскольку они лежат не сплошь, а скоплениями, с разницей в глубине 10-15 см. первая группа - на глубине 110-230 см, вторая на 190-210 см. Эта яма, как и предшествующая, является ритуальной или кенофатом.

В 1993 г. в результате раскопок было раскопано около 10 м² на северо - западном участке в квадратах 3аБ, 2аБ, 1аА, 1аВ. При расчистке задернованной поверхности земли в отдельных местах был встречен лесс красно - розового оттенка с измельченными угльками, поверхность слабого пропола. Толщина этого смешанного слоя не превышает 10 см.

В квадрате 3аБ и 2аБ обнаружен зольник, толщиной более 25 см и с 2-3 см с прослойкой чистого светлого лесса. По площади зольник весьма внушителен: по линии север - юг - 2,25 метров, а по линии восток - запад - 1,5 м. Предполагается, что зола была перенесена в остывшем виде, так как на поверхности, на которой лежала зола, не обнаружено горелых следов. Судя по тому, что зола скоплена в глубокой (не более 30 см) яме (№9), возможно предположить, что она была выкопана специально.

В квадрате 1В, на уровне древней дневной поверхности (на глубине 60 см) наблюдалось скопление камней, а под ними 3 прокаленных пятна овальной формы соответственно размерам 75 x 50 см, 80 x 60 см, 1, 40 x 70 см. Под третьим зольником расчищена яма глубиной 60 см. Костяк или погребальный инвентарь не найден.

В квадрате Е на расстоянии 2 м к западу от коллективного захоронения (погребение 25), под дерновым слоем,

был обнаружен зольник прямоугольной формы, размером 2 x 1, 61 м. Он также, как и вышеуказанные зольники в квадрате УаБ и 2аБ, представлял собой специально подготовленную яму. На поверхности южного борта ямы прослеживался розовый оттенок, свидетельствующий о том, что в яму выбрасывали порою недогоревшую древесину. Наличие 15 см прослойки комковатой земли между золой говорит о том, что горячая зола иногда прикрывалась этой землей. Небольшой зольник и несколько камней обнаружены в квадрате 4В и 5, 6Б.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Погребение и погребальные обряды. В могильнике Дашти - Казы раскопано 27 погребений с 39 захоронениями. В них было обнаружено 21 одиночное (погр.3, 5-7, 11, 13-15, 18-25, 2-26) и 4 парных (погр.4,8,9,10), в двух случаях коллективные: в одной были погребены 3 человека (погр.12), а в другой, 7 человек (погр.25).

Устройство могильных ям однотипное - все они грунтовые, в двух случаях с неглубокими подбоями (погр.25-26). Кроме того, в могилах отмечены наличие камней на высоте от 10 до более 1 метра. Имеют традиционные признаки. Кострища были обнаружены поблизости от могильной ямы или в какой - то ее части, над погребениями, и были изолированы от костяка земляной засыпкой. Судя по тому, что в большинстве могильных ям обнаружены следы и даже комочки красной охры, можно предположить, что это связано с погребальными ритуальными обрядами, традиция которых была заложена еще в эпохе энеолита (Рогачев, Аников, 1984, с.223). Возжигание костров и засыпка захоронений охрой отражают идеологические воззрения людей, обитавших здесь. На этих явлениях более подробно мы остановимся ниже.

Нам удалось определить план 16-ти погребений. Они имеют почти одинаковое устройство: вытянутую овальную форму, ориентированную по оси с юго - запада на северо - восток (погр.1,2,7,8,9,11,14,15,20 и 26), с юго - востока на северо - запад (погр.3 и 4) и с запада на восток (погр.5,10,23). Очертания могил, кроме коллективного погребения (погр.25), не установлено. Стенки могильных ям были разрушены при ограблении или в результате повторных захоронений (погр.6,12,13,17-19:21-22,24-25). Повторные захоронения были произведены в могильных ямах 8,9,13,14,16. Ограбленными оказались могилы 18 и 21. Большинство погребенных уложены на левый бок (из ненаршенных 17 костяков погребенных, 16 лежит на левом боку). Лишь в одной могиле (погр.7) ске-

Здесь было обнаружено всего два помещения шалашного типа. В остальной части поселения было раскопано несколько хозяйственных и мусорных ям, остатки кострищ и очагов, а также 4 двухъярусные керамические печи.

Поселение Заманбаба 2 было открыто в 7 км к западу от оз. Заманбаба. Найденные в поселении и могильника Заманбаба некоторые предметы (конический расписной сосуд, сероглиняный сосуд, бронзовая булавка, терракотовая статуэтка, зернотерки, каменные мотыги, пестки, злаки пшеницы и ячменя), несомненно, наследие земледельческих культур. Они убедительно подтверждают, что племена - носители культуры Заманбаба, кроме скотоводства, занимались и земледелием (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 173).

Вслед за поселением Заманбаба в низовьях Зарафшанской долины было обнаружено еще несколько стоянок и могильников эпохи культуры степной бронзы. В районе сухого русла Гуджайли были открыты и исследованы 2 стоянки, а на Большом Тузкане - 5. Отдельные места со скоплением керамики были обнаружены и по сухому руслу Махандарьи между кольцами Газау и Камишли. Во время постройки Аму - Бухарского канала в 1963 - 1964 гг. были обнаружены 4 стоянки эпохи поздней бронзы на Пайкенте по среднему течению р. Зарафшан. Ни на одной из этих стоянок (Гуджалинские, Тузкантские, Кампарникумские, Найманские) не было обнаружено культурного слоя. Весь материал был собран прямо на песке. Основную массу вещественных находок составляет керамика, преимущественно с примесью древисины, но часто песка, шамота и толченых раковин.

На всех стоянках обнаружены ножевидные пластинки, вкладыши для серпов, проколки, наконечники стрел, также бронзовые бусы, бронзовые браслеты и височные подвески. Весь комплекс вещественных находок аналогичен тозабагыбскому типу андроновской культуры (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 187 - 195).

В середине 60 -х годов был зорыт могильник Муминабад - памятник эпохи поздней бронзы, в одноименном селеении Ургутского района Самаркандской области, на берегу

лет лежал на правом боку. Погребенные ориентированы в основном головой на север. Из 39 погребенных в 3-х случаях головы ориентированы на север (погр.1,20,25), в двух на северо - восток (25-1) и в 5-ти случаях на северо - запад ((погр.8,10,15,16,22). На юго - запад ориентировано 6 погребений (погр:1,3,7,9,19,25) и 4 ориентированы на запад (погр. 5,6,23 и 24). Три скелета погребения 12 ориентированы на восток, на востоке же ориентированы один скелет из коллективного погребения(погр.25). Кроме погребения 25, где захоронение 7 покойников было совершено одновременно, в 6-ти погребениях было сделано повторное захоронение, причем прежние могильные ямы не были расширены. Чтобы захоронить последнего - второго или третьего покойника - скелеты ранее захороненных либо сдвинуты с почти ненарушенным анатомическим положением в край могильной ямы(погр.9), либо отдельными кучами были переложены в какую - то часть ямы(погр.10-12).

Были обнаружены заранее приготовленные могильные ямы значительного размера, очевидно, рассчитанные на нескольких погребенных. Так, в погребении 12(прямоугольной формы, размер 150 x 150 см) при захоронении третьего трупа скелеты двух ранее погребенных были переложены в западную половину могилы двумя отдельными кучами.

Из 27 погребений всего в 4-х(погр 4,13,14,17) найдено 2 детских скелета, лишь в 2-х погребениях зафиксированы скелеты мужчин (погр.7,23). Из 7-ми скелетов коллективного погребения 4 были мужскими (погр.25). По определению Т.К.Ходжайева. в погребении 23, также захоронен мужчина. Исследователями установлено, что из 16 антропологически определенных костяков 8 были женщины (2 молодого и 6 зрелого возраста), 6 мужчин (2 молодого, 4 зрелого возраста) и 2 детских (пол не ясен). С учетом погребального инвентаря и полевых определений костяных останков (детских) с достаточной долей достоверности можно предположить половой состав захоронений могильника: мужчин - 10, женщин -16, детей и подростков - 9. В парных захоронениях предположительно были погребены: женщина с ребенком (№8), мужчина

и женщина (№9), дети и подростки (№4, 10). В тройном погребении (№12) - мужчина зрелого возраста и 2 женщины (зрелого и юношеского возраста).

Прежде чем мы перейдем к научной интерпретации археологических комплексов, обратимся к фактам, свидетельствующим о том, что основные принципы погребальных обрядов Дашти - Казынского могильника совпадает с обрядами земледельцев эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы. При этом напомним, что в двух упомянутых Зарафшанских культурах мы наблюдаем идентичные моменты: скорченность позы, положение погребенных в могильной яме на левом или на правом боку), сопровождающий инвентарь с наличием занубной трапезы. Возникает вопрос: чем объясняется тот факт, что в обществах земледельцев и скотоводов, относящихся к различным культурным комплексам, имеются такие сходства?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к закономерностям развития человеческого общества. Согласно системе познания мира, прежде всего окружающей среды, как жизнеобеспечивающего фактора, непонятных явлений (солнце, луна, тепло, холод, свет и темнота, жизнь и смерть) была одинаковой. Но эти факторы в дальнейшем трактовались далеко не одинаково. У каждого общества, опять - таки в зависимости от природных условий, доступности материальных благ (дикие злаки, фрукты, охотничьи угодья у жителей предгорных и горных районов, рыба, дикие животные, съедобные растения у обитателей берегов рек, озер, морей и лесов) складывались свои материальные условия. Их культовые воззрения, как атрибуты мышления, бытия складывались в зависимости от окружающей Среды и общественных укладов. Но вполне можно представить, что всем первобытным обществом были известны и жизнь и смерть. Им также было известно, как зарождается ребенок и его положение в утробе матери. Вместе с тем, они верили в существование другого мира после смерти и поэтому снабжали покойника пищей и бытовыми предметами, заботились о сохранности могил от зверей и злых духов (Токарев, 1964, с.170). Идентичность по-

гребальных обрядов земледельцев и скотоводов прежде всего связана с тем, что покойному придавался поза, в которой он находился до появления на белый свет. В такой же позе он должен был, по из разумению, перейти в новый (загробный) мир.

В работах ряда исследователей мы встречаемся с высказываниями о том, что скорченность погребенному придавалась в результате связывания трупа (Мандельштам, 1968, с.110) или она же объяснялась тем, что таким образом воспроизводилась естественная поза спящего человека (Бабаев, 1988, с.10-84; 1989, с.15).

Что касается вопроса об одиночных и парных захоронениях, то эти факты неоднократно анализировались в научной литературе, и на наш взгляд, разработанные многими специалистами концепции вполне отвечают реальным фактам (Артамонов, 1934; Окладников, 1950, с.377-384; Скотин, 1962, с.89-1220). Парное захоронение исследователи интерпретируют как укрепление семьи, связанной жизнью (Алексин, 1977, с.16-20; Итина, 1977, с.217; Мандельштам, 1968, с.121; Массон, 1976, с.150). Обряд парного погребения мужчин и женщин в какой-то степени ясен, но неясным остается факт захоронения матери с ребенком. В погребениях 16 обнаружено скелеты матери с ребенком. Факты такого захоронения считаются исследователями свидетельством, "родства по материнской линии и матриархата, или переходного этапа от материнской к патрилинейной, системе родства" (Аскаров, Абдуллоев, 1983, с.49). Эти версии встречаются в трудах Итиной (1954; 1951% 1977), Киселева (1951), Сольникова (1957), Окладникова (1955), Грязнова (1957), Мандельштама (1967), Пьянковой (1989).

В системе погребального обряда исключительно важное значение имеет и тип коллективного (3/х и более погребенных) захоронения. В Дашти - Казынском комплексе мы имеем два подобных случая. В первом (погр.12) обнаружено 3 скелета, во втором (погр.25)-2. Первое погребение было использовано дважды. Здесь сначала были захоронены два покойника, возможно, муж и жена. Позже сюда был закопан

еще один покойник, из - за плохой сохранности костей полное отношение определить невозможно. Третий скелет, судя по положению (на левом боку), принадлежит женщине. Схожее захоронение нами было встречено в энеолитическом некрополе Саразма, где отношения погребенных друг к другу были выявлены, однако такой полной ясности мы не имеем и сейчас. Поэтому мы можем, в виде рабочей гипотезы, предположить, что в Дашти - Казынском обществе существовал обычай двоежонства. Это подтверждается лишь при случае возрастных соответствий и наличии мужчин в этой группе. В этом случае погребена семейная пара, а позже с мужем была захоронена и вторая супруга, или верная ему слуга. Аналогии последнего мы имеем в погребении 5 поселения Саразма (Исаков, 1994, с.91). По - видимому, такой же обычай существовал и среди населения погребенных в могильнике Тигровая балка (Пьянкова, 1989, с.110).

Причину появления коллективного погребения из 7-ми скелетов мы указывали выше. Интерес представляет количественное расхождение усопших: 4 мужчины, 3 женщины. Здесь традиция семенности нарушена. Т.К. Ходжайев и Т.М.Потемкина предполагают, что в этом случае гибель усопших - результат эпидемии. Тем не менее, нам кажется, немаловажное значение имеет погребение 25-1, которые было устроено несколько позже в этой же коллективной могиле, причем под каменной кладкой. Мы предполагаем, что погребенные в погребении 25, возможно, находились в супружеском отношении с каким - то мужчиной, умершим в результате эпидемии и захороненных вместе с другими парами. Его пара, которого миновала эпидемия, была захоронена вместе с другими парами в коллективной могиле чуть позже.

Обязательным элементом погребального обряда для Дашти - Казынцев является обряд разжигания костра, сопровождающийся засыпкой охры. Как правило, костры разжигались до погребения, внутри могильной ямы, по чаще всего в стороне от ямы. Большинство костров разжигалось не на уровне скелета, а на 10 см выше и более от усопшего. На наш взгляд, этот обряд был связан с очищением тела и могильной

ямы от начистот и злого духа, при этом охра являлась символом кровавого жертвоприношения. Эти племена не произвели кремации трупов, что характерно для раннеземледельческих племен. Хотя у ранних земледельцев обряд кремации также не столь распространен, но факты этого явления хотя и редко, встречаются в Геокюре и Джаркутане (Сарианиди, 1962, с.49; Аскарлов, Абдуллоев, 1983, с.49).

Для полноты характеристики погребального обряда исследуемого могильника определенное значение приобретают ямы 4 и 5, которые мы считаем кенотафами. Обе эти ямы, в отличие от других ям - кострищ, более обширны, по глубине же они находятся на одном уровне с могильными ямами 200-202 см. На дне их найдены следы интенсивного возжигания костров с отдельными каменными скоплениями. Наличие крупинок и комочков охры говорит о том, что возжигание костра здесь ничем не отличается от возжигания костров в могильных ямах. Эти факты убеждают нас в том, что процессы возжигания огня на дне больших ям, возможно, были связаны с памятью об умерших по неизвестной причине, вдали от общества, на охоте или в каком-либо другом случае. Однако, дашиказынцы не хранили какие-либо предметы или животных вместо человеческих костяков, как это наблюдается в поселениях Сапалитепа (Аскарлов, Абдуллоев, 1977, с.141), Дашли - 1 и 3 (Сарианиди, 1977, с.55) и в могильнике Джаркутан (Аскарлов, Абдуллоев, 1983, с.49).

Уровень развития общества всегда определяется по характеру предметов материальной культуры, а личный статус погребенных в обществе характеризуется по сопровождающим его предметам. В этом аспекте погребения Даши - Казы разделены нами на три группы: на безинвентарные - бедные (погр.4,10,11,12,18,20,26), с одним сосудом и небольшим количеством вещей - средние (погр. 1,2,5, 6,7,8,9,19,21,22,23,24) и на богатые погребения (погр.3,15,25-1). Непонятным является отсутствие каких-либо предметов в 4-х погребениях (погр.13,16,17,25). тот факт, что малолетние дети в возрасте 3-4 года хоронились без инвентаря (погр.16.13) понятен, ибо они еще были не производителями

и не имели собственных вещей. С чем же связано отсутствие предметов в погребении 16, где захоронены женщина с ребенком, пока неизвестно.

В этом отношении загадочно и погребение 25, где лежат скелеты 7-ми взрослых мужчин и женщин. Является ли причиной их смерти упомянутая выше гипотеза. Т.К. Ходжаевой и Т. М. Потемкиной об эпидемии, вследствие которой они были лишены общеприятных погребальных обрядов? Мы предполагаем, что погребенные были людьми из другого общества, попавшими в плен и наказанными позже дашиказынцами. При такой интерпретации богатое погребение (погр.25-1) и коллективному погребению не имеет никакого отношения.

Что касается других погребений то они по сопровождающим их предметам выглядят не одинаково. В этих погребениях (погр. 4,10, 12, 18, 20, 22, 24) было встречено только по одному сосуду. Они не соответствуют количеству 11 погребений. В 12 погребениях (погр.1,2,5,9,14,19,21,26) кроме сосудов, имелись украшения из бронзы и из пасты, что встречается весьма редко. Лишь 3 погребения мы можем выделить как богатые (погр.3,15,21-1). На долю этих трех погребений фактически приходится 50% украшений из бронзы. Здесь обнаружены 2 уникальные золотые серьги с раструбом. Кроме того, из 26 браслетов 14 были найдены в двух погребениях этой группы(погр.3,15). Они распределяются следующим образом: на руках захороненного из погребения 3 было 8 браслетов, а в погребении 15-6 браслетов. То же касается и зеркал с петельками. Из 4-х зеркал 3 были найдены в этих погребениях (погр.3-1, 25,2).

По труположению погребенных можно разделить на четыре категории : 1) зависимые, бесправные, насильно угнанные из других общин (погр.16,17, 25);2) бедные, малосостоятельные, без личного хозяйства (погр.4,10,12,18,19,20,22-24); 3) Среднесостоятельные, с личным хозяйством (погр.1-2, 5-10,14,19,21,26) и 4) богатые, с высоким общественным положением (погр. 3,15,25-1).

Некоторые вопросы социального положения были разработаны А.А.Аскаровым относительно Сапалитепе. По его характеристике, могилы с малочисленными глиняными сосудами (принадлежат рядовым членам общины или чужеродным, не занимающим особого общественного положения" (Аскаров, 1977, с.136).

Таким образом, в заключение отметим, что даштиказынские общество находилось в стадии социального разделения, характерного для всех общин поры поздней бронзы Средней Азии и сопредельных регионов.

§3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ И АБСОЛЮТНЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ - КАЗЫ

Археологический комплекс могильника Дашти - Казы, как новое открытие скотоводческой культуры в горном районе Зарафшонской долины, заслуживает особого внимания. Хотя мы не располагаем большим количеством разнотипных находок, но имеющийся археологический комплекс все же даст возможность в полной мере достоверно интерпретировать отдельные моменты культуры верховья Зарафшана в эпоху поздней бронзы.

Классификация вещественных находок указывает на то, что в ту пору даштиказанское общество занималось скотоводческо - земледельческим (?) хозяйством, производством керамики. Большое количество бронзовых изделий является бесспорным свидетельством развития металлообрабатывающего производства. Версии о земледельческом хозяйстве даштиказанцев основываются всего на нескольких зернотерках и терочниках, которые, однако, могли использоваться и для дробления руды и охры.

Таким образом, археологический комплекс исследуемого могильника является великолепным образцом культуры степной бронзы, без каких - либо инокультурных включений. Комплекс состоит из двух категорий: керамики и металлических украшений.

Керамика. В 27 погребенных было найдено 24 сосуда, из которых 15 оказались целыми. По ним мы охарактеризуем формы и типы орнаментов керамики скотоводческой культуры поздней бронзы верховья Зарафшана. Как этого и следовало ожидать, вся керамика сероглиняная, с примесью песка и известняка. Неровный обжиг поверхности свидетельствует о том, что процесс обжига происходил в открытой печи, не обеспечивающий равномерности тепла. На поверхности ряда из них прослеживаются следы грубой обмазки скоропесчаного цвета с последующим лощением поверхности сосу-

дов. Плоское, тяжелое, толстое дно по отношению к стенкам сосуда является общим принципом формы сосудов. Единой формой наблюдается и в типах венчиков. Все венчики воронкообразно раскрыты, а края отогнуты в стороны. Из-за излома и фрагментальности трех сосудов мы не знаем из формы венчиков. Другая характерная черта прослеживается в устройстве горловины сосудов. Горлышко при переходе от плечика к венчику изгибается внутрь и тем самым в районе изгиба образуется плавный желобок, отделяющий корпус сосуда от венчика. Ярко выраженные замечаются горловины в 13 сосудах. Однако при всем однообразии по форме они имеют низкие, а сосуды 5,6, 9-15 вытянутые, высокие горловины. В этой группе керамики выделяется единственный сосуд, горловина которого значительно выше и украшена желобками. В комплексе имеется один сосуд, у которого относительно прямой венчик с едва заметными отогнутыми наружу краями. По назначению все представленные сосуды являются кухонными горшками.

Таким образом, несмотря на отличие в указанных деталях, керамика Дашти - Казы представлена лишь двумя формами: первая - это банкообразные сосуды со слегка раздутыми туловищами, вторая - горшки с сильно раздутыми туловами. Нам кажется, что это деление неособенно существенно. Что касается типологии орнамента, то здесь мы имеем возможность четко разделить их на четыре типа (рис. 48). Во всех орнаментах присутствует треугольник, но различного исполнения, расположенный на поверхности сосуда. Как видим, и здесь наблюдается принцип однообразия, тем не менее, учитывая наличие некоторых мотивов и их исполнения, рассмотрим их типологию

1 тип. Треугольники в виде зигзага, состоящие из ломанных линий, прочерченные тупым инструментом и расположенные горизонтально на плечиках сосуда. В свою очередь эти треугольники отличаются друг от друга по форме. Если три из них широкоугольные - приблизительно $70-75^\circ$, то последний имеет заостренную вершину в $10-15^\circ$. В первом случае насечки проведены с наклоном по одной верхней стороне

треугольника, на втором сосуде такими же односторонними насечками заполнены внутренние секции треугольников. При этом линии насечек отходят от горизонтального желобка, расположенного треугольником. Третий вариант этого типа состоит из трех рядов треугольников, входящих один за другой. Как верхние, так и нижние линии треугольников ломаные и соединены друг с другом. В последнем варианте зубцы треугольника заполнены также односторонними насечками. Дополнительно к ним под треугольником, горизонтально расположены У-образные линии".

Из этих типов орнаментов один имеет себе аналогию среди орнаментов керамики селения Маханкуль (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI, 1) и близкой по территории керамики Кайрак-Кума (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 107, 1). Конечно, хотелось бы видеть параллели двух первых орнаментов керамики Дашти - Казы с орнаментами стоянки Гуджайли, но фрагментарность последних не дает к этому оснований (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI, 7).

II тип Этот тип орнамента встречается на одном сосуде. Орнамент представляет собой трехступенчатый треугольник, состоящий из цепочек углублений, расположенных друг к другу. Исследователи первобытной культуры низовья Зарафшана и Кайрак - Кума в бассейне реки Сырдарья считают, что такие орнаменты оттискивались гребенчатыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 198) и мелко и реднеячеистыми штампами (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 219). Нам же кажется, что эти точечные углубления были нанесены от руки, так как они весьма не однотипны. Это прежде всего прослеживается в форме треугольников и в интервалах между ямочками. Исследователь памятников тазабагыбской культуры М.А.Итина отмечает, что с появлением новых типов койчинской керамики гребенчатый штамп почти исчезает (Итина, 1959, с. 49).

III тип. Этот орнамент состоит из разнообразных треугольников, нанесенных гребенчатым штампом на шейку, плечики и верхнюю часть тулова сосуда. Этот же орнамент на